А. Е. Фурман

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

курс лекций

А. Е. Фурман

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

(курс лекций)

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1970

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

1-5-3
18-70

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа является результатом переработки лекций, читаемых автором в Московском государственном университете. Ее цель: привести основные темы исторического материализма в соответствие с его предметом и представить общество в виде сложной саморазвивающейся материальной и духовной системы, обратив особое внимание на методологическую сторону исторического материализма. Этому в значительной мере содействовало выделение научного коммунизма в особый предмет, что позволяет не только расширить уже установившиеся темы, но и ввести новые.

Основные идеи и план построения курса исторического материализма отчасти были опубликованы автором совместно с А. И. Вербиным в работе «Место исторического материализма в системе наук» и в статьях, посвященных обсуждению предмета и структуры исторического материализма.

Работа рассчитана на студентов и аспирантов нефилософских факультетов, а также может быть использована преподавателями и всеми, кого интересуют проблемы исторического материализма.

ПРЕДМЕТ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДМЕТА ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Приступая к изложению курса любой науки, а значит и исторического материализма, необходимо прежде всего дать краткое определение ее предмета, установить общие границы изучаемых объектов. Предмет науки — это не просто реально существующий объект, но такой объект, в изучении которого существует определенная общественная надобность, предстающая в виде потребностей производства, нужд классовой борьбы, необходимости разработки и обоснования научного мировоззрения и т. п. Наука для того и возникает, чтобы удовлетворять соответствующими знаниями эти потребности. По назначению науки мы судим о ее месте и роли в общественном развитии.

Исторический материализм есть общественная наука. В ней изучаются различные общественные явления: бытие, сознание, производство, политика и т. д.; различные виды человеческой деятельности: производственная, политическая, идеологическая и др.; различные общественные отношения: материальные, идеологические, естественноисторические; различные объективные законы: общие и специфические, основные и неосновные; различные общественные формации: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная и т. д.

Но все эти стороны общественной жизни изучаются и частными общественными науками. Так, общественное производство изучается политической экономией, технологией, историей материальной культуры и т. п. Искусство, как одна из форм общественного сознания, также входящее в предмет исторического материализма, изучается эстетикой, историей искусства и т. д. Однако в отличие от частных общественных наук исторический материализм изучает общество как единое целое с тем, чтобы раскрыть законы его развития, движущие силы, особенности перехода от одной общественной формации к другой и т. д.

Но ведь существует и такая наука, как всеобщая история, кото-

рая также рассматривает общество как единое целое, учитывает всю совокупность явлений и сторон общественной жизни в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Но эта наука стремится главным образом воспроизвести фактическую историю во всей ее конкретности, со всеми зигзагами и поворотами, с точной хронологией событий. Из этого, конечно, не следует, что предметом всеобщей истории являются одни конкретные факты. Ее цель — не просто восстановить прошлое общества, но и исследовать его как единый закономерный процесс. Без знания законов общественного развития нет истории как науки. Эти законы историки могут открывать сами, могут их заимствовать у исторического материализма, у частных общественных и даже естественных наук. Если в историческом материализме чаще встречается понятие «закон», то в исторической науке — «закономерность»[1]. Закон представляет существенное, повторяющееся, необходимое отношение между различными объективными явлениями или сторонами этих явлений, историческая закономерность — равнодействующая, результат действия многих законов.

Исторический материализм свое главное внимание сосредоточивает на раскрытии и формулировании наиболее общих законов общественного развития. Те или иные конкретные особенности развития, специфические закономерности, причинно обусловленные факты, которые в исторической науке играют решающую роль, в историческом материализме, важны лишь в той мере, в какой они позволяют понять общесоциологические законы развития, особенности их действия и т. п.

Но не только этим отличается исторический материализм от всеобщей истории и других частных общественных наук. Исторический материализм есть философская наука, часть научного мировоззрения и его основным вопросом остается вопрос о соотношении общественного бытия и общественного сознания, материальной и духовной деятельности людей. Исторический материализм изучает не всякие общие законы, а лишь те, которые так или иначе характеризуют соотношение общественного бытия и общественного сознания. В то же время он изучает не всякое отношение бытия и сознания, а лишь то, которое выступает в качестве наиболее общих законов.

Итак, исторический материализм есть наука об обществе как целостной саморазвивающейся материальной системе, о наиболее общих законах, характеризующих взаимоотношение общественного бытия и общественного сознания.

Исторический материализм есть философская наука. Одновременно он является и социологией (социология — наука об обществе как целом), представляя собой органическое единство этих моментов, т. е. философскую теорию общественного развития.

---

[1] См. П. Н. Федосеев, Г. П. Францев. Социология и история. В сб.: «Социология в СССР», т. 1. М., «Мысль», 1965, стр. 21.

Исторический материализм является теоретической основой социологического анализа отдельных общественных явлений; основой социологии науки, искусства, религии и т. п.

Разработка проблем исторического материализма идет главным образом за счет обобщения материалов, получаемых, во-первых, из теоретических положений частных общественных наук, во-вторых, из непрерывно увеличивающегося опыта революционного движения рабочего класса, строительства социализма в различных странах и, в-третьих, из обобщения результатов конкретных социологических исследований[2]. Надо заметить, что долгое время последний источник у нас не использовался в достаточной мере. А ведь Маркс, Энгельс, Ленин сформулировали важнейшие положения исторического материализма, широко используя фактические данные. Только за последнее десятилетие начал широко осуществляться метод социологического исследования действительности, без которого в наше время нельзя представить себе быстрого развития исторического материализма. Последнее десятилетие отмечено бурным развитием конкретных социологических исследований.

Обычно различают конкретные социальные и социологические исследования. Конкретные социальные исследования осуществляются специалистами частных общественных наук. Конкретными социологическими исследованиями занимаются специалисты в области исторического материализма. Различия между этими исследованиями вытекают из различия в предмете исторического материализма и частных наук. Так, при изучении жизни колхоза экономиста будут интересовать проблемы себестоимости, хозрасчета и т. п., а специалиста по историческому материализму будет интересовать, в частности, вопрос о том, как по мере изменения материальной жизни колхоза будет изменяться сознание колхозников и т. д.

Ленин рассматривал исторический материализм как *научную* социологию[3], т. е. подчеркивал то, чем он отличается от домарксистской и современной буржуазной социологии.

Исторический материализм обычно излагают как особую науку с предметом, отличным от диалектического материализма. Это, однако, не означает, что исторический материализм не является частью единой марксистско-ленинской философии. В то же время и диалектический материализм нельзя рассматривать только как науку о природе. В нем рассматривается и общественная жизнь. Вопросы о роли практики, о происхождении сознания и т. п. — это те вопросы, которые решаются историческим материализмом,

---

[2] «Дальнейшее развитие общесоциологической теории (исторического материализма) органически связано с обобщением эмпирического материала конкретных исследований». И. Н. Таганов, О. И. Шкаратан. Исследование социальных структур методом энтропийного анализа. «Вопросы философии», 1969, № 5, стр. 74.

[3] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 138.

но они входят и в предмет диалектического материализма, так как без их решения он не может рассматриваться как самостоятельная философская наука. Историческим и диалектическим материализмом изучаются разные по степени общности стороны объектов. Соотношение этих сторон в конечном счете определяет и соотношение диалектического и исторического материализма.

Обычно, характеризуя это соотношение, пишут, что исторический материализм есть результат распространения положений диалектического материализма на изучение общества. Но это распространение вовсе не сводится, как иногда представляют, к частным выводам из более общих теоретических положений. Например, к такого рода выводам: если мир по своей природе материален, то и общественный мир материален; если все явления в мире находятся в развитии, то и общественная жизнь развивается; если источником всякого развития является борьба противоположностей, то и источником развития общества является борьба противоположностей и т. д. Такие общие выводы еще не составляют исторического материализма. В лучшем случае — это лишь общее руководство для познания предмета, которого мы по существу еще не знаем.

Применять диалектический материализм — значит раскрывать диалектику самого предмета, его особые черты и присущие ему закономерности. Мало сказать, что общественное бытие определяет общественное сознание. Нужно еще раскрыть, что собой конкретно представляют общественное бытие и общественное сознание и как именно бытие определяет сознание в общественной жизни. А точные ответы на эти вопросы можно получить не в результате частных выводов из общих положений диалектического материализма, а путем обобщения конкретного фактического материала, взятого из общественной жизни. Применяя диалектику и материализм при изучении общества, Маркс и Энгельс не только создавали исторический материализм, но в то же время и разрабатывали диалектику и материализм, т. е. одновременно с историческим материализмом создавали и диалектический материализм.

2. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Исторический материализм необходим как: а) важнейшая часть научного мировоззрения рабочего класса и всех трудящихся; б) метод познания явлений общественной жизни; в) метод их революционного преобразования. Все эти функции по своему характеру таковы, что их может осуществлять не какая-либо частная, а лишь общая, т. е. философская наука. Исторический материализм — философия не только по своему предмету, но и по назначению в обществе.

Как часть научного мировоззрения, исторический материализм дает правильное представление о развитии общества как целого,

решает основной вопрос философии применительно к обществу. Конечно, естественные науки позволяют сделать вывод, что природа предшествовала обществу, а значит материя первична, а сознание вторично. Но как именно, в силу каких причин формируется человеческое сознание, на этот вопрос позволяют дать ответ только общественные науки.

В качестве мировоззрения исторический материализм является орудием идеологической борьбы. Овладение историческим материализмом в наших условиях немыслимо без постоянной борьбы со всякого рода буржуазными идеями. Мирное сосуществование государств с разным общественным строем не распространяется на область идеологии. Идеологическая борьба обостряется. Давая правильное представление о законах общественного развития, исторический материализм тем самым позволяет не только быстро понять ошибочность всех других теорий общественного развития, но и раскрыть причины их существования, т. е. раскрыть их классовые и гносеологические корни. Иногда критика враждебных теорий ограничивается выяснением их классовых корней, т. е. разоблачением того, кому служат эти теории. Но этого недостаточно. Поучительным примером критики буржуазных философских и социологических теорий является классическая работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В ней Ленин не ограничивается раскрытием классовых корней, но разоблачает внутреннюю несостоятельность эмпириокритицизма и, что самое главное, дает положительное решение проблем.

Как метод познания, исторический материализм необходим в первую очередь для общественных наук, изучающих отдельные явления. Так, теория государства и права может успешно разрабатываться лишь при условии учета важнейших теоретических положений исторического материализма об определяющей роли экономики, о классовой сущности государства и права, об активной роли надстройки и т. д. Без этого нельзя правильно понять сущность и источники развития государственных учреждений, правовых институтов, правовых норм и раскрыть то влияние, которое они оказывают на породившие их экономические отношения. Без материалистического подхода к изучению общества немыслима история, научный коммунизм и другие общественные науки.

Осуществление объективности познания коренным образом отличает исторический материализм от буржуазной социологии, не сумевшей дать подлинно научного метода познания. Объясняя то или иное событие, буржуазные социологи за исходный пункт обычно принимали сознание, психические особенности человека, что неизбежно вело к субъективизму. Так, народник Михайловский писал, что задача социологии заключается в выяснении условий, при которых та или иная потребность человеческой природы получает удовлетворение. «Вы видите, — отвечал Ленин, — этого социолога интересует только такое общество, которое удовлетворяет человеческой природе, а совсем не какие-то там общественные

формации, которые притом могут быть основаны на таком не соответствующем «человеческой природе» явлении, как порабощение большинства меньшинством. Вы видите также, что с точки зрения этого социолога не может быть и речи о том, чтобы смотреть на развитие общества как на естественно-исторический процесс... Мало того, не может быть речи даже и о развитии, а только о разных уклонениях от «желательного», о «дефектах», случавшихся в истории вследствие... вследствие того, что люди были не умны, не умели хорошенько понять того, что требует человеческая природа, не умели найти условий осуществления таких разумных порядков»[4].

Эти черты субъективистского метода в социологии присущи и большинству современных буржуазных социологических теорий, продолжающих оставаться на позициях идеалистического понимания истории.

Разработав научный метод, Маркс и Энгельс применили его к анализу современного им капиталистического и прогнозированию будущего коммунистического общества. Именно это позволило им создать научный коммунизм, указывающий пути и средства освобождения рабочего класса. Таким образом, исторический материализм как метод направлен не только на познание современного состояния общества, но и на предвидение его будущего. Он же дает ключ и к правильному пониманию прошлых социологических теорий. Буржуазные социологи обычно объясняют прошлое в соответствии с господствующими классовыми интересами своего времени (хотя и не всегда сами это замечают). Единственно же правильным подходом к объяснению прошлой истории является конкретно-исторический, т. е. объективный подход. Нельзя понять прошлых теорий, не вскрыв их связи с развитием производства того времени, с определенным экономическим строем общества, с классовой борьбой, с идеологической надстройкой и т. д. Правильное объяснение прошлого необходимо для выработки определенного отношения к нему. При решении вопроса об использовании элементов прошлой или современной буржуазной культуры мы исходим из потребностей нашего времени. Другими словами, мы используем все то, что так или иначе может нам служить, т. е. содействовать развитию производительных сил, помогать осуществлению нашей политики, росту духовной культуры и т. п. Что касается враждебных нам буржуазных теорий, то их мы вынуждены разоблачать с тем большей страстностью и непримиримостью, чем большее влияние они способны оказывать на сознание людей в наше время.

Исторический материализм имеет важное значение и для естествознания. Но применяется он к естествознанию главным образом как к определенному общественному явлению, к выяснению его истории и перспектив развития. Кроме того, существует ряд наук,

---

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 134.

требующих знания не только естественных, но и общественных законов. Таковы антропология, психология, медицина, технология и др. И, наконец, философию мы во всех случаях применяем как нечто целое, в которое существенным моментом входит и исторический материализм.

Важно различать исторический материализм как метод, способ объяснения истории, и само это объяснение. Критикуя исторический материализм, Михайловский писал, что Маркс не объяснил человечеству всей прошлой истории. Ленин ответил на это обвинение следующим образом. «...Материализм в истории никогда не претендовал на то, чтобы все объяснить, а только на то, чтобы указать «единственно научный», по выражению Маркса («Капитал»), прием объяснения истории»[5]. Маркс и Энгельс считали, что с созданием исторического материализма задача научного объяснения общества лишь поставлена и всю историю нужно изучать заново, с новых, теперь уже подлинно научных позиций. Исторический материализм необходим для того, чтобы не идти на поводу всяких случайных мнений, а самостоятельно правильно ориентироваться в событиях внутренней и международной жизни.

Исторический материализм есть также теория и метод преобразования общественных явлений. Нельзя планомерно изменять общественные отношения людей, не опираясь на знание законов общественного развития, не имея научной методологии. Подготовка и проведение Октябрьской социалистической революции, организация социалистического строительства, индустриализация и коллективизация страны, полная и окончательная победа социализма, строительство коммунизма в нашей стране и вообще вся деятельность народа, направляемая Коммунистической партией, проводилась и проводится на основе глубокого знания не только конкретных условий и частных закономерностей, но и общесоциологических законов. Исторический материализм, как об этом ярко свидетельствуют Материалы совещаний коммунистических и рабочих партий, является теоретической основой мирового революционного движения, основой борьбы против империализма за осуществление коммунистических идеалов.

Как метод познания и преобразования общественных отношений исторический материализм не является набором готовых рецептов на все случаи жизни, а представляет систему общих руководящих положений, позволяющих правильно анализировать факты, умело ориентироваться в событиях общественной жизни с тем, чтобы управлять ими. Но так как общественная жизнь непрерывно изменяется и, кроме того, в различных странах протекает по-разному, т. е. имеет свои специфические особенности, то не может быть никакого шаблона в применении исторического материализма. Теоретические положения марксизма, писал Ленин, «применя-

---

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 144.

ются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»[6].

Если, например, общесоциологические законы исторического материализма в современных условиях позволяют нам сделать вывод о том, что переход от капитализма к социализму есть переход революционный, то это вовсе не значит, что во всех странах эта революция будет совершаться одинаково. Исторический материализм как метод практической деятельности не избавляет нас от тщательного изучения конкретных условий, а предполагает такое изучение. В этом выражается глубоко творческий характер исторического материализма.

В то же время нельзя забывать, что специфические условия определяют лишь особенность форм проявления общего для всех стран содержания и их нельзя выдвигать на первый план. Такого рода ошибочное выдвижение на первый план специфического по сравнению с общими закономерностями и по существу отказ от революционного содержания марксизма — характерная черта ревизионизма.

Суть ревизионизма заключается в попытках под видом творческого применения и развития марксизма выхолостить его революционное содержание, заменить пролетарское, коммунистическое мировоззрение буржуазным. «Ревизионизм или „пересмотр" марксизма, — писал Ленин, — является в настоящее время одним из главных, если не самым главным, проявлением буржуазного влияния на пролетариат и буржуазного развращения пролетариев»[7].

Главные причины существования ревизионизма классовые: неоднородность рабочего класса, некоторое оживление капитализма, подкуп части рабочего класса и т. д., в целом создающие условия для проникновения буржуазной идеологии в сознание рабочего класса. Ревизионизм означает не развитие марксизма, а изобретение новых все более коварных методов борьбы против него.

Л. И. Брежнев в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве 7 июня 1969 г. указал на две разновидности оппортунизма — «правый» и «левый». «Правый оппортунизм означает сползание на ликвидаторские позиции, соглашательство с социал-демократизмом в политике и идеологии. В социалистических странах правый оппортунизм доходит до отрицания руководящей роли марксистско-ленинской партии, что может повести к сдаче завоеванных социализмом позиций, к капитуляции перед антисоциалистическими силами.

«Левые» оппортунисты, прикрываясь ультрареволюционной фразой, толкают массы на авантюристические действия, а партию — на сектантский путь, парализующий ее способность сплачивать борцов против империализма.

При всем отличии друг от друга отклонения от марксизма-ле-

---

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 184.
[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 180.

нинизма вправо или «влево» ведут в конечном счете к одинаково вредным последствиям: ослабляют боеспособность коммунистических партий, подрывают революционные позиции рабочего класса и единство антиимпериалистических сил»[8].

Творческий характер исторического материализма несовместим не только с ревизионизмом, но и с догматизмом, который обычно проявляется в неумении правильно применять знание общих законов к анализу конкретной действительности, к непрерывно изменяющимся условиям жизни и деятельности. В руках догматиков основные положения исторического материализма и особенно научного коммунизма превращаются в мертвые догмы и схемы, оторванные от жизни, от насущных потребностей исторического развития. Причины догматизма могут быть самые различные: слабое знание существа исторического материализма и научного коммунизма, слабое знание конкретных условий, к которым пытаются применять общие теоретические положения, неверие в свои силы и способности правильно решать вопросы, неверие в силу масс, в их способность доводить начатое дело до конца, отрыв от практики, преклонение перед авторитетами и т. п.

В ряде случаев догматизм может вырастать и на почве классовых причин, представлять своеобразную маскировку для борьбы против марксизма. Так, некоторые «марксисты» выступали в свое время против ленинской теории социалистической революции, цепляясь за устаревшие теоретические положения Маркса и Энгельса по этому вопросу.

Развитие исторического материализма совершается в непрерывно изменяющихся исторических условиях. Эта теория может сохраняться в чистоте лишь в том случае, если ее содержание будет непрерывно приводиться в соответствие с этими условиями. Благодаря этому обогащается содержание исторического материализма и марксизма в целом. Так, теоретические вопросы, поставленные на XX, XXII и XXIII съездах КПСС, также представляют собой защиту марксизма и его развитие применительно к новым историческим условиям, когда социализм превратился в мировую систему и оказывает решающее влияние на все общественное развитие.

3. СООТНОШЕНИЕ ПАРТИЙНОСТИ И НАУЧНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Предмет науки изучается конкретными людьми, имеющими свои интересы, желания, взгляды. И так как в обществе общественные интересы являются ведущими, независимо от того, осознают это люди или нет, то это сказывается и на процессе познания. Другими словами, люди отражают общественную жизнь с позиций определенных общественных, а в классовом обществе — классовых, интересов. Таким образом, вопрос о предмете и общественных

[8] «Коммунист», 1969, № 9, стр. 62.

функциях исторического материализма неразрывно сливается с вопросом о соотношении его партийности и научности в познании общественной жизни.

Предмет науки и ее содержание могут быть правильно поняты только тогда, когда учитывается не только изучаемый объект, но и та точка зрения, с которой он рассматривается. Так, идеологи буржуазии обычно рассматривают общественную жизнь с позиций своего класса. А эта точка зрения объективно оказывается ограниченной, не позволяющей в полной мере объективно отражать действительность. Идеалы буржуазии черпаются не из закономерностей общественного развития, а из ее экономического положения. Стремление же укрепить буржуазную собственность вступило в противоречие с объективным закономерным ходом общественного развития. Поэтому идеологи буржуазии, несмотря на все их обещания, не могут дать объективно правильного отражения законов общественного развития. Усиление классовой борьбы пролетариата принуждает идеологов буржуазии ко все более и более извращенному отражению действительных общественных отношений.

«Буржуазия во Франции и в Англии, — писал Маркс, — завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой» [9].

Таким образом, общественные теории зависят не только от предмета, который они отражают, но и от тех интересов, с позиций которых этот предмет отражается. Последняя зависимость означает партийность общественных теорий. «...Материализм, — писал Ленин, — включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [10].

Исторический материализм отражает общественное развитие с точки зрения интересов рабочего класса. Но главный интерес рабочего класса в том и состоит, чтобы объективно правильно отражать закономерности общественного развития, как решающей опоры в его практической революционной деятельности. Если идеологи пролетариата отступят от объективного, старого научного отражения закономерностей общественного развития, то их теории принесут только вред делу рабочего класса. Поэтому авторитет партийного руководства может быть лишь авторитетом науки, а не авторитетом власти или даже одного таланта.

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 17.
[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 419.

Теоретическое положение о совпадении партийности и научности исторического материализма не было понято многими так называемыми «марксистами», ставшими на путь оппортунизма. Возможно, что в какой-то степени этому содействовали и ранние работы Маркса и Энгельса, в которых существующая идеология рассматривается как нечто прямо противоположное науке. Но если у Маркса речь идет о буржуазной идеологии, то Бронштейн переносит это положение на всякую идеологию. С его точки зрения, вообще идеология и наука — явления несовместимые. Поэтому выражение «научный социализм» якобы звучит нелепо. Ведь социализм — это идеал, мечта, желаемое, наука же — чисто объективное познание. Еще более нелепо, по мнению Бронштейна, выражение — «партийность науки». Партийность якобы унижает дело науки, сводит его к узкому практицизму. Этих же взглядов придерживался и Каутский. Партийность, по его мнению, не помогает ученому, а только связывает руки.

«Не может быть сомнения в том, — писал Каутский, — что «Капитал» был бы еще более научным и беспристрастным трудом, если бы автор его соединял со своим гением, со своей основательностью, со своей любовью к истине прекрасное свойство пребывания выше всяких классовых противоположностей, не теряя в то же время глубокого чутья экономической действительности. Можно, конечно, высказать пожелание, чтобы появился такой исследователь...» [11].

Эта старая оппортунистическая идея была подхвачена многими современными, в частности американскими ревизионистами Левайном и Робертсоном, пытающимися и в настоящее время противопоставлять классовость теории общественного развития ее научности. Наличие классовых элементов в науке, по их мнению, ведет к искажению науки. Сторонников марксистско-ленинского принципа партийности в философии они обвиняют в догматизме.

Подобно американским ревизионистам, польские ревизионисты Вятр и Бауман требовали освободить науку об обществе из-под влияния философии, так как, по их словам, только при этом условии социология может существовать как подлинная наука. Борьба различных направлений в социологии должна, по их мнению, рассматриваться лишь как научный спор, а не как выражение борьбы политических концепций. Главная ошибка буржуазной и ревизионистской позиций в данном вопросе заключается в том, что партийность рассматривается как что-то навязанное философии извне. Между тем партийность есть свойство, внутренне присущее философии [12].

Эти же взгляды о несовместимости партийности и научности в марксистском учении об обществе выдвигались в несколько иной форме другими ревизионистами, расчленявшими марксизм на две

[11] К. Каутский. Сборник статей. СПб., 1906, стр. 23.

[12] Великий образец партийности и научности философского исследования. Передовая. «Вопросы философии», 1969, № 5.

различные части: одну — связанную с партийными интересами, с повседневной политикой партии, и другую — чисто теоретическую, обособленную от партийных интересов и политической борьбы. Так, польский ревизионист Колаковский расчленил марксизм на «институциональный» и «интеллектуальный». Первый оценивался им весьма недоброжелательно за то, что он «ассоциируется с работой директивных органов». Второй же марксизм оказывается теорией, которая «может иметь очень различное содержание, обозначаемое общими, широкими рамками»[13].

Теоретической ошибкой подобного рода рассуждений является непонимание качественного отличия исторического материализма от буржуазных социологических учений, характерной чертой которых является именно противоречие между научным отражением действительности и выражением идеалов буржуазии.

Конечно, вопросы о соответствии идеи внешнему предмету и о соответствии ее классовым интересам являются различными вопросами. Обвинение марксизма в прагматизме, которое иногда имеет место со стороны его врагов, основано отчасти на смешении этих вопросов. Представляет ли данная идея истину или заблуждение, вовсе не определяется тем, выгодна она классу или нет. Однако ревизионисты не желают понимать, что пролетариат является таким классом, которому выгодна именно истина, а не заблуждение, и его общественное положение ни в какой мере не ограничивает возможностей познания общественной жизни. Как уже отмечалось, для идеологов пролетариата борьба за выражение классовых интересов и есть не что иное, как борьба за истинное отражение действительности, что никак нельзя сказать по отношению к идеологам буржуазии.

Ленин следующим образом с этой точки зрения характеризовал марксистскую теорию. «Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно. В самом деле, задачей теории, целью науки — прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе»[14].

4. ЗАВИСИМОСТЬ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА И ЕГО СТРУКТУРЫ ОТ ПРЕДМЕТА

Предмет и общественные функции исторического материализма определяют и его основные категории. В философской литературе был предпринят ряд попыток дать характеристику и систематику

[13] «Нова культура», 1957, № 4, стр. 2.
[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 341.

важнейших категорий исторического материализма. Рассмотрим некоторые из них.

В. П. Тугаринов в работе «Соотношение категорий исторического материализма» (Изд-во ЛГУ, 1958) подразделяет категории исторического материализма на общие, особенные и единичные. Первую группу составляют категории, которые отражают явления и отношения, существующие и действующие на всем протяжении общественного развития: общественное бытие, общественное сознание, базис, надстройка, производительные силы, производственные отношения, язык и т. п. Вторую группу составляют категории, отражающие явления и отношения, действующие в ряде общественных формаций: эксплуатация, стоимость, товар, классы, политика, государство и т. п. Третью группу составляют категории, отражающие явления и отношения одной какой-нибудь общественно-экономической формации: рабство, крепостничество, барщина, наемный труд и т. п. И, наконец, могут быть категории, характеризующие явления какой-нибудь стадии в развитии отдельной формации: континентальная блокада Англии Наполеоном, империализм и т. п. Из всех категорий, справедливо делает вывод В. П. Тугаринов, категориями исторического материализма является лишь первая группа, так как лишь она соответствует предмету исторического материализма. Правда, автор делает исключение для категорий социалистического общества, ввиду их особой важности.

Характеристика категорий исторического материализма и их определенная система была дана В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзоном в статье «Категории исторического материализма» («Вопросы философии», 1956, № 4) и в книге «Исторический материализм». «Важнейшими, основными категориями, — пишут авторы, — являются те категории, которые отражают либо существенные стороны общественной жизни, общие всем ступеням исторического развития (например, общественное бытие, общественное сознание, способ производства, народонаселение, базис, надстройка и т. д.), либо внутреннее единство и цельность общества на каждом из его этапов (например, «общественно-экономическая формация» или «первобытнообщинный строй», «капитализм», «коммунистическая формация»). Кроме того, в историческом материализме имеются категории, отражающие стороны общественной жизни, свойственные не всем, а лишь некоторым формациям, но существенно важные для понимания их развития (например, классы, государство, политика, право и т. д.)[15].

Так как предметом исторического материализма является общество как единое целое, его наиболее общие закономерности, то, видимо, и категории исторического материализма — это прежде всего те, в которых отражается его предмет: общественное бытие,

[15] В. Келле, М. Ковальзон. Исторический материализм. М., «Высшая школа», 1962, стр. 17.

общественное сознание, общественно-экономическая формация, базис, надстройка и т. д. Все же остальные категории не являются специфическими категориями исторического материализма и играют в нем лишь подсобную роль.

Предмет исторического материализма определяет и важнейшие темы, в которых может быть изложено его содержание. Эти темы могут отражать лишь такие явления, которые существуют на всем протяжении общественного развития и оказывают влияние на всю общественную жизнь. Что же касается более частных тем, то они должны играть подсобную роль и входить в общие темы в той мере, в какой это необходимо для их раскрытия. Например, если мы будем рассматривать рабство в качестве особой темы, то это будет искусственным включением в исторический материализм темы другой науки. Если же мы рабство будем рассматривать как одну из форм экономических отношений, то такой подход будет соответствовать предмету исторического материализма.

Для того чтобы до конца провести этот принцип при изложении курса исторического материализма, необходимо в давно принятой тематике произвести некоторые изменения.

Во-первых, нужно не только ввести, но и выделить в качестве особых тем такие темы, как общественная формация, законы общественного развития, движущие силы общественного развития, брак и семья в их историческом развитии и др., что отчасти уже делается в учебной программе и в ряде учебных пособий.

Во-вторых, некоторые важные для исторического материализма вопросы нужно расширить до соответствия предмету исторического материализма. Например, рассмотрение политики и государства нужно дополнить рассмотрением: а) форм власти и управления при первобытнообщинном строе, предшествующих государству; б) анализом форм, которые должны сменить государство и политику в будущем коммунистическом обществе. При этом условии тема политики и государства превратится в тему власти и соотношения форм организации управления обществом. В таком же дополнении нуждается и тема классов и классовой борьбы. В результате мы получим тему социально-экономической структуры общества.

Анализ каждой проблемы необходимо производить дважды: вначале в виде особой темы, а затем в других темах. Например, вначале формация рассматривается в качестве отдельной темы, а затем в связи с решением всех других вопросов. Нельзя, в частности, рассматривать развитие брачно-семейных отношений, не учитывая смены общественных формаций. Правда, нельзя избежать и такого положения, когда проблема вначале рассматривается при решении других проблем, а затем, так сказать, в чистом виде. Такое рассмотрение не является дублированием, а рассмотрением разных сторон одной и той же проблемы.

Структура курса требует не только взаимосвязи важнейших тем, но и их правильной последовательности, которая имела бы

не только методическое, но и методологическое значение. Существуют различные подходы к решению этой проблемы, которые можно было бы свести к двум. Первый из них заключается в том, чтобы излагать исторический материализм соответственно истории познания общества. Так, в частности, рекомендует излагать исторический материализм П. М. Егидес. «...Логика строения науки, — пишет он, — должна совпадать с гносеологическим путем ее развития, иначе говоря, следует двигаться в изложении науки тем путем, которым достигались знания, составляющие ее: от конкретно-чувственного к абстрактно-сущностному, а от него к полноте конкретного, к сущностно-конкретному...» [16].

Второй подход заключается в том, что в основу изложения курса исторического материализма ставится не история познания общества, а его действительная история. Логика предмета должна соответствовать его истории.

При первом подходе изложение следовало бы начинать с сознания и различного рода идеологических отношений, так как именно с них начиналось познание общества. История познания не совпадает с действительной историей. Если опустить вводные главы, то при втором подходе, которого мы в данном случае будем придерживаться, изложение сущности исторического материализма наиболее целесообразно как методически, так и методологически начинать с характеристики материальной основы общественного развития. Однако материальная основа или общественное бытие не существует обособленно. Оно существует вместе с общественным сознанием. Поэтому изложение самого содержания исторического материализма необходимо начинать с решения основного вопроса философии применительно к обществу. Отсюда тема общественного бытия и общественного сознания. Изложение материалистического решения основного вопроса философии должно обеспечить философский подход к анализу всех остальных общественных явлений.

Далее, поскольку речь идет об обществе как целом, необходимо дать представление о конкретных формах его существования и развития. Поэтому второй темой будет тема общественной формации. В ней важно раскрыть не только структуру формаций, но и особенности их возникновения, развития и смены. Здесь же рассматриваются революции как переход от одной формации к другой, а также ставится проблема прогресса в общественном развитии. Как первая, так и вторая темы непосредственно вытекают из определения предмета исторического материализма.

Однако структура формаций не исчерпывается выяснением связей между отдельными общественными явлениями: базисом, надстройкой и т. п., но и между определенными социальными группами. Отсюда вытекает тема социально-экономической структуры

---

[16] П. М. Егидес. О принципах структуры исторического материализма. «Вопросы философии», 1966, № 1, стр. 114.

общества, в которой получает дальнейшее развитие вопрос о структуре формации. В ней раскрывается источник деления общества на классы и на другие социальные группы.

Анализ существенных, повторяющихся, необходимых связей между элементами формаций, т. е. между отдельными явлениями, есть по существу анализ законов общественного развития. Отсюда тема о законах общественного развития. Философский характер работы требует, чтобы эти законы рассматривались не только сами по себе, но и в их отношении к сознательной деятельности людей.

Изучение общественного развития убеждает нас в том, что между сторонами каждого из законов возникают и преодолеваются противоречия. В этом собственно и проявляется действие законов. Но ведь возникновение и преодоление противоречий есть в то же время движущая сила, источник общественного развития. Поэтому следующая тема посвящена движущим силам общественного развития.

Общественное развитие регулируется не только объективными законами. Оно не может существовать и без специального аппарата управления, без подчинения поведения отдельных лиц воле всего общества или отдельной группы людей. Отсюда тема о власти и формах организации управления обществом.

С изменением общественной жизни изменяются и этнические формы общности людей: родоплеменная общность сменяется народностью, народность — нацией и т. д.

Далее рассматриваются брак и семья в их историческом развитии, нравственность, мировоззрение, наука, искусство и курс лекций, в котором автор стремился сочетать и структурный и генетический подход, завершается рассмотрением личности как продукта общественного развития.

Однако историческому материализму предшествовала довольно длительная история учений об обществе. Поэтому необходимо в общих чертах рассмотреть эту историю.

УЧЕНИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕ ДО ВОЗНИКНОВЕНИЯ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕНИЙ ОБ ОБЩЕСТВЕ

Первые представления об обществе, о характере общественных отношений появились очень давно, вероятно, еще в первобытно-общинном строе. Необходимость таких представлений диктовалась, прежде всего, той исключительной ролью, которую играли коллективные связи в жизни людей. Ведь объединение наших предков в крупные коллективы явилось одним из главных условий их выживания и дальнейшего развития. Эти представления порождались в непосредственной практической жизни и изменялись вместе с ней.

Возникновение классов и отделение умственного труда от физического значительно ускорило развитие представлений об обществе. Рабовладельцы, распоряжавшиеся средствами производства, получили возможность избавиться от физического труда, и их главной задачей стало сохранять и укреплять сложившиеся отношения между классами. Но укреплять их можно было не только силой, а и давать им такое объяснение, чтобы они выглядели как вечные и неизменные. Таким образом, в общественных учениях на первый план выдвинулась идеологическая сторона, т. е. совокупность таких взглядов и идей, которые стремился осуществить господствующий или конкурирующий с ним класс. Изменялись основные классы, изменялись и представления об обществе. Истории известны рабовладельческие, феодальные, капиталистические учения об обществе. Что же касается угнетенных классов, то они вплоть до появления идеологов пролетариата не имели необходимых условий для развития своих взглядов. Поэтому на борьбу между различными учениями об обществе долгое время решающее влияние оказывала борьба между имущими классами.

Так, в древнегреческих государствах на развитие социологических представлений исключительно большое влияние оказала

борьба, которая велась между демократией и аристократией. Взгляды родовой аристократии были тесно связаны с религией. Государственная власть рассматривалась ими как исконная, идущая от богов. Жизнь людей, согласно этим взглядам, есть не что иное, как продолжение порядков, установленных богом в природе, подготовка к жизни на небе, где будет вечное безделье. Появляются первые политические учения, откровенно требующие «сгибать» толпу, уничтожать ее пыл.

Идеологи демократии, материалисты, в противовес этим теориям, пытались дать научную трактовку общественных явлений. Так, древнегреческий философ Демокрит развивал свое учение об обществе. Первые люди, по его мнению, вели грубую, звериную жизнь. Борьба за существование привела к возникновению труда, первоначально представляющего подражание природным процессам. Важнейшим условием общественной жизни является разделение труда. Смысл жизни заключается в светлом и спокойном состоянии души. Такое состояние достигается путем разумного наслаждения жизнью на основе знаний. Демокрит поставил вопрос о происхождении речи, подробно разрабатывая этическое учение. Политику он рассматривал как искусство обеспечения общих интересов свободных граждан рабовладельческой демократии. Он являлся сторонником демократии. Бедность при демократии, по его мнению, лучше благополучия при царях [1].

Попытки представить жизнь общества как цельный закономерный процесс мы встречаем у Аристотеля. Отношения, складывающиеся между людьми, по его убеждению, носят целенаправленный характер. Общество же — это объединение с целью всестороннего обеспечения жизни. Стремление людей к общению Аристотель объяснял их природой. Человек, по его словам, политическое животное, стремящееся по своей природе жить в коллективе. Начальной формой общения людей является семья, возникшая естественным путем с целью удовлетворения естественных потребностей. Основой же для объединения семей в селения явились более обширные цели. Из селений также целенаправленно возникли поземельные общины. Вообще в основе различных форм объединения людей лежат их различные цели. Взгляды Аристотеля на историю общества носят телеологический характер.

Аристотель обстоятельно изучил и описал государственное устройство 158 греческих городов-государств. Примером такого описания является «Афинская полития» Аристотеля. В своих работах он затушевывал классовый характер государства и расценивал его не как орудие классового господства и угнетения, а как организацию, предназначенную для того, чтобы люди могли жить счастливо. У Аристотеля были и частные экономические исследования, получившие высокую оценку в работах Маркса. Аристотель, по словам Маркса, «совершенно ясно указывает, что денежная

---

[1] См. Демокрит. Фрагменты. М., 1935, стр. 133—159.

форма товара есть лишь дальнейшее развитие простой формы стоимости, т. е. выражения стоимости одного товара в каком-либо другом товаре...»[2].

Стремление обосновать незыблемость существующих отношений у Аристотеля выступает очень ярко. Рабы, по его мнению, по самой своей природе должны быть рабами. Если у господина на первом месте душа, то у раба — тело. Но поскольку душа должна господствовать над телом, то значит и господа призваны господствовать над рабами. В своей теории «лучшего государства» Аристотель сохранял рабство, неравенство между бедными и богатыми.

В своем учении о классах Аристотель считал наиболее полезным классом общества земледельцев, которые распылены на территории и не склонны активно вмешиваться в вопросы управления государством. Наиболее подходящей формой власти Аристотель считал власть среднего класса, основанную на смешении олигархии и демократии.

Последней крупной материалистической системой, в которой рассматриваются вопросы общественной жизни, является система Эпикура. В ней особое внимание уделяется разработке этического учения. Эти взгляды получили свое подробное толкование в книге римского философа Лукреция Кара «О природе вещей», где, в частности, он пытался дать цельную картину прогрессивного развития человечества. По его мнению, в жизни людей было время, когда они не объединялись даже в семьи, а каждый заботился только о самом себе. Семьи же возникли лишь с появлением культуры. Общественное развитие, по мнению Лукреция, совершается благодаря открытиям и изобретениям, осуществляемым талантливыми людьми. А по мере накопления изобретений и развития орудий труда улучшается производство, совершенствуется общественная жизнь. В этих утверждениях заключена мысль об исключительно важной роли производства в общественной жизни. Но идеалистическое понимание истории неизбежно привело Лукреция к преувеличению роли личностей и недооценке роли народных масс.

В средние века общественные воззрения целиком подчиняются теологии. Общественная жизнь рассматривается как осуществление высших целей, предначертанных божественным провидением. «Избранные» народы осуществляют божественную миссию, а осуществив ее, уступают место другим народам. Такая трактовка истории представляет собой провиденциализм. Хотя история согласно этому воззрению творится отдельными личностями, но последние — сами лишь марионетки в руках божества.

Яркую характеристику господства теологии в средние века дает Энгельс. «Средневековье, — пишет он, — развилось на совершенно примитивной основе. Оно стерло с лица земли древнюю цивилизацию, древнюю философию, политику и юриспруденцию, чтобы начать во всем с самого начала. Единственным, что оно заимствова-

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 69.

ло от погибшего древнего мира, было христианство и несколько полуразрушенных, утративших всю свою прежнюю цивилизацию городов. В результате, как это бывает на всех ранних ступенях развития, монополия на интеллектуальное образование досталась попам, и само образование приняло тем самым преимущественно богословский характер. В руках попов политика и юриспруденция, как и все остальные науки, оставались простыми отраслями богословия и к ним были применены те же принципы, которые господствовали в нем. Догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона. Даже тогда, когда образовалось особое сословие юристов, юриспруденция еще долгое время оставалась под опекой богословия. А это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя» [3].

В эпоху Возрождения оживилась и социологическая мысль. Велась борьба против теологии, против средневековых идей. Такие мыслители, как Макиавелли, Кампанелла и др., по словам Маркса, «стали рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии» [4]. Макиавелли, в частности, высказывал правильную мысль о непримиримости классовых интересов имущих и неимущих, столкновение которых рождает борьбу.

Однако первые серьезные попытки создания науки об обществе относятся лишь к XVII—XVIII векам. Расцвет естествознания, и особенно механики и математики, привел к попытке перенести их основные принципы на изучение общественной жизни. Так, Декарт высказывал мысль о необходимости создания «социальной физики», такой же математически точной науки, как физика материальных тел. Подобно физикам, социологи этого периода пытаются найти те социальные атомы, на которые можно было бы разложить всю общественную жизнь. В качестве социального «атома» обычно рассматривался человек с его потребностями, чувствами, мыслями. Среди всех чувств на первое место обычно ставилось чувство самосохранения. Из него выводили различные человеческие страсти. Последние же расценивались по аналогии со свойствами физических тел. «... Я рассматривал человеческие аффекты, как-то: любовь, ненависть, гнев, зависть, честолюбие, сострадание и прочие движения души, — писал Спиноза, — не как пороки человеческой природы, а как свойства, присущие ей так же, как природе воздуха свойственно тепло, холод, непогода, гром и все прочее в том же роде...» [5].

---

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 360—361.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 111.
[5] Б. Спиноза. Избр. произв., т. 2. М., Госполитиздат, 1957, стр. 288—289

Подобно тому, как физические силы управляют материальными телами, страсти управляют поведением людей. Это поведение закономерно. Свобода воли, писал Спиноза, есть осознанная необходимость. Он понимал это буквально и писал, что если бы магнитная стрелка имела сознание, то она считала бы свое направление на север свободным. Это точка зрения детерминизма.

Выработка понятия «человек вообще» представляла известный шаг вперед, так как выражала стремление перейти от огромного разнообразия фактов человеческой жизни к раскрытию некоторого единства, повторяющегося в явлениях.

Для механистического материализма характерна также попытка найти единый основной закон, которым можно было бы объяснить все явления природы и общественной жизни. Таким законом, как правило, объявлялся закон всемирного тяготения. В обществе под категорию тяготения подводился симпатический инстинкт. В целом общественная жизнь изображалась наподобие движения солнечной системы: в ней различные и противоположные страсти людей находятся в подвижном равновесии.

Идея закономерного характера общественного развития пробивает себе дорогу в XVII—XVIII веках в работах Вико, Кондорсе, Тюрго. Так, Кондорсе рассматривал общественное развитие как закономерную смену эпох, последняя из которых (а он всего установил их десять) якобы завершается окончательным торжеством частной собственности. Однако идея общественной закономерности не была научно обоснована, так как не была известна действительная материальная основа общественного развития. В частности, Кондорсе не смог дать научной характеристики исторических эпох по той причине, что поставил их в зависимость от развития человеческого разума.

Большой интерес представляют социологические взгляды английского философа материалиста Томаса Гоббса (1588—1679). В отличие от своего учителя, материалиста Френсиса Бэкона, Гоббсу пришлось больше заниматься социологическими проблемами. Будучи современником английской революции, Гоббс не мог стоять от нее в стороне. Социологическим вопросам он посвящает две книги: «О гражданине» (1642) и «Левиафан» (1651). В этих произведениях главное внимание Гоббс уделяет вопросу о сущности государства, о происхождении, об обязанностях граждан по отношению к государству.

Что такое государство? Государство, считает Гоббс, есть особый механизм, искусственное тело, созданное людьми для сохранения своей жизни. Гоббс сравнивает государство с механическим чудовищем — «левиафаном», обладающим необычайной мощностью и страшной силой, способной защищать не только частные интересы, но и интересы партий и вообще больших групп людей. Левиафан — это «земной бог». Он не зависит от воли отдельных людей и партий и устанавливается навечно. Принципы государства нерушимы, так как они направлены на пользу всего общества.

Следовательно, нужно пресекать недовольных. Лучшей формой государственной власти является монархия.

Как же возникло государство? Оно — творение не бога, а людей. Вначале было естественное состояние, при котором все люди в одинаковой мере имели право на все материальные блага. Люди не злы по своей природе, но их борьба за удовлетворение своих потребностей порождает зло. Поэтому в естественном состоянии, по мнению Гоббса (впрочем, такой же взгляд высказывал и Бенедикт Спиноза), люди жили по принципу: «война всех против всех» или «человек человеку — волк». Полная свобода для всех якобы означает полное лишение свободы для каждого. Над каждым висит угроза смерти.

Страх смерти делает людей склонными к миру, а разум подсказывает условия соглашения. Так, по Гоббсу, создаются предпосылки для возникновения государства. В результате соглашения наступает так называемое «царство разума». Собственность закрепляется за гражданами. Появляется экономическое неравенство. Чтобы не было раздора, неравенство должно быть вечным, что и осуществляется государством. Такова сущность и таково происхождение государства. Исходя из этого, Гоббс устанавливает нормы поведения граждан.

Законы государства — всеобщий масштаб для нравственных норм. В разное время законы различны. Однако подчинение им всегда является добродетелью гражданина, а их нарушение — пороком. Безусловное повиновение власти есть высшее проявление нравственности и добродетели. Такова мораль Гоббса.

Гоббс, таким образом, является убежденным защитником частной собственности. Хотя Гоббс и является идеологом буржуазии, он стоит за монархию. Объясняется это тем, что в Англии периода первоначального накопления капитала буржуазия сблизилась с дворянством, объединилась с ним в борьбе против крестьянских восстаний. Кстати сказать, Гоббс к народным восстаниям относился отрицательно. Он рассматривал их как причину распада государства и возврата людей к «естественному состоянию». Гоббс — противник демократических революций и реформ.

Уже этот небольшой обзор процесса возникновения и формирования социологических взглядов позволяет сделать некоторые общие выводы.

Во-первых, социологические взгляды этого, да и более позднего периода еще не отделяются от философии. Нет также разделения между общесоциологическими взглядами и частными представлениями об обществе.

Во-вторых, с самого начала социологические взгляды формируются как идеалистические взгляды. Характеризуя, как в связи с формированием классового общества формируется политика, право, религия, Энгельс писал: «Перед всеми этими образованиями, которые выступали прежде всего как продукты головы и казались чем-то господствующим над человеческими обществами, более

скромные произведения работающей руки отступили на задний план, тем более, что планирующая работу голова уже на очень ранней ступени развития общества... имела возможность заставить не свои, а чужие руки выполнять намеченную ею работу. Всю заслугу быстрого развития цивилизации стали приписывать голове, развитию и деятельности мозга. Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются), и этим путем с течением времени возникло то идеалистическое мировоззрение, которое овладело умами в особенности со времени гибели античного мира»[6].

Наконец, в-третьих, социологические взгляды носили, если так можно выразиться, объясняющий характер. Так как не была раскрыта материальная основа, от которой зависит развитие всех явлений общественной жизни, то социология не могла быть действенной, преобразующей. «Объясняющая» социология не значит социология пассивная, не играющая никакой роли в общественной жизни. Социологические взгляды, хотя и не представляли подлинной науки, играли довольно активную роль, служили средством укрепления сложившихся общественных отношений или же орудием борьбы против враждебных классов и враждебных отношений. Однако они все же не представляли взглядов, руководствуясь которыми можно было бы создать новый общественный строй. Поэтому тезис Маркса о том, что «философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»[7], — вполне применим ко всей домарксистской социологии.

2. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КРУПНЕЙШИХ ФРАНЦУЗСКИХ ФИЛОСОФОВ, СОЦИОЛОГОВ И АНГЛИЙСКИХ ЭКОНОМИСТОВ

Крупнейшим домарксистским социологом является французский просветитель Жан Жак Руссо (1712—1778), идеолог революционных мелкобуржуазных масс «третьего сословия». Вожди французской революции Марат и Робеспьер считали себя учениками этого мыслителя.

В своих произведениях Руссо пытался объяснить происхождение общества, раскрыть причины возникновения классовых различий и государства. В книге «О причинах неравенства между людьми» он дает следующую картину общественного развития. Некогда был золотой век: все принадлежало всем. Тогда не было ни частной собственности, ни общественного неравенства, ни угнетения человека человеком. Не было воровства, войн, преступлений. Таково было естественное состояние человеческого общества. Но ему при-

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 493.
[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 4.

шел конец. «Первый, — пишет Руссо, — кто, огородив участок земли, придумал заявить: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы себе подобным: «Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли — для всех, а сама она — ничья!»[8].

Таким путем, по мнению Руссо, возникла частная собственность, которая постепенно привела к делению общества на бедных и богатых. Богатые, по характеристике Руссо, — это прожорливые волки, которые, раз отведав человеческого мяса, больше не хотят питаться ничем иным. Именно с этого времени, в результате беспредельной жажды наживы, начинается состояние всеобщей войны, войны всех против всех, когда человек человеку — волк. Но так не могло продолжаться долго. Нужно было найти выход, поскольку это положение было невыгодно не только трудящимся, но и богатым. Отсюда возникла необходимость общественного договора между людьми, согласно которому каждый ограничивал свои права и свою волю. Государство же есть выражение общей воли, возникающей на основе общественного договора. Именно договор установил равенство собственников, которое, правда, продержалось недолго в силу злой воли правителей. Дурные законодатели, плохие правители, обманувшие народ — вот истинные виновники общественного неравенства, появившегося между людьми. Выход состоит в создании всеобщего равенства, в создании такой формы ассоциации людей, которая бы охватила естественную свободу и имущество каждой личности. Такая форма — демократическое устройство.

Из гоббсовой идеи «общественного договора» Руссо делает революционные выводы: народ имеет право на революцию. Если для Гоббса естественное состояние — война всех против всех, — то у Руссо оно, наоборот, мир между людьми. Руссо — идеолог мелкой частной собственности.

Несмотря на то что Руссо высказал ряд гениальных положений о роли промышленности и земледелия в развитии цивилизации, он все же остался идеалистом. Появление частной собственности, возникновение неравенства между людьми он рассматривает как каприз человеческого ума, как пагубный результат его совершенствования, а не результат развития производства.

Заслуживают внимания взгляды на общественную жизнь и других французских мыслителей, в частности, Гельвеция (1715—1771) и Гольбаха (1723—1789). Оба они — материалисты-сенсуалисты, т. е. за источник познания принимают ощущения. Никаких врожденных идей нет. Деятельность разума сводится к взаимному

---

[8] Жан-Жак Руссо. Трактаты. М., «Наука», 1969, стр. 72.

сравнению ощущений. В мышлении нет ничего такого, чего не было бы раньше в ощущениях. Мысли и чувства человека определяются теми предметами, которые его окружают и им воспринимаются. Не гувернантки воспитывают ребенка, а он формируется под воздействием обстоятельств, среди которых особую роль играют положение в обществе, богатство, круг знакомств. Гельвеций приближается в мысли о человеке, как продукте общественных и, прежде всего, экономических отношений. Он подходит к выводу, что разное положение в обществе определяет различные интересы людей, а интересы сказываются на восприятии внешнего мира, на формировании взглядов человека.

Государство Гельвеций рассматривает как систему равновесия страстей, осуществляемого посредством законов. Он преклоняется перед законами. Именно они, по его мнению, могут сделать все. Богатство народов зависит от законодательства. Но последние создаются законодателями и зависят от их разума. Получается заколдованный круг: законы формируют человека, человек создает законы. Или же этот круг выглядел так: среда определяет мнения, мнения определяют среду. Под средой Гельвеций и Гольбах понимали главным образом государственный строй.

Правда, у Гельвеция встречаются и отклонения от этой точки зрения. Так, в X книге трактата «О человеке» Гельвеций пытается нарисовать общую картину развития человечества несколько поиному. Он исходит из роста населения, вызывающего рост технических искусств, который, согласно Гельвецию, увеличивает расслоение между людьми, создает пропасть между бедными и богатыми. Усложнение общественных отношений и усиление вражды между классами требует изменения законов. Таким образом, в данном случае взаимоотношения между классами ведут к изменению политического строя, а не наоборот, что мало согласуется с общими представлениями Гельвеция, означает отход от его общей механистической концепции.

В целом учение Гольбаха страдало теми же недостатками. Он разделял с Руссо идеалистический взгляд на государство как на продукт сознательного договора.

Среди учений французских мыслителей об обществе значительное место занимают взгляды историков времен реставрации: Гизо (1787—1874), Минье (1796—1884), Тьерри (1795—1856). По сравнению со взглядами Гольбаха и Гельвеция, они делают новый шаг в понимании общественных отношений. Так, Гизо пишет, что общество создает политические учреждения раньше, чем начинает изменяться под их влиянием. И поэтому перед тем как судить, какое должно быть правительство, нужно изучить состояние народа. Политический строй Гизо объясняет гражданским правом, а чтобы его понять, он обращается к изучению поземельных отношений. История Франции у Гизо выступает как борьба различных сословий.

Этот взгляд разделяли и другие историки, в частности Тьерри

и Минье. Так, Тьерри рассматривал историю английских революций как историю борьбы буржуазии с аристократией. Эта борьба велась за положительные интересы. Жители примыкали к тому или иному борющемуся лагерю соответственно своим интересам. Религиозное движение также было лишь отражением положительных интересов.

Минье высказывает мысль о том, что общественные движения определяются господствующими интересами. Исторические события расцениваются с точки зрения нужд различных общественных классов.

И Тьерри и Минье приходят к выводу, что политическое устройство общества и его классы определяются более глубоко лежащим фактором: гражданским бытом людей, их имущественными отношениями. Сами же имущественные отношения понимаются как правовые. Поэтому и историки времен реставрации не сумели вырваться из того же заколдованного круга: среда определяет мнения, мнения определяют среду. И они в конце концов вынуждены были ссылаться на человеческую природу.

Хотя «человеческая природа» определялась писателями XVIII века по-разному, все они сходились на том, что именно в ней нужно искать ключ к объяснению явлений. Не избежали этого и социалисты-утописты. Так, Сен-Симон и Фурье в своих трудах пытаются придумать такой общественный строй, который соответствовал бы этой неизменной, раз и навсегда данной природе человека.

Правда, у социалистов-утопистов встречаются также попытки стать на почву конкретных исследований и раскрыть законосообразность исторических событий. Согласно взглядам Сен-Симона, мы должны изучать факты прошлой истории общества с тем, чтобы раскрыть законы его прогресса. Только поняв прошедшее, можно предвидеть будущее. Изучая историю и выделяя как важнейшие имущественные отношения, Сен-Симон связывал их с нуждами промышленного развития. У власти обычно находится класс, играющий ведущую роль в производстве. Ведь именно производство составляет цель всякого общественного союза. Сен-Симон таким образом вплотную подходит к выводу о том, что законы производства играют ведущую роль во всем общественном развитии. Но дойдя до этой мысли, в своем учении Сен-Симон возвратился к точке зрения просветителей, состоящей в том, что мнения правят миром. Производство зависит от развития орудий, а орудия создаются изобретениями. Изобретения же зависят от умственного развития человечества. И далее Сен-Симон предпринимает попытку установить законы умственного развития человечества.

Заслуга Фурье состоит прежде всего в его блестящей критике капитализма, в раскрытии его внутренних противоречий. Буржуазный строй, порождающий богатство на одном полюсе и нищету на другом, калечит человека, подавляет его способности. Развивая идеи просветителей о воспитании, Фурье пытается показать, что

человеческие страсти — не пороки. Порочно общество. Поэтому нужно создать такое общество, которое обеспечило бы всестороннее удовлетворение и развитие всех человеческих страстей и способностей. Таким образом, создавая картину будущего общества, Фурье исходит не из объективных законов общественного развития, а из той же «общей природы» человека.

Одним из источников возникновения марксизма в целом и исторического материализма, в частности, явились учения английских экономистов. Наиболее крупные из них Адам Смит и Давид Рикардо. По словам Маркса, английские экономисты исследовали внутренние зависимости буржуазных отношений производства. Главная их заслуга в том, что они положили начало теории трудовой стоимости. Труд, по словам Адама Смита, единственный источник богатства. Более четко и последовательно этот взгляд проводился Давидом Рикардо.

Учение английских экономистов является важным дополнением ко взглядам французских мыслителей о классах и классовой борьбе. Они изложили, по словам Маркса, «экономическую анатомию классов». «Последний великий представитель английской классической политической экономии, Рикардо, — пишет Маркс, — в конце концов сознательно берет исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли, прибыли и земельной ренты, наивно рассматривая эту противоположность как естественный закон общественной жизни»[9].

Исследования английских экономистов, несмотря на все их положительные стороны, оказались ограниченными. Капиталистическая форма производства изображалась ими как естественная и вечная. Они не избежали и недостатков, свойственных французским мыслителям. Основой их анализа общественных явлений служила та же абстрактная «природа человека», общество вообще. У них еще не было умения подойти к анализу конкретного общества и конкретного человека как существа общественного.

Таким образом, философы, социологи, экономисты XVII, XVIII и начала XIX веков высказали ряд замечательных мыслей и вплотную подошли к раскрытию материальной основы общественного развития, к созданию исторического материализма. Они высказали идеи о закономерном характере общественного развития, об исключительно важной роли имущественных отношений в общественной жизни, о классовой борьбе как движущей силе общественного развития и т. д. Однако классовая ограниченность не позволила им преодолеть рамки идеалистического понимания истории.

Создать материалистическое понимание истории можно было, лишь показав, что материальное производство в конечном счете определяет все другие явления общественной жизни. Однако историческое познание общественной жизни шло от явлений к сущности, от изучения более сложного к изучению более простого, от

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 14.

знания поверхностных явлений к раскрытию глубоко скрытых внутренних процессов. Характеризуя направления экономических исследований физиократов, Маркс писал: «Для физиократов, однако, как и для их противников, жгучим спорным вопросом являлось не то, какой труд создает *стоимость*, а то, какой труд создает *прибавочную стоимость*. Следовательно, они рассматривали проблему в сложной форме, прежде чем разрешили ее в элементарной форме; так же, как историческое развитие всех наук приводит к их действительным исходным пунктам лишь через множество перекрещивающихся и окольных путей. В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент»[10].

Это направление процесса познания характерно не только для экономических, но и для всех социологических учений. Такие сложные общественные явления, как политический строй, государство, правовые отношения, являющиеся продуктом сравнительно высокого общественного развития, изучаются раньше, чем материальное производство, составляющее их первооснову. Процесс познания общественных явлений шел как бы от их конца к началу, чтобы раскрыть это начало и уже от него воспроизводить весь процесс общественного развития. И для того чтобы раскрыть эту первооснову (как в структурном, так и в генетическом отношении), требовались не только длительные и упорные исследования, но и определенный классовый подход. Но прежде чем выяснить, как было осуществлено это открытие, рассмотрим взгляды на общественную жизнь некоторых представителей классической немецкой философии, также представляющей один из источников марксизма.

3. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ В КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ

Вершину буржуазной классической немецкой философии представляют взгляды Гегеля и Фейербаха. Именно под их непосредственным влиянием формировались взгляды Маркса и Энгельса.

Социологические взгляды Гегеля в основном изложены в его книгах «Философия права» и «Философия истории». В «Философии права» Гегель изображает историю как проявление «объективного духа», представляющего, по Гегелю, некую объективную закономерность, которая возвышается над жизнью отдельных людей и обнаруживается в их различных связях и отношениях. Целью этого объективного духа является осуществление свободы. Свобода — это не произвол; действовать свободно — значит осознавать необходимость и опираться на нее. Высшим проявлением свободы является осознание человеком своей свободы. В обществе

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 43.

свобода связана с преодолением произвола отдельных людей, для чего устанавливаются законы и нормы, ограничивающие их волю. Право, по Гегелю, есть наличное бытие свободы. Гегель, как, впрочем, и его предшественники, был далек от понимания классовой сущности права как воли господствующего класса, возведенной в закон. Буржуазная сущность его учения о праве и об обществе в целом обнаруживается уже в его преклонении перед частной собственностью. Гегель рассматривает буржуазную свободу собственности как высшее достижение нового времени. Только в частной собственности право, по Гегелю, обнаруживается как разум.

Право проявляется в собственности как владение, затем оно обнаруживается в отношениях одного собственника к другому, в договоре и, наконец, в форме неправды и преступления.

Анализируя различные формы владения, Гегель высказывает мысль, что собственность должна служить не только потреблению, но является также самоцелью. В этом теоретическом положении отражено стремление буржуазии к безграничному увеличению частной собственности. Рассматривая потребление, Гегель сталкивается с вопросом о потребительной и меновой стоимости и стремится раскрыть их сущность, что, однако, было сделано только Марксом.

Детально рассматривается Гегелем и категория «отчуждение». Истинное владение вещью выражается в том, что человек свободно может отчуждать ее в пользу других лиц. Рабочий, согласно Гегелю, свободно отчуждает часть своих духовных и физических сил капиталисту, оставаясь при этом также свободным. В действительности же при сложившихся капиталистических отношениях голод принуждает рабочего продавать себя в рабство и, следовательно, отчуждение исключает свободу. Признавая формальную свободу даже за рабом, Гегель не указывает средства для ее осуществления.

Договорные отношения Гегель рассматривает как самостоятельные, тогда как в действительности они являются отражением материальных экономических отношений.

В заключительном разделе об абстрактном праве Гегель рассматривает случаи нарушения права собственности или невыполнения договорных отношений и выступает как защитник прав собственников. Провозглашая наказание правом преступника, Гегель и здесь остается верным себе. Наказание изображается им как акт собственной воли преступника.

Во второй части «Философии права», озаглавленной «Мораль», излагаются этические воззрения. Важнейший вопрос морали — отношение личности к своему действию. Субъективная или моральная свобода заключается в том, что человек сам определяет содержание добра и зла и поступает соответственно этому содержанию так, как это предписывается совестью, образом мыслей, пониманием. Абсолютной, конечной целью морали является добро, т. е. реализованная свобода. Совесть — это процесс внутреннего опре-

деления добра. Совесть должна опираться на истинные знания. Человек, поступая по совести, делает добро. Мораль — это субъективное понимание добра и зла. Но есть еще и объективная сторона добра и зла, т. е. существуют определенные отношения людей, которые Гегель называет нравственностью. Последняя представляет высшую ступень объективного духа. Она проявляется в семье как природном единстве индивидов, в гражданском обществе как взаимоотношении самостоятельных индивидов и в государстве, представляющем высшее единство семьи и гражданского общества.

Гражданское общество создается экономическими отношениями людей. Но последние Гегель не рассматривает как материальные отношения, а рассматривает их как одну из форм моральных отношений, в чем особенно ярко обнаруживается его идеализм. Гражданское общество есть по существу буржуазное общество, сформировавшееся в противовес феодальному, т. е. сословному обществу. Его основной принцип: все люди граждане, т. е. равноправные, как собственники.

Гегель не обходит имущественного неравенства и классового расслоения общества, но трактует их как естественное явление, проистекающее из различия телесных и духовных задатков людей.

Человек — существо общественное. Его интересы тесно переплетаются с потребностями, средства и способы их удовлетворения носят всецело общественный характер. Само общество — не агрегат индивидов, а целостное образование, подобное организму.

Гегель отмечает особую роль труда в развитии способностей и представлений человека. В то же время он отмечает и то, что сложившееся разделение труда калечит человека, препятствует его развитию. Он раскрывает противоречие между личностью и обществом и видит путь к его разрешению в подчинении личности обществу. Противоречие между богатством и бедностью, по Гегелю, неизбежно приводит к колонизации и войнам.

Семья, согласно представлениям Гегеля, — первый базис общества, сословия — второй его базис. В обществе существует три сословия: 1) «субстанциальное сословие» — земледельцы; 2) «промышленное сословие» — ремесленники, фабриканты, купцы; 3) «всеобщее сословие», занимающееся охраной «всеобщих интересов общества»: чиновники, государственный аппарат, армия и т. д. Каждый гражданин должен принадлежать к какому-то сословию. Гегель увековечивает сословное деление. Что же касается угнетенных классов, то Гегель вообще объединяет их понятием «чернь».

Классовая ограниченность Гегеля ярче всего обнаруживается в его учении о государстве. Государство, по его мнению, не служит отдельным личностям, а есть «действительность нравственной идеи». Индивид является нравственной личностью лишь как член государства. Государство есть якобы выражение народного духа, а не орудие в руках господствующего класса. Из всех форм госу-

дарственной власти Гегель предпочитает конституционную монархию, в которой «субстанциальная идея приобретает бесконечную форму». Другие формы правления — низшие формы государственности. Превознося прусское государство, Гегель высказывает пожелания о необходимости некоторых реформ, которые способствовали бы буржуазному развитию. Гегель в то же время оправдывает войны, которые, по его мнению, призваны сохранить нравственное здоровье народа, предотвращать смуты внутри него.

Глубокая научная критика «Философии права» Гегеля дана в ранних, да и более поздних работах Маркса. Именно с критикой «Философии права» Гегеля связаны и первые формулировки важнейших положений исторического материализма, сделанные Марксом.

В книге «Философия истории» изображается объективный дух, шествующий на почве всемирной истории. Сама идея всемирной истории является важной, научной. Она стала возможной только в условиях буржуазного общества, когда разрушилась национальная замкнутость и сформировался мировой рынок. Именно в это время стало возможным рассматривать общий исторический процесс в теоретическом аспекте. До этого социологи обычно ограничивались рассмотрением общественного или государственного строя отдельных стран. В основу философии истории положена та же идея свободы. Люди освобождаются по мере того, как они осознают свою свободу. История, по Гегелю, начинается на Древнем Востоке, где свободен один деспот; вторая ступень — это Греция и Рим, где свободны некоторые (имеются в виду аристократическая и демократическая формы правления). И, наконец, третья ступень, сочетающая оба первые момента в высшем синтезе и обеспечивающая полную свободу — это конституционная монархия современной Гегелю Германии. И так как в Германии цель всемирной истории достигнута — все свободны, то обществу развиваться дальше некуда.

В «Философии истории» ярче всего обнаруживалось противоречие между диалектическим методом и идеалистической системой Гегеля. Выдвинув на первый план идею развития человечества, Гегель в то же время урезает этот процесс, рассматривая прусскую монархию как венец исторического развития. Критикуя эти взгляды Гегеля, Энгельс писал: «История так же, как и познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества; совершенное общество, совершенное «государство», это — вещи, которые могут существовать только в фантазии. Напротив, все общественные порядки, сменяющие друг друга в ходе истории, представляют собой лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшей ступени к высшей» [11].

И хотя Гегель мистифицирует историю, изображая дело таким

[11] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 275.

образом, будто и история, и человек, и вообще весь объективный мир существует лишь для того, чтобы идея пришла к собственному самосознанию, т. е. к состоянию абсолютной идеи, именно он лучше всех социологов до него сумел обосновать идею общественного развития, а также высказал целый ряд положений, представляющих, по словам Ленина, зачатки исторического материализма. Так, Ленин в конспектах «Философии истории» отмечает правильные мысли Гегеля о роли орудий производства. Орудия производства есть показатель господства человека над природой, в то время как цели человека скорее свидетельствуют о его зависимости от природы.

В другом месте своих конспектов Ленин выписывает следующее высказывание Гегеля: «Человек со своими потребностями относится к внешней природе практически; удовлетворяя свои потребности с помощью природы, он ее преодолевает, действуя при этом в качестве посредника. Дело в том, что предметы природы могущественны и оказывают всякого рода сопротивление. Чтобы покорить их, человек вставляет между ними другие предметы природы, обращает таким образом природу против самой природы и изобретает для этой цели орудия. Эти человеческие изобретения принадлежат духу, и такое орудие должно быть поставлено выше, чем предмет природы...». На полях Ленин отмечает: «...у Гегеля зачатки исторического материализма» [12].

Немецкий философ-материалист Людвиг Фейербах дал резкую критику мистификации истории, противопоставив ей антропологический принцип, заключающийся в том, что основой общественного развития является сам человек со всеми его чувствами, переживаниями, идеями. Подобные взгляды, как известно, высказывались и раньше философами и социологами. Однако отстаивание этого теоретического положения в условиях господства идеализма в Германии имело исключительное значение. Маркс и Энгельс с восторгом встретили это выступление Фейербаха. «Кто поставил на место старой рухляди, в том числе и на место «бесконечного самосознания», — писали авторы, — не *«значение человека»* (как будто человек имеет еще какое-то другое значение, чем то, что он человек!), а самого *«человека»*? *Фейербах* и только *Фейербах*. ...*История* не делает *ничего*.., она «не сражается *ни в каких* битвах»! Не «история», а именно *человек*, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История — *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека» [13].

Однако и у Фейербаха человек остался абстрактным существом, исходя из которого он пытается объяснить все общественные явления. Человеческое общество — «естественно-родовая связь

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 286.
[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 102.

людей». Последняя обнаруживается в чувствах человека, в его стремлениях к счастью, в любви к другому человеку. Счастье обособленного человека невозможно. Отсюда самопожертвование ради счастья других. «Человек человеку — бог» — таков исходный принцип Фейербаха для взаимоотношения людей и их морали. Это несомненно упрощение многообразных общественных отношений. Мораль Фейербаха, писал Энгельс, «скроена для всех времен, для всех народов, для всех обстоятельств и именно потому не применима нигде и никогда. По отношению к действительному миру она так же бессильна, как категорический императив Канта. В действительности каждый класс и даже каждая профессия имеют свою собственную мораль, которую они притом же нарушают всякий раз, когда могут сделать это безнаказанно. А любовь, которая должна бы все объединять, проявляется в войнах, ссорах, тяжбах, домашних сварах, разводах и в максимальной эксплуатации одних другими» [14].

Такое понимание общественной жизни не дает объективного критерия для различения существенных и несущественных явлений в обществе и создает неправильное представление о его развитии. Хотя Фейербах и стремится провести свой материализм и в объяснении общественной жизни, он все же не выходит за рамки идеализма. Там, где Фейербах материалист, писали Маркс и Энгельс, он не занимается историей, а там, где он занимается историей, он не материалист. У Фейербаха, как и у Гегеля, есть лишь подступ к историческому материализму. Энгельс, в частности, отмечал следующие теоретические положения Фейербаха, близкие к историческому материализму: «Во дворцах мыслят иначе, чем в хижинах», «Если у тебя от голода и по бедности нет питательных веществ в теле, то и в голове твоей, в твоих чувствах и в твоем сердце нет пищи для морали», «Политика должна стать нашей религией». Аналогичные высказывания Фейербаха отмечает и Ленин. Например: «Довольно с нас также как философского, так и политического идеализма; мы хотим быть политическими материалистами». Ленин считает заслуживающими внимания высказывания Фейербаха о «естественном» и «гражданском мире», индивидуальном и социальном эгоизме. Однако все они не развиты в цельную систему, а носят случайный характер. Заслуга Фейербаха заключается главным образом в том, что он дал толчок развитию положительного знания, оказал революционизирующее влияние на формирование взглядов Маркса и Энгельса. Но для него самого этот толчок оказался бесплодным. Фейербах разделял недостатки, свойственные предшествующим социологическим теориям.

Все прежние теории общественной жизни, отмечал Ленин, страдали двумя крупнейшими недостатками: «Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы,

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 298—299.

не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий» [15].

4. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ

Из всех домарксистских социологических теорий больше всего правильных научных положений об историческом развитии общества дали русские революционные демократы первой половины XIX века: Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, которых Ленин называет непосредственными предшественниками марксизма и революционной социал-демократии в России.

Воззрения этих мыслителей являются вершиной всей домарксистской философии и социологии, крупнейшим шагом на пути создания подлинной науки об обществе. Хотя в целом историко-общественные взгляды русских революционных демократов также оставались идеалистическими, в чем сказалась отсталость русской жизни, все же они ближе, чем кто бы то ни был до Маркса, подошли к научному анализу общественной жизни и высказали в этом отношении ряд замечательных теоретических положений.

Элементы научного понимания истории мы обнаруживаем у всех революционных демократов. Белинский, например, не удовлетворялся сведением истории к «сознательному движению, производимому благородными деятелями», и считал, что «историческое движение и прогресс должны быть определены и охарактеризованы как можно глубже и многостороннее». Пытаясь стать на этот путь, Белинский высказал целый ряд ценных догадок о роли производства и материальных потребностей в жизни общества.

«Общество, — писал он, — как предмет многосторонний.., который состоит из души и тела и в котором, следовательно, *нравственная* сторона должна быть тесно слита с *практическою*, и интересы *духовные* — с выгодами *материальными*... Историк должен показать, что исходный пункт нравственного совершенства есть прежде всего материальная потребность и что материальная нужда есть великий рычаг нравственной деятельности. Если бы человек не нуждался в пище, в одежде, в жилище, в удобствах жизни, — он навсегда остался бы в животном состоянии. Этой истины может пугаться только детское чувство или пошлый идеализм» [16].

Большое значение материальным факторам в общественной

---

[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 57.

[16] В. Г. Белинский. Избр. филос. соч., т. II. М., Госполитиздат, 1948, стр. 149—150.

жизни придавал также и Чернышевский. По его мнению, материальные условия жизни народов составляют «коренную причину почти всех явлений»[17].

Хотя Чернышевский и вводит в свою философию антропологический принцип, характерный для философии Фейербаха, все же в объяснении общественных явлений он от него отходит. Он рассматривает человека как продукт определенных исторических условий, как принадлежащего к определенному общественному классу. Выдвигая принцип партийности философии, Чернышевский отмечает, что люди всегда в своих теориях и идеях отражают интересы своего класса. Важным теоретическим положением Чернышевского является и его ссылка на решающую роль практики в процессе познания.

Правда, все эти высказывания о роли экономики в жизни общества и у русских философов представляют отдельные высказывания, а не единую, цельную материалистическую теорию.

Большим шагом вперед по сравнению со взглядами других домарксистских философов явились идеи русских революционных демократов об истории как едином и закономерном процессе поступательного развития общества от низшего к высшему, происходящего в порядке борьбы между старым и новым, нарождающимся и отмирающим. Эта идея особенно отчетливо выступает в полемике Белинского со славянофилами, которые утверждали, что Россия останется самобытно патриархальной и не пойдет по пути капиталистического развития. Ложность славянофильской доктрины является в глазах Белинского результатом их ошибочной методологии. Ее основной порок, по мнению Белинского, состоит в отсутствии «исторической точки зрения», т. е. в отсутствии взгляда на историю как на закономерный процесс развития человечества. С мастерством подлинного диалектика Белинский разоблачает антинаучный, метафизический характер методологии славянофилов. Их мысль о возможности «перескочить», «перепрыгнуть» через целый исторический период так же смешна в глазах Белинского, как мысль о возможности «переменить порядок годовых времен, заставить за весною следовать зиму, а за осенью — лето».

Мысль об исторической закономерности общественной жизни высказывает и Герцен. Скептически относясь к отживающей демократии, он приближается к мысли об исторической роли рабочего класса в осуществлении социализма. «Ясно видим мы, — писал Герцен в письме «К старому товарищу», — что дальше дела не могут идти так, как шли, что, наконец, исключительному царству капитала и безусловному праву собственности так же пришел конец, как некогда пришел конец царству феодальному и аристократическому. Как перед 1789 отмирание мира средневекового началось с сознания несправедливого подчинения среднего сосло-

[17] Н. Г. Чернышевский. Избр. филос. соч., т. 2. М., Госполитиздат, 1950, стр. 21.

вия, так и теперь переворот экономический начался сознанием общественной неправды относительно работников. Как тогда упрямство и вырождение дворянства помогло собственной гибели, так и теперь упрямая и выродившаяся буржуазия тянет сама себя в могилу»[18]. Это теоретическое положение было величайшей заслугой русских революционных демократов. Живя в условиях крестьянской, крепостнической России, они сумели проникнуть в суть капиталистических отношений, развившихся на Западе, и понять, что капитализм так же обречен, как и крепостничество.

Русские философы впервые в истории общественной мысли доказали, в отличие от западноевропейских социалистов-утопистов Роберта Оуэна и Шарля Фурье, что только революционной борьбой и установлением демократической власти можно достигнуть справедливого общественного порядка, при котором не будет эксплуатации и угнетения. Таким образом, по мнению русских философов, путь к социализму нужно видеть не в примирении классов, не в реформах, не в одном просвещении, а в народной крестьянской революции. «Сколько социализм не ходит около своего вопроса, а у него нет другого разрешения, — писал Герцен, — кроме лома и ружья»[19].

По убеждению революционных демократов, никакая идея сама по себе не может изменить общественного строя, ибо для этого нужна деятельность людей, масс. Трудящиеся классы являются не объектом социальных преобразований, который ждет благодетельных, богатых филантропов, а субъектом этих преобразований, единственной силой, способной создать новое общество.

Вообще в отличие от всех домарксистских философов, которые игнорировали роль народных масс в истории и сводили последнюю к действию героев-одиночек, королей, завоевателей и покорителей государств, русские революционные демократы, органически связанные с народным освободительным движением, придавали большое значение революционной борьбе и роли народных масс в истории, подходили к правильному материалистическому решению этого вопроса. Они доказывали, что народные массы есть движущая сила истории. Личность также играет роль в истории. Ее успех зависит главным образом от того, насколько она осознает потребности общественного развития, опирается на них и на деятельность народных масс.

Русские революционные демократы разработали материалистическое учение о литературе и искусстве. Литературно-эстетические воззрения Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова о связи литературы и искусства с жизнью общества, о необходимости бороться в искусстве за прогрессивные взгляды против реакционных идей и явлений общественной жизни, о необходимости

---

[18] А. И. Герцен. Избр. филос. произв., т. 2. М., Госполитиздат, 1946, стр. 285—286.

[19] Там же, стр. 100.

отражать в литературе жизнь и запросы народа и правдиво, объективно изображать реально существующие события, имели первостепенное значение для разработки материалистической эстетики, эстетики социалистического реализма.

Мысль о каком-то «чистом», отрешенном от действительности искусстве, жившем в своей обособленной сфере, писал Белинский, не имеющем ничего общего с другими сторонами жизни, есть мысль отвлеченная, мечтательная, такого искусства нигде и никогда не было.

Чернышевский сформулировал глубоко материалистическую идею о связи эстетических воззрений и чувств людей с условиями их материальной жизни. Так, анализируя понятия прекрасного, героического, трагического и т. д., он подчеркивает их различие у разных классов и групп. Различный образ жизни этих групп объясняет различие их мыслей. Прекрасное существо, по определению Чернышевского, есть то существо, «в котором мы видим жизнь такою, какова должна быть она по нашим понятиям...» [20]. А из этого вытекает, что представления о красивой девушке у крестьянина иные, чем у представителей класса, презрительно относящегося к физическому труду.

Революционные демократы не представляли собой замкнутой касты философов, а были связаны с народом, что выгодно отличает их от мыслителей Запада домарксовского периода. Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов являлись пламенными патриотами своей родины. Они резко выступали против тех, кто преклонялся перед Западом, доказывая, что новое в науке, литературе, философии могут давать не только мыслители европейских стран. Они верили в самобытное творчество русского народа, способного со временем стать во главе всех просвещенных наций. Как истинные патриоты своей родины, они были непримиримыми противниками самодержавия и крепостничества, боролись за то, чтобы искоренить отрицательные стороны общественной жизни России. Их патриотизм включал в себя в то же время уважение к другим народам. «Патриотизм живой, деятельный, — писал Добролюбов, — именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду, и человек, одушевленный таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества, если только может быть ему полезен. Ограничение своей деятельности в пределах своей страны является у него вследствие сознания, что здесь его настоящее место, на котором он может быть наиболее полезен...» [21].

Учения русских революционных демократов, в противовес учениям целого ряда западноевропейских философов, являются глубоко атеистическими. В них дается глубокая критика религии, подчеркивается, что религия в эксплуататорском обществе всецело стоит на службе угнетателей. Материализм русских философов

[20] Н. Г. Чернышевский. Избр. филос. соч., т. 1, стр. 59.
[21] Н. А. Добролюбов. Соч., т. 3. М., ГИХЛ, 1952, стр. 277.

свободен от религиозно-этических наслоений. Так, Кант принижал роль знания, чтобы очистить место для веры. Гегель утверждал, что познание абсолютной идеи и есть познание бога. Фейербах проповедовал религию «всеобщей любви». Сен-Симон пытался учредить «новое христианство» и т. д.

Таковы в общих чертах заслуги русских революционеров-демократов в развитии социологической мысли. «Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть еще кое-где блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания в области чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю, — писал Энгельс, — не только о революционных социалистах, действующих на практике, но также об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в этом отношении в Германии и Франции официальной исторической наукой» [22].

---

[22] К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 36, стр. 147.

СОЗДАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА И ОСНОВНЫЕ ПЕРИОДЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Как было сказано в предыдущей главе, социологи до Маркса вплотную подошли к открытию материалистического понимания истории. Однако, либо в силу классовой ограниченности, либо в силу отсталости общественной жизни, как, например, в России, они этого сделать не могли.

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОЗДАНИЯ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

В чем состоит причина того, что материалистическое понимание истории было создано в период жизни и деятельности Маркса и Энгельса? Почему оно не могло быть создано раньше, например, в период расцвета рабовладельческого общества или в эпоху Возрождения?

Несомненно, что эта причина лежит не в развитии социологических идей, хотя последние и составляют важную предпосылку возникновения материалистического понимания истории. Она лежит в определенных исторических условиях. Исторический материализм был вызван к жизни потребностями новой общественной практики и явился важнейшей частью мировоззрения партии нового общественного класса пролетариата. Естественно, что пока не было потребностей общественной практики, класса, способного своей деятельностью реализовать теорию, не могло быть и речи о соответствующей научной теории.

Создать исторический материализм — значит показать, что материальная деятельность людей, т. е. производство материальных благ, составляет основу всякой другой их деятельности. При этом нужно было не просто высказать идею, а воплотить ее в форму неопровержимых фактов. Ведь и до Маркса идея о ведущей роли производства в общественной жизни так или иначе высказывалась философами и социологами. Необходимо было, исходя из

этой идеи, дать глубокий научный анализ общественного развития, хотя бы на примере одной общественно-экономической формации. Все это оказалось возможным и необходимым осуществить лишь при наличии определенного уровня развития самого общественного производства.

Люди познавали производство, его законы, его место и роль в обществе по мере того, как возрастала необходимость управлять им. Правильно понять ведущую роль материального производства в общественной жизни, раскрыть законы его развития оказалось возможным лишь тогда, когда перед обществом встала практическая необходимость овладеть им, хотя бы в масштабах отдельной страны, вести его пропорционально, планомерно. Такая необходимость вырисовывается лишь по мере того, как само производство приобретает все более и более общественный характер.

Правда, в известном смысле всякое производство общественно, так как вне общества оно существовать не может. В данном же случае имеется в виду непосредственно общественный характер производства не только на отдельных предприятиях, когда сотни и тысячи рабочих связаны друг с другом единым процессом труда, но и в масштабе целой страны, когда производство может развиваться лишь при наличии связи всех его отраслей друг с другом.

Маркс и Энгельс жили и трудились как раз в тот период (середина XIX в.), когда капитализм все больше и больше утверждал себя как господствующая форма производства. Его бурное развитие, прежде всего в таких странах, как Англия и Франция, было связано с ростом промышленности и усложнением форм этого развития. Так, в Англии с 1837 по 1847 г. добыча каменного угля возросла на 47%, выплавка чугуна — на 67%, судостроение — на 23%, потребление хлопка — на 68%. Суммарная мощность паровых машин увеличилась с 600 000 *л. с.* в 1840 г. до 1 290 000 *л. с.* в 1850 г. Протяженность железных дорог увеличилась с 251 *км* в 1836 г. до 8203 *км* в 1848 г. Такое же бурное развитие промышленности наблюдается и во Франции. За период 1837—1848 гг. добыча угля поднялась на 73%, выплавка чугуна — на 78%; железнодорожная сеть с 1836 по 1848 г. увеличилась со 141 *км* до 2207 *км*; суммарная мощность паровых машин с 1836 по 1847 г. поднялась с 19 до 62 тыс. *л. с.*

Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» следующим образом охарактеризовали это развитие капиталистического производства: «Буржуазия все более и более уничтожает раздробленность средств производства, собственности и населения. Она сгустила население, централизовала средства производства, концентрировала собственность в руках немногих... Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электриче-

ский телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, — какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!»[1].

Но общественному характеру производства, развиваемого капитализмом, все больше не соответствовал частный характер присвоения, основанный на существовании частной собственности. Если общественный характер производства требовал соответствия, постоянной пропорциональности в развитии отдельных его отраслей, общей плановости развития, то частная собственность создавала условия для анархии производства, ставила его общее развитие в зависимость от капризов или частных соображений отдельных капиталистов. Частная собственность становится оковами для развития производительных сил и чем дальше, тем больше ведет к их разрушению. Первый кризис производства разразился в 1825 г. в Англии. Затем экономические кризисы стали закономерным, периодическим явлением. Значит, была необходима такая организация общественного производства, которая давала бы возможность сознательно следить за соблюдением пропорциональности отраслей в развитии производства всей страны. «Историческое развитие, — писал об этом Энгельс, — делает такую организацию с каждым днем все более необходимой и с каждым днем все более возможной»[2].

Таким образом, противоречия капитализма ставят перед общественной практикой неотложную задачу овладеть основой общественного развития — общественным производством. Эту задачу нельзя осуществить, не превратив частную собственность в общественную. Но на страже капиталистической частной собственности стоит буржуазное государство, обладающее военными и другими средствами подавления трудящихся, что и обусловило необходимость политической революции. Только взяв власть в свои руки, пролетариат превращает частную собственность в общественную и тем самым создает необходимые условия для планомерного управления общественным производством.

Общественные события так или иначе проходят через сознание людей. Раз возникла практическая необходимость овладеть общественным производством и распределением, то важно было ее осознать. Так как общественная жизнь подчиняется объективным законам развития, которых отменить нельзя, а можно только разумно использовать, то, чтобы управлять общественным производством и всей общественной жизнью, необходимо было понять эти законы.

Степень развития производства оказывает непосредственное влияние и на развитие соответствующих знаний. Так, чтобы овла-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 428—429.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 359.

деть каменным топором или бумерангом, были необходимы определенные навыки и производственный опыт. Чтобы создать сложную машину, например трактор, требуются уже технические знания и знания явлений и законов природы. Чтобы управлять общественным производством, в целом необходимо знание законов производства, и поскольку производство лежит в основе всей общественной жизни, необходимо знать законы общественного развития в целом.

Раз появляется историческая задача, то возникают и соответствующие условия для ее разрешения. Открытие материальной основы общественного развития было облегчено тем обстоятельством, что в период расцвета буржуазного строя общественные отношения приняли ярко выраженный материальный характер. Другими словами, в самом общественном материальном производстве до капитализма не было предпосылок для того, чтобы раскрыть материальную основу общественных явлений и истолковать общественную жизнь материалистически. Экономические отношения между людьми были завуалированы всякого рода сословными, политическими и другими отношениями. Капитализм же, придав производству общественный характер, выдвинул его на первый план. «Если на первый взгляд, — писал Энгельс, — происхождение крупного, некогда феодального землевладения могло еще быть приписано, по крайней мере в первую очередь, политическим причинам, насильственному захвату, то по отношению к буржуазии и пролетариату это было уже немыслимо. Слишком очевидно было, что происхождение и развитие этих двух больших классов определялось чисто экономическими причинами»[3]. В капиталистическом обществе обострились противоречия производства. Поэтому было легче обнаружить их решающее значение в общественной жизни. Общественный характер производства показывает, что жизнь не столько зависит от деятельности отдельных лиц, сколько эти лица зависят от производства. И не случайно поэтому буржуазная общественная мысль в этот период уже занимается не только описанием деятельности полководцев, королей, т. е. так называемых великих личностей, но также анализом экономического процесса производства.

На возникновение материалистического понимания истории исключительно важное влияние оказало развитие классовой борьбы, вначале между буржазией и феодалами, а затем между буржуазией и растущим, крепнущим пролетариатом.

Рабочий класс, который в конце XVIII в., да и в начале XIX в. еще помогал буржуазии укрепиться у власти, теперь уже выступает против буржуазии, отстаивая свои собственные классовые интересы. Об этом свидетельствует целый ряд исторических событий.

Решительное уничтожение феодализма во Франции в револю-

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 308—309.

ции 1789—1794 гг., революционные буржуазные перевороты в других странах имели важное значение в том отношении, что на первый план выдвинулась борьба между наемным трудом и капиталом.

В 20—40-х годах XIX в. в разных районах Франции систематически возникали забастовки рабочих. Дело часто доходило до вооруженных столкновений рабочих с жандармерией, а восставшие рабочие Парижа (июнь 1832 г.) уже вышли с красным знаменем на борьбу против капиталистов. Парижские стачки рабочих 1840 г. продолжались более шести месяцев.

В Лионе в 1831 г. рабочие подняли восстание против хозяев и городских властей. Они даже захватили власть в городе. Уличные бои с правительственными войсками Луи Филиппа длились несколько дней. Об этом восстании одна из буржуазных газет того времени писала: «Лионское восстание открыло важную тайну — внутреннюю борьбу, проходящую в обществе между классом имущим и классом, ничего не имеющим... Наше торговое и промышленное общество имеет свою язву, как и все прочие общества: эта язва — рабочие. Нет фабрик без рабочих, а с рабочим населением, все возрастающим и всегда нуждающимся, нет покоя для общества... Вот где опасность для современного общества, и отсюда могут выйти люди, которые его разрушат».

Рабочие Англии постепенно перешли от разрушения машин и поджогов фабрик к более высоким формам борьбы — к стачкам и восстаниям. В 1839 г. в Манчестере началась всеобщая забастовка. Но особенно крупный размах получило чартистское движение английских рабочих за народную хартию с требованиями всеобщего избирательного права, ежегодного переизбрания парламента, вознаграждения членов парламента, чтобы депутаты из рабочих могли участвовать в его работе.

Ленин высоко оценивал это движение. Он указывал, что Англия дала миру первое широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарское революционное движение.

В Германии пролетариат заявил о своих уже сформировавшихся самостоятельных классовых интересах восстанием в Силезии в 1844 г.

Эти события свидетельствовали о том, что борьба рабочего класса могла получить полный размах и добиться нужного успеха только в том случае, если она освещалась научной революционной теорией. Поэтому перед идеологами пролетариата встала задача осмыслить роль и место пролетариата как класса в обществе, раскрыть его историческое призвание, указать пути и средства его освобождения. Но это было возможно лишь при условии правильного, материалистического взгляда на общественную жизнь.

«...Вся гениальность Маркса состоит именно в том, — писал Ленин, — что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и

непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма» [4].

Конечно, ответ на поставленные вопросы Маркс нашел не в предшествующей социологии, а в новых условиях общественной жизни. Однако без изучения предшествующей философии и социологии нельзя было осуществить правильный научный анализ общественных отношений. Сам пролетариат, занятый постоянным изнурительным трудом, без соответствующей научной подготовки не может выработать социалистического сознания. «...Социал-демократического сознания у рабочих, — писал Ленин, — *и не могло быть*. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции» [5].

Таким образом, для создания исторического материализма требовались идеологи, т. е. люди, не занятые повседневным изнурительным физическим трудом, способные изучать общественное развитие в целом с точки зрения перспектив классовой борьбы, с учетом закономерностей общественного развития. Такими идеологами могли быть лишь идеологи пролетариата. Объясняется это положением пролетариата в обществе.

Во-первых, именно пролетариат явился тем классом, который самой историей призван разрешить практическую задачу — овладеть общественным производством и распределением и развивать их дальше планово, сознательно учитывая пропорциональность отраслей.

Как учит история, перспективы в развитии той или иной социальной группы или класса зависят от перспектив развития того вида производства, который вызвал ее к жизни. Возникновение, развитие пролетариата, его будущее связано с развитием промышленного производства. В условиях буржуазного общества пролетариат играет в производстве все большую и большую роль, а буржуазия, наоборот, отходит от производства и превращается в класс, тормозящий его развитие. Связь пролетариата с крупным промышленным производством отличает его от других трудящихся классов, например, от крестьянства, связанного с мелким, лишенным перспектив развития, производством.

---

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 40.

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 30—31.

Во-вторых, иитересы пролетариата, как иикогда ранее у других классов, совпали с объективиым ходом истории. Так как развитие капитализма в силу исторической иеобходимости вело к победе пролетариата, то пролетариат был заинтересоваи в том, чтобы раскрыть эту историческую иеобходимость.

Правда, в свое время объективное развитие общества вело к господству буржуазии. Но ее иитересы только в той мере совпадали с общим ходом истории, в какой оиа разрушала феодализм и содействовала развитию производства, иауки, искусства и т. п. Одиако будущее иитересовало и могло иитересовать буржуазию в крайие ограиичеииых пределах, а имеиио постольку, поскольку оио укрепляло ее положение в обществе. Но будущее несет и гибель буржуазии, что иикак ие совпадало с ее интересами. Соответствеиио тому, как буржуазия стаиовилась реакциоииым классом, ее идеологи отходили от иаучиого объясиеиия общественой жизии.

Пролетариат же свободеи от такого рода классовой ограиичеиности. С его освобождеиием, с уиичтожением эксплуататорских классов связаио освобождеиие всех трудящихся и угнетеииых. Если все другие господствующие классы стремились лишь к тому, чтобы замеиить одиу форму частиой собствениости другой и увековечить свое господство, то пролетариат борется против всякой эксплуатации, подиимает всех трудящихся и эксплуатируемых иа строительство бесклассового общества. Будущее рабочего класса — это будущее всего общества. Другими словами, если у буржуазии с объективным ходом истории совпадают лишь ее определеииые виды деятельности, то вся деятельиость пролетариата идет по пути объективного хода истории. Поэтому пролетариат, ие стесиеииый эгоистическими соображеииями и выражающий иитересы всего трудящегося человечества, смог в лице своих геииальиых вождей Маркса и Эигельса смело, ие боясь иикаких выводов, позиать и объясиить общественую жизнь такой, какова оиа есть, и создать подлиииую науку об обществе.

Бесспорно и то, что зиачительиую роль в создаиии исторического материализма сыграла геииальность Маркса и Эигельса. Имеино этому обстоятельству мы обязаиы тем, что материалистическое поиимание истории так глубоко разработаио и так иеопровержимо обосновано. К материалистическому поимаиию истории, отмечал в свое время Эигельс, стремились миогие, ио свою классическую форму выражеиия оно приобрело только благодаря геииальиости Маркса.

Маркс сам рассказывает о том, как ои пришел к материалистическому поимаиию истории. Его специальиостью была юриспрудеиция, которую ои, правда, изучал иаряду с философией и историей лишь как подчинениую дисциплину. По своим политическим взглядам Маркс виачале был революциоииым демократом, а в философии примыкал к революционой части левых демокра-

тов[6]. Работая корреспондентом, а затем в 1842—1843 гг. редактором «Рейнской газеты», наиболее радикального печатного органа Германии, выходившего в Кёльне, Маркс все больше и больше убеждается в необходимости связать философию с жизнью. Сталкиваясь в работе с экономическими и политическими интересами различных классов, Маркс все больше утверждается в мысли о несостоятельности гегелевских абстракций и приступает к серьезному изучению политической экономии и социалистических теорий. Большое влияние на него оказали работы Фейербаха «Сущность христианства» (1841), «Основы философии будущего» (1843) и др. Окончательно становясь на позиции материализма, Маркс сумел в то же время дать блестящую критику недостатков философии Фейербаха: антиисторизма, созерцательности, непонимания роли общественной практики и др.

В работе «Критика гегелевской философии права», написанной в 1843 г., Маркс формулирует и обосновывает вывод, что правовые отношения и формы государства определяются материальными отношениями. Начатое в Париже изучение политической экономии Маркс затем продолжает в Брюсселе, куда он был выслан французским правительством.

Важнейшие идеи исторического и диалектического материализма высказываются Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», а также в «Критике гегелевской философии права». В этих работах дается и критика гегелевской диалектики, ее идеалистического характера.

«Фридрих Энгельс, — отмечает Маркс, — с которым я со времени появления его гениальных набросков к критике экономических категорий... поддерживал постоянный письменный обмен мнениями, пришел другим путем к тому же результату, что и я (ср. его «Положение рабочего класса в Англии»); и когда весной 1845 г. он также поселился в Брюсселе, мы решили сообща разработать наши взгляды в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью. Это намерение было осуществлено в форме критики послегегелевской философии»[7]. Так появилась работа «Немецкая идеология» (1845).

В «Святом семействе», «Немецкой идеологии», «Нищете философии» и других произведениях Маркс и Энгельс дают уже систематическое изложение основных вопросов исторического материализма. Весной 1845 г. Марксом были написаны «Тезисы о Фейербахе», которые Энгельс охарактеризовал как первый документ, содержащий в себе гениальный зародыш нового мировоззрения. Вместе с тем Маркс и Энгельс дают последовательную критику идеализма, а также реакционных политических идей. Эта критика

[6] См. подробно об этом периоде развития Маркса в книге Г. Менде. Путь Карла Маркса от революционного демократа к коммунисту. М., ИЛ, 1957.
[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 8.

сыграла значительную роль в укреплении позиций диалектического и исторического материализма.

Изложение вопросов исторического материализма в тесной связи с разработкой проблем научного коммунизма Маркс и Энгельс дали в «Манифесте Коммунистической партии» (1848), написанном по поручению «Союза коммунистов», предшествовавшем организации Международного товарищества рабочих (I Интернационала). Эта небольшая книжечка, отмечал Ленин, стоит целых томов. Всестороннее изложение вопросов исторического материализма дано в таких бессмертных трудах, как «Капитал» Маркса и «Анти-Дюринг» Энгельса.

Ленин, полемизируя с Михайловским, следующим образом оценивает значение «Капитала» Маркса для создания исторического материализма: «Теперь — со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение, и пока мы не будем иметь другой попытки научно объяснить функционирование и развитие какой-нибудь общественной формации, а не быта какой-нибудь страны или народа, или даже класса и т. п. — другой попытки, которая бы точно так же сумела внести порядок в «соответствующие факты», как это сумел сделать материализм, точно так же сумела дать живую картину известной формации при строго научном объяснении ее, — до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки. Материализм представляет из себя не «по преимуществу научное понимание истории», как думает г. Михайловский, а единственное научное понимание ее» [8].

Таким образом, исторический материализм возник и формировался не в стороне от диалектического материализма, не после него, а одновременно с ним как единое научное мировоззрение.

2. СУЩНОСТЬ ПЕРЕВОРОТА, СОВЕРШЕННОГО МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ ВО ВЗГЛЯДАХ НА ОБЩЕСТВО

Как было показано, всем предшествующим марксизму теориям общественного развития, при всем их разнообразии, присущ был общий недостаток — идеалистический подход к объяснению общественной жизни. Домарксовские социологи и философы, исходя из того факта, что люди в своих поступках руководствуются сознанием, приходили к неправильному общему выводу — отводили ведущую роль сознанию, а не бытию.

Маркс, анализируя общественную практику, пришел к прямо противоположному выводу. Энгельс следующим образом сформулировал этот вывод: «Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идео-

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 139—140.

логическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, — а не наоборот, как это делалось до сих пор» [9]. Все это позволило Марксу дать и общую формулировку материалистического понимания истории, а именно: не сознание людей определяет их общественное бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. Обосновав идею материалистического понимания истории, Маркс и Энгельс смогли правильно раскрыть и роль народных масс в истории. Если материальное производство — основа общественной жизни, то история общества есть, прежде всего, история материального производства людей, а значит и трудящихся — производителей материальных благ. Следовательно, не выдающиеся личности, не герои, а трудящиеся — подлинные творцы истории. В то же время исторический материализм не отрицает и роли выдающихся личностей в истории. Однако деятельность этих личностей возможна лишь на основе деятельности масс, от нее зависит, определяется ею.

Деятельность масс и деятельность личности в то же время зависят и от объективных закономерностей общественного развития. Трудящиеся производят материальные блага, руководствуясь сознанием, но их сознательная деятельность детерминирована уровнем развития материального производства. Эта детерминированность и есть не что иное, как результат действия определенных законов общественного развития. Благодаря открытию материальной основы общественного развития Марксу и Энгельсу удалось вскрыть в сложном лабиринте общественных отношений повторяемость, внутреннюю связь, закономерность. Таким образом, они похоронили идеалистический, антинаучный взгляд на историю общества как на хаотическое скопление случайностей, отвергли «теории», сводящие историю к нагромождению произвольных действий выдающихся личностей. Развитие общества есть такой же закономерный процесс, как и развитие систем живой и неживой природы. Если в различные исторические периоды наблюдаются различные исторические события, то это вполне закономерно, они с необходимостью вытекают из условий материальной жизни общества.

Весьма показательна в этом отношении характеристика метода Маркса в социологии, данная в одной из рецензий на «Капитал». Сам Маркс выбрал из этой рецензии те теоретические положения,

---

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 350—351.

которые, по его словам, очень удачно характеризуют этот метод. «Для Маркса важно только одно: найти закон тех явлений, исследованием которых он занимается. И при этом для него важен не один закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, еще важен закон их изменяемости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому. Раз он открыл этот закон, он рассматривает подробнее последствия, в которых закон проявляется в общественной жизни... Сообразно с этим Маркс заботится только об одном: чтобы точным научным исследованием доказать необходимость определенных порядков общественных отношений и чтобы возможно безупречнее констатировать факты, служащие ему исходными пунктами и опорой. Для него совершенно достаточно, если он, доказав необходимость современного порядка, доказал и необходимость другого порядка, к которому непременно должен быть сделан переход от первого, все равно, думают ли об этом или не думают, сознают ли это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественноисторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами еще определяющие его волю, сознание и намерения...» [10].

Таким образом, сущность переворота, совершенного Марксом и Энгельсом во взглядах на общественную жизнь состоит:

а) в раскрытии материальной основы общественного развития, в доказательстве того, что материальная, производственная деятельность людей определяет всякую другую их деятельность, а материальные отношения, складывающиеся в процессе производства, определяют все другие их общественные отношения;

б) в раскрытии роли народных масс в истории, в доказательстве того, что не выдающиеся личности, а народ — подлинный творец истории;

в) в раскрытии законов общественного развития, в доказательстве того, что общественное развитие представляет собой закономерную смену общественно-экономических формаций.

Краткая формулировка сущности переворота во взглядах на общество дана Марксом в его предисловии к работе «К критике политической экономии». «В общественном производстве своей жизни, — писал Маркс, — люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные

---

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 20.

формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»[11].

Благодаря созданию материалистического понимания истории стало возможным перейти к конкретному изучению общественно-экономических формаций. Главное внимание Маркс сосредоточил на анализе капитализма, сумел разоблачить тайну капиталистического производства, создать теорию прибавочной стоимости. «Маркс, — говорил Энгельс, — открыл также особый закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости в эту область была сразу внесена ясность, в то время как все прежние исследования как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков были блужданием в потемках»[12].

Решение коренных вопросов исторического материализма позволило по-новому рассмотреть и вопросы о классах и классовой борьбе, создать научную теорию, без которой невозможно правильно решить ни одного вопроса общественной жизни. В письме к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. Маркс так определил свою роль в исследовании проблемы классов и классовой борьбы. «Что касается меня, — писал он, — то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь с *определенными историческими фазами развития производства,* 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата,* 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов* и к *обществу без классов*»[13].

Таким образом, новое в учении Маркса о классах и классовой борьбе состоит, прежде всего, в материалистическом, научном истолковании проблемы. Маркс показал, что основой существования классов и классовой борьбы являются определенные изменения в условиях материальной жизни общества, что каждому исторически возникшему антагонистическому способу производства соответствует определенная форма присвоения общественного труда, определенная форма эксплуатации человека человеком. Другими словами, Маркс раскрыл связь между общественными классами (рабами и рабовладельцами, крепостными крестьянами и феодалами, рабочими и капиталистами), с одной стороны, и опрелен-

---

[11] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 6—7.
[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 351.
[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 424—427.

ными фазами развития производства, обмена и распределения, с другой. А это привело к выводу о том, что классы не вечны, что они возникли и исчезнут в силу внутренних законов развития общественного производства.

Обосновывая этот вывод, Маркс научно доказал, что выход из противоречий буржуазного общества возможен только путем установления революционной диктатуры рабочего класса. Развивая эти взгляды, Ленин подчеркивал, что необходимо отличать марксистское понимание классовой борьбы от либерально-буржуазного ее понимания. Марксист не тот, кто признает классовую борьбу, а тот, кто доводит признание классовой борьбы до признания необходимости диктатуры пролетариата.

Характеризуя отношение марксистского учения об обществе к домарксовским, Ленин писал: «Домарксовская „социология" и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий, — на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса» [14].

Маркс и Энгельс как идеологи пролетариата, формулируя основные положения исторического материализма, прежде всего ставили своей задачей помочь рабочему классу усвоить понимание своей исторической миссии могильщика капитализма и творца нового коммунистического строя, понимания своего собственного общественного положения и своих потребностей, понимания реальных условий своего освобождения. Разрешение этих задач на основе исторического материализма и теории прибавочной стоимости означало превращение социализма из утопии в науку, создание научного коммунизма.

---

[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 57—58.

3. ЛЕНИНСКИЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Исторический материализм мог развиваться и обогащаться новыми положениями лишь в процессе его применения к решению теоретических и практических задач в новых исторических условиях. Разрешая насущные задачи революционной борьбы рабочего класса, развивая положения научного коммунизма, политической экономии, диалектического материализма, Ленин развивает и исторический материализм.

Ленин отстоял и развил дальше теорию исторического материализма в ожесточенной и непримиримой борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными теориями, с извратителями марксизма: народниками, легальными марксистами, меньшевиками, эмпириокритиками, оппортунистами II Интернационала и т. д. и т. п. Ленин развил теорию исторического материализма в новых условиях. Что это были за новые условия?

Конец XIX и начало XX в. образуют период, когда капитализм вступил в свою последнюю фазу развития, в фазу империализма, когда противоречия обостряются до крайности и ведут к войнам и социалистическим революциям. Громадные национальные богатства сосредоточиваются в руках небольшого количества семейств. Буржуазия оказывается неспособной управлять старыми методами. Пролетариат же, наоборот, становится более сильным, сплоченным, организованным, формируются рабочие и коммунистические партии. Буржуазия усиливает борьбу против рабочего класса, широко используя ревизионизм.

Перед Лениным встала задача обоснования в новых условиях необходимости замены капитализма социализмом. Борьба за новый общественный строй велась по всем линиям и в области теории, и в области революционной практики. Ленин вновь и вновь возвращался к обоснованию основного вопроса философии, к раскрытию истинных отношений между общественным бытием и общественным сознанием, между материальными и идеологическими отношениями. Критикуя социологию народников, Ленин развивает дальше вопросы об объективном характере исторических закономерностей, о роли народных масс и личности в истории. Он показывает, что исторический процесс есть процесс деятельности масс и, следовательно, движущие силы истории нужно искать в этой деятельности, а не вне ее. В то же время Ленин подчеркивает, что сознательная деятельность людей подчиняется действию определенных законов. Критикуя попытки Струве отрицать идею естественноисторического закона в общественном развитии, Ленин подчеркивает, что «идея естественного закона в функционировании и развитии общества не приходит в упадок, а крепнет все более и более» [15].

---

[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 42.

Враги марксизма отрицали закономерный характер общественного развития, утверждали, что признание марксизмом общественных законов означает принижение роли личности, недооценку ее инициативы и т. п. Ленин доказал, что, признавая историческую необходимость, марксизм не отрицает и роль личности в истории. Наоборот, только признание исторической необходимости дает возможность правильно понять эту роль. Роль личности зависит от того, насколько она сумеет понять эту историческую необходимость и опереться на нее в практической деятельности.

Критикуя идеалистическое положение Богданова о том, что в «точном смысле» слова «общественное сознание» и «общественное бытие» тождественны, Ленин писал: «Какой бы „точный" смысл слов „общественное бытие" и „общественное сознание" Богданов ни придумывал, остается несомненным, что приведенное нами положение его *неверно*. Общественное бытие и общественное сознание не тождественны, — совершенно точно так же, как не тождественны бытие вообще и сознание вообще. Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию. Вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации — *не сознают* того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д. Например, крестьянин, продавая хлеб, вступает в «общение» с мировыми производителями хлеба на всемирном рынке, но он не сознает этого, не сознает и того, какие общественные отношения складываются из обмена. Общественное сознание *отражает* общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо. Сознание вообще *отражает* бытие, — это общее положение *всего* материализма. Не видеть его прямой и *неразрывной* связи с положением исторического материализма: общественное сознание *отражает* общественное бытие — невозможно» [16].

Излагая марксистское деление общественных отношений на материальные и идеологические, Ленин уточняет критерий этого деления, показывая, что первые складываются независимо от воли и сознания людей, вытекают из объективного процесса производства, в то время как вторые не могут сложиться, не проходя предварительно через сознание людей.

Борьба Ленина против экономистов, против недооценки роли революционной теории в рабочем движении, против преклонения перед его стихийностью послужила одной из причин разработки такого общетеоретического вопроса, как вопрос об активности сознания, о роли идей в общественном развитии. Общественное бытие определяет общественные идеи, ведет к изменению этих идей.

[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 342—343.

Но идеи играют большую роль в общественном развитии, оказывают обратное влияние на общественное бытие. Особенно велика эта роль в периоды революционных преобразований и, в частности, в период социалистической революции. Без революционной теории, по словам Ленина, не может быть и революционного движения. Революционная теория освещает путь революционной практике.

Ленин неоднократно, во многих статьях, в связи с различными революционными задачами, стоящими перед Коммунистической партией, подробно анализирует также вопрос о преемственности в развитии общественного сознания. Он показывает, что марксизм не есть какое-то сектантское учение, а дальнейшее развитие экономических, социологических, философских знаний, приобретенных в прошлом. Критикуя пролеткультовцев, отрицавших роль предшествующей культуры в создании культуры социалистического общества, Ленин убедительно доказывает, что без критического использования всего того, что создано человечеством в предшествующих формациях, нельзя строить коммунизм. В то же время Ленин раскрывает перспективы дальнейшего развития политических, правовых, философских, моральных и других взглядов, указывает на условия преодоления религиозного мировоззрения и т. д.

Большое значение для исторического материализма имеет разработка Лениным теории общественно-экономической формации, ее структуры, особенностей развития. Ленин показывает, что без глубокого изучения конкретных общественно-экономических формаций не может быть правильного представления и об обществе в целом, об историческом прогрессе и т. д. «Откуда возьмете вы,— пишет он, — понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к объективному анализу каких бы то ни было общественных отношений?» [17].

В трудах «Развитие капитализма в России», «Империализм, как высшая фаза капитализма» и многих других Ленин дает глубокий анализ капиталистической формации, раскрывает ее своеобразие в условиях России, раскрывает закономерности ее развития в период империализма.

Особое внимание Ленин уделяет вопросу о взаимоотношении экономики и политики. Он показывает, что политика есть концентрированное выражение экономики. В силу этого политика главенствует над экономикой, так как именно политическими средствами решаются коренные экономические проблемы. Это взаимоотношение экономики и политики прослеживается им на примере периода диктатуры пролетариата.

Ленин развил учение Маркса о классовой борьбе как движу-

[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 141.

щей силе истории в новой исторической обстановке применительно к условиям победы диктатуры пролетариата в одной стране, дал четкое определение классов, классифицировал формы классовой борьбы в обстановке диктатуры пролетариата и социалистического строительства.

Руководство революционным движением в России было причиной глубокой разработки вопросов государства и революции, привело к созданию новой теории социалистической революции, к раскрытию путей и методов построения социалистического общества в одной стране и т. д.

Перечисление вопросов, разработанных Лениным, можно было бы продолжать и дальше. Он конкретизирует и развивает почти все положения исторического материализма. Поэтому изложить их — значит, изложить весь исторический материализм. В данном случае ограничимся лишь общим выводом: ленинизм — новая ступень в развитии марксизма, связанная с эпохой империализма и пролетарских революций.

4. СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА И ЗАДАЧИ БОРЬБЫ С БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ

Название данного параграфа может вызвать вопрос: разве современный этап в развитии исторического материализма не является ленинским этапом? Несомненно, является. И не только ленинским, но и марксистским. Ведь речь идет о развитии одной и той же марксистско-ленинской философии. Однако современный этап в то же время отличен, имеет свои специфические черты, вытекающие из особенностей современной эпохи. Что же собой представляет современная эпоха?

«Современная эпоха, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, — записано в Программе КПСС, — есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидация колониальной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжество социализма и коммунизма во всемирном масштабе. В центре современной эпохи стоят международный рабочий класс и его главное детище — мировая система социализма»[18].

Новая эпоха ставит новые задачи перед историческим материализмом. Эти задачи получают теоретическое разрешение в документах партий социалистических стран, в выступлениях их руководителей, в документах совещаний коммунистических и рабочих партий и т. д.

Особого внимания заслуживают как в теоретическом, так и в практическом отношении вопросы, поднятые на XX, XXII, XXIII

---

[18] «Материалы XXII съезда КПСС». М., Госполитиздат, 1961, стр. 322.

съездах КПСС и на международных совещаниях коммунистических и рабочих партий. Они представляют новый и значительный вклад в развитие теории научного коммунизма и исторического материализма. Современная эпоха применительно к нашей стране есть эпоха строительства коммунистического общества. А построить коммунизм — значит прежде всего создать производительные силы и производственные отношения коммунистического общества. Поэтому получают свое дальнейшее развитие вопросы исторического материализма о производительных силах, производственных отношениях и вообще о способе производства как основе общественного развития. Коммунизм как формация характеризуется своей особой структурой. Поэтому перед историческим материализмом встает задача развивать вопросы о соотношении базиса и надстройки, о социальной структуре формации и т. д. Построение коммунизма ставит задачу формирования нового человека. Поэтому проблема личности, проблема взаимосвязей личности и общества также получает соответствующую разработку. Другими словами, сама практика коммунистического строительства требует дальнейшего развития всех важнейших вопросов исторического материализма. И поэтому в партийных документах, в выступлениях руководителей партии и правительства получают свое известное разрешение и теоретические вопросы. Ярким тому примером является Программа КПСС.

Неисчерпаемым источником развития исторического материализма служит практика международного рабочего движения. В Документах международных совещаний коммунистических и рабочих партий получили освещение многие теоретические вопросы и, в частности, исключительно важный вопрос о соотношении общих закономерностей и специфических условий развития в каждой стране.

Любая наука, в том числе и исторический материализм, может успешно служить практике только в том случае, когда в ней усиленно разрабатываются собственные теоретические основы. Исторический материализм как относительно самостоятельная область знаний имеет и свои внутренние потребности. Поэтому в современных условиях требуются и специальные люди, освобожденные от других видов деятельности, которые посвятили бы себя задачам развития философии. В работах советских философов получили дальнейшую разработку многие вопросы исторического материализма.

Исторический материализм вырос, окреп и закалился в ожесточенной борьбе с различного рода буржуазными, мелкобуржуазными и оппортунистическими течениями. Задача идеологической борьбы остро стоит и в наше время. С созданием подлинной науки об обществе различные ошибочные, ненаучные и антинаучные теории не исчезают. Объясняется это тем, что они выгодны для буржуазии. Современная буржуазная социология выполняет определенные функции, связанные с господством буржуазии, и пока

эти функции будут сохраняться, будет сохраняться и буржуазная социология.

Об одном и том же предмете, каким, в частности, является предмет исторического материализма, может быть только одна подлинная наука. Что же касается ошибочных теорий, то их, естественно, может быть очень много. Современная буржуазная социология характеризуется множеством направлений, школ, течений. У нас нет возможности рассматривать каждую из них. Мы остановимся лишь на вопросе об их классификации и характерных общих чертах.

Предварительно отметим, что современные буржуазные социологические теории держатся не только на классовых корнях, но имеют также и гносеологические корни. Они всегда рассматривают какие-то стороны общественной жизни, хотя и не могут дать их правильного научного освещения.

Множеством школ и направлений, как мы уже видели, характеризовалась и домарксовская социология. До тех пор пока не была раскрыта материальная основа общественного развития, за исходный пункт исследования общества как целого принимались различные общественные явления, взятые преимущественно из области идеологической деятельности. Поэтому и теорий об обществе было много, и все они, конечно, отличались друг от друга. Открытие материальной основы общественного развития Марксом и Энгельсом означало, кроме всего прочего, замену многих различных теорий одной, но подлинной научной теорией. С этого момента дальнейшее развитие знаний об обществе осуществляется и может осуществляться лишь как развитие одной теории, т. е. исторического материализма. Эта теория непрерывно развивается и обогащается все новыми и новыми идеями, соответствующими новой исторической обстановке. Но она не может быть заменена принципиально иной теорией, ибо ее главный принцип — соответствие действительности. Однако в буржуазном обществе исторический материализм не является приемлемым. Поэтому там сохраняется положение, напоминающее то, которое было в домарксовской буржуазной социологии, с тем, однако, отличием, что современная буржуазная социология ведет постоянную борьбу с историческим материализмом и научным коммунизмом.

Классификация направлений, школ, течений современной буржуазной социологии является довольно трудным делом. Между ними далеко не всегда можно найти четкие различия. Почти все они страдают эклектизмом, т. е. механическим сочетанием разнородных принципов и т. д. Чаще всего их классифицируют по тому фактору, который принимается за основу для разработки всей теории. По этому принципу различают биологическое направление, подразделяющееся на органическую школу, социальный дарвинизм и неомальтузианство; географическое и психологическое направления, эмпирическую социологию и др. «Эмпирическая социология, школа структурно-функционального анализа, социо-

логия индустриализма, теории социальной структуры и неомальтузианство являются, на наш взгляд, — пишет С. И. Попов, — основными направлениями современной буржуазной социологии»[19].

Сравнение исторического материализма и современной буржуазной социологии приводит к выводу о противоположных тенденциях в их развитии. Чем больше развивается, углубляется и распространяется марксистско-ленинская теория, тем большую реакционность, антинародность и пестроту приобретает буржуазная социология.

Важнейшей общественной функцией исторического материализма является раскрытие объективных законов общественного развития с тем, чтобы обеспечить планомерное изменение общественных отношений, построение нового коммунистического общества.

Важнейшая общественная функция, которую выполняет современная буржуазная социология, — это поиски путей укрепления капитализма, обоснование его вечности и незыблемости со всеми его внутренними особенностями: эксплуатацией человека человеком, колониализмом, милитаризмом и т. д.

Так, школа структурно-функционального анализа (Р. Мертон, Т. Парсонс), рассматривая общество как определенную систему, состоящую из частей или элементов, пытается обосновать незыблемость, стабильность буржуазного общества. Согласно этому учению, нормальное состояние общественной системы — равновесие. Оно достигается в том случае, когда все части функционируют правильно. «Правильное» же функционирование достигается соблюдением определенной совокупности норм. Всякое революционное действие рассматривается как социальная аномалия, грозящая здоровью общественного организма. Поэтому всякие социальные изменения и конфликты нужно предупреждать и ликвидировать.

Близкие к этим взгляды на общество развивают и неотомисты. Именно деление общества на буржуазию и пролетариат обеспечивает функциональное единство, жизнеспособность общественного организма. Всякое же зло в истории представляет следствие греховной природы человека, и никакие социальные преобразования не способны его устранить. Только загробный мир может обеспечить вечное блаженство людям. Покорность и смирение — вот чем должно характеризоваться поведение трудящихся. Противоположность между бедностью и богатством, по словам Пия XII, необходима «для лучшего испытания человеческих достоинств». Учение о классах и классовой борьбе, по мнению неотомистов, — заблуждение, вызванное распространением марксистской теории. Неотомизм же призван установить гармонию между классами, их примирение. Важнейшая задача социологии, как утверждает амери-

[19] С. И. Попов. Критика современной буржуазной социологии. М., «Мысль», 1967, стр. 14.

канский неотомист Кронин, состоит в том, чтобы способствовать созданию гармонии между трудом и капиталом, содействовать осознанию общих проблем и нужд. Коммунизм как социальная система отрицается. Никакой коммунизм не может изменить природы человека, а может якобы лишь привести к появлению зависти, тщеславия, жажды власти и т. п.

Противоположность общественных функций исторического материализма и современных буржуазных учений об обществе выступает, далее, как противоположность подлинно научного познания действительности и иллюзорного, извращенного ее отражения. Современная социология во всех случаях, когда она не служит непосредственным практическим целям, т. е. в сфере общей теории, не имеет в себе даже тех элементов научности, которые были свойственны ранним буржуазным социологическим теориям. Но в ней есть наукообразность, стремление подкраситься под бесстрастную объективную науку. Наиболее ярким примером в данном случае является эмпирическая социология. Она ратует за чистую науку, независимую от какой бы то ни было идеологии и философии. Эмпирические факты не берутся ею как проявление определенных общественных закономерностей, а в лучшем случае как случайный набор отдельных зафиксированных состояний данного объекта. Объединяющим моментом эмпирической социологии является не научная теория общественного развития, а методика исследования. Конечно, нельзя отказать буржуазным социологам в заслуге разработки методики эмпирических исследований. Но отказ от теории, раскрывающей законы общественного развития, есть отказ от науки. Нельзя отказать эмпирической социологии и в связи с капиталистической практикой, которую эта социология обслуживает. Социологи проводят исследования общественного мнения, исследуют психологию покупателей, избирателей и т. д. Знание настроения масс необходимо для решения задач укрепления буржуазного господства. Эмпирические факты подбираются в духе апологетики и антикоммунизма. Так, американский социолог Д. Рисман признает, что проведение конкретных социологических исследований в США имеет конечную цель — контроль над мыслями и поведением людей.

Противоположность исторического материализма и современной буржуазной социологии выступает так же, как противоположность материализма и идеализма. Социологические концепции современных буржуазных идеологов — это в большинстве случаев разновидности субъективного идеализма (психологическое направление, микросоциология). Отрицание объективной закономерности, сведение всего богатства общественной жизни к области чувств, настроений и т. п. — характерная черта современной буржуазной социологии. При этом отрицание объективной закономерности явлений идет параллельно с отрицанием роли общей теории, со стремлением к голому эмпиризму и пр.

Противоположность исторического материализма и современ-

ной буржуазной социологии выступает, наконец, как противоположность диалектики и метафизики. Исторический материализм — это диалектическая теория общественного развития. Буржуазные же социологические теории метафизичны, что проявляется, в частности, в отрицании поступательного развития общества.

Таким образом, борьба исторического материализма против современной буржуазной социологии есть борьба за подлинно научное познание общественной жизни. Она немыслима без постоянного разоблачения попыток буржуазных социологов дискредитировать марксизм, подорвать влияние марксистско-ленинских идей на трудящиеся массы, посеять недоверие к странам социализма, ослабить пролетарский интернационализм.

Борьба современной буржуазной социологии против исторического материализма ведется почти по всем его основным вопросам. Она выражается в подмене объективных исторических законов субъективными факторами, в «подновлении» капитализма, в отрицании теории классов и классовой борьбы, в отрицании классовой сущности современного буржуазного государства и т. д.

Разоблачение буржуазной социологии — одна из важнейших задач идеологической борьбы в наше время.

ОБЩЕСТВЕННОЕ БЫТИЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

В истории философии в понятие «бытие» вкладывалось различное содержание. У разных авторов бытие могло означать не только материю, но и абсолютную идею, и совокупность ощущений, и бытие бога. Тем не менее для последовательного материалиста никакого другого бытия, кроме материи, не существует. Если бытие — это существующее, то существующее и есть материя[1]. Окружающий нас материальный мир — это различные виды движущейся материи с их разнообразными свойствами. Определить общественное бытие — значит показать, что собой представляет общественный вид материи. Общественное бытие и есть материальная основа общественного развития.

Люди не находят в природе все необходимое для их жизни в готовом виде. Для удовлетворения своих потребностей они вынуждены производить соответствующие продукты. Поэтому основу их жизни составляет труд, материальное производство. Производя материальные блага, люди воспроизводят и самих себя. Раз возникнув, производство стало основой и потребления людей, и их размножения, придавая биологическим процессам социальные черты. Общественное бытие людей, таким образом, включает в себя в преобразованном виде и их природное бытие, т. е. географическую среду и народонаселение.

Общество возникает как трудовой коллектив. Поэтому его анализ следует начинать с характеристики труда как процесса превращения людьми предметов природы в определенные полезные для них продукты.

---

[1] В литературе по историческому материализму также существуют различные взгляды на понятие общественного бытия. См. по этому вопросу: В. П. Тугаринов. О категориях «общественное бытие» и «общественное сознание». «Вопросы философии», 1958, № 1; Г. Е. Глезерман. К вопросу о понятии «общественное бытие». «Вопросы философии», 1958, № 5 и др. Наиболее обстоятельный анализ всех этих точек зрения и положительное изложение проблемы даны в книге В. И. Газенко. Общественное бытие (философское понятие, структура и закономерности). М., 1968 (на правах рукописи).

I. ЭЛЕМЕНТЫ И СТРУКТУРА ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТИЯ. СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА

Понятие труда и понятие производства экономисты обычно различают. Если труд — это затрата физиологических сил человека, то производство — все процессы, необходимые для превращения предмета в полезный продукт. Так, если труд винодела исчерпывается тем, что он собирает виноград, выжимает из него сок и наполняет им бочки, то к производству нужно отнести и процесс брожения. Однако эти различия в данном случае существенной роли не играют, и мы будем пользоваться словами «труд», «материальное производство» как синонимами.

Материальное производство — главный интегрирующий фактор общественной жизни. Иначе говоря, все элементы, охватываемые материальным производством и потреблением, и есть элементы общественного бытия.

Так как производственная деятельность есть деятельность *людей*, то люди составляют первый элемент этой материальной основы. Человеческое общество есть общество людей, и его история есть история людей. Но для того чтобы производить материальные блага, необходимы *орудия производства, предмет и условия труда* (различного рода постройки, рабочие помещения, транспорт и т. д.). Кроме того, не существует общественного производства и без продукта труда. Предмет, включаясь в производство, уже в какой-то мере является и продуктом труда.

Все эти элементы не только объединяются в единую систему процессом труда, но и являются таковыми благодаря труду.

Человек является общественным существом именно благодаря труду. Существуют, писали Маркс и Энгельс, многие признаки, по которым можно отличать людей от стада животных. Люди сами начинают отличать себя от животных тем, что производят необходимые для себя средства к существованию. Именно благодаря труду люди все больше и больше выделяются из мира животных.

Орудия труда, являясь продуктом труда, являются действительными орудиями лишь в процессе труда. Машина, говорит Маркс, которая не служит человеку, бесполезна. Условия труда — это не только естественные условия существования, каковы, например, сила тяжести, трение, состав воздуха, его температура и т. д., но и искусственные факторы, созданные людьми для облегчения и улучшения процесса труда, например транспорт, подвозящий предмет труда к средствам производства; помещения, защищающие от непогоды, вентиляция, искусственный климат и т. п. Все эти факторы опять-таки являются действительными условиями труда лишь в том случае, когда они служат этому труду.

Предмет труда является таковым не просто потому, что он существует в природе, а потому, что к нему прилагается человече-

ский труд. Тот или иной предмет природы, например урановая руда, становится действительным предметом лишь на определенной ступени развития общественного производства. В потенции, в возможности, все предметы природы являются предметами труда. В действительности же предметами труда является вполне определенное количество предметов природы, соответствующее данному уровню развития общественного производства.

В еще большей степени от труда зависит продукт труда, который по существу есть не что иное, как «консервированный», омертвленный труд. Важнейшей чертой этого труда является его способность к накоплению в продукте труда. Без этой способности немыслимо было бы поступательное развитие материального производства и всей общественной жизни.

Произведенный продукт поступает в сферу потребления и в свою очередь требует различного труда, но уже непосредственно связанного с потреблением, с осуществлением быта людей.

Таким образом, материальная основа общественного развития представляет собой единство разнообразных элементов. Различия между ними носят относительный характер, что опять-таки подчеркивает их внутреннее единство. В процессе производства они могут превращаться друг в друга. Кроме того, каждый из элементов может оказаться при других условиях другим элементом. Человек, осуществляющий труд, может оказаться предметом труда и, в известном отношении, его продуктом (педагогический труд), его орудием и т. д. Предмет труда может оказаться продуктом труда (сырье) и орудием труда (почва, растение). Условие труда может оказаться орудием (различного рода сосуды в химической промышленности и т. д.). Однако в определенном, конкретном виде труда все эти элементы четко отличаются друг от друга по своим функциям и, следовательно, являются различными элементами.

Все рассмотренные элементы мы подразделяем в первую очередь на такие, которые являются активными, т. е. *действуют, преобразуют, производят,* и на такие, которые являются пассивными по своим функциям, т. е. *подвергаются действию, преобразованию.* Действующая сторона в совокупности называется *производительными силами* общества. Пассивная сторона — предмет и продукт труда — не получила пока общего названия. Уже из рассмотренного отношения сторон вытекает, что предмет и продукт труда по своим специфическим функциям не включаются в производительные силы, а представляют их прямую противоположность [2].

---

[2] Здесь нет возможности разобрать подробно точку зрения авторов, включающих предмет труда в производительные силы. Такой разбор см., например, в дисс. П. Е. Ходькова «Социалистические производственные отношения — мощный двигатель развития производительных сил» (М., 1961). Глубокое обоснование противоположности производительных сил и предмета труда дано в брошюре А. И. Крылова и В. А. Андроненко «Производительные силы и источники их развития» (М., 1963).

Производительные силы общества — это прежде всего люди. Именно они производят материальные блага. Но не все люди — производительные силы в действительности. Если человек не трудится, а проводит время праздно, он не есть производительная сила. Поэтому паразитические, эксплуататорские классы в обществе нельзя рассматривать как действительную производительную силу. *«Первая производительная сила всего человечества,* — писал Ленин, — *есть рабочий, трудящийся»* [3].

Люди являются производительной силой благодаря знаниям, навыкам, производственному опыту. Без навыков, производственного опыта, а на определенном уровне развития орудий производства, и без научных знаний человек не может производить, а значит не может быть производительной силой. Навыки, опыт, знания приобретаются как в процессе формирования человека, его подготовки к общественному производству, так и в самом производстве.

Люди производят материальные блага не голыми руками, а при помощи определенных средств труда, т. е. орудий и условий труда. Орудия и условия труда можно различать по степени приложения к ним труда. Так, существуют естественные производительные силы, представляющие силы природы (энергия падения воды, солнечного света и т. п.), направленные человеком на осуществление определенной работы. Существуют орудия, являющиеся в более высокой степени продуктом труда, например машины.

В процессе развития общества постоянно совершенствуются и орудия труда: от универсального орудия до орудий высокоспециализированных; от простейшего каменного топора, заостренной палки — до современных автоматических заводов. В этом поступательном развитии орудий труда имеют место не только количественные, но и качественные изменения. Последние выражаются: а) в использовании и превращении новых сил природы в орудия труда; б) в способе приведения их в действие, в способе связи людей и орудий труда.

Что касается первого пункта, то орудия труда, основанные на силе человека, животных, воды, воздуха, электричества, атомной энергии, можно считать качественно различными орудиями.

По способу изготовления и приведения в действие орудия также могут быть качественно различными. Они могут быть орудиями, изготовляемыми и приводимыми в действие индивидуальным трудом. Такие орудия обычно существуют как инструменты личного, индивидуального пользования (молоток, топор, соха и т. д.). Это значит, что орудия имеют частный характер. Они могут быть орудиями, создаваемыми многими людьми и требующими для своего приведения в действие коллективного труда (машины, промышленные предприятия). В этом случае орудия имеют общественный характер. Наконец, орудия могут изготовляться коллекти-

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 359.

вом, но приводиться в действие отдельным человеком и наоборот. По своему характеру это также общественные орудия.

В первобытнообщинном, рабовладельческом и феодальном обществах орудия производства носят преимущественно частный, индивидуальный характер. Их превращение из орудий индивидуальных в орудия общественные происходит в большом масштабе только в капиталистическом обществе. До появления капиталистического производства, писал Энгельс, орудия были орудиями только отдельных лиц, рассчитанными лишь на единоличное употребление. «Сконцентрировать, укрупнить эти раздробленные, мелкие средства производства, превратить их в современные могучие рычаги производства — такова как раз и была историческая роль капиталистического способа производства и его носительницы — буржуазии»[4]. Энгельс далее показывает, что буржуазия не могла осуществить этой задачи, не превратив орудия из частных в общественные, приводимые в движение усилиями целых коллективов. Происходит отрицание частных орудий общественными.

Но развитие производства этим не заканчивается. Трудоемкие операции, осуществляемые людьми, постепенно начинают осуществляться автоматами. Естественным следствием этого является сокращение количества рабочих, а в перспективе — превращение обычных заводов и фабрик в автоматические, с автоматическим управлением, за которым в принципе может стоять один человек. Происходит отрицание отрицания. Но это не простой возврат к старому. Хотя орудия непосредственно и приводятся в действие одним человеком, они сохраняют свой общественный характер, заменяя труд тысяч людей. Отдельный человек не может ни создавать орудия, ни приводить их в действие без других орудий, созданных многими предшествующими поколениями. Таким образом, несмотря на круговороты, развитие орудий производства идет в одном необратимом направлении: от частных к общественным; от непосредственно общественных к косвенно общественным.

Производительные силы общества — это не простая сумма людей, орудий и условий производства, но целостная система, характеризующаяся определенной структурой. Элементы производительных сил теснейшим образом связаны друг с другом, находятся в определенных устойчивых отношениях. Это технологические отношения, т. е. отношения между орудиями, и технические отношения, т. е. отношения между людьми и орудиями и между самими людьми в процессе производства. Технологические отношения изучаются технологией. Для исторического же материализма важны технические или производственно-технические отношения, представляющие определенную организацию производительных сил.

Отношения между людьми и орудиями труда обычно рассматриваются экономистами как система «человек — орудие». Человек

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 279.

сам создает орудия труда, но не по своему произволу, а в тесной зависимости от уже достигнутого уровня развития орудий труда, от его навыков и производственного опыта, от научных знаний. Исходя из этого отношения, иногда делают вывод[5], что в процессе производства человек является основной производительной силой, а орудия труда — определяющей силой. Производит человек, но характер производства определяется прежде всего уже существующими орудиями. Изменяя орудия производства, человек изменяет и свои навыки, умножает производственный опыт, изменяется сам, становится новой производительной силой.

Производственно-технические отношения между людьми являются отношениями между ними как носителями определенных навыков и знаний, а в определенных исторических условиях — специалистами, осуществляющими тот или иной вид общественного труда. Они могут быть, образно говоря, «горизонтальными», т. е. отношениями между специальностями равнозначными (например, токарь, слесарь, фрезеровщик, сборщик и т. п.), и «вертикальными», т. е. отношениями между разными по уровню работниками (рабочий, техник, инженер, руководитель предприятия и т. д.), связанными с техническим управлением.

Производственно-технические отношения являются материальными. Они существуют объективно и определяются как особенностями технических средств, так и особенностями производства в целом. Если существует определенный вид производства, то неизбежно, осознают это люди или нет, складываются и соответствующие технические отношения между ними. Например, чтобы привести в движение молотилку, необходимы совместные усилия механика, барабанщика, подавальщика снопов и т. д. Без производственно-технических отношений между ними не может быть и молотьбы. Совокупность технических отношений представляет собой организацию производительных сил общества.

Другим видом материальных отношений, складывающихся в процессе производства, являются производственно-экономические отношения, т. е. отношения собственности. Все элементы производства можно разделить на три группы: средства производства, рабочая сила и произведенный продукт. В соответствии с ними складываются и производственно-экономические отношения между людьми. Люди могут относиться друг к другу как собственники средств производства, рабочей силы и произведенных продуктов. Именно для того, чтобы осуществлять производство, необходимо владеть всеми этими частями. Если одна из них отсутствует, то не может быть и производства. Капиталист, желающий организовать производство тех или иных продуктов, должен кроме орудий и предмета труда владеть еще и рабочей силой, которую он покупает так же, как и любые другие средства производства. Стиму-

---

[5] См. В. Келле, М. Ковальзон. Исторический материализм. М., «Высшая школа», 1962, стр. 46.

лом к организации производства является прибавочная стоимость, которую можно получить, лишь реализовав произведенный продукт. Производственно-экономические отношения и есть отношения людей в общественном производстве как собственников средств производства, рабочей силы и произведенного продукта. Поэтому вкратце в известном смысле их можно обозначить как отношения собственности между людьми.

Соответственно различным частям производства производственно-экономические отношения подразделяются на три элемента:

1. Первый элемент получил название *форм собственности* в буквальном смысле этого слова. «*Собственность*, — писал Маркс, — означает, следовательно, первоначально (и таковой она является в ее азиатской, славянской, античной, германской формах) отношение трудящегося (производящего или себя воспроизводящего) субъекта к условиям своего производства или воспроизводства как к своим собственным»[6]. Собственность возникает из владения, а владение из производства. Но формы собственности — это не только отношение людей к средствам производства, но и друг к другу. Так как собственность — условие удовлетворения потребностей всех людей, не только владеющих ею, но и не владеющих, то она выступает и в качестве отношений между людьми всего общества.

2. Второй элемент обычно называют *взаимообменом деятельностью*. Он может проявляться и как обмен живым трудом, например, помощь рабочего класса в нашей стране крестьянству путем выделения людей для работы в колхозах в качестве председателей, бригадиров, техников и т. д. Он может проявляться и в виде обмена мертвым трудом, т. е. в виде обмена продуктов. Если собственность общественная, то взаимообмен выражается в том, что все трудятся совместно. Если собственность частная, то взаимообмен означает, что один класс трудится, а другой присваивает его труд.

3. Наконец, третий элемент производственных отношений есть отношения, связанные с *распределением* произведенных продуктов. Эти отношения также могут проявляться и как прямое распределение продуктов, например распределение продуктов в колхозах по трудодням, а могут проявляться и через обмен. Однако в основе этого обмена продуктов, в отличие от обмена, представляющего второй элемент производственно-экономических отношений, лежат не цели производства, а цели потребления.

Все эти три элемента производственно-экономических отношений Маркс характеризует посредством понятия «распределение». «Распределение, — писал Маркс, — в самом поверхностном понимании выступает как распределение продуктов и, таким образом, представляется отстоящим далеко от производства и якобы самостоятельным по отношению к нему. Однако прежде чем распределение есть распределение продуктов, оно есть: 1) распределение

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 485.

орудий производства и 2) — что представляет собой дальнейшее определение того же отношения — распределение членов общества по различным родам производства (подчинение индивидов определенным производственным отношениям). Распределение продуктов есть, очевидно, лишь результат этого распределения, которое заключено в самом процессе производства и которое определяет структуру производства»[7].

Производственно-экономические отношения в единстве с производительными силами составляют *способ производства* — ядро материальной основы общественного развития, т. е. общественного бытия. От распределения мы непосредственно переходим к потреблению и способ производства определяет способ потребления.

Взаимоотношение между производством и потреблением (потребностями) людей глубоко раскрыто Марксом в ряде работ: «Нищета философии», во введении «К критике политической экономии», в «Капитале». Суть этого взаимоотношения заключается в следующем.

Производство и потребление — единство противоположностей. Первое является исходным пунктом человеческой деятельности, второе — ее конечным пунктом, завершением. Как противоположности, они в то же время взаимно проникают друг в друга и в известном смысле являются тождественными. Производство есть потребление способностей индивида, их развитие. В то же время производство есть потребление средств производства и его предмета. Последнее Маркс называет производительным потреблением.

Потребление в свою очередь есть самообновление и воспроизведение организма, т. е. человек, потребляя продукт, воспроизводит самого себя. Это производство Маркс называет потребительным производством. Без производства нет потребления, без потребления нет производства. Железная дорога, на которой не ездят, есть железная дорога только в возможности. Платье становится действительным платьем, когда его носят. Дом, в котором не живут, фактически не является домом. Продукт становится продуктом лишь в потреблении и благодаря потреблению.

Потребление создает производство и в том отношении, что оно «создает потребность в *новом* производстве, стало быть, идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, являющийся его предпосылкой. Потребление создает влечение к производству; оно создает также и тот предмет, который в качестве цели определяющим образом действует в процессе производства»[8].

Производство дает не предмет вообще, а конкретный, определенный предмет. Следовательно, и потребность каждый раз определенна, т. е. она является потребностью в определенном предмете. «Голод есть голод, — пишет Маркс, — однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, —

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 33.
[8] Там же, стр. 28.

это иной голод, чем тот, при котором проглатывают сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов. Поэтому не только предмет потребления, но также и способ потребления создается производством, не только объективно, но и субъективно. Производство, таким образом, создает потребителя»[9].

Среди разнообразных общественных потребностей прежде всего необходимо различать потребности индивидов и потребности производства. Если первые определяются ходом развития индивидов, то вторые вытекают из процесса развития производства. Правда, потребность производства только тогда сказывается на общественном развитии, когда она так или иначе приводит в действие людей. Например, если в ходе развития нашего народного хозяйства назрела потребность в резком повышении уровня развития животноводства, то она должна стать потребностью самих людей и претвориться в жизнь в их плановой деятельности. Без этого условия потребность производства не может быть удовлетворена.

В то же время и потребности людей только тогда могут успешно удовлетворяться, когда они совпадают с потребностями производства. Например, со времени существования классового общества у угнетенных классов всегда существовала потребность избавиться от эксплуатации. Однако она не могла быть осуществлена до тех пор, пока при капитализме не превратилась в потребность производства.

Маркс отмечал, что потребности производства играют ведущую роль в сравнении с потребностями индивидуального потребления. «Мировая торговля, — писал он, — почти целиком определяется не потребностями индивидуального потребления, а потребностями производства»[10].

Удовлетворение личных потребностей происходит в области быта. *Быт — это общественная среда, в которой живет человек вне непосредственной сферы общественного производства.* Быт представляет собой определенный, обусловленный уровнем и особенностями общественного развития уклад повседневной непроизводственной жизни людей. Быт, следовательно, начинается там, где человек переходит в основном от производства материальных и духовных благ к их потреблению, к восстановлению своей работоспособности и т. д. Он включает в себя прежде всего предметы, необходимые для отдыха и удовлетворения личных потребностей: жилище, оборудование квартир, т. е. мебель во всем ее разнообразии, одежда, обувь, кухонная утварь и посуда, предметы культурного обихода, продукты питания и т. д. Все они в совокупности составляют бытовые условия.

Как использование бытовых условий, так и удовлетворение потребностей людей требует определенных навыков, знаний, а главным образом труда. Последний подразделяется по крайней мере

---

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 28.
[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 80.

на три вида: самообслуживание, обслуживание других лиц, общественное бытовое обслуживание. С изменением уровня общественного производства и с увеличением количества различных предметов, идущих непосредственно в личное потребление, изменяется характер и объем труда, входящего в быт.

Как технические, так и экономические отношения, характеризующие производство, пронизывают и быт, представляющий собой продолжение и дополнение производства. Одну из форм организации быта представляет семья. В том, как организуется быт в отдельных семьях, отражается не только их жизненный уровень, но также уровень культурного развития, личные вкусы, склонности и способности членов семьи. Благоустройство и организация быта каждой семьи своеобразны. Быт капиталиста и быт рабочего различны, и это определяется главным образом тем, что капиталист владеет средствами производства, а рабочий эксплуатируется капиталистом. Условия быта капиталиста не столько служат удовлетворению его потребностей, сколько подчеркивают его материальную обеспеченность: комфорт перерастает в роскошь и излишества, что приводит к культу вещей и извращению вкусов.

Но не только семья организует быт. Его организует и общество. При этом существенную роль играет не только достигнутый уровень материальной и духовной культуры, но также господствующие эстетические нормы и вкусы людей. Общественные столовые, комбинаты бытового обслуживания, культурные учреждения (театры, кино, цирк, стадионы и т. п.), дома отдыха, санатории, больницы и т. д. представляют собой учреждения, посредством которых общество организует быт людей. В социалистическом обществе по мере его развития все больше и больше потребностей людей удовлетворяются общественным путем.

Итак, общественным бытием или материальной основой общественного развития является материальное производство и потребление, включающее материальные отношения между людьми. Главным, определяющим звеном этой основы является способ производства, т. е. единство производительных сил и производственных отношений. Кроме чисто социальных элементов материальная основа включает в себя и определенные природные условия в качестве предмета, условий труда и т. п., получивших в совокупности название географической среды.

2. ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ЕГО СТРУКТУРА [11]

Труд — это не просто превращение предмета в продукт, но в то же время реализация отдельных мыслей, сознания. Труд — целесообразная деятельность. Поэтому вместе с развитием труда, про-

[11] Основательная разработка вопроса о структуре общественного сознания дана А. К. Уледовым в книге «Структура общественного сознания». М., «Мысль», 1968.

изводства развивается и сознание людей. «Сознание... никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием... Люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление...» [12].

Различия в общественном бытии определяют и различия в сознании. Кроме общественного бытия существует бытие отдельных классов. При одном и том же общественном бытии материальная жизнь различных классов различна. Например, бытие буржуазии — это буржуазная собственность на средства производства и выжимание при ее помощи прибавочной стоимости. Бытие пролетариата — это тяжелый труд на капиталиста.

У разных общественных классов различно не только их классовое бытие, но различно и бытие индивидов, составляющих эти классы. Эти различия определяют кроме общественного сознания также особое классовое и индивидуальное сознание, которое отличается от общественного сознания не только по своей материальной основе, но и по своим функциям. Если общественное сознание обслуживает потребности всего общества, то классовое сознание обслуживает потребности данного класса, а индивидуальное — потребности индивида. Уже из различия функций вытекает, что общественное сознание нельзя рассматривать как простую сумму сознания индивидов или даже классов.

Чтобы обслуживать потребности всего общества, общественное сознание должно, во-первых, все время держаться на уровне его потребностей, а, во-вторых, быть доступным для общества, что вовсе не обязательно, скажем, для индивидуального сознания. Если нам, например, нужны для какого-то дела знания, которыми мы не располагаем, то мы не можем с этой целью свободно пользоваться личными знаниями другого индивида. Общественное же сознание должно находиться в таком состоянии, чтобы мы, если это позволяет уровень нашего индивидуального развития, могли им пользоваться. И если общественное сознание находится в головах определенных индивидов, то последние обязаны предоставлять нам такую возможность. Иначе говоря, в наше время за обобщение, развитие и распространение общественного сознания отвечают специально для этого подготовленные люди, специалисты: ученые, юристы, философы и т. д. Кроме того, общественное сознание постоянно фиксируется в произведениях духовной культуры, которые постоянно используются обществом.

Индивидуальное, классовое, общественное сознание не только различаются между собой, но могут выступать и как противоположности, между ними может иметь место и противоречие. Рассмотрим вначале соотношение общественного и индивидуального сознания.

В начале жизни человека существует противоречие между вы-

---

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 25.

сокоразвитым общественным и неразвившимся индивидуальным сознанием. Новорожденный еще не обладает никаким сознанием, однако по мере роста и развития, общения с окружающими людьми, учебы в школе, институте, участия в труде и т. д. у человека формируется сознание. Это формирование происходит главным образом за счет общественного сознания, но под постоянным определяющим воздействием индивидуального и классового бытия индивида. «Сознание индивида, — справедливо писал об этом С. Л. Рубинштейн, — формируется под воздействием общественного сознания, однако соотношение сознаний — общественного и индивидуального — всегда осуществляется не в порядке прямой проекции одного в другое. Общественное сознание, идеи, господствующие в данном обществе, приемлются или не приемлются, приемлются в том или ином преломлении данным индивидом в зависимости от его собственного жизненного пути»[13]. Преодоление противоречия между низким индивидуальным и высоким общественным сознанием означает поднятие первого до уровня второго в том или ином отношении. Люди обогащают свое сознание, усваивая знания, накопленные предшествующими поколениями.

Однако индивид не останавливается на уровне общественного сознания, а в отдельных областях поднимается выше его. И если он свои новые мысли, идеи делает общим достоянием, то тем самым развивает общественное сознание, двигает его вперед. Последнее также развивается через возникновение и преодоление противоречий. Новые открытия индивида нередко расходятся с общепринятыми положениями, ставшими достоянием общественного сознания. Вспомним, например, сколько усилий и жертв потребовалось для того, чтобы в науке утвердилась гелиоцентрическая система Коперника, теория Дарвина и т. д. Кроме усилий требуются и соответствующие условия для восприятия новых идей. «Для осуществления процесса передачи результатов индивидуального сознания в сокровищницу общественного сознания, — пишет Е. В. Шорохова, — необходимы определенные общественно-исторические условия. Если этих условий нет, то научные открытия, изобретения, результаты практической деятельности отдельных людей, хотя они могут быть и передовыми сами по себе, и открывают новое в общественной жизни или природе, могут не приобрести общественного значения, не получить признания...»[14].

В рассмотренном противоречии индивидуальное сознание выступает революционной, прогрессивной стороной, а общественное сознание, наоборот, реакционной, консервативной стороной. Но может иметь место и обратное явление. Например, в наше время в условиях социалистического общества прогрессивной, революцион-

---

[13] С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М., Изд-во АН СССР, 1969, стр. 154.

[14] Е. В. Шорохова. Проблема сознания в философии и естествознании. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 61.

ной стороной является общественное сознание, а реакционной, консервативной — сознание тех людей, которые еще не избавились от религиозных и других враждебных нам несоциалистических взглядов. Преодоление этого противоречия, полное и повсеместное торжество коммунистической нравственности являются одной из важнейших задач коммунистического строительства.

Рассмотрим теперь отношение общественного сознания к классовому. Нельзя сводить общественное сознание к сумме сознаний отдельных классов. Нельзя также утверждать, что общественное сознание существует где-то рядом, в стороне от сознания тех или иных классов. Общественное сознание в классовом обществе развивается лишь через классовое сознание. Суть дела в том, сознание какого класса служит выразителем общественного сознания, а сознание какого класса противостоит ему как узкоклассовое? Общественное сознание определяется общественным бытием. Поэтому сознание того класса нужно рассматривать как общественное, который выдвинут на первый план историческими закономерностями, т. е. сознание прогрессивного класса. «Класс, совершающий революцию, — писали Маркс и Энгельс, — уже по одному тому, что противостоит другому *классу*, — с самого начала выступает не как класс, а как представитель всего общества... в противовес единственному господствующему классу»[15]. История показывает, что новый эксплуататорский класс и после того, как он приходит к власти, еще некоторое время продолжает содействовать развитию производства, наук, искусства и т. п. И до тех пор, пока он остается прогрессивным классом, его сознание выступает в качестве общественного сознания.

Когда же господствующий класс теряет свою прогрессивность, а его взгляды перестают выражать потребности общественного развития в целом, он продолжает изображать их как общественные. Возникает противоречие между видимостью общественного сознания и его классовой сущностью. Другими словами, классовое по существу сознание изображается как общественное. Ярче всего это противоречие проявляется в сознании буржуазии.

Ограниченное классовое бытие определяет и ограниченные классовые взгляды. Буржуазные идеологи, например, не могут в своих политических учениях правильно осветить положение и роль угнетенного класса в обществе. Это можно сделать, лишь преодолев узкую классовую точку зрения. Однако в классовом обществе нельзя избавиться от классовой точки зрения. Преодолеть ее можно с позиций такого класса, сознание которого не ограничено его бытием, который по своему положению стремится преодолеть свое узкоклассовое бытие. Таким классом в буржуазном обществе является лишь пролетариат. Поэтому только идеологи пролетариата сумели преодолеть узость буржуазного классового сознания и разработать политические, правовые, философские и другие идео-

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 47.

логические взгляды, опираясь на глубокий анализ не только собственного, но и всего общественного развития. Изучение одних условий жизни пролетариата для этого было недостаточно. «Область, из которой только и можно почерпнуть это знание,—писал Ленин,— есть область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами» [16].

Это означает, что сознание, разрабатываемое идеологами пролетариата, является подлинно общественным, а не узкоклассовым сознанием. Оно отражает действительность не с узкоклассовых позиций, а в полном соответствии с потребностями всей общественной жизни, с условиями развития всего общества. Классовая точка зрения в лице пролетариата совпала с точкой зрения общественного развития в целом и разработка классового сознания в то же время означала разработку общественного сознания в целом.

Сознание обслуживает прежде всего материальное производство, но не только его. Существует еще политическая борьба, деятельность в области искусства и т. д. Соответственно общественному сознанию в обществе складываются различные отношения между людьми, получившие название идеологических. В отличие от материальных идеологические отношения, прежде чем сложиться, проходят через сознание людей. Политические взгляды обслуживают политическую деятельность и политические отношения, правовые взгляды — правовые отношения и т. д. Общественное сознание, таким образом, обслуживает различные идеологические отношения.

Итак, с определенными видами деятельности или идеологическими отношениями связаны и определенные формы сознания. Чем разнообразнее деятельность людей, чем богаче общественные отношения, тем богаче и сложнее общественное сознание.

Основными известными формами сознания, т. е. формами, в которых осмысливается действительность и соответственно которым люди осуществляют свою сознательную деятельность, вступая в соответствующие идеологические отношения, являются: политические, правовые, нравственные, религиозные, философские, художественные и научные взгляды. Они различаются между собой не только по функциям, но и по предмету. Так, предметом науки являются закономерности природы и общества, предметом политических взглядов — отношение классов к государству, к существующему строю, к другим классам и другим государствам. Религиозные взгляды имеют своим предметом весь окружающий мир, но поставленный в зависимость от воображаемого сверхъестественного существа: бога, духа и т. д.

При различных предметах формы сознания различаются между собой и по своему содержанию. По отношению к предмету содержание может быть объективно истинным, а может быть и иллюзорным, например, у религии и многих досоциалистических, политических, философских и других теорий.

[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 79.

Наконец, формы сознания, как об этом говорит само их название, различаются между собой формой, т. е. теми средствами, при помощи которых осмысливается действительность: понятиями, образами, категориями и т. д. Например, философия пользуется категориями: бытие, сознание, количество, качество, сущность и т. д.; мораль — такими понятиями, как добро, зло, справедливость, несправедливость и т. д.; наука отражает действительность в понятиях, формулах, расчетах и т. д.; искусство отражает действительность в художественных образах.

Всякое сознание есть не только отражение внешнего мира, но и выражение определенных общественных, классовых или личных интересов. Например, может показаться, что естествознание есть чистое отражение внешнего предмета. Но и оно развивается как выражение определенных общественных интересов. Появление той или иной науки, скажем, биологии или физики связано с определенными общественными потребностями. Наука появляется не только потому, что в природе есть объект для изучения, но прежде всего и потому, что появляется необходимость в изучении этого объекта. Сам по себе объект определяет лишь возможность соответствующей науки, которая превращается в действительность лишь в том случае, когда общественная жизнь выдвинет задачу изучать данный объект и создаст для этого необходимые условия. Значит, само познание рождается как выражение определенного интереса. «Даже это «чистое» естествознание, — писали Маркс и Энгельс, — получает свою цель, равно как и свой материал, лишь благодаря торговле и промышленности, благодаря чувственной деятельности людей» [17].

Выражение интересов в сознании людей заключается в следующем. Общественный, классовый или личный интерес человека сосредоточивает его внимание на полезном для него предмете, т. е. человек стремится осознать, понять глубже то, что его интересует, что может как-то удовлетворить его потребности. Поэтому из многих образов, представлений, понятий, полученных в результате отражения действительности, он отбирает соответствующие его интересам и создает идеи, которые стремится реализовать в своей деятельности. Но идеологическая сторона, идеология — это не всякая совокупность идей, а та, которую класс или общество стремится реализовать в соответствующих их интересам общественных отношениях. От идеологии нужно отличать естественнонаучные идеи, которые люди стремятся реализовать в определенных полезных им предметах. Критерием идеологии является ее соответствие определенным общественным интересам. Анализ той или иной идеологии предполагает прежде всего решение вопроса: кому выгодны те или иные идеи. Критерием же познавательной стороны является, как известно, соответствие сознания отражаемому предмету.

[17] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 43.

Идеология имеет и более узкий смысл, а именно она представляет учение о происхождении и реализации общественных идей. Идеология как подлинная наука о происхождении и реализации общественных идей была создана Марксом.

Познавательная и идеологическая стороны присущи всякому сознанию. Поэтому нам кажется неправильным утверждение Г. Я. Нестеренко, что идеология существовала не всегда, а впервые возникла в рабовладельческом обществе [18]. У людей всегда были и будут идеи, направленные на совершенствование общественных отношений, выражающие их интересы, точно так же, как всегда будет иметь место и познание существующей реальной действительности.

По всей вероятности, такого рода утверждения связаны с тем, что не всегда дается четкая характеристика познавательной и идеологической стороны. Так, в книге В. Келле и М. Ковальзона «Формы общественного сознания» эти две стороны характеризуются следующим образом: «В развитии общественного сознания необходимо выделять две взаимно связанные друг с другом тенденции: во-первых, познавательный процесс, обусловленный интересами реальной жизненной практики общественного человека, — накопление объективных знаний о природе и обществе; во-вторых, идеологический процесс, обусловленный в антагонистических формациях интересами различных действовавших в истории классов, — возникновение, развитие и смена идеологий различных классов» [19].

Из сказанного неясно, почему классовые интересы не являются интересами реальной жизненной практики. Кроме того, различие между познавательной и идеологической стороной не сводится к их разной обусловленности. Они различаются по существу. Это не два процесса, а две стороны единого процесса, которые взаимно предполагают и дополняют друг друга. Правда, между этими сторонами могут возникать и противоречия. Так, важнейшая задача идеологии классового общества — обоснование незыблемости существующих порядков. Осуществление этой задачи неизбежно вело к подчинению познавательной стороны идеологической стороной, а в известных условиях — к извращенному отражению действительности. Естественно, что извращенность отражения предмета была связана главным образом с теми формами сознания, которые обслуживают не материальное производство, а экономический строй общества, т. е. с политическими, правовыми, философскими, нравственными, религиозными, художественными взглядами. И так как идеологическая деятельность в этих условиях имеет своим ближайшим основанием не объективную действительность, а внутреннюю классовую природу человека, то эта извращенность при-

[18] См. Г. Я. Нестеренко. Идеология, ее особенности и формы. М., «Мысль», 1964, стр. 6.

[19] В. Келле, М. Ковальзон. Формы общественного сознания. М., Госполитиздат, 1959, стр. 11.

обретала и свою специфическую форму. Идеологи пытались выводить теории из головы, из уже сложившегося сознания, а не из действительности. В то же время упускались из виду всякие внешние воздействия на развитие идей. «Исторический идеолог, — писал Энгельс, — (исторический означает здесь просто собирательный термин для понятий: политический, юридический, философский, теологический, — словом, для всех областей, относящихся к *обществу*, а не просто к природе) располагает в области каждой науки известным материалом, который образовался самостоятельно из мышления прежних поколений... Конечно, на это развитие могут воздействовать в качестве сопутствующих причин и внешние факты, относящиеся к той или иной области, но факты эти, как молчаливо предполагается, представляют собой опять-таки просто плоды мыслительного процесса, и таким образом мы все время продолжаем оставаться в сфере чистой мысли, которая как будто благополучно переваривала самые упрямые факты» [20].

Идеология, собственно, только тогда и приобретает видимость самостоятельности, когда она вступает в противоречие с необходимостью правильного отражения действительности. Формы идеологии отличаются друг от друга главным образом тем, какую сторону деятельности, направленной на укрепление существующего строя, они обслуживают. Идеология неотделима от общественного сознания и может развиваться лишь в связи с его развитием.

В различных формах сознания идеологическая и познавательная сторона находятся в разном соотношении. Например, в политических взглядах преобладает выражение классовых интересов, т. е. идеологический момент, в науке же на первом плане стоит объективное отражение действительности, т. е. познавательный момент.

В каждой форме сознания существует еще третья сторона, эмоциональная или, другими словами, общественная психология [21]. О соотношении общественного сознания и общественной психологии в литературе высказывались различные и даже противоположные взгляды. Одна точка зрения, ведущая свое начало от работ Г. В. Плеханова, излагается в работах Г. М. Гака, В. А. Фоминой и других. «Общественное сознание, — пишет Г. М. Гак, — разделяется на общественную психологию и идеологию» [22]. Следовательно, психология в данном случае рассматривается как часть общественного сознания. При этом психологию иногда рассматривают как низший уровень сознания, включая ее в обыденное сознание [23] или отождествляя с ним [24].

[20] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 83.

[21] Еще раз подчеркиваем, что речь идет не о сферах и не о процессах, а о сторонах единой сферы, единого процесса.

[22] Формы общественного сознания. Изд-во МГУ, 1960, стр. 11.

[23] См. Ю. М. Серов. Общественное и индивидуальное сознание. М., «Мысль», 1964, стр. 10.

[24] См. В. Ж. Келле. Структура общественного сознания. М., «Знание», 1964.

Другая точка зрения, идущая от работ психологов, заключается в том, что само сознание рассматривается как одно из психических явлений или как одна из форм психологии. Кроме сознания у человека есть и другие виды психики: чувства, эмоции, влечения, воля, способности, навыки и т. д. Эта точка зрения встречается и в работах некоторых философов. «Психическая деятельность человека, — пишет А. Г. Спиркин, — не тождественна сознанию. Сознание — это высшая форма психики»[25]. Исходя из этого положения, следовало бы сказать и об общественной психике, что она включает в себя общественное сознание как одну из высших или высшую форму.

На наш взгляд, более правильной является первая точка зрения. Всякая психическая деятельность есть сознательная деятельность или проявляется через сознание, благодаря сознанию. Так называемое бессознательное не отдалено пропастью от сознания, а либо выступает в виде особых стимулов сознания, либо является его результатом (автоматизм). Однако спорным, на наш взгляд, является утверждение, что чувства, эмоции являются низшей формой сознания. Не только мышление, но и чувства характеризуются разными уровнями, различной степенью интенсивности. Великие дела требуют не только высокой идейности, но и сильных чувств. Ничто великое в мире, писал Гегель, не совершается без страсти. В величайших деяниях людей, в революциях, в научных открытиях, в создании неповторимых произведений искусства обнаруживается и величие страсти. Не только высокая идейность, но и величайшая страстность необходима, например, для осуществления революции. Человек может подняться от уровня обыденного сознания к более высокому, но он не может освободиться от чувств. Поэтому нельзя отождествлять психику с обыденным сознанием.

Если же мы сравниваем мышление и ощущения, то и в этом случае вопрос о том, что выше, а что ниже — лишен смысла. Ощущения у человека иные, чем ощущения у животных, в которых нет мышления как оперирования понятиями. Ощущения у человека становятся видом сознательной деятельности, его важной стороной.

Общественное сознание включает в себя кроме мышления и чувственную сторону и немыслимо без нее. Это совокупность различного рода чувств, привычек, настроений, переживаний, иллюзий и т. д., проявляющихся, как и оперирование понятиями, во всех видах человеческой деятельности. Сам процесс производства имеет и чувственную сторону, отмеченную Марксом в тезисах о Фейербахе в определении практики как человеческой чувственной деятельности. Различия в общественном сознании означают в то же время и различия в психологии. Существует общественная, классовая и индивидуальная психология. Психика раба отличается от психики рабовладельца, психика крепостного крестьянина от психики помещика и т. д. С различными формами сознания связаны

[25] А. Спиркин. Происхождение сознания. М., Госполитиздат, 1960, стр. 10.

различные эмоции, чувства. Так, существуют моральные, религиозные, эстетические и другие чувства. Каждое из них характеризуется различной степенью интенсивности: от простого влечения до высшей страсти. Можно говорить и о разных уровнях психологии. Эмоции, чувства, страсти связаны не только с идеологической, но и с познавательной стороной общественного сознания. Чувства, страсти направляют сознание на определенную цель, стимулируют его работу, обостряют умственные способности. В то же время чувства могут вступать в противоречие с мыслительной деятельностью. Так, человек может совершать те или иные поступки под влиянием чувства, сознавая неправомерность этих поступков.

3. СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТИЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Вопрос о соотношении общественного бытия и общественного сознания является основным вопросом философии вообще и исторического материализма в частности. «Материализм вообще, — писал Ленин, — признает объективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение»[26]. Это материалистическое решение основного вопроса философии является методологическим принципом для решения всех остальных вопросов исторического материализма и прежде всего вопроса о происхождении и развитии общественного сознания.

Идеалистическое понимание истории не позволяло социологам до Маркса правильно решить этот вопрос. Обычно он и не ставился, так как сознание принималось за исходное. Если же вставал вопрос о происхождении тех или иных конкретных форм сознания, то домарксовские социологи выводили их из других форм сознания или же из идей вообще, т. е. из мировой идеи, из мирового сознания. Так, по Гегелю, различные формы общественного сознания есть лишь проявление абсолютной идеи. Этот же по существу взгляд развивали в своих работах и его ближайшие последователи: Штраус, братья Бауэр, Штирнер и др. За основу общественных идей они принимали религиозные идеи и представления. И если им удавалось свести политические, правовые, нравственные и другие идеи к религиозным, то этим вопрос об их происхождении считался решенным. Господство же религиозных идей и существующих им учреждений предполагалось существующим от века и не требовало доказательств. Следовательно, если идеи выводились из идей, а не из материальных отношений, то из этого вытекал другой неправильный идеалистический вывод о том, что идеи существуют самостоятельно, имеют собственную самостоятельную историю.

[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 346.

Наконец, из того, что идеи принимались за исходные, делался третий неправильный вывод, а именно: причину всех общественных зол видели в плохих идеях и считали, что борьбу следует вести против идей, а не против действительных материальных отношений. Задачу критики они видели только в критике идей, а не в критике существующего строя.

Маркс и Энгельс подошли к решению вопроса о происхождении и развитии сознания с материалистических позиций. Если люди руководствуются в своей жизни определенными идеями, то, видимо, необходимо прежде всего раскрыть источник этих идей. Люди сами вырабатывают идеи, но не произвольно, а по образцу и подобию действительных отношений. Так как бытие определяет сознание, то и источник общественного сознания нужно искать в бытии. Изменение материальной жизни общества неизбежно вело к изменению функций общественного сознания, а с изменением этих функций менялось и само сознание.

Исходя из первичности бытия, Маркс и Энгельс отвергли и представление о том, что сознание развивается самостоятельно, независимо от общественного бытия. «...Для нас, — писали Маркс и Энгельс, — исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития; люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления»[27].

И, наконец, Маркс и Энгельс преодолели и третий коренной недостаток предшествующих социологических теорий в понимании развития общественного сознания. Так как сознание развивается в зависимости от развития общественного бытия, то и борьбу нужно вести прежде всего против тех материальных условий, которые порождают данные реакционные идеи. Так, рабочие должны вести борьбу против действительной эксплуатации. «...Не критика, — писали Маркс и Энгельс, — а революция является движущей силой истории, а также религии, философии и всякой иной теории»[28].

Теоретическое положение о ведущей роли общественного бытия позволяет методологически правильно подойти и к анализу истории общественного сознания, к установлению основных периодов его развития. Таких основных периодов можно выделить три.

[27] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 25.
[28] Там же, стр. 37.

Первый период — развитие общественного сознания в первобытнообщинном строе.

Вместе с формированием общественного труда формируется и сознание людей. «Производство идей, представлений, сознания, — писали Маркс и Энгельс, — первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей» [29].

Различие между индивидуальным и общественным сознанием первоначально представляет просто различие между моим сознанием и сознанием других людей. Но постепенно эта дифференциация усиливается. Появляются хранители и распространители общественного сознания — жрецы, старейшины. Общественное сознание в первобытнообщинном строе еще не расчленено и существует как одно общее, единое общественное сознание. Основанием этого является слабая дифференцированность общественной деятельности людей и их отношений. Правда, в зародыше уже намечается появление особых форм сознания: морали, религии, искусства.

Характерной чертой в развитии общественного сознания этого периода является еще и то, что оно в равной мере выражает интересы всех социальных групп, слоев общества, служит средством в общественной деятельности всех людей, а не отдельных групп.

Второй период — общественное сознание в классовом обществе — подразделяется на сознание в рабовладельческой, феодальной, капиталистической формациях. Каждый из этих видов сознания характеризуется не только особым содержанием, но и особым соотношением форм. Определяющую роль каждый раз играют интересы господствующего класса, и общественное знание развивается в той мере, в какой оно отражает эти интересы. В зависимости от конкретных условий доминирующее значение и преобладающее распространение получает то та, то иная форма общественного сознания. Так, в эпоху феодализма преимущественное влияние и распространение получила религия, в буржуазном обществе — политические воззрения.

Первой характерной особенностью развития общественного сознания является его отделение от материального производства, отделение умственного труда от физического.

Второй особенностью сознания (вплоть до появления идеологов пролетариата) является то, что оно развивается главным образом как сознание имущих классов. Что же касается эксплуатируемых классов, то их идеи преследуются господствующими классами. Отсюда деление идей на господствующие и негосподствующие.

Третьей особенностью общественного сознания этого периода является его внутренняя дифференциация. Разделение труда привело к обособлению отдельных форм. Создались предпосылки для

---

[29] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 24.

противоречия не только между сознанием и бытием, но и между отдельными формами сознания: между религией и философией, моралью и правом и т. д.

Типичной чертой всей идеологии, вытекающей из частной собственности, в особенности идеологии буржуазного общества, является индивидуализм в самых разнообразных формах.

Сознание внутри каждой отдельной формации также не остается неизменным, а находится в постоянном развитии и проходит свои особые ступени; одни идеи и воззрения сменяются другими. Так, буржуазия в разные периоды своего развития в политике поразному относится к демократическим свободам, к национальному суверенитету и т. д. В то же время происходит изменение философских, религиозных, художественных и другие взглядов.

Третий период — развитие общественного сознания в коммунистической формации. Эксплуататорские классы ликвидируются и развитие общественного сознания становится делом самих трудящихся. Происходит ликвидация противоположности между умственным и физическим трудом. В связи с этим общественное сознание становится непосредственно общественным, т. е. оно теперь непосредственно служит всему обществу. Исчезает и деление идей на господствующие и не господствующие. Сохраняется пока различие по формам сознания. Но уже при социализме начинает изменяться и само деление на формы сознания. Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» высказали предположение об отмирании существующего в их время деления сознания на отдельные формы. «История всех доныне существующих обществ, — писали они, — двигалась в классовых противоположностях, которые в разные эпохи складывались различно.

Но какие бы формы они ни принимали, эксплуатация одной части общества другою является фактом, общим всем минувшим столетиям. Неудивительно поэтому, что общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных общих формах, в формах сознания, которые вполне исчезнут лишь с окончательным исчезновением противоположности классов.

Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого» [30].

При социализме эти изменения заключаются прежде всего в том, что по содержанию политические, правовые, философские взгляды превращаются в особые отрасли науки, отличающиеся друг от друга своим предметом. Однако полностью они еще не могут быть сведены к науке в силу того, что сохраняют свои особые общественные функции, отличные от функций науки, осуществляемые особыми учреждениями. Так, политические взгляды наше-

[30] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 445—446.

го социалистического общества — это научный коммунизм, представляющий по своему содержанию особую отрасль науки. Однако для проведения в жизнь недостаточно научных, а необходимы и политические организации и учреждения. При мировом коммунизме эти отличия постепенно исчезнут. То же примерно произойдет и с правом. Постепенно будет преодолена религия. У членов коммунистического общества будет научное мировоззрение. Таким образом, уже теперь можно наблюдать тенденцию к слиянию разных форм сознания в органически связанные друг с другом формы: мораль, искусство и науку.

Однако и эти формы не сохранятся в старом виде. С ликвидацией существенных различий между умственным и физическим трудом исчезнет необходимость готовить узких специалистов. Всесторонне развитый человек по мере необходимости сможет решать и теоретические и практические вопросы. Философия также перестанет быть обособленной отраслью науки, а будет лишь мировоззренческой и методологической стороной в практической деятельности людей. Что это означает, отчасти видно на примере теоретической и практической деятельности КПСС. При решении конкретных вопросов партия руководствуется марксистско-ленинской философией. Применяя ее к делу, КПСС в то же время творчески ее развивает. И то, что ныне характерно для деятельности партии, со временем станет характерным для всех членов общества.

Мораль не является делом особых людей, а делом всех. Мораль — одна из сторон деятельности людей и их отношений. Моральные нормы развивают сами трудящиеся, а не какие-либо особо предназначенные для этого лица. К аналогичному положению должны привести и изменения, происходящие в искусстве.

Устранение обособленности отдельных форм общественного сознания приведет последнее не к обеднению, а к обогащению и дальнейшему развитию. Философия, например, лишь слившись с жизнью, с практической и теоретической деятельностью людей в самых различных областях, получит исключительно высокое развитие.

История общества показывает, что хотя сознание и является вторичным по отношению к бытию, оно не относится к нему пассивно и играет активную роль. В письме к Конраду Шмидту от 5 августа 1890 г. Энгельс отмечал, что теоретическое положение о материальных условиях как о первопричине общественных изменений вовсе не исключает положения о том, что различные формы оказывают обратное, хотя и вторичное, воздействие на эти материальные условия. Больше того, при известных условиях сознание может играть решающую роль. Так, если бы не существовало различных классов с противоположными классовыми интересами, не было бы и классовой борьбы. Однако одного плохого материального положения недостаточно, чтобы угнетенные классы вели успешную борьбу. Они должны осознать необходимость этой борьбы и овладеть ее методами. Классовая борьба есть борьба полити-

ческая, а последняя немыслима без развитых политических взглядов. Поэтому в субъективной деятельности рабочего класса сознание играет решающую роль.

Сознание играет определяющую роль и при формировании различных общественных учреждений. Для проведения в жизнь тех или иных взглядов необходимы определенные учреждения. Так, существуют политические, правовые, религиозные и другие учреждения. Их назначение состоит в том, чтобы обслуживать общество теми или иными идеями, а также осуществлять определенные общественные интересы.

Вопрос об активности общественного сознания есть по существу вопрос о роли идей в развитии общества. Ведь активная сторона общественного сознания и состоит из определенных идей, которые люди стремятся провести в жизнь. Существуют политические, правовые, нравственные, религиозные, философские, эстетические идеи и идеи науки.

Роль идей зависит прежде всего от содержания этих идей, т. е. от того, что именно они отражают и чьи выражают интересы. Есть идеи старые, отживающие свой век, обслуживающие интересы отживающих сил общества. Роль этих идей отрицательна. Они тормозят общественное развитие. Но есть новые, передовые идеи, которые отражают интересы передовых, прогрессивных сил общества. Их роль положительна, прогрессивна. Они содействуют победе прогрессивных сил общества над реакционными, ускоряют развитие общества.

Передовыми, прогрессивными идеями в свое время были политические идеи французской буржуазии, которая выступала от имени всего народа с лозунгами свободы, равенства и братства против оков феодального общественного строя. Эти идеи подготавливали борьбу против феодального засилия, сплачивали вокруг буржуазии большинство населения. То же можно сказать о философских и других взглядах французской буржуазии перед революцией. Французский материализм XVIII в. оказал огромное влияние на развитие естествознания, а через него и на развитие производства.

Примером крайне реакционных идей являются политические идеи современного империализма: антикоммунизм, «народный» капитализм, мальтузианство, геополитика, расизм и т. д. Они направлены на осуществление империалистической политики, служат целям порабощения слабых народов. Такого рода идеи тормозят общественный прогресс.

Исключительно передовым и прогрессивным характером обладает марксистско-ленинская идеология. Правильно освещая закономерности общественного развития, она вдохновляет всех трудящихся на строительство коммунизма.

Однако в общественном развитии возможны и такие явления, когда прогрессивные по своей природе идеи используются в реакционных целях. Например, прогрессивная по своему существу идея

развития в гегелевской философии была использована для обоснования реакционной идеалистической системы. Бывает и так, что реакционные по существу идеи используются в прогрессивных целях. Например, религиозные идеи христианства в ранний период развития классового общества использовались рабами в их борьбе за освобождение.

Общественная роль идей, следовательно, зависит не только от их содержания, но и от ряда других обстоятельств. Идеи играют активную роль, когда они овладевают массами. Значит, активность идей зависит от того, являются ли они достоянием одиночек или же владеют миллионами людей. Активность идей также зависит от того, какие общественные или классовые интересы они выражают, от уровня развития людей, от природы того общественного строя, в котором они создаются и распространяются. Роль идей тем больше, чем ближе они к жизни, чем теснее они связаны с практикой. Пропаганда и агитация может быть тем более успешной, чем лучше она учитывает обстоятельства, от которых зависит влияние идей на массы.

Активность разных форм сознания имеет свои особенности. Одно дело, например, активность научных идей и совершенно другое — активность религиозных идей. Эти два вида несовместимы друг с другом. Чем большую роль в жизни общества играют религиозные идеи, тем меньше остается места для влияния научных идей, и наоборот.

Общественное развитие показывает, что роль общественного сознания непрерывно возрастает. Особо велика роль идей в развитии социалистического и коммунистического общества. Объясняется это тем, что социалистическое и коммунистическое общество может развиваться и развивается только планомерно, на основе сознательного применения законов.

В развитии форм общественного сознания наблюдается известная преемственность. Каждая форма сознания в новый исторический период в качестве предпосылки имеет определенный мыслительный материал, из которого она исходит и использует для новых целей. Изменения в экономике не приводят к созданию заново форм сознания. Они лишь определяют характер их изменения. Каждая форма сознания в своем развитии обязательно опирается на прошлое. Например, религия буржуазного общества использует не только религиозные идеи феодального общества, но и идеи, унаследованные от далекого прошлого. Целый ряд религиозных обрядов уходит своими корнями даже в первобытнообщинный строй, и искать объяснения этим предрассудкам только в условиях буржуазного общества было бы недостаточным.

Преемственность имеет место во всех формах общественного сознания. Она существует в философии. Так, в диалектическом материализме сохранилось большинство категорий, разработанных еще древнегреческими философами: Гераклитом, Аристотелем и др.

Существует преемственность в науке, в литературе и во всех остальных формах сознания. Однако везде она специфична и определяется преемственностью того рода деятельности людей, с которой неразрывно связана данная форма сознания. Так, если при переходе от одной формации к другой сохраняется производство, то должна сохраняться и та форма сознания, которая его обслуживает, т. е. естественнонаучные знания. Вопрос о том, что используется из прошлого для создания настоящего, определяется задачами, интересами класса, который использует это прошлое.

Кроме преемственности каждая из форм сознания характеризуется и своими специфическими закономерностями. Наука, в частности, характеризуется своими закономерностями развития, искусство — своими и т. д. Обратное влияние общественного сознания на общественное бытие, преемственность, специфические закономерности — составляют то, что мы обычно называем относительной самостоятельностью общественного сознания.

Кроме широкого смысла понятия «относительная самостоятельность общественного сознания» есть еще узкий смысл. В определенных исторических условиях отдельные формы сознания обособляются и приобретают видимость самостоятельности. Такого рода относительная самостоятельность могла возникнуть лишь после отделения умственного труда от физического и его дифференциации. «С этого момента, — писали Маркс и Энгельс, — сознание *может* действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно может *действительно* представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного, — с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т. д.» [31].

Выяснение соотношения общественного бытия и общественного сознания не дает готового решения всех вопросов исторического материализма. Оно служит лишь методологическим принципом для анализа тех или иных общественных явлений. В любом общественном явлении мы находим проявление и общественного бытия и общественного сознания. Важно установить характер этой связи, а это можно сделать только на основе конкретного анализа.

---

[31] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 30.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ФОРМАЦИЯ

1. ПОНЯТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ

Раскрыв материальную основу общественного развития, Маркс сделал все вытекающие из этого выводы. Так как производственная деятельность людей лежит в основе всех других их видов деятельности, то и производственные отношения составляют основу всех других общественных отношений. В свою очередь анализ производственных отношений, писал Ленин, «сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*»[1].

Так, во время жизни Маркса в развитии Англии, Франции, Нидерландов и ряда других стран общим оказалось то, что товарное производство превратилось в господствующую форму производства, а получение прибавочной стоимости стало прямой целью и определяющим мотивом этого производства. Следовательно, производственно-экономические отношения во всех этих странах были однотипными, повторяющимися. Это были капиталистические отношения собственности, составляющие основу капиталистической общественной формации, основу всех других отношений в капиталистическом обществе.

Слово «формация» в данном случае означает то, что речь идет об определенной форме общества, общественной жизни. Если содержание какой-либо системы составляют определенные элементы с присущими им свойствами и движением, то форма характеризуется связями, отношениями между этими элементами. Следовательно, и отношения между элементами общественной жизни как определенной системы также характеризуют ее форму. Однако среди многих различных отношений ведущую роль играют производственно-экономические отношения. Они и определяют не только форму общественного производства, но и форму общественной жизни в целом. *Общественная формация — это совокупность всех общественных отношений, определяемых производственно-экономическими отношениями.* Пока существуют определенные производственно-экономические отношения, до тех пор существует и данная формация.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

Выдвижение на первый план при характеристике формаций производительных сил, техники означает отход от марксистско-ленинского понимания формации, переход на позиции «теории стадий» У. Ростоу[2].

Форма определяется содержанием. Общественная формация складывается не случайно, а закономерно, в зависимости от определенных материальных условий, сложившихся в предшествующей формации, среди которых решающая роль принадлежит орудиям производства. Поэтому при изучении любой общественной формации важно прежде всего выяснить, что именно представляют орудия и вообще средства производства, которыми люди пользуются в своей деятельности. По этому поводу Маркс писал следующее: «Такую же важность, какую строение остатков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, остатки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»[3].

Из определения общественной формации вытекает, что она охватывает все общественные явления. Возникнув на основе определенного уровня производительных сил, экономические отношения в свою очередь оказывают решающее влияние на всю общественную жизнь. Иначе говоря, во всех общественных явлениях есть сторона, которая определяется экономическими отношениями, и именно по этой стороне мы судим о принадлежности данного явления к той или иной общественной формации.

Так, рабочая сила в капиталистической формации есть орудие производства прибавочной стоимости. Но ведь рабочая сила сама по себе есть нечто отличное от этого ее применения. Человек не является рабом по своей природе, писал Маркс, он становится таковым лишь при определенных экономических отношениях. Точно так же и орудия труда составляют элемент данной формации как носитель соответствующих экономических отношений. Маркс следующим образом характеризует эту сторону орудий труда. «Машина столь же мало является экономической категорией, как и бык, который тащит плуг. Машина — это только производительная сила. Современная же фабрика, основанная на употреблении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория»[4]. Предмет труда, например земля, леса, рудники и т. д., также включается в формацию не просто как предмет природы, а как собственность рабовладельца, феодала, капиталиста. Это относится и к другим явлениям общественной

[2] Суть этой теории хорошо раскрыта в книге В. С. Капырина «Процесс общественного развития и «теория стадий» Уолта Ростоу». М., «Мысль», 1967.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 191.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 152.

жизни, таким, например, как естествознание. Оно является элементом капиталистической формации не потому, что представляет ступень в раскрытии закономерностей природных систем, а потому, что служит интересам буржуазии. То же можно сказать и о нашем естествознании: оно является социалистическим, так как служит трудящимся, его открытия реализуются в их интересах.

Понятие общественной формации как цельного общественного организма всесторонне раскрыто Марксом в его анализе капиталистического общества, изложенном в «Капитале». Маркс сумел показать «всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»[5].

В работах Маркса, Энгельса, Ленина предсказаны также основные черты будущей коммунистической формации, а главное — они указали пути и средства создания этой новой формации, вооружили рабочий класс теорией научного коммунизма.

Вместо рассуждений домарксистских социологов об обществе вообще Маркс и Энгельс показали, что общество не существует вне конкретной формы. В этом смысле понятие «общество» и понятие общественной формации совпадают. Однако при изменении конкретных форм общество остается. Следовательно, понятие общества и понятие общественной формации не тождественны, как не тождественны, скажем, форма и содержание. Отдельные формации выступают лишь как периоды, этапы в развитии человеческого общества в той или иной стране. Не совпадает понятие общества и понятие общественной формации и в другом отношении. При одном и том же человеческом обществе в разных странах обычно мы имеем дело с разными формациями.

Понятие общественной формации занимает важное место в историческом материализме. Без него невозможно правильно подойти к конкретному анализу различных общественных явлений, различных периодов общественного развития, особенностей различных стран и т. д. Без него нельзя понять закономерностей общественного развития и дать их научную характеристику.

Выработка этого понятия означала переход от общих рассуждений об обществе к его конкретному научному анализу.

2. ЭЛЕМЕНТЫ И СТРУКТУРА ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ

Общественная жизнь во всех ее формах связана с наличием определенных элементов и характеризуется структурой, сохраняющейся на протяжении всего ее исторического развития. Каждое

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 139.

общественное явление занимает определенное место среди других явлений, зависит от них и оказывает на них обратное влияние. Это место определяется их назначением, т. е. общественными функциями. Любое явление существует до тех пор, пока в нем есть необходимость. Но, как только необходимость в нем исчезает, постепенно исчезает и само явление. Так, в частности, происходит с религией в коммунистической формации. Если необходимость является постоянной, непреходящей, то и само явление сохраняется постоянно, хотя и не остается неизменным. Например, производство материальных благ — постоянное и непрерывно изменяющееся условие общественного развития.

В общих чертах структура общественной формации представлена Марксом в следующей формулировке. «Что же такое общество, какова бы ни была его форма? — ставит вопрос Маркс и отвечает: — Продукт взаимодействия людей. Свободны ли люди в выборе той или иной общественной формы? Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена [commerce] и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества» [6].

Таким образом, по Марксу, люди создают формацию не свободно, а в зависимости от производительных сил, созданных людьми в предшествующих формациях.

В основе общественных формаций лежит совокупность производственных отношений, составляющих экономический базис. Его назначение в том, чтобы стимулировать создание новой техники с более высокой производительностью труда.

Итак, экономический базис — это совокупность производственных отношений. Нужно ли последнюю понимать как совокупность трех элементов: форм собственности, взаимообмена деятельностью и распределения или же как совокупность ведущих и оставшихся от прошлых формаций производственно-экономических отношений? Ведь, например, в первый период существования социалистического общества в нем насчитывалось до пяти укладов, т. е. кроме социалистических экономических отношений еще сохранялись капиталистические, феодальные, патриархальные и др. Что касается первого вопроса, то ответ на него является очевидным. Бесспорно, что экономический базис сводится не только к формам собственности, но включает в себя и взаимообмен деятельностью между людьми, и распределение продуктов. Труднее ответить на второй вопрос. Оставшиеся от прошлых формаций экономические отноше-

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 402.

ния оказывают большое влияние на развитие данной формации, на объединение людей в определенные группы, на формирование общественного сознания. Однако хотя они и включаются в данную формацию, но не составляют основу ее базиса; они—остатки прошлого базиса и их судьба целиком зависит от господствующих экономических отношений. Так, судьба феодальных отношений в новом капиталистическом обществе целиком определялась капиталистическими экономическими отношениями: они разрушались или преобразовывались в капиталистические. При социализме сохранение, а затем устранение остатков экономических отношений от прошлых формаций определялось уровнем развития и совершенствования социалистических экономических отношений.

Кроме экономического базиса в каждой общественной формации существует технический базис, т. е. совокупность средств производства и технические отношения между людьми, обладающими определенными навыками и знаниями, необходимыми для приведения в действие средств производства. Каждая формация развивается на основе техники, оставшейся от старой общественной формации. Но затем она создает свой, адекватный ей технический базис. Так, коммунистическая формация возникает на старой капиталистической технике и ее задача — создать технический базис коммунистического общества, превосходящий по своей производительности технику самых передовых капиталистических стран, при котором невозможно существование капиталистической собственности. Такой технический базис пока только создается.

Каждая общественная формация могла существовать и развиваться, лишь развивая и совершенствуя свой технический базис.

Буржуазные социологи нередко смешивают технические отношения с экономическими и рассматривают вторые как подчиненные первым. Сторонники такого рода взглядов, развивавшихся в свое время Т. Вабленом, Г. Скоттом, Г. Лебом и другими, получили название технократов. Они противопоставляют экономическому переустройству общества, за которое борются рабочие, возглавляемые коммунистическими партиями, его техническую реорганизацию, соответствующую интересам буржуазии. Спасение капитализма, по их мнению, нужно видеть в передаче руководства государством, производством и вообще всей общественной жизнью «техникам», руководителям промышленности. Так, американский социолог Бернхем в книге «Революция управляющих» писал, что капитализм переживает «период, характеризуемый, так сказать, необычайно быстрым темпом изменений наиболее важных экономических, социальных, политических и культурных институтов общества. Совершается переход от типа общества, который мы называем капиталистическим, или буржуазным, к типу общества, который мы будем называть обществом управляющих»[7].

Это «организованное общество», по мысли его авторов, будет

[7] J. Burnham. The Managerial Revolution. N. Y., 1941, p. 71.

представлять не что иное, как государственный капитализм. Всем производством будет управлять буржуазная интеллигенция, а капиталисты будут получать проценты на капиталы. Технократы являются врагами революционного рабочего движения.

Для укрепления существующего экономического базиса создается специальный аппарат, получивший название надстройки. В зависимости от экономического базиса надстройка может носить различный характер. Так, в первобытном обществе в укреплении существующих экономических отношений были заинтересованы почти все члены этого общества. Их общественное самоуправление было в то же время надстройкой, т. е. орудием укрепления этого строя. В классовом обществе надстройка находится обычно в руках экономически господствующего класса.

Поскольку в классовом обществе против существующего экономического строя могут выступать не отдельные личности, а целые классы, то надстройка приобретает особую структуру. В надстройку классового общества включаются политические, правовые, религиозные, художественные, философские, моральные взгляды, связанные с ними идеологические отношения и соответствующие политические, правовые и другие учреждения.

Надстройка как определенное целостное общественное явление характеризуется специфическими чертами, особым отношением к базису и другим общественным явлениям.

Во-первых, характер надстройки определяется базисом. Она вторична, производна по отношению к базису. Каждый базис характеризуется особой, соответствующей ему надстройкой. Если изменяется базис, то соответственно изменяется и надстройка. Одно время это давно установленное марксистское положение трактовалось некоторыми авторами весьма расширительно. Они распространяли его и на объяснение самого характера изменения надстройки. Изображалось дело так, будто надстройка автоматически и сразу изменяется вслед за изменением базиса. Между тем пути, методы изменения надстройки зависят от конкретных условий, от взаимоотношения классовых сил в стране и т. д.

Во-вторых, надстройка по отношению к базису играет активную роль. Ее функции заключаются в том, чтобы содействовать формированию своего базиса, укреплять его, ликвидировать старый базис и старые классы и их надстройку. Эта общественная функция надстройки является ее специфической функцией, благодаря которой она отличается от других общественных явлений. Именно эта функция объединяет различные общественные элементы воедино, делает из многих явлений одно явление — надстройку.

Обычно считается, что если мы что-то относим к надстройке, то тем самым исчерпываем его характеристику. Между тем это далеко не так. Например, если искусство в какой-то степени включается в надстройку, то это вовсе не значит, что оно перестает существовать как самостоятельное явление, со своими особыми функциями и закономерностями развития. И далеко не всякое

искусство может быть использовано в качестве надстройки. Искусство остается искусством, для каких бы других общественных явлений оно не использовалось. И вообще следует сказать, что общественные явления развиваются и строят себя за счет других явлений и в то же время не уничтожают их. Наука, становясь непосредственной производительной силой, не перестает существовать как относительно самостоятельное явление.

Долгое время считалось, что базис и надстройка — это такого рода категории, по отношению к которым должна рассматриваться вся общественная жизнь. Отсюда возникали всякого рода затруднения при решении теоретических вопросов. Например, если включать в надстройку лишь взгляды господствующих классов, то куда отнести взгляды угнетенных классов, не укрепляющие данный строй? Подобные затруднения исчезают, как только мы поймем, что категории «базис» и «надстройка» играют лишь подсобную роль и должны применяться к обществу, а не общество к ним. Они отражают лишь часть общественных явлений и в этом их действительная теоретическая ценность.

Классовое общество сложно и многообразно по своему качественному составу. Так, буржуазное общество состоит из целого ряда лиц, групп, классов: крупная, средняя, мелкая буржуазия; крупное, среднее, мелкое дворянство; кулаки, среднее и беднейшее крестьянство; крупное, среднее, мелкое духовенство; рабочий класс также не является однородным. Каждая из этих групп имеет свои политические, нравственные, художественные и другие взгляды. Вполне естественно, что каждая социальная группа заинтересована в существовании такого орудия, которое служило бы удовлетворению ее интересов. Но можно ли сказать, что каждая из этих социальных групп имеет в классовом обществе особую надстройку?

Бесспорно, что каждый класс так или иначе стремится создать орган, который защищал бы его интересы. Об этом, в частности, свидетельствуют попытки восставших рабов и крепостных крестьян создать свою власть. Однако между стремлением создать надстройку и возможностью ее действительного создания лежит сложный и длительный путь.

Имущие социальные группы, не принадлежащие к господствующему классу, как правило, удовлетворяются существующей надстройкой, так как она создана также имущим классом. Например, помещики в условиях господства буржуазии, лишившись своего экономического могущества и политического господства, поддерживают государственную власть буржуазии, направленную против народа. Таким образом, для имущих классов существует одна надстройка, созданная экономически господствующим классом. Остается вопрос: имеет ли угнетенный класс в антагонистическом обществе свою надстройку и может ли он в этих условиях ее создать?

Рабы и крепостные крестьяне, как угнетенные классы, конечно, имеют свои нравственные взгляды. В какой-то мере у них форми-

руются политические и правовые взгляды, отличные от взглядов господствующих классов. Однако они в лучшем случае являются предпосылкой для надстройки, но не самой надстройкой. Объясняется это следующими важными обстоятельствами.

Во-первых, взгляды рабов и крепостных крестьян настолько примитивны и незрелы, что не могут быть достаточным руководством для осуществления особых политических и других идеологических отношений. Это, между прочим, было одной из причин неуспеха восстаний рабов и крепостных крестьян, пытавшихся освободиться и взять власть в свои руки. А без соответствующих идеологических отношений немыслима и надстройка.

Во-вторых, политические, правовые и другие взгляды этих угнетенных классов, если не считать фольклор, различного рода предания и т. п., оставались в рамках индивидуального сознания, не имея возможности развития в качестве общественного сознания. Надстройка немыслима без достаточно развитого общественного сознания.

Рабы и крепостные крестьяне лишены возможности развивать свое классовое сознание, так как заняты физическим трудом. Умственный труд является привилегией господствующих классов, которые разрабатывают идеологические взгляды и для угнетенных классов. Поэтому фактически в истории дело обстояло таким образом, что рабы и крепостные крестьяне в моральных и других идеологических отношениях руководствовались взглядами, специально для них разработанными идеологами господствующих классов. Ведь создать надстройку — это значит также создать и учреждения, которые бы не закрепляли угнетение, а освобождали от него. Но таких учреждений не было и не могло быть. Попытки распространять свои взгляды, создавать свои организации и учреждения угнетенными классами жестоко преследовались. Что делали, например, с крепостным крестьянином, если он убеждался, что работать на помещика — зло, и прекращал работу? Его пороли до смерти. Поэтому такого рода свободолюбивые взгляды, если они нередко и имели место, не должны были обнаруживаться в действительных отношениях к помещику. Их проявление означало борьбу с помещиком, борьбу с существующей надстройкой. Поэтому антагонизм в экономических отношениях отражается главным образом в борьбе за создание своей надстройки и уничтожение надстройки классов с противоположными интересами, а не в борьбе между двумя надстройками, как иногда полагают.

Наконец, в-третьих, рабы и крепостные крестьяне по своему экономическому положению не могли стать господствующим классом и создать свою надстройку. В этом отношении от них выгодно отличается пролетариат. В силу особенностей развития капиталистической формации пролетариат как могильщик буржуазии и творец нового строя находит условия для поднятия индивидуального сознания отдельных его представителей до уровня классового сознания, условия для развития своих политических, философских

и других взглядов и создания политической партии. Однако самого главного, завершающего формирование любой надстройки классового общества — государства, — в недрах капиталистического общества пролетариатом создано не было. Коммунистическая идеология и коммунистическая партия в условиях капиталистического общества представляют собой орудие классовой борьбы пролетариата и превращаются по своим функциям в надстройку лишь с установлением общественной социалистической собственности.

В буржуазном обществе в готовом, завершенном виде существует только одна, а не две надстройки, а именно буржуазная надстройка. Она является в то же время средством, не допускающим создания какой бы то ни было другой надстройки. Вообще ни один класс в антагонистическом обществе не может создать свою надстройку, не лишив в то же время возможности создать свою надстройку других классов.

Несмотря на то что в классовом обществе государство и вся надстройка выражают интересы одного класса, последняя не лишена внутренних противоречий. Так, капиталистическое государство, выражая интересы буржуазии, вынуждено в то же время создавать видимость, будто оно выражает интересы всего общества. Противоречие обнаруживается также в разделении законодательной и исполнительной власти. Первая представляет собой говорильню, принимает широковещательные законопроекты, вторая строго проводит волю одного класса. Кроме того, буржуазная парламентарная республика в парламенте имеет представителей от разных социальных групп и партий, а иногда и от неимущих классов, что уже само по себе составляет достаточное основание для различного рода противоречий. А это создает возможности для рабочего класса и его партии при известных условиях использовать буржуазный парламент в целях борьбы против буржуазии. Таким примером может служить большевистская фракция в царской Думе и т. д. Однако несмотря на все эти противоречия внутри надстройки, главная борьба ведется за надстройку.

Наконец, третьей характерной чертой надстройки является то, что она непосредственно не связана с техническим базисом, с процессом производства. Она связана с ним главным образом косвенно, посредством экономического базиса. Поэтому изменения в технике не сразу отражаются в изменениях надстройки, а лишь после того как произойдут соответствующие изменения в экономическом базисе.

Эта особенность надстройки вытекает из ее назначения в общественной жизни — укреплять и охранять существующий базис. Если производство приобретает общественный характер и требует устранения частной собственности, т. е. экономического базиса, то это через последний отражается в надстройке. А именно: базис оказывается на краю гибели, и для его сохранения господствующие классы производят изменения в надстройке. Парламентарная

республика заменяется фашистской диктатурой; политические, правовые, религиозные, философские и другие взгляды приобретают крайне реакционный характер.

И даже при социализме, когда государство имеет своей важнейшей задачей управление общественным производством, теоретическое положение о связи надстройки с техническим базисом опосредованно, через экономический базис, — сохраняет свое значение. Ведь именно социалистический экономический базис определяет возможность и необходимость такой функции государства.

Надстройка в свою очередь оказывает воздействие на технику не прямо, а косвенно, через экономический базис. Укрепляя отживающий свой век экономический базис, надстройка тем самым тормозит развитие техники, ведет к разрушению производительных сил [8].

Косвенной связью надстройки и технического базиса объясняется, в частности, тот факт, что в настоящее время при сравнительно высоком уровне техники в империалистических странах господствуют крайне реакционные идеи в политике, искусстве, нравственности, философии. Американские философы Сантаяна, Глен и другие возрождают средневековую схоластику, объявляют философию врагом науки, служанкой богословия и т. д. Корни этих буржуазных взглядов лежат не непосредственно в производстве, не в уровне техники, а в прогнившем насквозь капиталистическом базисе.

Технический базис, экономический базис и надстройка в их взаимоотношении не исчерпывают собой всех элементов и структуры общественной формации. В обществе есть много и других явлений, в частности таких, которые не относятся ни к одному из названных явлений, а есть и такие, в которых имеют место все три общественные явления. Но все они будут рассмотрены дальше.

3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И СМЕНА ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМАЦИЙ

Общественная формация — явление историческое: она возникает, развивается и сменяется новой, более высокой формацией. Этот процесс назван Марксом естественноисторическим процессом, т. е. он протекает закономерно, по определенной исторической необходимости.

Возникновение общественных формаций характеризуется своими особенностями.

Во-первых, общественная формация возникает лишь тогда, когда для этого складываются необходимые материальные предпосылки. Для первобытнообщинной формации такими предпосыл-

[8] Правда, абсолютизировать эту связь не следует. В известном отношении можно найти и прямую связь между техническим базисом и надстройкой. Так, армия, вооружение как элемент надстройки непосредственно зависят от технического базиса.

ками явился соответствующий уровень развития приматов и изменение условий их жизни. Что же касается всех остальных формаций, то материальной предпосылкой для их возникновения был соответствующий уровень развития производительных сил.

Во-вторых, каждая общественная формация, за исключением первобытнообщинной и коммунистической, возникает в недрах предшествующей формации, а не отдельно, обособленно от нее. В этом случае мы говорим о переходе от одной формации к другой. Что же касается первобытнообщинной и коммунистической формаций, то предшествующее развитие создает для них лишь соответствующие предпосылки (объективные и субъективные). Становление этих формаций характеризуется особым переходным периодом. Переходным периодом к первобытнообщинной формации было существование первобытного стада. Переходным периодом к коммунистической формации является период диктатуры пролетариата.

В-третьих, как материальные предпосылки (определенный уровень производительных сил), так и экономический базис новой формации (за исключением коммунистической) складываются стихийно. Надстройка же у каждой новой формации складывается, лишь проходя через сознание людей, т. е. сознательно, соответственно сложившимся взглядам классов, формирующих эту надстройку.

Рассмотрим эти особенности более подробно.

Так, в России более чем за столетие до окончательного разложения и падения феодально-крепостнической системы, уже в XVIII в. имел место не только достаточный уровень развития производительных сил для возникновения новой формации, но и зачатки элементов новых капиталистических отношений, первые ростки складывания и роста капиталистического уклада.

Капиталистическая формация предполагает прежде всего как основную свою предпосылку развитие товарного хозяйства, возникающего на почве разложения натурального хозяйства и общественного разделения труда. Происходит все большее отделение промышленности от сельского хозяйства, отделение непосредственного производителя от средств производства, пролетаризация мелкого, прежде всего самостоятельного производителя, создается внутренний рынок для капитализма. Другой стороной этого процесса является образование и накопление в отдельных руках сравнительно крупных денежных состояний и капиталов. В ходе этого двустороннего процесса формируются и два класса: буржуазия и пролетариат. Сконцентрировав в своих руках основную массу общественного богатства, став экономически господствующим классом, буржуазия стремится создать и свою надстройку. Она захватывает в свои руки политическую власть и приводит ее в соответствие со своим экономическим положением. Так, собственно, складывается капиталистическая формация.

Эти основные моменты процесса формирования капиталистиче-

ского базиса и надстройки протекали по-разному в различных странах, подчиняясь в то же время одним и тем же общим закономерностям. «...Один и тот же экономический базис, — писал Маркс, — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»[9].

В России формирование капитализма прошло несколько иной путь, чем, скажем, в Англии, на примере хозяйственного развития которой Марксом были изучены общие закономерности развития капиталистического способа производства. К 1861 г., т. е. к моменту отмены крепостного права, промышленный капитализм в России уже развивался, подрывая и разлагая крепостную систему. Особенности первоначального накопления и начальных этапов возникновения капиталистических отношений в России сводились к более длительному господству крепостнических отношений, к более медленной смене форм феодально-крепостнической эксплуатации.

Не меньшие различия существуют и в формировании надстройки. В одних странах, например, во Франции, надстройка создалась в результате открытой радикальной революции и замены власти феодальной монархии буржуазной республикой. Сравнительно быстро совершалось изменение и в других элементах надстройки. Так, революция в политических, правовых, философских и других взглядах даже предшествовала политической революции. В других странах, например в Англии, изменение надстройки совершалось сравнительно более мирно, и абсолютную монархию сменила конституционная монархия.

Как же совершается развитие общественных формаций?

Каждая общественная формация проходит в своем развитии ряд этапов. Процесс ее возникновения, о котором уже говорилось, длится более или менее долго, пока новое окончательно не уничтожит старое. Как только общественная формация освобождается от старого общества, тормозящего ее развитие, она вступает в период своего расцвета, раскрывающего преимущества нового экономического строя. Такой период свойствен всем формациям. В первобытнообщинном строе — это период родового строя, матриархата. В антагонистических формациях также были свои более или менее длительные периоды расцвета. Именно в эти периоды каждая общественная формация создает свой технический базис. Такой технический базис капитализм создал в период своего расцвета в виде машинной индустрии.

Наконец, в каждой общественной формации, за исключением

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 354.

коммунистической, мы обнаруживаем и нисходящий период, в котором формируются предпосылки для смены данной формации новой. Экономический строй, составляющий базис данной формации, больше не справляется со своей функцией — содействовать развитию общественного производства — и наступает неизбежность его смены.

Когда феодальная организация ремесла и земледелия, при которой осуществлялось производство и обмен феодального общества, перестала соответствовать развившимся производительным силам, превратилась в препятствие для развития промышленности и торговли, встала необходимость заменить эту феодальную организацию другой организацией, другим экономическим строем. И этот феодальный экономический строй был заменен капиталистическим экономическим строем со свободной конкуренцией и соответствующим ему политическим строем, с политическим господством буржуазии.

Однако и капиталистический экономический строй оказался не вечным. «Современное буржуазное общество, — писали Маркс и Энгельс, — с его буржуазными отношениями производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями»[10].

Всеобщие экономические кризисы, а также войны, направленные на порабощение свободных народов, в массовом масштабе разрушающие производительные силы, — яркое свидетельство того, что капиталистический строй общества перестал выполнять свою общественную функцию, стал тормозом общественного развития.

«Капиталистическая система в целом, — говорил в Отчете ЦК КПСС XXIII съезду КПСС Л. И. Брежнев, — переживает общий кризис, углубляются ее внутренние противоречия. Пытаясь преодолеть эти противоречия, устоять в противоборстве с социализмом, заправилы буржуазного мира возлагали особые надежды на применение методов государственного регулирования экономики, на научно-технический прогресс, на увеличение военного производства. Однако это не привело и не может привести к излечению капитализма от его коренных пороков. Несмотря на то что темпы экономического роста в главных капиталистических странах за послевоенные годы были выше, чем в период между двумя мировыми войнами, нельзя не видеть, что экономика капитализма продолжает оставаться неустойчивой. Периоды некоторого подъема сменяются спадами. Такие явления происходили во многих капиталистических странах и в особенности в США»[11].

---

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 429.
[11] Материалы XXIII съезда КПСС. М., Политиздат, 1966, стр. 10.

Перед обществом стоит задача устранения капиталистического строя и замена его социалистическим строем.

В письме к Анненкову от 28 декабря 1846 г. Маркс писал, что «люди никогда не отказываются от того, что они приобрели, но это не значит, что они не откажутся от той общественной формы, в которой они приобрели определенные производительные силы. Наоборот. Для того чтобы не лишиться достигнутого результата, для того чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены изменять все унаследованные общественные формы в тот момент, когда способ их сношений [commerce] более уже не соответствует приобретенным производительным силам» [12].

Когда экономический строй общества оказывается неспособным осуществлять свои функции и, вместо того, чтобы содействовать развитию производства, становится для него препятствием, тогда наступает время *социальной революции*. В широком смысле слова социальная революция и есть смена одной общественной формации другой.

Развитие общественной формации выражается не только в изменении экономического и технического базиса, но также в изменении надстройки и других общественных явлений. Например, религиозные взгляды и соответствующие им учреждения изменяются не только в связи с переходом от одного базиса к другому, но и в связи с изменением одного и того же базиса. Так, с поворотом буржуазии от демократии к реакции религиозные взгляды больше не используются в борьбе со старыми феодальными отношениями; из средства борьбы с феодализмом религия превращается в средство угнетения, в средство духовного порабощения масс.

Вообще переход капитализма в стадию империализма неизбежно приводит к изменению всей буржуазной надстройки. «Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом (империализм есть монополистический капитализм),— писал Ленин, — является поворот *от* демократии *к* политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция» [13].

Смена общественных формаций также не ограничивается сменой экономического базиса. Происходит также смена политической организации общества.

Характер той или иной социальной революции определяется тем, какой именно строй разрушается и для развития какого экономического строя расчищается дорога. Истории известны различные по характеру революции, в результате которых совершался переход от первобытнообщинного строя к рабовладельческому, от рабовладельческого к феодальному, от феодального к буржуазному и от буржуазного к социалистическому. Все эти революции, за исключением социалистической, представляли собой форму

---

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 403.

[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 93.

преодоления противоречий не только между производительными силами и производственными отношениями, но также форму преодоления противоречий между базисом и надстройкой. «...Что такое революция с марксистской точки зрения? — писал Ленин. — Насильственная ломка устарелой политической надстройки, противоречие которой новым производственным отношениям вызвало в известный момент крах ее. Противоречие самодержавия всему строю капиталистической России, всем потребностям ее буржуазно-демократического развития вызвало теперь тем более сильный крах, чем дольше это противоречие искусственно удерживалось. Надстройка трещит по всем швам, поддается напору, слабеет. Народу приходится самому, в лице представителей различнейших классов и групп, созидать себе новую надстройку. В известный момент развития негодность старой надстройки становится ясна всем. Революцию признают все. Теперь задача в том, чтобы определить, *какие же* именно классы и *как именно* должны построить новую надстройку» [14].

Когда класс буржуазии стал экономически господствующим классом, а феодализм отживал свой век и феодальное государство являлось его опорой и единственно серьезной силой, благодаря которой держались старые порядки, то вполне естественно, что прежде всего необходимо было уничтожить феодальное государство и установить диктатуру буржуазии, создать буржуазное государство. В России же создались такие условия, при которых от буржуазно-демократического переворота можно было немедленно переходить к социалистическому перевороту, к созданию социалистической надстройки.

Поскольку в обществе, основанном на антагонизме классов, надстройка является главной силой, защищающей и укрепляющей базис, то в революциях главным вопросом является вопрос о власти. Из ленинской характеристики революции как слома одной надстройки и создания другой, связанной с переходом власти от одного класса к другому, вытекают важные выводы о природе самой надстройки. Во-первых, в обществе обычно существует одна, а не две или три надстройки. Во-вторых, не каждый класс создает свою надстройку, хотя и стремится к этому.

4. ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ

Особенности возникновения коммунистической формации уже обнаруживаются в отличии социалистической революции от революции буржуазной.

Экономический базис капиталистической формации складывается стихийно в недрах феодального строя. Задача революции

[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 118—119.

сводится к устранению противоречий между старыми экономическими отношениями и новыми, а также между старой надстройкой и новыми экономическими отношениями. Захват политической власти буржуазией совершается сознательно и используется, чтобы устранить старую надстройку и старый экономический строй.

Социалистическая революция лишь начинается с захвата власти. Объясняется это тем, что социалистические производственные отношения не возникают в недрах капиталистического общества. Возникают лишь объективные и субъективные предпосылки.

Возникновение экономического базиса коммунистической формации начинается с завоевания власти трудящимися во главе с пролетариатом, с национализации и концентрации средств производства в руках пролетарского государства. Поэтому завоевание и укрепление этого государства является важнейшим средством создания базиса коммунистической формации. На первой своей фазе экономический базис коммунистического общества имеет свои особенности, и мы его обычно называем социалистическим базисом.

Так как в результате пролетарской революции трудящиеся берут основные средства производства в свои руки, а создание социалистического базиса может идти только на основе сознательного применения законов общественного развития, то решающую роль в этом творчестве играет активная, сознательная, целенаправленная деятельность масс.

Научно разработать программу строительства, организовать и мобилизовать массы на ее осуществление может только партия, выражающая коренные интересы трудящихся в целом, т. е. коммунистическая партия. Следовательно, создание социалистического базиса возможно только под руководством Коммунистической партии на основе научно разработанной программы строительства коммунизма.

В Программе нашей партии предусматривалась социалистическая национализация, индустриализация и коллективизация как важнейшие этапы построения социализма в нашей стране.

В результате конфискации помещичьей и национализации всей земли, национализации банков, введения рабочего контроля, национализации трестированной промышленности, а также в результате национализации всей промышленности, законченной в середине 1918 г., в стране был создан социалистический уклад — экономическая опора пролетариата в борьбе за полную победу социалистического базиса. Социалистическое государство стало собственником всех основных командных экономических высот: земли, ее недр, транспорта, фабрик и заводов, банков и т. д. В стране складывались отношения сотрудничества и взаимопомощи. Этот социалистический уклад в стране играл ведущую роль, определяя дальнейшее развитие всей экономики.

Индустриализация страны означала прежде всего колоссальный рост социалистического сектора в промышленности, полную

победу социалистических экономических отношений в промышленности. Она в то же время подготовила необходимые условия для победы коммунистических отношений в деревне.

Социалистический базис — это экономический строй социалистического общества, выражающийся в общественной собственности на средства производства и в социалистической системе хозяйства.

Возникновение социалистического базиса означает, что:

а) трудящиеся как производители материальных благ являются в то же время собственниками средств производства и произведенного продукта;

б) впервые в истории человечества на основе высокого уровня и общественного характера производительных сил создан такой экономический строй, в укреплении которого заинтересованы все члены общества;

в) в обществе нет таких классов, которые были бы лишены собственности на средства производства и по своему экономическому положению на каком-либо этапе его развития были бы заинтересованы в уничтожении данного экономического строя.

Поскольку собственность принадлежит всем трудящимся и они заинтересованы в непрерывном росте производства, направленного на удовлетворение их собственных потребностей, то не может быть никаких экономических причин, хронически тормозящих развитие производства. Изменяясь и совершенствуясь, экономический строй дает полный простор развитию производительных сил. И так как одним из важнейших условий полного удовлетворения потребностей трудящихся является соответствие производственных отношений уровню и характеру производительных сил, то трудящиеся как собственники и производители материальных благ сами изменяют свои производственные отношения соответственно изменившимся производительным силам. А это изменение производственных отношений, взятое в более широком масштабе, и есть не что иное, как постоянное изменение базиса.

Коммунистический базис изменяется непрерывно, он совершенствуется, оставаясь в принципе одним и тем же коммунистическим базисом. Объясняется это прежде всего тем, что само производство развивается лишь в одном направлении, а именно: по пути все большего и большего обобществления. Поэтому дальнейшее развитие общества уже не может идти, как оно шло до сих пор, путем изменения общественных формаций. Дальнейшее развитие общества может идти лишь как развитие одной и той же коммунистической формации. Это объясняется еще и тем, что развитие общества по формам собственности имеет смысл и значение, пока этой собственности недостаточно и не могут удовлетворяться все потребности людей. С достижением же изобилия продуктов потребления, возможно, исчезнет и само слово «собственность» в его современном смысле.

Социалистическая надстройка — это политические, правовые,

философские, художественные и другие взгляды и соответствующие им учреждения, благодаря которым осуществляются политические, юридические и другие идеологические отношения социалистического общества.

Формирование и развитие социалистической надстройки находилось в зависимости от возникновения и развития социалистического базиса. Начало создания социалистической надстройки было положено в результате завоевания пролетариатом политической власти в Октябре 1917 г. И это в полной мере относится к марксистской идеологии, Коммунистической партии и т. д., до взятия власти пролетариатом и создания социалистического базиса, служивших средством освобождения пролетариата, орудием пролетарской революции, но не надстройкой.

Интересы рабочего класса требовали коренного преобразования всех сторон жизни общества. Но так как социалистический базис не складывается стихийно в недрах капиталистического общества, то и надстройка выполняет не только функции сохранения и укрепления базиса, но прежде всего служит средством его создания. Сфера сознательной целенаправленной деятельности людей колоссально расширяется: в нее включается строительство новых экономических отношений. Это значит, что рабочий класс не может выполнить свою историческую задачу создания нового общества, не будучи вооруженным наукой о законах его строительства, т. е. о законах строительства социализма и коммунизма. Вот почему идеи марксизма-ленинизма пронизывают всю деятельность рабочего класса по строительству нового общества.

Все это определило возрастание роли надстройки, в особенности роли социалистического государства. Уже тот факт, что рабочий класс начинает преобразование общества с завоевания политических предпосылок, показывает исключительно большую роль государства в процессе этого преобразования. Кроме того, отличительной чертой социалистической надстройки является научность надстроечных взглядов. Политические, философские, художественные и другие взгляды, соответствующие социалистическому базису, являются научными взглядами, правильно отражающими потребности материальной жизни общества, объективные закономерности окружающей природы и общества.

Назначение социалистической надстройки — укреплять социалистический базис — полностью совпадает с необходимостью правильно отражать закономерности общественного развития, чтобы можно было предвидеть события и управлять ими. Она, следовательно, по необходимости является научной. Политические взгляды, соответствующие социалистическому базису, — это научный коммунизм; правовые и художественные взгляды также основаны на научном материалистическом понимании истории. Марксистская философия является научным мировоззрением.

Характерной особенностью социалистической надстройки является и то, что она обслуживает все общество, а не какой-либо

отдельный класс, она выражает интересы рабочего класса, крестьянства и интеллигенции.

Взаимодействие базиса и надстройки в социалистическом обществе также имеет свои особенности. Во-первых, интересы развития производства не сталкиваются с интересами укрепления и развития базиса. Во-вторых, социалистическая надстройка получает огромные возможности для непосредственного воздействия на развитие производства. Хозяйственно-организаторская функция — одна из важнейших функций социалистического государства. Если в эксплуататорском обществе надстройка противостоит интересам трудящихся, то в социалистическом обществе она служит их интересам.

5. ПРОГРЕСС В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

Вся прошедшая история человечества есть история возникновения, развития и смены общественных формаций, каждая из которых выступала тем социальным организмом, в качестве которого осуществлялось развитие в определенный исторический период. Смена общественных формаций представляет собой прогрессивный процесс. «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства,— писал Маркс,— можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [15].

Многие современные буржуазные социологи отрицают прогресс в развитии экономических отношений и подменяют идею прогрессивного развития идеей так называемого «социального изменения». Например, авторы капитального труда «Общество», американские социологи Р. Макайвер и Ч. Пайджа, пытаются доказать, что понятие прогресса лишено научного содержания и имеет лишь субъективное этическое значение. Американский социолог К. Бекер утверждает, что в настоящее время идея прогресса дискредитирована. Некоторые же микросоциологи (например, Ж. Гурвич) признают прогресс, но понимают его лишь как усовершенствование общества в рамках капитализма, но ни в коем случае не как переход к новому строю.

Многие современные социологи, хотя и признают прогресс в развитии техники, отрицают его в изменении общественных отношений. Так, по мнению английского социолога А. Д. Тойнби, изменение общественных отношений представляет собой не прогресс, а круговороты. Различные цивилизации (это понятие не всегда связывается с качественными различиями в экономических отношениях), по мнению Тойнби, равнозначимы. Нельзя говорить, что одна цивилизация по историческому развитию выше, а другая ниже. Каждый народ выбирает себе такую цивилизацию, какая ему нравится. Все они проходят одни и те же круговые изменения.

---

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7.

Таким образом, и в этом случае прогресс в смене общественных формаций отрицается [16].

Исторический материализм отвергает эту точку зрения, обосновывая представление об общественном развитии, как развитии прогрессивном. Каков же критерий общественного прогресса?

Так как основу общественного развития составляет материальное производство, то и для установления критерия прогресса общественного развития нужно обращаться прежде всего к производству, к уровню техники. Тот общественный строй является более передовым и прогрессивным, который в большей степени содействует развитию способностей и удовлетворению потребностей всех людей посредством внедрения более высокой техники и достижения большей производительности труда. «Производительность труда,— писал Ленин,— это, в последнем случае, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя» [17].

Капиталистический экономический строй в гораздо большей степени развил материальное производство, чем феодализм, сделал человеческое общество более богатым и тем оказался более прогрессивным, чем предшествующий ему феодальный строй.

В коммунистической формации в свою очередь будет создана более высокая производительность труда, чем при капитализме. Что она действительно будет создана, свидетельствуют более высокие темпы развития производства при социализме, чем при капитализме. Уже социалистический строй оказывается более прогрессивным, чем капиталистический. «Капитализм,— писал Ленин,— создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда» [18].

Хотя при социализме не реализуются в полной мере все преимущества коммунистической формации перед капиталистической, они все же существуют и свидетельствуют также о прогрессивном характере общественного развития. Каковы эти преимущества?

Во-первых, коммунизм объединяет труд в большей степени, чем капитализм. Высшая форма объединения труда при капитализме — монополии, тресты, синдикаты — не могут равняться с объединением труда в масштабе целой страны или системы стран. А более объединенный труд, конечно, при умелой его организации и соответствующем уровне техники, является и более производительным.

Во-вторых, уже социализм делает трудящимися всех людей. Он

---

[16] Глубокий анализ критической литературы о концепциях Тойнби см. в статье Е. Б. Рашковской «Структура и истоки философско-исторической концепции А. Дж. Тойнби» («Вопросы философии», 1969, № 5) и в работе Ю. Н. Семенова «Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии» (М., «Наука», 1965).

[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 21.

[18] Там же.

уничтожает паразитические, не трудящиеся классы. В то же время социализм дает всем действительное право на труд, уничтожает причины, порождающие безработицу, и т. д.

В-третьих, в коммунистической формации всякий непроизводительный труд постепенно устраняется. Армия, денежное обращение и т. п. перестанут быть областью, в которой в наше время занято большое количество людей и средств.

В-четвертых, в коммунистической формации собственность принадлежит самим трудящимся, и они, постепенно убеждаясь, что трудятся на себя, а не на других, тем самым приобретают новые стимулы к труду.

И, наконец, в-пятых, социализм и коммунизм постепенно уничтожают причины, ведущие к анархии производства, создают возможность ведения планового хозяйства, пропорционального развития производства. Плановое же хозяйство, опирающееся на знание закономерностей общественного развития, всегда более производительно, чем хозяйство, подверженное анархии.

В настоящее время социализм является наиболее передовым и прогрессивным строем.

Однако общественный прогресс не сводится к прогрессу производства. Существует прогресс не только в материальной, но и в духовной жизни общества. Поэтому в критерий общественного прогресса нужно включать в духовную сторону. Тот общественный строй является более прогрессивным, который в большей степени позволяет использовать закономерности природы и общества в интересах удовлетворения материальных и духовных потребностей людей.

Прогресс в общественном развитии носит крайне сложный и противоречивый характер. Он включает в себя и круговороты, и регресс. Особенно ярко противоречивый характер прогресса обнаруживается в классовом антагонистическом обществе. «Так как основой цивилизации служит эксплуатация одного класса другим,— писал Энгельс об антагонистических формациях,— то все ее развитие совершается в постоянном противоречии. Всякий шаг вперед в производстве означает одновременно шаг назад в положении угнетенного класса, то есть огромного большинства. Всякое благо для одних необходимо является злом для других, всякое новое освобождение одного класса — новым угнетением для другого» [19]. Хотя в общем и целом положение трудящихся улучшается, рабочие живут лучше, чем жили рабы и т. п.; все же если сравнить количество производимых и количество потребляемых продуктов раба и рабочего, то соотношение окажется далеко не в пользу рабочего.

Если регресс в общественном развитии носит частный характер, относится к тем или иным классам, формациям, явлениям, то прогресс, кроме того, есть общее направление всего обществен-

[19] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 177.

ного развития. Так, загнивание капитализма есть регресс. Но это регресс, характеризующий именно капиталистические отношения. В общем же это прогресс, так как загнивание империализма есть в то же время создание условий для социалистического переворота [20].

[20] См. Л. М. Славин. В. И. Ленин об общественном прогрессе. М., «Знание», 1960; Л. Н. Николаева. Типы социального прогресса. Изд-во МГУ, 1967.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

В отличие от структуры формации, характеризующейся устойчивыми связями между различными общественными явлениями: техническим и экономическим базисом, надстройкой и т. п., под социально-экономической структурой общества мы понимаем устойчивые отношения между различными социальными группами людей.

Труд, составляющий основу общественного развития, является, как уже было показано, главной силой, объединяющей людей в общество. Люди производят необходимые для них материальные блага сообща, коллективами, обществами. Человеческий труд всегда по своей природе является трудом общественным. «Человек,— пишет Маркс,— есть... не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться. Производство обособленного одиночки вне общества — редкое явление, которое, конечно, может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенным в необитаемую местность и потенциально уже содержащим в себе общественные силы,— такая же бессмыслица, как развитие языка без *совместно* живущих и разговаривающих между собой индивидов» [1].

Общественный труд всегда предполагает известную связь деятельности отдельных людей, их кооперацию. В то же время он включает в себя определенную дифференциацию как в количественном, так и в качественном отношении. Кооперирование труда так же, как и его разделение, существовало всегда, исторически менялись только его виды. Кооперация и разделение труда взаимно дополняют друг друга и немыслимы существующими обособленно. Доведенное до крайности обособление отдельных видов труда всегда означает в то же время предельную зависимость этих видов друг от друга.

Как кооперирование труда, так и его разделение имеют одну общую причину — развитие самого труда и прежде всего его произ-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 18.

водительных сил. «Уровень развития производительных сил нации,— писал Маркс и Энгельс,— обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито у нее разделение труда. Всякая новая производительная сила,— поскольку это не просто количественное расширение известных уже до того производительных сил (например, возделывание новых земель),— влечет за собой дальнейшее развитие разделения труда» [2]. Однако каждый из видов кооперирования и разделения труда имеет также свою специфическую причину. Поскольку кооперирование и разделение по существу характеризуются одними и теми же причинами, то мы в данном случае ограничимся рассмотрением лишь видов разделения труда. Это тем более необходимо, так как именно с видами разделения труда и связано в конечном счете дробление общества на различные социальные группы.

1. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА КАК ОСНОВА ДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА НА РАЗЛИЧНЫЕ ГРУППЫ ЛЮДЕЙ

Труд не только определяет все элементы, составляющие основу общественного развития, объединяет их в определенную систему, но и сам зависит от них. Эта зависимость выражается прежде всего в образовании различных видов разделения труда.

Разделение труда может зависеть от биологических особенностей людей как элемента производства, от естественных предпосылок, связанных с возрастными, половыми и другими физиологическими различиями между людьми, как, например, разделение труда между взрослыми и детьми, между мужчиной и женщиной. Вообще труд, какой бы он вид не принимал, оказывается разделенным между индивидами уже в силу того, что они являются отдельными людьми. Разделение труда, непосредственно связанное с физиологическими особенностями людей, называется *физиологическим разделением труда.*

Разделение труда между различными полами, а также между взрослыми и детьми встречаются почти у всех народов, стоящих на низшей ступени развития. Женщины обычно занимаются добыванием и приготовлением растительной пищи, а иногда и постройкой хижин. Мужчины занимаются охотой и обработкой добытых в ее процессе продуктов. При наличии скотоводства мужчина пасет скот и т. д. Это разделение труда может проявляться и при выполнении общих работ мужчинами, женщинами и детьми. Пример такого разделения труда описывает Н. Н. Миклухо-Маклай у папуасов при обработке ими почвы под плантации сахарного тростника, бананов, бау, аян. «Работа,— пишет он,— проводится таким образом: двое, трое или более мужчин становятся в ряд, глубоко втыкают заостренные удья в землю и потом одновременно одним взмахом подни-

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 20.

мают большую глыбу земли. Если почва твердая, то в одно и то же место втыкают удья два раза, а потом уже поднимают землю. За мужчинами следуют женщины, которые ползут на коленях и, держа крепко в обоих руках свои удья-саб, размельчают поднятую мужчинами землю. За ними идут дети различного возраста и растирают землю руками. В таком порядке мужчины, женщины и дети обрабатывают всю плантацию; потом закладывают кучки земли, группируемые в ряды»[3].

Непосредственной причиной разделения труда может быть и географическая среда, выступающая в общественном производстве в виде предмета труда, условий труда и вообще средств труда. Различные почвенные, климатические и другие природные условия могут определять различия в отраслях сельского хозяйства. Новая отрасль производства в той или иной стране может возникнуть в связи с открытием и использованием естественных богатств, например, в связи с разработкой нового месторождения алмазов. И так как различные естественные богатства отделены друг от друга в пространстве и требуют особого труда по их извлечению, то они выступают как особая причина разделения труда. Этот вид обычно называют *географическим разделением труда*.

Маркс отмечает, что еще при первобытнообщинном строе племена, находящиеся в различных географических условиях и располагающие различными средствами производства, различались по характеру производства, образу жизни и производимым продуктам. Эти различия служили основой обмена продуктов между племенами. Обмен даже в его наиболее примитивных формах означал установление связи между различными производственными коллективами. Связь же означала, что различные виды производства стали отраслями единого общественного труда. Если физиологическое разделение труда обычно возникает как результат расчленения единого труда на части, то географическое, наоборот, является результатом объединения различных видов труда посредством обмена продуктов потребления.

Разделение труда вызывается потребностями самого процесса труда. В зависимости от развития орудий производства изменяется и разделение труда. «Труд,— писал Маркс,— организуется и разделяется различно, в зависимости от того, какими орудиями он располагает. Ручная мельница предполагает иное разделение труда, чем паровая»[4]. Этот вид представляет собой *техническое разделение труда*.

Разделение труда и деление людей по специальностям — явления не тождественные. Последнее представляет собой лишь определенную форму, характерную для ряда формаций. Если техническое разделение взять более широко, учитывая не только материальное производство, но и все остальные виды деятельности, то его можно

[3] Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествие на берег Маклая. М., Географгиз, 1956, стр. 360.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 152.

назвать *профессиональным разделением труда.* Правда, это название также недостаточно отражает суть дела, ибо далеко не все виды труда представляют собой профессии.

Наконец, разделение труда может определяться также характером собственности на средства производства. Раздробленная собственность предполагает и раздробленный труд. Капиталист и рабочий уже потому занимаются различными делами, что один владеет средствами производства, а другой нет. Различна собственность различны классы, различна и деятельность этих классов. Характер собственности на средства производства определяет *экономическое разделение труда.* Умственным трудом стал заниматься класс, владеющий средствами производства и поэтому освобожденный от физического труда. Физическим же трудом вынужден был заниматься класс, лишенный собственности на средства производства.

Разделение труда может быть общим, частным и единичным. «Если иметь в виду лишь самый труд,— пишет Маркс,— то разделение общественного производства на его крупные роды, каковы земледелие, промышленность и т. д., можно назвать общим... разделением труда, распадение этих родов производства на виды и подвиды — частным... разделением труда, а разделение труда внутри мастерской — единичным... разделением труда» [5]. В этом «вертикальном» разделении труда нужно особо выделить международное разделение труда, которое проявляется в международной торговле. Примером сознательного, планируемого разделения труда в международном масштабе является разделение труда среди социалистических стран.

Разделение труда может быть количественным, например, между колхозами, ведущими одинаковое по своим отраслям хозяйство. Оно может быть и качественным, например, между различными отраслями труда. Чаще всего разделение труда бывает одновременно и количественным и качественным.

Разделение труда может осуществляться во времени, например, в случае смены различных видов сельскохозяйственных работ в зависимости от сезонных условий на одной и той же территории. Оно может осуществляться также в пространстве, как, например, разделение труда, связанное с зональностью территории.

В решении научных вопросов важно не смешивать эти виды. Так, буржуазные социологи много писали и пишут о разделении труда между мужчиной и женщиной, умышленно преувеличивая роль и место этого разделения в общественной жизни, пытаясь этим оправдать угнетенное положение женщины в современном буржуазном обществе. Они пытаются доказать, что женщина по своим физиологическим особенностям должна заниматься домашним трудом, а мужчина — общественным. Предпосылкой подобного рода «теорий» является незаконное смешение действительного физиологического разделения труда с физиологической формой

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 363.

других видов, в данном случае экономического. Мужчина, как владелец средств производства, уже в силу этого становится эксплуататором женского и детского труда. Женщина при этих условиях зачастую выполняет более тяжелую, чем мужчина, работу, получая за это более низкую оплату.

Все виды общественного разделения труда в процессе развития производства находятся в тесной зависимости друг от друга. Вообще каждое разделение труда обычно представляет взаимодействие почти всех видов. Хотя все виды разделения труда играют важную роль в расслоении общества на определенные группы, они все же не равнозначны. Важнейшими являются экономическое разделение труда, характеризующее деление общества на классы, и профессиональное, определяющее деление общества на профессиональные группы.

2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Производственная деятельность людей, как было показано, зависит прежде всего от средств производства. Каковы средства и, в особенности орудия производства, такова и деятельность людей. Средства производства представляют собой определенную общественную силу, и чтобы та или иная группа людей смогла подчинить себе труд остальной части общества, она должна была завладеть прежде всего этими средствами производства, лишив в то же время этих средств производства остальных людей. Если бы материальная деятельность людей не зависела от средств производства, то невозможно было бы присвоение чужого труда. Следовательно, в определяющем характере орудий производства заключена возможность порабощения человека человеком, которая при определенных условиях превращается в действительность.

Маркс в «Капитале» показал, что конкретный труд людей во всех своих формах представляет затрату физиологических сил человека. Эта последняя и есть то общее, что позволяет количественно измерять качественно различные формы человеческого труда. Все материальное богатство человечества есть поэтому не что иное, как овеществленная деятельность людей. В особой степени это относится к орудиям труда, так как труд, собственно, и начинается с их изготовления. Силы людей накапливаются в определенных предметных формах. Материальное богатство людей — их накопленные силы. Общественные силы людей, таким образом, выражаются не только в их совокупных физиологических силах, но и в материальных средствах, полученных от предшествующих поколений. Тот, кто обладает этими средствами производства,— обладает определенными общественными силами. Не овладев этими силами, нельзя порабощать живой человеческий труд. Последний, кстати сказать, вообще можно накапливать только присоединяя его к уже существующим средствам производства, т. е. превращая

его в новые средства производства, продукты потребления, деньги и другие ценности.

Присваивать чужой труд невозможно было до тех пор, пока не создался избыток продукта над издержками труда, т. е. пока люди не стали производить больше того, что они непосредственно потребляли. С появлением прибавочного продукта появились условия не только для накопления общественных богатств, но и для разделения труда по отдельным семьям. Отдельная патриархальная семья теперь оказалась способной собственным трудом обеспечить свое существование. По мере разделения труда по семьям формируется семейная собственность. Вначале разделяли участки труда по семьям, а затем постепенно закрепляли за ними как собственность. Развитие семейной собственности в неодинаковых условиях вело к неравенству, к разделению общества на имущих и неимущих. Семейная собственность стала превращаться в средство, позволяющее присваивать чужой труд. Общество стало распадаться на классы. «...В основе деления на классы,— писал Энгельс,— лежит закон разделения труда... Пока человеческий труд был еще так малопроизводителен, что давал только ничтожный избыток над необходимыми жизненными средствами, до тех пор рост производительных сил, расширение обмена, развитие государства и права, создание искусства и науки — все это было возможно лишь при помощи усиленного разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой» [6].

Экономическому разделению труда почти везде предшествует техническое. Различие в труде было причиной и различной собственности, не только родоплеменной, но и частной. Но затем экономическое разделение труда, раз возникнув, стало определять техническое. Капиталист, по словам Маркса, не потому капиталист, что он управляет производством, а наоборот, он управляет производством потому, что он капиталист.

Классовая структура общества сменила деление по родственным и техническим группам. «Классами,— писал Ленин,— называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [7].

---

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 293, 186.
[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

Первое теоретическое положение этой формулировки Ленина заключает в себе полное, но не развернутое, определение классов. Три последующие положения, представляющие по существу описание трех элементов экономических отношений, расшифровывают его. Рассмотрим их на примере капиталистического общества. Буржуазия является собственником всех средств производства, пролетариат же может распоряжаться лишь собственной рабочей силой, пока она не продана. Различна также их экономическая роль в общественной организации производства. Рабочий трудится, капиталист присваивает его труд. Таким образом, общественный труд подчинен не интересам рабочего класса, а интересам буржуазии. Она стремится направлять движение всех отраслей общественного производства в интересах обеспечения максимальных прибылей. Неравно и распределение произведенного продукта. Капиталист получает весь произведенный продукт, выдавая рабочему лишь мизерную заработную плату, чтобы поддержать его силы и сохранить его способность к труду.

Последнее предложение, входящее в ленинское определение классов, представляет собой вывод из всего предшествующего. Различное положение буржуазии и пролетариата в системе общественного производства позволяет буржуазии эксплуатировать рабочий класс. Этот вывод, конечно, не относится к классам социалистического общества, так как их отношения представляют собой не отношение господства и подчинения, а отношения сотрудничества и взаимопомощи.

Вместо ясного и четкого понятия классов буржуазные социологи ввели понятие страт (слоев), означающих подмену экономических групп профессиональными или другими группами. Характеристика страт зачастую дается по чисто субъективным признакам, таким, например, как сознание своего места в обществе, различия в культурном уровне и т. д. И все же наиболее распространенной является попытка делить общественные группы по профессиональному разделению труда. Так, американский психосоциолог Р. Сентерс пишет: «Существует, по-видимому, общее мнение, что профессия (род деятельности) является единственным наиболее удовлетворительным признаком, поскольку этот признак более объективен, чем экономическое положение» [8]. Другой социолог Е. Богардус утверждает, что «типы профессиональной деятельности являются базисом деления общества в США» [9]. Увеличение количества интеллигенции они рассматривают как рост «среднего класса», как стирание противоположности между буржуазией и пролетариатом. Основываясь на подобного рода путанице, они клевещут на нашу страну, утверждая, что в социалистическом обществе усиливается классовая борьба, так как оно все больше и больше дифференцируется на социальные слои и груп-

[8] R. Senters. Psychology of Social Classes. N. Y., 1949, p. 15.
[9] E. Bogardus. Fundamentals of Social Psychology. N. Y., 1950, p. 431.

пы, различающиеся по характеру труда, по доходам, по образованию. Такого рода «теории» не только отражают невежество в элементарных вопросах общественной науки, но и стремление очернить страны социализма в глазах трудящихся всех стран.

С изменением общественно-экономических формаций менялась и классовая структура общества, но некоторые ее общие черты сохранялись. Так, среди сложной структуры ряда формаций необходимо выделить прежде всего основные классы, экономические отношения между которыми и составляют существенную черту этих формаций. В рабовладельческом обществе основными классами являются рабы и рабовладельцы; в феодальном или крепостническом — помещики или крепостные крестьяне; в капиталистическом — буржуа и пролетарии.

Кроме основных классов в обществе могут иметь место и другие классы. Это — либо классы, оставшиеся от прошлой формации, либо классы зарождающейся новой формации. Так, в капиталистическом обществе длительный период наряду с буржуазией занимают известное место помещики, крестьяне, ремесленники. В статье «Аграрная программа русской социал-демократии» Ленин писал: «*Поскольку* в нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, *постольку* крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). *Поскольку* сохраняются еще крепостные отношения,— *постольку* «крестьянство» продолжает еще быть классом, т. е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества» [10].

После свержения власти буржуазии, т. е. в период диктатуры пролетариата, также имеют место остаточные группы и классы прошлых исторических эпох: помещики, крупная, средняя и мелкая буржуазия города и деревни. С уничтожением укладов и созданием единой социалистической экономики сохраняются рабочий класс и колхозное крестьянство. В отличие от классов других формаций, это такие классы, различия между которыми все больше и больше стираются, т. е. они являются классами отмирающими. И это естественное отмирание протекает тем быстрее, чем быстрее строится бесклассовое коммунистическое общество.

История крестьянства как класса дает нам убедительный пример зависимости технического разделения труда от экономического. Сельское хозяйство как отрасль общественного производства существует со времен первобытного общества. Казалось бы, и крестьянство должно существовать на протяжении всей истории. Однако само занятие сельским хозяйством не определяет и не может определять класса — крестьянства. Главную роль в этом играют экономические отношения. Истории известны лишь два класса крестьянства, коренным образом отличающиеся друг от

---

[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 312.

друга: крестьянство феодального общества и социалистическое крестьянство. В буржуазном обществе сельским хозяйством занимается буржуазия и сельский пролетариат.

Однако было бы неправильно не учитывать влияния на экономическую структуру общества профессиональных отношений. Интеллигенция, в частности, является продуктом не только экономического, но и профессионального разделения труда. Она развивается и дифференцируется в силу развития профессионального разделения труда. По своему экономическому положению интеллигенция в классовом антагонистическом обществе «не есть *самостоятельный* экономический класс и не представляет поэтому никакой *самостоятельной* политической силы...»[11]. В буржуазном обществе по своим экономическим связям и воззрениям интеллигенция примыкает к буржуазии и частично, в особенности низкооплачиваемая, к наемным рабочим.

В социалистическом обществе интеллигенция занимает особое положение. Вместе с рабочим классом и крестьянством она владеет общественной социалистической собственностью. Она представляет собой важную часть рабочего класса и крестьянства и в то же время — она есть будущее рабочего класса и крестьянства. По мере увеличения творческого умственного труда в общей доле общественного труда растет и интеллигенция, представляющая в настоящее время особую политическую силу. Различные виды интеллигенции связаны с профессиональным разделением труда.

Классовая структура общества неизбежно сопровождается и соответствующей политической и правовой структурой. Общественные группы различаются по своему отношению к государственной власти. Особенно ярко это обнаружилось в сословном делении общества. Сословия — это общественные группы людей, принадлежность к которым закрепляется юридически в качестве особых прав и обязанностей, установленных законом. Другими словами, сословия хотя и порождаются экономическими отношениями, но сами представляют не экономические, а политические и юридические отношения.

Сословия, как политическая и юридическая форма классовых различий, не могут не отличаться от общественных классов. Во-первых, существование сословий связано с теми или иными юридическими привилегиями или почетными обязанностями, тогда как существование классов определено фактическими условиями их экономической жизни. Во-вторых, сословия представляют в известном смысле замкнутые корпорации (гильдии, цехи, иерархические союзы), защищающие социально-сословные интересы. «Известно,— писал Ленин,— что в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и фео-

[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 191.

дального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями. Напротив, в капиталистическом, буржуазном обществе все граждане равноправны, сословные деления уничтожены (по крайней мере, в принципе), и поэтому классы перестали быть сословиями»[12].

Проблема устранения классовых различий в обществе связана с постепенным устранением экономического разделения труда, т. е. с устранением различных форм собственности, с их слиянием в единую общенародную собственность.

3. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И ДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ

Иногда профессиональное разделение труда противопоставляют физиологическому, как общественное естественному[13]. Вряд ли с этим можно согласиться. Под физиологическим разделением труда подразумеваются отнюдь не чисто физиологические процессы, имеющие место в жизни человека, а тот же общественный труд, но взятый в его зависимости от физиологических особенностей людей. И физиологическое разделение труда также мало является естественным процессом, как и сам труд. Переплетаясь с физиологическим и экономическим разделением труда, профессиональное разделение труда является причиной не только профессиональных, но и многих других общностей, таких, как род, племя, а отчасти и семья, которые будут рассматриваться ниже.

Профессиональное разделение труда (в широком смысле слова) может означать: а) разные виды труда, вызывающие временные, неустойчивые деления людей на те или иные группы; б) такие же виды труда, но вызывающие прочные общности людей, связанных опытом, навыками, научными знаниями; в) профессиональные группы, но закрепленные, кроме всего прочего, еще экономическими отношениями, т. е. собственностью и распределением.

Характеризуя разделение труда, Маркс и Энгельс писали, что оно «в пределах той или иной нации приводит прежде всего к отделению промышленного и торгового труда от труда земледельческого и, тем самым, к отделению *города* от *деревни* и к противоположности их интересов. Дальнейшее развитие разделения труда приводит к обособлению торгового труда от промышленного. Одновременно, благодаря разделению труда внутри этих различных отраслей, развиваются, в свою очередь, различные подразделения индивидов, сотрудничающих в той или иной отрасли труда. Соотношение этих различных подразделений обусловливается способом применения земледельческого, промышленного и

---

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311. Примечание.

[13] См. В. П. Корниенко. Общественное разделение труда в период перехода к коммунизму. М., Экономиздат, 1963, стр. 14—15.

торгового труда (патриархализм, рабство, сословия, классы). При более развитом общении те же отношения обнаруживаются и во взаимоотношениях между различными нациями»[14].

Разделение труда на определенной ступени развития общества достигает такого уровня, что порождает специальности и специалистов, а вместе с ними и профессиональную узость. С развитием классового общества профессиональное разделение труда стало превращаться в силу, стоящую над людьми и порабощающую их. Труд стал больше управлять людьми, чем люди трудом. Это, конечно, характерно не для всякого общества, а для такого, в котором труд развивается стихийно. Изобретение новой техники, подчинение новых сил природы в таком обществе имело своим неизбежным следствием все новое и новое порабощение человека трудом. «Уже первое крупное разделение труда — отделение города от деревни — обрекло сельское население на тысячелетия отупения, а горожан — на порабощение каждого его специальным ремеслом. Оно уничтожило основу духовного развития одних и физического развития других. Если крестьянин овладевает землей, а горожанин — своим ремеслом, то в такой же степени земля овладевает крестьянином, а ремесло — ремесленником. Вместе с разделением труда разделяется и сам человек. Развитию одной единственной деятельности приносятся в жертву все прочие физические и духовные способности. Это калечение человека возрастает в той же мере, в какой растет разделение труда, достигающее своего высшего развития в мануфактуре»[15].

Разлагая сложное ремесло на простые составные операции, мануфактура упрощает отдельный труд, делает его общедоступным. Но она в то же время требует предельного совершенства в осуществлении данной простой операции. В силу этого рабочий на всю жизнь приковывается к отдельной операции и к определенному орудию. Развивая до предела отдельную сноровку и подавляя все остальные свои способности, рабочий превращается в автомат по осуществлению данной частичной операции. С развитием машинной техники рабочий еще больше падает в своем духовном развитии, превращается в простой придаток к машине.

Отметим, между прочим, что это порабощение свойственно не только профессиональным группам, но и классам. «...Духовно опустошенный буржуа порабощен своим собственным капиталом и своей собственной страстью к прибыли; юрист порабощен своими окостенелыми правовыми воззрениями, которые как некая самостоятельная сила владеют им; «образованные классы» вообще порабощены разнообразными формами местной ограниченности и односторонности, своей собственной физической и духовной близорукостью, своей изуродованностью воспитанием, выкроенным по мерке одной определенной специальности, своей прикованностью

---

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 20.
[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 303.

на всю жизнь к этой самой специальности — даже и тогда, когда этой специальностью является просто ничегонеделание»[16].

В капиталистическом обществе труд порабощает человека не только в экономическом, но и в профессиональном отношении. Экономическое порабощение — это эксплуатация чужого труда (отчуждение). Профессиональное же порабощение заключается в том, что человек на всю жизнь приковывается к какому-нибудь одному виду труда, лишаясь в силу этого возможности заниматься другим видом труда. Профессия человека превращается в демона, который определяет его поведение не только во время труда, но и вне труда, определяет всю повседневную жизнь группы с утра до вечера. Профессиональное порабощение людей, как, впрочем, и всякое другое его порабощение, не может иметь места при коммунизме.

Устранить порабощение людей, связанных с профессиональным разделением труда, — значит устранить специализацию. Отчего же зависит образование специальностей и специалистов? Оно зависит:

1) от степени совершенства труда. Вид труда, достигнувший высокой степени совершенства, требует больше времени и для овладения им и для осуществления, чем труд простой. Поэтому такой труд на известной ступени своего развития завладевает человеком и не оставляет ему времени и возможности заниматься в такой же мере другими видами труда. Высокое совершенство труда уже было характерно для средневековых мастерских. Чтобы стать мастером своего дела, требовалось долго ходить в учениках, затем в подмастерьях и лишь после сдачи трудного экзамена человек становился мастером, высоким специалистом своего рода;

2) от объема данного вида труда. Возрастание объема данного вида труда исключает возможность заниматься другим трудом. Это характерно, в частности, для сельскохозяйственного труда;

3) от степени различия между отдельными видами труда. Чем больше это различие, тем с большей необходимостью данный вид труда превращается в особую профессию. Специалист знает и умеет то, чего не знает и не умеет другой специалист;

4) от закрепления данного вида труда распределением. Через посредство профессионального разделения труда в нашем обществе (отчасти и в других) человек вступает в определенные экономические отношения.

Характеризуя профессиональное разделение труда, Маркс писал: «Очевидно само собой, что эта *необходимость распределения* общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена *определенной формой* общественного производства,— измениться может лишь форма *ее проявления*»[17]. Такой новой формой проявления разделения труда,

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 303—304.
[17] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 460—461.

лишенного своего порабощающего влияния, может быть только политехнизация. (Вопрос о политехнизации, об уничтожении существенных различий между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, рассматривается далее, в частности, в связи с проблемой всестороннего развития личности.)

Итак, профессиональное разделение труда было одной из причин деления общества на классы. В то же время оно выступает причиной деления самих классов на более мелкие группы. В классовом антагонистическом обществе на первом плане стоят не профессиональные, а экономические различия. «Не род деятельности определяет принадлежность к данному классу,— справедливо отмечает С. А. Кугель, — а, наоборот, классовая принадлежность обусловливает в классово-антагонистическом обществе круг профессий, которыми может овладеть член того или иного класса» [18].

В настоящее время вопрос о взаимоотношении профессиональных и экономических групп стал предметом конкретных социологических исследований. Появилось много работ, посвященных внутриклассовым различиям [19].

4. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И ПРОБЛЕМА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ОБЩЕСТВЕННЫХ ГРУПП

Географическая среда является хотя и не главной, но все же одной из важных причин разделения труда, а следовательно, размещения производства и всей общественной жизни на определенной территории. Если, например, развитие производительных сил общества привело к тому, что стало возможным для выработки электричества использовать энергию рек, то причиной того, где именно будут строиться эти гидроэлектростанции, является расположение этих рек. Более того, наличие энергии рек есть одна из причин самого появления гидроэлектростанций. В зависимости от географической среды размещение производства может изменяться, например, ввиду истощения одних месторождений и открытия других и т. п.

Вопрос о влиянии географической среды на человека не является новым. Первобытные племена целиком зависели от природных источников средств существования. Этот вопрос решался в зависимости от уровня развития производства, от характера собственности и т. п. И если в доисторические времена человек мог существовать только в узком диапазоне природных условий, то по

---

[18] С. А. Кугель. Новое в изучении социальной структуры общества. Л., «Знание», 1968, стр. 13.

[19] Классы, социальные слои и группы в СССР. М., «Наука», 1968; С. А. Кугель. Закономерности изменения социальной структуры общества при переходе к коммунизму. М., Экономиздат, 1963; Некоторые проблемы изучения социальной структуры. Л., 1955; Г. Н. Волков. Социология науки. М., Политиздат, 1968 и др.

мере общественного развития этот диапазон расширялся. А в наше время человек уже вышел в космос, за пределы земной поверхности.

Если в прошлых общественных формациях размещение производства и общественных коллективов на определенной территории осуществлялось стихийно, то в коммунистической формации эта проблема может решаться только сознательно, планомерно [20]. При этом задача заключается не только в том, чтобы правильно разместить новые отрасли производства и, следовательно, новые коллективы, но и в том, чтобы преодолеть отрицательные последствия стихийного размещения, унаследованного нами от прошлого. Такие же задачи стояли и перед предшествующими формациями, но разрешались они стихийно.

Появление производства, основанного на паровой, а затем на электрической энергии, освободило промышленность от ее привязанности к местным, небольшим источникам водной энергии. Оно способствовало развитию районов добывающей промышленности — рудной, угольной, нефтяной, газовой, крупных центров хлопчатобумажной промышленности, черной и цветной металлургии, машиностроения и т. д. Вслед за этими отраслями развивается химическая промышленность. В капиталистическом обществе эти отрасли обычно возникали и развивались в центрах развития спроса на данную промышленность, вдали от источников сырья. Стихийность, неравномерность размещения производительных сил вели к тому, что одни страны превращались в сырьевой придаток других. Добывающая промышленность колониальных стран обычно превращается в придаток обрабатывающей промышленности метрополий. Такое неравномерное размещение производительных сил было характерно и для царской России. Так, свыше трех четвертей промышленной продукции в 1913 г. производилось всего в четырех районах: Московском, Петербургском, Ивановском и на юге Украины. Металлургические заводы Донбасса и Приднепровья давали в 1913 г. 73% всего производимого в стране чугуна, один Донецкий бассейн давал до 87% всего угля, а Баку — до 83% нефти. Почти вся текстильная промышленность была размещена в центральном районе. За исключением небольших промышленных районов, вся территория страны лишена была крупной промышленности.

«Посмотрите на карту РСФСР,— писал Ленин.— К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость» [21].

Октябрьская социалистическая революция в корне изменила

[20] Экономические проблемы размещения производительных сил СССР. М., «Наука», 1969.

[21] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 228.

социально-экономические условия развития страны. В процессе строительства социализма унаследованное нами от прошлого уродливое размещение производительных сил было ликвидировано.

Последовательно проводя ленинскую национальную политику, КПСС и Советское правительство уделяли исключительно большое внимание ускоренному, всестороннему развитию экономики отсталых в прошлом национальных районов. Эти районы за годы Советской власти ускоренно развивались и превратились ныне в крупные базы современной индустрии и высокомеханизированного социалистического сельского хозяйства. В то время как крупная промышленность СССР в 1954 г. произвела продукции в 35 раз больше, чем в 1913 г., крупная промышленность, развившаяся в отдельных союзных республиках, увеличила продукцию за это время: в Грузии в 67 раз, в Казахстане в 77 раз, в Армении в 110 раз, в Киргизии в 580 раз и в Таджикистане в 815 раз. Исключительно высокими темпами развивалось хозяйство и в других союзных и автономных республиках.

В Казахстане и в республиках Средней Азии за годы Советской власти созданы крупные центры цветной и черной металлургии, машиностроения, химической промышленности, поднялась добыча угля, получило большое развитие сельское хозяйство, легкая и пищевая промышленность. Молодые союзные республики Прибалтики и Молдавия в экономическом отношении быстро подтянулись к уровню передовых районов.

В результате построения социализма в СССР в размещении производительных сил произошли серьезные изменения. Достаточно отметить перемещение союзного центра нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности из Азербайджана в Урало-Волжский район, создание крупных центров металлургии в Казахстане и в Центре (Курская магнитная аномалия), крупнейшей энергетической базы в Восточной Сибири и т. д.

Размещение производительных сил, создание новых индустриальных центров, сельскохозяйственное освоение новых районов непосредственно отражаются на изменении территориального распределения населения СССР, форм расселения и структуры трудовых ресурсов. Вместе с тем исторически сложившаяся география населения оказывает серьезное влияние на размещение производства и потребления, представляет важный фактор формирования структуры хозяйства экономических районов.

По мере развития индустрии происходит значительная перегруппировка сельского и городского населения СССР, его размещения по районам. Если в 1939 г. в городах и городских поселениях проживало около $1/3$ населения (32%), то к 1 января 1962 г. городское население составило более половины населения страны (51%). Темпы ежегодного роста городского населения опережают рост сельского населения.

В связи с этим встал вопрос о строительстве и размещении на территории страны больших и малых городов. Система городов

СССР, реконструкция существующих, создание новых во многом зависят от организационных форм рационального размещения производства.

Принципы рационального размещения производства при социализме определяются характером экономического строя. В этих принципах учитывается:

1) приближение промышленности к источникам сырья, топлива и энергии;

2) развитие сырьевого и топливно-энергетического хозяйства в районах, в которых промышленность была ранее оторвана от источников сырья, топлива и энергии;

3) специализация промышленности и сельского хозяйства отдельных экономических районов на производствах, которые позволяют использовать благоприятные экономические и природные условия этих районов в интересах снабжения всей страны или ряда районов страны соответствующими продуктами;

4) комплексное развитие экономических районов, позволяющих всесторонне использовать их ресурсы для удовлетворения как общегосударственных, так и местных нужд.

Правильное размещение производства на территории страны имеет огромное значение для повышения производительности труда и экономии затрат. В то же время оно должно служить интересам укрепления обороноспособности страны. В Программе КПСС отведено значительное место проблеме размещения производства. В ней отмечается, что «строительство коммунизма требует все более рационального размещения промышленности, которое обеспечит экономию общественного труда, комплексное развитие районов и специализацию их хозяйств, устранит чрезмерную скученность населения в крупных городах, будет содействовать преодолению существенных различий между городом и деревней, дальнейшему выравниванию уровней экономического развития районов страны.

В целях выигрыша времени в первую очередь будут использоваться природные ресурсы, доступные для быстрого освоения и дающие наибольший народнохозяйственный эффект» [22].

В качестве примера того, что представляет собой комплексное развитие районов и специализация их хозяйств, рассмотрим Западно-Сибирскую низменность. Эта часть СССР, равная по территории трем Украинам, еще мало изучена. Открытие на ней крупных месторождений нефти и газа поставило задачу создания разветвленного комплекса промышленности.

Перспективные запасы нефти в Западно-Сибирской низменности исключительно велики. Качество нефти очень высокое и может обеспечить выпуск наиболее ценных видов моторного топлива и масел, особенно дизельного топлива.

Освоение нефти и природного газа в Западно-Сибирской низ-

[22] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 374.

менности стимулирует развитие энергетики и производства новых синтетических материалов на Урале и в районах Южной Сибири. Прекратится транспортировка нефти из Башкирии в Сибирь и на Дальний Восток. Больше нефтяных ресурсов останется для использования в европейских районах.

Эта же низменность богата и лесными массивами, состоящими из ценных пород сосны, кедра, ели, березы и т. д. Ее запасы, пригодные к промышленной эксплуатации, примерно равны учтенным запасам эксплуатации лесов Швеции и Норвегии, вместе взятых. Будут созданы крупные лесопромышленные комплексы, объединяющие группы производства по заготовке и переработке древесины, по выработке бумаги, картона, товарной целлюлозы, фанеры, пиломатериалов, древесных плит и другой ценной продукции.

Реки Западно-Сибирской низменности богаты ценными сортами рыбы. По запасам сиговых рыб Обский бассейн занимает первое место в СССР. Здесь в больших количествах водятся осетр, стерлядь, нельма, муксун, сырок, язь и другие.

Здесь же имеются и большие массивы торфяников, которые могут быть использованы для развития сельского хозяйства.

Для освоения всех этих природных богатств необходимы крупные капитальные вложения и много рабочей силы. Здесь будут построены новые города и промышленные поселки, создана значительная сеть железнодорожного и автомобильного транспорта.

В то же время газовые ресурсы Западно-Сибирской низменности могут обеспечить и нужды соседнего Уральского экономического района.

Строительство такого огромного комплекса промышленных и других предприятий требует строго научного подхода во избежание возможных ошибок. Поэтому необходимо усиленно развивать теорию размещения производства, а следовательно, и потребления на определенных территориях и в масштабе всей страны.

Рассмотренные выше социальные группы, связанные с экономическим, техническим (профессиональным), географическим разделением труда, конечно, не исчерпывают всех вопросов социально-экономической структуры общества. Остальные вопросы этой проблемы будут рассмотрены в других главах.

5 Зак. 607

ЗАКОНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Общественное развитие представляет собой закономерный процесс. «...Современный материализм,— писал Энгельс,— видит в истории процесс развития человечества и ставит своей задачей открытие законов движения этого процесса»[1].

Непосредственной целью исторического материализма является раскрытие и формулировка общесоциологических законов, т. е. таких, которым подчиняется вся общественная жизнь на всем протяжении ее развития. Что же касается других общественных законов, то они изучаются частными науками: историей, политической экономией, теорией и историей искусства и т. д. Правда, исторический материализм не оставляет и их без внимания. Однако аспект рассмотрения этих законов у исторического материализма иной, чем у частных общественных наук. Он раскрывает их отношение к сознательной деятельности людей. Кроме того, исторический материализм рассматривает их влияние на общественное развитие в целом. Например, закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, в отличие от политической экономии, рассматривается историческим материализмом не как специфический закон развития производства, а как закон смены общественных формаций.

1. ОБЪЕКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ЗАКОНОВ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К ЗАКОНАМ РАЗВИТИЯ ПРИРОДНЫХ СИСТЕМ

Буржуазные социологи в той или иной форме пытались и пытаются отрицать существование объективных законов общественного развития или же изображают закономерное развитие неправильно, извращенно. Например, сторонники волюнтаристского направления, возникшего в Германии во второй половине XIX в. и возглавляемого Риккертом, Когеном, Виндельбандом, пытались

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 207.

«доказать» невозможность существования в обществе каких бы то ни было объективных законов. Свои «доказательства» они строили на резком противопоставлении явлений общественной жизни явлениям природы. Человеческое общество и природа, утверждал Риккерт, не имеют ничего общего, ибо в природе существуют повторяющиеся явления, а в изменениях общества якобы никакого повторения нет, а значит, нет и никаких объективных законов. «Так как в понятие закона,— писал Риккерт,— входит лишь то, что всегда можно рассматривать таким образом, как будто бы оно повторялось любое число раз, то понятие исторического развития и понятие закона взаимно исключают друг друга» [2]. Так называемый генерализующий метод, утверждал Риккерт, не пригоден для науки об обществе. В ней исследователь пользуется индивидуализирующим методом. Последний же не дает возможности конструировать законы. Общество — это царство индивидуальностей, неповторяющегося. «Исторические науки..,— писал он в другом произведении,— имеют целью не установление естественных законов... Они излагают действительность, никогда не являющуюся общей, а только индивидуальной» [3].

Итак, признавая существование законов природы, Риккерт отрицает их объективность. Что же касается законов общественного развития, то он изгоняет из науки само их понятие. Риккерт откровенно заявлял, что борется против общественной закономерности, так как ее признание, по его мнению, главное, с помощью чего марксизм ищет путей уничтожения капитализма. Своей же задачей он ставит доказательство вечности капитализма.

Отрицание общественной закономерности является наиболее характерной чертой современной буржуазной философии и социологии. Многие социологи вообще избегают говорить о развитии общества, о его законах и даже об «эволюции общества». В социологии, писал французский социолог Ж. Гурвич, в собственном смысле слова, не действительны ни законы эволюции, ни законы циклического или волнообразного развития [4].

Сторонники экзистенциализма утверждают, что человек в своей жизни не подчиняется никаким законам, а сам выбирает свое бытие. С точки зрения экзистенциализма, заявляет Поль Сартр, «человек есть не что иное, как собственный замысел. Он существует лишь постольку, поскольку он себя осуществляет» [5]. Обобщая основные теоретические положения экзистенциализма, Сартр далее пишет: «Нет другого мира, кроме человеческого субъекта» [6].

Представители прагматизма — одного из наиболее распространенных течений современной буржуазной философии — утверждают, что история общества определяется индивидуальной инициа-

[2] Г. Риккерт. Философия истории. СПб., 1908, стр. 36.
[3] Г. Риккерт. Науки о природе и иауки о культуре. СПб., 1911, стр. 28.
[4] См. L. Gurvitch. Déterminismes sociaux et liberté humaine. Paris, 1954.
[5] J.-P. Sartre. L'existentialisme est un humanisme. Paris, 1955, p. 55.
[6] Ibid., p. 93.

тивой великих людей, что социальная эволюция зависит от «возбуждающей энергии» гения, народ же инертен и может быть приговорен к войне, миру и т. д.

В настоящее время широкое распространение за рубежом получили и фаталистические теории, подражающие философии истории Гегеля (Шпенглер, Тойнби). Вместо категории «абсолютная идея» вводится категория «судьба» и т. п. Общественная закономерность трактуется ими как управляющая обществом судьба, люди же — лишь ее орудия. Согласно этим взглядам, человечество якобы находится в мучительной агонии и ему в перспективе грозит гибель цивилизации.

Исторический материализм исходит из того, что люди творят свою историю сами, но не произвольно, а в зависимости от сложившихся уже условий их жизни. Эту детерминированность человеческой деятельности мы уже отмечали при анализе взаимоотношения между людьми и орудиями их производства. Орудия производства — главный показатель использования человеком сил природы и мера его деятельности.

Может встать вопрос: если производственная деятельность людей зависит прежде всего от орудий производства, то, может быть, люди могут создавать их произвольно? Нет, не могут! Орудия производства и вообще производительные силы людей всегда и при всех условиях являются результатом деятельности не только данных, но и предшествующих поколений. Для создания новых орудий производства люди вынуждены использовать старые, уже существующие орудия. Люди, следовательно, могут создавать только такие орудия производства, какие позволяет им создавать уже достигнутый уровень производства.

Общественная закономерность, далее, не есть нечто навязанное обществу извне, в виде некоей абсолютной идеи, а вытекает из самой повседневной деятельности людей. В процессе реальной жизни каждый член общества ставит себе сознательные цели и руководствуется определенными желаниями. Каждое желание, каждая цель, как и воля, направленная на их достижение, определяется различными жизненными обстоятельствами, среди которых решающая роль принадлежит исторически сложившимся производительным силам и производственным отношениям. «Из того, что вы живете и хозяйничаете, рожаете детей и производите продукты, обмениваете их,— писал Ленин,— складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего *общественного* сознания, не охватываемая им полностью никогда»[7].

Несмотря на необходимый характер исторического развития, каждая отдельная личность вносит свою долю в общий результат и постольку включена в него. Каждый отдельный производитель в мировом хозяйстве сознает, что он по своему желанию вносит определенные изменения в технику производства. Каждый хозяин

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 345.

сознает, что он по своему желанию обменивает одни продукты на другие. Но никто из них, писал Ленин [8], не сознает того, что они этим самым изменяют историю, материальные общественные отношения. Сумма этих единичных отношений бесконечна, охватить ее полностью невозможно, да и не нужно, ибо существует объективная логика всех этих изменений, историческая закономерность, которую можно и должно отразить.

В ответ на утверждение народника Михайловского, что разум и чувство человека не присутствовали при возникновении капитализма, Ленин убедительно показал, что признание капиталистических порядков необходимыми не уничтожает роли разума, чувств, целей людей. Капитализм состоит не в чем ином, как в известных отношениях между людьми, а таких людей, у которых не было бы разума и чувств, мы не знаем. При возникновении капитализма люди в здравом уме строили искусные шлюзы, плотины, загоняя непокорного крестьянина в русло капиталистической эксплуатации.

Законы общественного развития вырастают из сочетания человеческой деятельности с условиями этой деятельности: производительными силами, производственными отношениями, продуктами производства и т. д. Продукты деятельности людей являются одновременно необходимыми предпосылками и условиями общественной жизни.

Итак, закономерный характер исторического развития обнаруживается прежде всего в подчинении деятельности людей результатам деятельности предшествующих поколений, созданных ими производительных сил и производственных отношений. «Люди сами делают свою историю,— писал Маркс,— но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» [9].

Видоизменяя условия своей жизни и передавая их будущим поколениям, люди тем самым предписывают этим поколениям и определенное направление развития. Отсюда Маркс делал вывод, что обстоятельства так же творят людей, как и люди творят обстоятельства.

Таким образом, законы общественной жизни являются объективными, т. е. действующими независимо от воли и сознания людей.

Общее между законами природы и общества заключается в том, что и те и другие представляют собой повторяющиеся, существенные, необходимые отношения между объективными явлениями, обусловленные самой природой этих явлений и предопределяющие их развитие.

---

[8] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 344—345.
[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 119.

Однако тождество в общих чертах вовсе не значит тождества в деталях. Между тем среди буржуазных социологов предпринимались и предпринимаются попытки отождествления законов общества с законами природы. Так, во второй половине XIX в. английский социолог Спенсер отождествлял общество с человеческим организмом. Он писал, что между организмом и обществом имеется полная аналогия. Если, например, в организме есть артерии, то и в обществе имеется нечто подобное. Разве железные дороги не те же артерии? Если в организме есть нервная система, то и в обществе она есть. Разве телеграфные и телефонные провода не являются нервной системой общества? Если в человеческом организме, заявляет он, есть руки, то и в обществе они есть. Разве рабочие и крестьяне не руки, которые должны работать на общество? У человека, заключает он дальше, есть голова. И у общества есть голова — это правительство. Рассматривая общество как своеобразный организм, Спенсер почти буквально воспроизводит басню, распространяемую господствующими классами еще со времен Древнего Рима. В этой басне утверждалось, что так как все части тела не могут обойтись без головы, так и трудящиеся классы не могут обойтись без высших классов, управляющих обществом. Аналогичных взглядов на общество, как было отмечено, придерживается и современный неотомизм.

Другим вариантом биологических теорий, отождествляющих закономерности природы и общества, являются расистские теории и социальный дарвинизм.

Расистские теории XIX века (Гобино, Чемберлена и других) представляют собой попытки объяснить расовыми, биологическими особенностями людей их общественную жизнь. Из особенностей цвета кожи, глаз, формы черепа, лица, волос и т. д. делаются выводы об общественных свойствах людей, их умственных способностях, выносливости, хозяйственной организованности, умении управлять, командовать и т. д. Этими выводами представители биологических теорий пытались обосновать право на господство «высшей» расы над «низшей» и оправдывать захватнические войны как средство осуществления господства «высшей» расы.

Социальные дарвинисты объясняют общественное развитие борьбой за существование. Наличие классов и классовой борьбы, по их мнению, объясняется не экономическими причинами, а биологической борьбой между людьми, господством биологически сильных над слабыми, что якобы является законом общественной жизни. Отсюда вывод: невозможно уничтожить классы, они существовали и будут существовать вечно, а вместе с ними также вражда и войны между государствами и народами. Так, известный за рубежом пропагандист агрессивных войн генерал Фуллер писал: «...Желудок — все равно животного или человека — вызывает необходимость войны, и жизненное пространство стало и с тех пор остается величайшей проблемой в борьбе за существова-

ние»[10]. Некоторые буржуазные ученые и идеологи пошли еще дальше и попытались объяснять общественную жизнь набором генов. «Содержащееся в хромосомах вещество наследственности,— писал американский генетик Дарлингтон,— является тем самым прочным основанием, которое в конечном счете определяет ход истории»[11].

Коренной порок этих и подобных им теорий состоит в игнорировании различий между закономерностями природы и общества. Условия общественной жизни отличаются от жизни животных, и уже из этого факта вытекает несводимость законов развития общества к законам жизни животных. «Животное, в лучшем случае,— писал Энгельс,— доходит *до собирания*, человек же *производит*; он создает такие жизненные средства (в широчайшем смысле этого слова), которые природа без него не произвела бы. Это делает невозможным всякое перенесение, без соответствующих оговорок, законов жизни животных обществ на человеческое общество»[12].

Всякий закон неразрывно связан с определенными условиями. Пока эти объективные условия существуют, существует и закон. В обществе такими условиями является наличие людей, одаренных сознанием и волей, и производство, организуемое ими для удовлетворения своих непрерывно растущих потребностей. Если не существует этих условий, не может быть и общественных законов; прекращается человеческая деятельность, а прежде всего производственная деятельность, исчезает и само общество, исчезают вместе с ним и законы общественного развития.

Практическая деятельность людей, отмечал Маркс в тезисах о Фейербахе, есть субъективная деятельность. В то же время эта субъективная деятельность является объективным условием существования и действия законов общественного развития. Можно сказать и так, что субъективная деятельность людей и объективная закономерность являются противоположностями, взаимно дополняющими друг друга в обществе, и немыслимы друг без друга. Если в ходе общественного развития изменяются материальные условия жизни людей и приводят к тому, что существующие порядки становятся невыносимыми, тормозят деятельность людей, то эти порядки не исчезнут сами собой, помимо активной борьбы, направленной на их устранение. Законы общественного развития в данном случае в том и проявляются, что у народных масс возникает и усиливается стремление уничтожить этот строй. Они, опираясь на те условия, которые созрели в недрах старого общества, осуществляют это стремление. Переход от феодализма к капитализму есть результат действия определенных законов. Но о каком переходе можно говорить, не учитывая деятельности людей, совер-

[10] Fuller. The Decision Battles of Western World and their Influence upon History. N. Y., 1954, vol. 1, p. 2.

[11] C. D. Darlington. The Struggle bor Life. L., 1953, p. 380.

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 622.

шенствования ими орудий производства, борьбы против существующих отношений?

Условия общественной жизни в корне отличаются от условий существования животного мира, а значит, различаются и законы, управляющие теми и другими. Если законы развития организмов являются в своей основе законами биологического обмена веществ, то законы общественного развития являются законами материального и духовного производства. Каков способ обмена веществ, таковы животные и растительные организмы. Каков способ производства, таково и общество, таковы и сами люди и их сознание.

Производство орудий труда оказало исключительно большое влияние и на биологическую жизнь человека. Вместо того чтобы приспособляться к изменяющимся естественным условиям жизни посредством изменения собственных органов, тканей или физиологических функций, человек приспособляет к ним продукты своей деятельности. Чтобы защитить себя от зноя и холода, он строит жилища, изготовляет одежду и т. д., т. е. приспособляет природу к своим потребностям.

Особые условия жизни человеческого общества определяют и особые черты общественных законов по сравнению с законами природы. Если в природе действуют друг на друга лишь слепые, стихийные силы, то в обществе действуют люди, одаренные сознанием. Общественные законы существуют и проявляются в деятельности людей. В этом заключается их важнейшая особенность.

Далее. В силу того что условия развития общества изменяются гораздо быстрее, чем условия развития природных систем, то и законы общественной жизни менее долговечны, чем законы природы. Историчность — характерная черта законов общественной жизни.

В известном письме Анненкову Маркс подверг критике Прудона за то, что он, подобно буржуазным экономистам, видит в экономических категориях вечные, а не исторические законы, присущие лишь определенной стадии исторического развития. Прудон утверждал, что отделение города от деревни — вечный, неизменный закон, так как он не знает ни его происхождения, ни его развития. В действительности же это отделение — продукт определенных исторических условий, свойственных определенному периоду в развитии общественного производства. «Для нас,— писал Энгельс,— так называемые «экономические законы» являются не вечными законами природы, но законами историческими, возникающими и исчезающими, а кодекс современной политической экономии, поскольку экономисты составили его объективно правильно, является для нас лишь совокупностью законов и условий, при которых только и может существовать современное буржуазное общество. Словом, этот кодекс есть абстрактное выражение и резюме условий производства и обмена современного буржуазного

общества. Поэтому для нас ни один из этих законов, поскольку он выражает *чисто буржуазные отношения*, не старше современного буржуазного общества»[13].

Поскольку законы общественного развития прокладывают свой путь через деятельность людей, одаренных волей и сознанием и ставящих перед собой определенные цели, удовлетворяющих свои желания, то открытие и применение этих законов в большой степени затрагивает общественные и личные интересы людей. В классовом обществе открытие и применение законов общественного развития имеет классовую подоплеку. Обычно раскрывают, применяют эти законы, опираются на них в своей деятельности передовые, прогрессивные классы. Сопротивляются их раскрытию и применению отживающие силы общества, реакционные классы, так как это затрагивает их жизненные интересы.

Раскрытие и применение законов природы непосредственно обусловлено потребностями производства и в сравнении с законами общественной жизни в меньшей мере связано с классовыми интересами, с идеологией различных классов. Однако и их раскрытие и применение также осуществляется прежде всего прогрессивными классами, так как последние в большей мере заинтересованы в развитии производства и науки. Другими словами, если открытие и применение законов общественного развития до сих пор было немыслимо вне классовой борьбы, вне революций, то открытие и применение законов природы в классовом обществе могло осуществляться и вне этой борьбы.

2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВАЖНЕЙШИХ ЗАКОНОВ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

В процессе непрерывного развития общества различные стороны жизни людей: общественное бытие и общественное сознание, производительные силы и производственные отношения, базис и надстройка находятся в органической связи друг с другом. Вычленяя из разнообразных связей существенные, повторяющиеся, необходимые связи, мы тем самым раскрываем законы общественного развития. Эти законы не однотипны и поэтому их объединяют в определенные группы.

В диалектическом материализме законы подразделяют на общие и специфические. По отношению к законам диалектического материализма все законы исторического материализма нужно рассматривать как специфические, т. е. присущие только общественной жизни. В свою очередь в рамках общества различают *общесоциологические* и *специфические* законы, *основной* и *неосновные законы.*

Под общесоциологическими законами, как уже было отмечено в начале главы, понимают законы, характеризующиеся двумя при-

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 393.

знаками: а) они сохраняются и действуют на всем протяжении общественного развития; б) они охватывают своим действием все явления общественной жизни. Если нет какого-нибудь из этих признаков, то закон следует рассматривать как специфический. В то же время наличие этих двух признаков представляет собой специфику общесоциологических законов.

Нередко при характеристике общесоциологических законов ограничиваются одним первым признаком. Но это вряд ли можно считать правильным. Если мы ограничимся первым признаком, тогда к общесоциологическим законам нужно будет отнести, скажем, законы художественного творчества, которые действуют на всем протяжении общественного развития. И тогда эти законы войдут в предмет исторического материализма, а не теории искусства. Если же мы ограничимся вторым признаком, тогда к общесоциологическим законам нужно будет отнести, например, основной закон рабовладельческого общества, поскольку он своим действием охватывал все явления рабовладельческого общества.

Общественная жизнь является единой саморазвивающейся системой, и это обнаруживается не только в единстве материальной основы, но и в единстве законов общеественой жизни. Среди всех общесоциологических законов необходимо прежде всего выделить основной закон общественного развития, т. е. такой закон, который определяет все главные процессы общественного развития, его сущность.

Основным отношением общественной жизни, отличающим ее, например, от жизни животных, является связь между потребностями людей и способом их удовлетворения, т. е. производством. Люди производят материальные блага в интересах удовлетворения своих материальных и духовных потребностей. Значит, объективно производство подчинено удовлетворению потребностей людей. Однако сами эти потребности людей в обществе приобретают общественный характер, т. е. определяются общественным производством, а не одними биологическими особенностями людей. Учитывая это основное отношение, характеризующее сущность явлений общественной жизни, можно было бы предположить, что основной закон общественной жизни заключается в осуществлении непрерывного процесса производства в целях удовлетворения потребностей людей.

Однако, как уже было отмечено, условия общественной жизни изменяются довольно быстро и значительным образом. Поэтому более правильным, видимо, будет считать, что одно и то же общественное отношение между производством и потребностями людей в разных формациях обнаруживается в виде различных основных законов. Цельность явлений общественной жизни находит свое законченное выражение в цельности общественных формаций. А это также свидетельствует о том, что для каждой общественной формации существует свой основной закон.

Так, в первобытнообщинном строе люди владеют средствами производства сообща и трудятся с целью удовлетворения собст-

венных нужд и потребностей. Это определяет черты основного закона первобытнообщинного строя, который формулируется примерно следующим образом: обеспечение необходимых условий жизни людей посредством созданных ими, но еще примитивных орудий производства, путем совместного труда в рамках одной общины и соответствующего распределения продуктов.

Рабовладельческий экономический строй общества основывается на собственности рабовладельцев. Поэтому развитие производства подчиняется интересам рабовладельцев и экономические отношения между людьми принимают форму рабовладельческой собственности, т. е. одна часть общества, класс рабовладельцев, относится к другой части общества, рабам, как к своей собственности. В процессе производства раб есть средство производства. Он перестает быть собственностью рабовладельца, становится свободной личностью, лишь разрушая эти экономические отношения, восставая против рабовладельцев. В рабовладельческом обществе условия, обеспечивающие существование рабовладельцев, оказываются навязанными всему обществу в качестве регулирующего закона.

В капиталистическом обществе отношения буржуа и пролетария вне производства представляют отношение «свободных» товаровладельцев. В производстве же оно также является не чем иным, как отношением буржуа к принадлежащей ему собственности. Товар, который принадлежит рабочему — рабочая сила,— может функционировать только в соединении со средствами производства, принадлежащими капиталисту, т. е. в том случае, когда она куплена капиталистом, превращена в его собственность. Это экономическое отношение рабочего и капиталиста блестяще обрисовано Марксом в «Капитале». «Капиталист,— пишет Маркс,— оплачивает, например, дневную стоимость рабочей силы. Следовательно, потребление ее, как и всякого другого товара,— например лошади, которую он нанимает на один день,— в продолжение дня принадлежит ему. Покупателю товара принадлежит потребление товара, и владелец рабочей силы, отдавая свой труд, фактически отдает лишь проданную им потребительную стоимость. С того момента, как он вступает в мастерскую капиталиста, потребительная стоимость его рабочей силы, т. е. ее потребление, труд, принадлежит капиталисту. Куплей рабочей силы капиталист присоединил самый труд как живой фермент к мертвым, принадлежащим ему же элементам образования продукта. С его точки зрения процесс труда есть лишь потребление купленного им товара, рабочей силы, но он может потреблять ее лишь при том условии, если присоединит к ней средства производства. Процесс труда есть процесс между вещами, которые купил капиталист, между принадлежащими ему вещами. Поэтому продукт этого процесса принадлежит ему в той же мере, как продукт процесса брожения в его винном погребе» [14].

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 196—197.

Все отношения в буржуазном обществе между людьми все больше и больше упрощаются и принимают, благодаря деятельности буржуазии, форму отношений буржуазной собственности. Их сущность заключается в следующем. Рабочий производит продукты. Капиталист, посредством принадлежащей ему собственности так направляет процесс производства, чтобы в результате получались не просто продукты потребления, а прибавочная стоимость. В этом смысле капиталистические отношения определяются не положением рабочего, а положением капиталиста. Само экономическое положение рабочих определяется положением капиталистов, сумевших при соответствующих исторических условиях разными путями сконцентрировать в своих руках собственность на средства производства в количестве, позволяющем присваивать чужой труд. От этой собственности зависит не только судьба капиталистов, но и судьба рабочих. Но так как собственностью распоряжаются капиталисты, то они же распоряжаются и судьбой рабочих.

Совершенно очевидно, что носителем и стражем капиталистических экономических отношений является один класс, и развитие производства подчинено его интересам. Этим классом является буржуазия. Пролетариат, хотя и является порождением буржуазного экономического строя, есть лишь основная производительная сила, на основе необычайно утонченной эксплуатации которой создавалась и укреплялась эта капиталистическая организация.

В настоящее время объективная цель капиталистического производства — обеспечение максимальной прибыли. Она не может достигаться, как в прошлом, преимущественно за счет всестороннего развития техники и науки, а также эксплуатации трудящихся. Она достигается за счет однобокого, в значительной степени военного, развития промышленности, за счет грабежа и разорения слабых стран, за счет еще большего усиления и совершенствования эксплуатации. Этим и характеризуется основной закон современного капитализма. Его содержание заключается в обеспечении максимальной прибыли капиталистам путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран; наконец, путем войн и милитаризации народного хозяйства.

Совершенно иное наблюдается в странах социализма, где средства производства принадлежат самим трудящимся и взаимообмен деятельностью выражается не в порабощении чужого труда, а в сотрудничестве и взаимопомощи рабочих и крестьян. Поэтому в данном случае все развитие производства, науки и вообще всех явлений общественной жизни может складываться только в интересах наилучшего удовлетворения потребностей самих трудящихся. Другими словами, основной объективной целью всего нашего общественного материального и духовного производства является максимальное удовлетворение материальных и духовных потребностей самих трудящихся. Правда, не следует забывать, что при социализме это удовлетворение потребностей совершается по прин-

ципу социализма, а при коммунизме — по принципу коммунизма.

За счет каких же средств при социализме может идти это удовлетворение потребностей? Конечно, не за счет грабежа слабых стран и не за счет эсплуатации трудящихся, так как между странами социалистического общества существует сотрудничество и взаимопомощь свободных от эксплуатации людей. Удовлетворение потребностей трудящихся в социалистическом обществе может идти лишь за счет всестороннего развития науки и техники, за счет развития всего народного хозяйства.

Основное отношение общественной жизни, т. е. отношение между потребностями людей и их производством, распространяется на все явления общественной жизни. Оно обнаруживается не только в основных законах общественных формаций, но и в основных законах отдельных общественных явлений.

Каждое явление общественной жизни подчиняется не только основному закону формации, но имеет также и свой основной закон, вытекающий из основного отношения данного явления. Так, деятельность людей в области науки является специфической деятельностью, направленной на обеспечение общества знанием закономерностей развития явлений природы и общества. Основными средствами для приобретения научных знаний являются различного рода инструменты, методики, научные методы и пр. С этой же целью создаются различные учреждения. Какова наука, каков уровень ее проникновения в сущность явлений природы и общества, так она и удовлетворяет потребности общества в знаниях, такова она и сама. Удовлетворяя общественные потребности и прежде всего потребности производства, наука тем самым развивается сама.

Основные законы можно обнаружить и в других явлениях общественной жизни. Однако, в отличие от основного закона той или иной формации, они характеризуют не самостоятельное развитие данного явления, а его зависимость от других общественных явлений и обратное воздействие на эти явления. Последние обладают в общественном развитии лишь в известной степени относительной самостоятельностью.

Общественное производство не только подчинено удовлетворению потребностей людей, но и само видоизменяет эти потребности. Больше того, оно в конечном счете определяет все другие явления общественной жизни. Существует общесоциологический *закон определяющей роли материального производства в общественной жизни.* Этот закон определяет, с одной стороны, неразрывную связь всех общественных явлений и, с другой стороны, первоисточник всяких изменений в обществе.

Общество—целостная саморазвивающаяся материальная система различных элементов: техники, экономики, политики, идеологии и т. д. Все они подчиняются общесоциологическим законам, проявляющимся в их взаимодействии. Так, изменение производства ведет к изменению политики, изменение политики—к изменению филосо-

фии и других общественных явлений. Последние же в свою очередь воздействуют на политику и производство. Поэтому нельзя представлять себе развитие отдельных общественных явлений, например, философии, как самодовлеющий и не зависимый от других явлений процесс. Изучая то или иное общественное явление, нельзя забывать, что общество представляет собой целостную систему, важно учитывать неразрывную связь данного общественного явления со всеми другими.

Однако из сказанного не следует, что все общественные явления равнозначны, т. е. их роль в общественной жизни одинакова. Основу всех других общественных явлений составляет материальное производство, способ производства. Значит, изменение материального производства и есть первоисточник всех изменений в общественной жизни.

Способ производства, осуществляемый людьми, собственно, и есть способ производства условий их непосредственной жизни. Следовательно, изменение способа производства есть вместе с тем изменение образа жизни людей. Изменение же образа жизни людей ведет к изменению образа их мыслей, а стало быть, и к изменению всех создаваемых ими идей и теорий, политических взглядов и учреждений. Поэтому не существует вечных идей, учреждений и т. д. И те и другие под влиянием изменения способа производства материальных благ претерпевают постоянные изменения.

Например, рабовладельческие производственные отношения, характеризующиеся эксплуатацией рабского труда, вызвали к жизни и соответствующую рабовладельческую идеологию, оправдывающую рабство, обосновывающую его извечность.

С появлением феодального способа производства возникли и соответствующие идеи. Господствующей идеологией стала религия. Она всячески внушала, что существующие порядки освящены самим богом и что выступать против них — значит выступать против воли бога. Соответственно этим идеям складываются и различные политические, правовые, нравственные и другие отношения, а также обслуживающие их учреждения.

Возникновение капиталистического способа производства вызвало и соответствующую перестройку всей общественной жизни. Эта перестройка блестяще описана в «Манифесте Коммунистической партии». «Буржуазия, повсюду, где она достигла господства,— писали Маркс и Энгельс,— разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод *одну* бессовест-

ную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой»[15].

Так как материальное производство играет в общественной жизни ведущую роль, то из этого следует, что история людей есть прежде всего история их материального производства, а также история их самих как производителей материальных благ.

Из этого закона следует далее, что для того, чтобы управлять обществом, нужно прежде всего научиться управлять его производством, познать и умело использовать законы его развития.

К общесоциологическим законам относят также *закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил.* Его суть заключается в следующем.

Если материальное производство играет ведущую роль в общественной жизни, то встает вопрос: как же изменяется само производство? Из двух сторон способа производства производительные силы являются более подвижным и революционным элементом. С изменением производительных сил начинается изменение всего общественного производства. Производственные отношения изменяются вслед за изменением производительных сил и в соответствии с ними. Каковы производительные силы, таковы должны быть и производственные отношения.

Начав создавать и употреблять орудия производства для добывания средств к жизни, первобытные люди выбились из животного состояния. Первоначально, естественно, производство опиралось на крайне примитивные, несовершенные орудия производства. Предельно низкая производительность этих орудий не давала возможности человеку в одиночку бороться со стихийными силами природы и с хищными животными, добывать себе трудом пищу. Результатом этого, как уже отмечалось, был коллективный труд. Совместный же труд неизбежно ведет и к коллективной собственности на средства производства. Следовательно, независимо от воли и желания людей, под непосредственным воздействием уровня и характера производительных сил складываются коллективная собственность и отношения сотрудничества и взаимопомощи.

Этот закон действует во всех общественных формациях, в том числе и в коммунистической (социализм — низшая фаза коммунистической формации). При социализме общественная собственность на средства производства соответствует общественному характеру производительных сил. Опираясь на этот закон, трудящиеся нашей страны осуществляют постепенный переход от социализма к коммунизму. Последний на своей высшей фазе предполагает становление единой общенародной собственности и принципа распределения: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Значит, для осуществления постепенного перехода к коммунизму требуется также обобществление производительных сил и

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 426.

такой их уровень, чтобы единая общенародная собственность и принцип коммунизма стали необходимостью. Разумеется, что для появления такого рода необходимости важно создать материально-техническую базу коммунизма. «Это означает: полную электрификацию страны и совершенствование на этой основе техники, технологии и организации общественного производства во всех отраслях народного хозяйства; комплексную механизацию производственных процессов, все более полную их автоматизацию; широкое применение химии в народном хозяйстве; всемерное развитие новых, экономически эффективных отраслей производства, новых видов энергии и материалов; всестороннее и рациональное использование природных, материальных и трудовых ресурсов; органическое соединение науки с производством и быстрые темпы научно-технического прогресса; высокий культурно-технический уровень трудящихся; значительное превосходство над наиболее развитыми капиталистическими странами по производительности труда, что составляет важнейшее условие победы коммунистического строя» [16].

Кроме закона соответствия производственных отношений производительным силам существует еще общесоциологический *закон соответствия надстройки базису*, о котором уже шла речь, и др.

Общесоциологические законы, непосредственно входящие в предмет исторического материализма, остаются на протяжении всего исторического развития одними и теми же; изменяются только формы их проявления. Специфические же законы, входящие в предмет частных общественных наук, могут возникать и исчезать по мере развития общественной жизни, по мере возникновения в этой жизни новых объективных условий. И сам этот факт возникновения и исчезновения специфических законов выходит за рамки частных наук и включается в предмет исторического материализма. Такими специфическими законами являются, например, *законы стоимости, планомерного пропорционального развития* и др., изучаемые политической экономией.

Законы, которым подчиняются не все, а лишь отдельные общественные явления, такие, например, как наука, язык, искусство и т. д., также представляют один из видов специфических законов общественного развития. Явления, которые подчиняются этим законам, в то же время подчиняются и общесоциологическим законам. Например, существуют внутренние законы развития языка. К ним нужно отнести, в частности, закон, характеризующий внутреннюю, необходимую связь между основными элементами языка: словарным фондом и грамматическим строем. Изменение словарного фонда неизбежно, рано или поздно, приводит к изменению грамматического строя языка. В то же время язык подчиняется и общесоциологическим законам. Существуют также внутренние законы развития науки, выражающие необходимые, существенные

[16] Материалы XXII съезда КПСС. М., Госполитиздат, 1961, стр. 369.

связи элементов науки, общих теорий и конкретных фактов, предмета и метода познания и т. д. Своим особым законам развития подчиняются также искусство и другие общественные явления. Задача частных общественных наук в том и состоит, чтобы раскрыть и сформулировать эти законы.

Все законы общественного развития находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Специфические законы подчиняются общим законам и в то же время частично определяют форму их проявления. Существует также тесная взаимосвязь между основным и остальными законами, действующими в той или иной формации.

Основной закон обычно зависит от остальных законов, как от необходимых условий своего действия. Например, основной закон социализма может существовать и действовать лишь при наличии следующих условий:

а) осуществления ведущей роли материального производства в общественном развитии;

б) соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил;

в) ведущей роли базиса по отношению к надстройке;

г) планомерного (пропорционального) развития всех отраслей народного хозяйства;

д) преимущественного развития средств производства по отношению к производству средств потребления и т. д.

Действие этих и других законов общественного развития в совокупности обеспечивает все необходимые условия для действия основного закона социализма. Ведь если в нашей стране создается, например, несоответствие между производительными силами и производственными отношениями, то это не может не сказаться на удовлетворении потребностей трудящихся. В то же время этому закону может противоречить нарушение планомерности и пропорциональности развития народного хозяйства.

Существует и обратная зависимость между законами. Основной закон создает особые, специфические условия для проявления и действия всех других законов. Так, при социализме основной закон создает необходимые условия для проявления закона соответствия производственных отношений производительным силам. При известных условиях между действиями законов могут возникать и противоречия. Так, при капитализме основной закон противодействует осуществлению соответствия производственных отношений производительным силам.

3. ОТНОШЕНИЕ СОЗНАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ К ОБЪЕКТИВНЫМ ЗАКОНАМ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

До сих пор речь шла об отношении законов общественного развития к сознательной субъективной деятельности людей как объективному факту, а также о чертах некоторых законов. Рассмотрим

теперь другую сторону вопроса, а именно: как относится субъективная деятельность людей к объективным законам общественного развития?

Нередко буржуазные социологи, философы изображали и изображают законы неотвратимыми, наподобие рока, судьбы. В частности, не лишены фатализма и гегелевские представления о законах общественного развития. Мировая идея, согласно Гегелю, на каждой ступени своего развития пользуется великими людьми. Каждый такой человек есть воплощение мирового духа, воли божества, которая использует его на время, превращая в свое орудие, марионетку. Например, Александр Македонский, согласно Гегелю, был нужен мировому духу для того, чтобы распространить идеи эллинизма на весь мир. После того как Александр выполнил свою историческую миссию, мировой дух покинул его. Александр заболел лихорадкой и умер. Юлий Цезарь также был использован мировым духом для того, чтобы осуществить идею государства и права. Но после того как он установил в мире правовую империю, мировой дух покинул его, и он был убит. Наполеон распространил идею свободы в Европе. Но и он со временем был оставлен мировым духом, и его постигли неудачи. Воплощение мировой идеи Гегель видел и в себе, призванном якобы открыть своей философской системой абсолютную истину для человечества.

Весьма сходны с гегелевским фатализмом и взгляды современного неотомизма, рассматривающего исторические события как предопределенные божественной волей.

Исторический материализм отвергает фаталистическое представление о законах общественного развития. Люди могут познать законы общественного развития, умело применять и использовать их, могут, опираясь на одни законы, ограничивать сферу других, дать разрушительным силам направление действия, полезное для общества. Больше того, опираясь на познанные законы, люди могут изменять условия общественной жизни, а изменившиеся условия могут вести к изменению самих законов.

Объективные законы — основа практической деятельности людей независимо от того, осознают их люди или нет. Во всякой деятельности людей нужно различать стихийное историческое движение от сознательного применения, использования законов.

На практике люди всегда вынуждены считаться с объективными историческими законами даже до того, как познают их и дадут им научную формулировку. В противном случае, их деятельность окажется обреченной на неуспех. Так, можно сказать, что буржуазия, развивая торговлю, промышленность и в то же время усиливая борьбу против феодальных порядков, опиралась на закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. В целом этот процесс является стихийным потому, что закон еще не был известен как закон, и люди в своей сознательной деятельности исходили не из знания объективного закона, а лишь из своих личных интересов и потреб-

ностей. Осуществление же этих потребностей совпадало с действием закона.

Сознательное же применение законов означает, что люди строят свою деятельность с учетом действия законов и, опираясь на них, как на важнейшую гарантию успеха дела, предвидят результаты своих действий. Для такого рода использования законов всегда требуются как субъективные, так и объективные предпосылки. К субъективным предпосылкам сознательного использования законов общественного развития относится их познание, их научная формулировка. Не зная закона, нельзя сознательно его применять. Основой познания законов является человеческая практика, общественная материальная деятельность людей. Сталкиваясь в практической деятельности с объективными законами, человек постепенно их раскрывает.

Однако дело не сводится только к познанию законов. Зачастую люди не могут сознательно использовать законы общественного развития не только из-за того, что не знают их, не имеют их научной формулировки. Они могут и знать их, но не иметь возможности применить в деле, так как для этого требуются еще объективные предпосылки. Например, для того, чтобы сознательно применять закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил и осуществить переход от капитализма к социализму, требуется мощная революционная борьба пролетариата, способная сломить сопротивление буржуазии.

Кроме того, существуют законы, которые по своему существу чужды планомерной, сознательной деятельности. К ним относится, например, закон анархии капиталистического производства. Объективным условием для сознательного, планомерного использования законов общественного развития является превращение частной капиталистической собственности в общественную, социалистическую. Создание же этого условия означает не планомерное развитие капиталистического хозяйства, а его устранение со всеми внутренне ему присущими законами.

Укрупнение техники, ведущее ко все более и более общественному характеру производства, навязывает идею планирования и капиталистам. С этой идеей выступают и многие буржуазные социологи. Все теории, «обосновывающие» возможность планировать капиталистическое производство, будь то теории «организованного» капитализма, «ультраимпериализма» (Каутский) или «регулируемого» капитализма (Кейнс), стремятся выдать использование монополистами в своих корыстных целях государственного аппарата за государственное регулирование, а современный государственно-монополистический капитализм — за «регулируемый», «планируемый» капитализм.

Английский буржуазный экономист Кейнс в книге «Трактат о денежной реформе» критикует принцип свободной конкуренции, являющийся традиционной догмой буржуазной политической эко-

номии и выражающий собой отрицательное отношение к вмешательству государства в стихийное развитие экономической жизни. Кейнс отстаивает идею о целесообразности перехода к «регулированию» государством капиталистической экономики. Он ставит своей задачей найти такие переменные величины, которые поддавались бы контролю или сознательному управлению со стороны центральных властей. В их круг Кейнс включает факторы, которые лежат в сфере распределения и психических переживаний людей и изменение которых не затрагивает основ капиталистического экономического строя.

Идея планирования весьма популярна среди масс капиталистических стран. Поэтому правители очень часто вводят в заблуждение общественное мнение некоторыми своими практическими мерами. Так, в США в 1942—1943 гг. было создано так называемое «Национальное управление», которое предполагало наметить шестилетний план общественных работ для обеспечения работой всех безработных в период кризисов. Однако конгресс отказался его финансировать, и в 1943 г. управление было закрыто.

«Государственно-монополистический капитализм,— записано в Программе КПСС,— не меняет природы империализма. Он не только не изменяет положения основных классов в системе общественного производства, но и углубляет пропасть между трудом и капиталом, между большинством наций и монополиями. Попытки государственного регулирования капиталистического хозяйства не способны устранить конкуренцию и анархию производства, не могут обеспечить планомерного развития хозяйства в масштабе общества, ибо основой производства остаются капиталистическая собственность и эксплуатация наемного труда. Буржуазные теории о «бескризисном» и «планируемом» капитализме развеяны в прах всем ходом развития современной капиталистической экономики» [17].

Капитализм доводит невозможность общественного контроля над производством до крайности; господство общественных отношений над людьми приобретает катастрофический характер. Перед капиталистическим обществом стоит задача освобождения от стихийного влияния законов общественного развития. Но как это возможно? Проблема соотношения свободы и необходимости следующим образом решается в диалектическом материализме.

«Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека,— два класса законов, которые мы можем отделять один от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности. Свобода воли означает,

[17] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 338—339.

следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела»[18].

Таким образом, свобода означает глубокое знание сил природы и умение направлять их друг на друга таким образом, чтобы из этого взаимодействия сил получался нужный для нас результат. Например, мы не можем устранить закона тяготения. Но, познав этот закон и силы, способные ему противодействовать, мы строим самолеты, изобретаем парашют, космические корабли и т. д., позволяющие в известных пределах избавиться от разрушительного действия силы тяжести и, наоборот, заставить эти силы служить нам.

Исходя из этого общетеоретического решения вопроса о соотношении свободы и необходимости, можно, казалось бы, предположить, что по мере познания и использования сил природы люди все больше и больше становятся свободными, т. е. общественное развитие представляет собой постепенный прогресс свободы.

В действительности же дело обстоит по-иному. Свобода увеличивается лишь для небольшой части членов общества. А по отношению к большей части все больше и больше совершенствуются формы угнетения. Кроме того, по мере роста власти человека над силами природы, он все больше и больше подчиняется слепой власти общественных сил. Стихийная власть законов общества над людьми в антагонистическом обществе возрастает. А это значит, что освобождение трудящихся осуществляется не постепенно, а может быть достигнуто только резким скачком, коренным изменением исторических условий.

Вопрос об освобождении трудящихся есть вопрос, который решается конкретно-исторически. Если свобода состоит в целенаправленном использовании законов природы и общества, то, по-видимому, трудящиеся освобождаются по мере того, как они заставляют служить эти законы для удовлетворения своих потребностей. Следовательно, когда мы говорим о свободе трудящихся, то должны выяснить не только то, насколько люди познали законы природы, но и то, в какой мере эта деятельность удовлетворяет их собственные потребности, их материальные и духовные нужды. Последние могут быть самыми разнообразными. Но с точки зрения их роли в общественном развитии есть первостепенные и второстепенные потребности. К первостепенным потребностям людей относится необходимость в пище, одежде, жилье. Поэтому свобода есть прежде всего свобода от голода, от нищеты, от слепого подчинения стихийным силам природы. Но чтобы удовлетворить даже свои первые потребности, люди должны не только трудиться, но и обладать продуктами своего сознательного, целенаправленного труда.

Значит, одна сознательная, целенаправленная деятельность людей еще недостаточна для их освобождения, для господства над

[18] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 116.

общественной необходимостью. В буржуазном обществе, например, трудящийся может целенаправленно трудиться, строить машины или изготовлять одежду, обувь и т. д., но если продукты его труда идут капиталисту, а сам рабочий живет на мизерную зарплату и едва сводит концы с концами, то в этом случае о каком бы то ни было его освобождении не может быть и речи. Какая может быть свобода, например, у безработного, который ходит голодным и не может применить свои силы в труде? И так как результаты труда идут в карман капиталистов, которые не трудятся, то первая и основная задача освобождения трудящихся есть задача освобождения от эксплуатации. Трудящиеся не свободны и не могут быть свободны до тех пор, пока они не смогут сами распоряжаться орудиями производства и произведенными продуктами. Взять же средства производства в свои руки трудящиеся могут не иначе, как только опираясь на закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. При общественном характере производства и собственность должна быть общественной. Последняя является необходимым условием освобождения трудящихся.

Как было отмечено, одной из особенностей законов общественного развития является то, что их открытие и применение вызывает сопротивление отживающих сил общества. Классы, отживающие свой век, в организованном порядке противодействуют прокладывающему себе путь закону соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Значит, необходимы общественные силы, способные устранить отживающие классы и дать простор действию этого закона. Естественно, что для этой цели недостаточно сил личности, какой бы великой последняя не была. В данном случае необходимы силы масс. Поэтому освобождение масс является условием освобождения личности, а не наоборот.

Пролетариат явился единственным классом, способным революционным путем свергнуть господство капитала, превратить частную собственность в общественную и повести всех трудящихся по пути строительства нового социалистического и коммунистического общества. Освобождение народных масс, таким образом, тесно связано с освобождением пролетариата.

Взятие власти пролетариатом, его политическое освобождение явились важным предварительным условием его экономического освобождения. Власть пролетариата своим первым актом — национализацией крупной промышленности, банков, земли — заложила основу для превращения частной собственности в общественную, государственную. Этот акт имел исключительно важное значение для устранения всех видов порабощения, для завоевания подлинной свободы.

Общественный характер производства и общественная собственность определили и новое отношение сознательной деятельности трудящихся к объективным законам при социализме. Если

раньше, в досоциалистических формациях деятельность народных масс в целом носила стихийный характер, подчинялась законам как чуждой и враждебной силе, то при социализме законы общественного развития все больше и больше применяются людьми сознательно. Общество, по характеристике Энгельса, совершает скачок из царства необходимости в царство свободы [19].

Это теоретическое положение Энгельса о скачке из царства необходимости в царство свободы одно время истолковывалось некоторыми экономистами и философами как отсутствие какой бы то ни было общественной необходимости при социализме. Законы же общественного развития представлялись как субъективные, создающиеся Советским государством и партией, которым якобы «все нипочем» и которые «все могут». Корнем этих ошибок было отождествление стихийного с объективным, а сознательного с субъективным, в результате чего получалось ошибочное противопоставление сознательного объективному.

Субъективной стороной в деятельности людей нужно считать именно ту сторону, которая зависит от воли и сознания. Но эта субъективная сторона немыслима вне объективной, ибо всякая целенаправленная деятельность людей зависит, как было показано, не только от сознания, но и от объективных условий. Поэтому даже те законы, которые установлены самими людьми, например, в конституции, не являются чисто субъективными, а отражают объективное положение вещей, иначе они не могли бы существовать сколько-нибудь значительное время. В свою очередь объективный закон, например, закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, не перестает быть объективным, когда мы его осознаем. Прекращается лишь его стихийное действие. Таким образом, специфика законов социалистического общества не в том, что одни объективны, а другие субъективны и являются продуктом разума, пусть даже коллективного. Законы общественного развития объективны во всех общественно-экономических формациях. При капитализме они действуют слепо и, особенно в период империализма, разрушительно, а при социализме — используются людьми сознательно. При социализме люди все больше и больше овладевают собственными общественными отношениями. И все это оказалось возможным прежде всего благодаря превращению частной собственности в общественную, социалистическую и уничтожению эксплуатации человека человеком. «Советское общество,— записано в Программе КПСС,— обеспечивает действительную свободу личности. Высшее проявление этой свободы — освобождение человека от эксплуатации. В этом прежде всего подлинная социальная справедливость» [20].

В нашей стране идет величественное строительство коммуни-

---

[19] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 295.
[20] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 330.

стического общества. Коммунизм постепенно вырастает как результат сознательного организованного творчества масс. Но эта сознательная деятельность вовсе не произвол. Свободный характер деятельности людей социалистического, да и коммунистического, общества состоит не в том, что они могут не считаться с объективными законами и действовать, как им заблагорассудится, а в том, что эта деятельность согласуется с требованиями исторической необходимости.

И при социализме и при коммунизме в результате повседневной деятельности масс складывается объективно-необходимая цепь событий, но своеобразие в данном случае состоит в том, что необходимость складывается не в результате деятельности неорганизованных разобщенных производителей, а организованных и объединенных объективно — общественным производством и общественной собственностью и субъективно — партией и правительством. И при социализме и при коммунизме остается необходимость осуществлять материальное производство определенным образом, соответственно требованиям законов развития коммунистической формации, сохраняется необходимость заботы о том, чтобы противоречия между производительными силами и производственными отношениями не доходили до конфликта.

Итак, сознательное использование общественных законов и действительная свобода предполагают следующее. Во-первых, установление единой общественной собственности на основе высокого развития производительных сил. Во-вторых, познание законов общественного развития, конкретных условий жизни людей и на этой основе предвидение будущего. В-третьих, организованное действие людей в соответствии с требованиями законов и конкретных условий. В-четвертых, всестороннее развитие способностей и удовлетворение потребностей людей.

Ко всему сказанному следует прибавить еще одно обстоятельство, необходимое для осуществления полной свободы, а именно социальную природу самого человека, человеческой личности. Свобода означает свободное использование объективных законов, т. е. сам труд должен стать внутренней потребностью людей, свободным проявлением их внутренней природы, а не обязанностью или необходимостью.

«Царство свободы,— писал Маркс,— начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные

силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль вместо того, чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие» [21].

Итак, полная свобода возможна лишь там, где весь исполнительский труд, необходимый для удовлетворения потребностей человека, будет осуществляться механизированными и автоматизированными средствами производства. Свобода — это прежде всего свободное время. А если и труд, то лишь как реализация внутренних потребностей.

---

[21] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 386—387.

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Общая характеристика законов общественного развития, естественно, подводит нас к вопросу, как же действуют эти законы, как они прокладывают себе путь среди сложных и разнообразных явлений общественной жизни?

В ходе общественного развития между сторонами каждого из законов обычно возникают и обостряются противоречия. Затем, рано или поздно, эти противоречия разрешаются, и восстанавливается соответствие между сторонами, но уже на более высоком уровне. Например, действие закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил обнаруживается в том, что между производительными силами и производственными отношениями возникают и преодолеваются противоречия, в результате чего общественное производство и вся общественная жизнь поднимаются на более высокую ступень развития. Значит, вопрос о действии законов общественного развития есть по существу вопрос о возникновении и преодолении противоречий. Но, как известно, противоречия, внутренне присущие явлениям природы и общества, представляют собой источник, движущие силы всякого процесса развития. Противоречия и движущие силы развития, на наш взгляд, представляют одно и то же. Нет движущих сил, которые в то же время не были бы противоречиями, и наоборот. Вопрос о движущих силах общественного развития по существу является прямым продолжением вопроса о характеристике его законов.

Противоречия, обусловливающие развитие общества, бывают разные. Существуют внешние противоречия, т. е. между обществом как материальной системой и природными материальными системами. Могут быть также противоречия между социальным и биологическим в самом обществе. Можно также различать внешние и внутренние противоречия в развитии отдельных стран. Материалистическая диалектика исходит из того, что решающую роль в развитии играют внутренние противоречия. В то же время она признает важную роль и внешних противоречий. Рассмотрим эти противоречия конкретно, применительно к развитию общества.

1. ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ОБЩЕСТВОМ И ПРИРОДНЫМИ МАТЕРИАЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Кроме общества, как материальной системы, существует множество других природных саморазвивающихся систем: органический мир, земная кора и окружающие ее атмосфера и стратосфера, планета в целом, солнечная система, другие звездные и планетные системы. Все они могут оказывать на общество свое воздействие, выступая в виде стихийных сил, существующих независимо от общества. Все эти системы составляют среду, в которой общество существует. Эту среду следует отличать от тех природных условий, которые непрерывно используются обществом и без которых немыслимо существование общества как саморазвивающейся системы. В отличие от других природных систем, природные условия выполняют специфическую общественную функцию: они выступают в качестве предмета труда, условий труда, предмета потребления и вообще условий общественной жизни. Именно благодаря этой их функции они отделяются от окружающей природы вообще и присоединяются к обществу как определенной системе. В то же время эти природные условия нужно отличать и от таких элементов общественной жизни, как орудия и продукты труда. Поскольку эти условия являются природными, они подчиняются своим естественным законам, таким, например, как закон зональности Докучаева и другие. Но как условия общественной жизни они непрерывно подвергаются воздействию общества и, значит, законов общественного развития. По мере изменения общества изменяется и понятие природных условий общественной жизни.

Все предметы потребления создаются в конечном счете лишь в результате преобразования предметов природы. В материальных системах природы взаимодействуют слепые, стихийные силы. Если элементы этих систем используются в качестве природных условий общественного развития, то они тем самым оказывают благотворное влияние на деятельность людей (например, влияние плодородия почвы на урожай). Однако силы природных систем, пока ими не овладел человек, могут оказывать на общественную жизнь и отрицательное действие. Например, разливы рек нередко уничтожают результаты труда многих людей; землетрясения могут вызвать разрушение городов и сел; при засухе гибнут возделываемые растения или снижается урожай и т. д. Во всех этих случаях мы видим ярко выраженное противоречие между обществом и другими, окружающими его системами окружающей природы.

Влияние природных условий, ставших элементом общественной жизни, на историческое развитие обнаруживается уже в том, что при наличии одних природных условий на производство продуктов, необходимых для поддержания жизни человека, требуется затратить, например, четыре или пять часов, в то время как при нали-

чии других природных условий может потребоваться пятнадцать или двадцать часов. Это различие особенно чувствовалось на ранних ступенях развития общества, так как в это время преобразование предметов природы составляло весьма незначительный процент по отношению к их простому использованию. Естественно, что недостаточные природные условия тормозили общественное развитие.

Почему, например, древнейшие цивилизации возникли у народов южных стран, а не у народов Крайнего Севера?

Одной из причин были природные условия. Так, климат древнего Египта в большей мере благоприятствовал развитию общественной жизни, чем климат Севера, ибо он требовал меньше затрат труда на изготовление жилищ и одежды. Это вело к тому, что при тогдашнем низком уровне развития производительных сил открывалась возможность для возникновения прибавочного продукта, разделения труда по патриархальным семьям, частной собственности и эксплуатации чужого труда. Создавались условия, ускоряющие общественное развитие народов южных стран по сравнению с народами стран холодного климата.

Однако природные условия южных стран обеспечивали эти преимущества главным образом на ранней ступени развития. В дальнейшем же их роль из положительной превратилась в отрицательную: они не стимулировали дальнейшего общественного развития. «Слишком расточительная природа,— писал Маркс,— «ведет человека, как ребенка, на помочах». Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью» [1].

Люди, используя природные условия, вырабатывают определенные навыки, приобретают производственный опыт, знания, развивают свои способности, совершенствуют технику производства. Если бы люди находили все необходимые им средства к существованию в природе в готовом виде, они не имели бы стимулов для развития производства, а следовательно, и для своего общественного развития. Таким образом, не только наличие тех или иных природных условий для производства, но и их недостаток может оказывать ускоряющее влияние на общественное развитие.

Характеризуя зарождение капиталистического способа производства как более высокую ступень общественного развития по сравнению с феодализмом, Маркс писал: «Не области тропического климата с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала. Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляют естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится жить человеку, происходит умножение его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда» [2]. Нетрудно понять,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 522.
[2] Там же.

что именно разнообразие природных условий в известных границах является наиболее благоприятным фактором для общественного развития.

Таким образом, когда речь идет о влиянии природных систем на общество, то важно различать факторы, воздействующие на общество независимо от потребностей его развития, и те условия, которые используются людьми и включаются в общество как систему, оставаясь в то же время природными элементами. Однако и в ходе воздействия природных систем на общество, и в процессе включения природных элементов в общественную систему возникают противоречия, носящие внешний характер. Их роль весьма существенна в развитии общества. Они могут ускорять общественное развитие, могут его замедлять, а могут и вообще привести к прекращению этого развития, к уничтожению общества как системы. В то же время не они определяют направление общественного развития, переход от одной общественной формации к другой. Больше того, от уровня общественного развития зависит и само использование природных условий и противодействие их стихийным влияниям. Общество может изменять себя и через использование, изменение и воспроизведение природных условий. Следовательно, природные условия хотя и необходимый элемент общества как системы, но не главный и определяющий.

История показывает, что слепое, стихийное воздействие сил природы на человеческое общество тем больше, чем ниже ступень его развития. Первобытный человек был бессилен перед окружающей его грозной природой. Он мог успешно бороться за свое существование только в сравнительно небольших областях Земли, по берегам рек, озер, где было достаточно природных средств существования. Первобытные люди успешно боролись за свое существование, как правило, только коллективом. Если человек по какой-либо причине отделялся от первобытного общества, он был обречен на гибель.

По мере развития орудий производства и подчинения сил природы власти человека противоречие между обществом и природными системами преодолевалось. Человечество все меньше и меньше зависело от непосредственного воздействия сил природы. Большую роль в изменении характера воздействия сил природы на общество играл экономический строй. Так, пагубное воздействие засухи в какой-нибудь области страны при капитализме значительно усугубляется отношениями господства и подчинения. Землевладельцы урожайной области обычно используют засуху в других местностях как средство обогащения, поднимая цены на хлеб. От этого, конечно, прежде всего страдают трудящиеся. В странах же социализма засуха в тех или иных областях может и не чувствоваться. Отношения сотрудничества и взаимопомощи позволяют недостаток хлеба в одной области компенсировать урожаем в других областях, да и общегосударственными запасами.

До тех пор пока существует частная собственность и эксплуа-

тация человека человеком, использование природных условий носит в целом хищнический характер. Частный собственник заботится прежде всего об увеличении дохода от своей собственности, а не о разумном использовании природных богатств и меньше всего о тех последствиях, к которым может привести хищническая растрата этих богатств. Если даже в отдельных случаях люди и знали, к чему приведет истребление полезных животных или вырубка леса, они не останавливались перед этим. Личный интерес, погоня за непосредственной наживой, а иногда и просто личная нужда оказывались на первом плане. Такого рода хищническое отношение к природным условиям выразилось прежде всего в поголовном истреблении растительных и животных организмов и в исчезновении отдельных видов.

Как велико истребление растительности со стороны человека, можно видеть хотя бы на следующих примерах. Несколько веков назад лес на Земле занимал около 7 млрд. гектаров. Сейчас эта площадь сократилась почти вдвое. Из 80% леса, который покрывал в начале исторической эпохи Моравию и Силезию, теперь осталось не более 20% от всей площади. По свидетельству же Тацита, римского историка, жившего около 55—122 гг. нашей эры, лес на территории Германии занимал около 75%, сейчас же он занимает не более 25%. Вырубка и выжигание леса нередко имели своим последствием исчезновение ряда видов растений и животных. Так, уже в исторические времена исчез европейский бык — тур.

Разумное отношение к богатствам природы предполагает не только их использование, но и восстановление или даже увеличение. К необходимости воспроизведения природных условий постепенно приходит даже капиталистический мир. Тем более это характерно для мира социализма, где на первый план поставлен общественный интерес. Правда, в отдельных случаях, где ведомственные интересы начинают преобладать над общественными, мы и при социализме встречаем случаи хищнического отношения к природе. Все же типичным для нашего общества являются не эти случаи, а разумное отношение к природным условиям: создание заповедников, запрещение охоты на редких животных и в отдельные сезоны, охрана лесов, их насаждение и многие другие мероприятия.

Закономерностью общественного развития является тот факт, что все больше и больше элементов природных систем превращаются в природные условия общественного развития. Другими словами, по мере общественного развития увеличивается и объем природных условий, используемых обществом. Человек первобытнообщинного строя не использовал и тысячной доли тех природных элементов, которые служат современному обществу. Еще недавно источники атомной энергии, в частности урановая руда, не имели никакого значения для развития общества. Ныне эти источники приобретают исключительное значение и становятся

одним из предметов международной политики, одним из факторов, ускоряющих развитие обладающих ими стран.

Периоды общественного развития иногда различают и по характеру используемых природных условий. Так, говорят о каменном, железном веке, веке пара, электричества, атомном веке. Разумеется, что если бы в окружающих природных системах не было железной руды, то не могло бы быть и железного века в обществе. Однако последовательность в преобладающем использовании этих природных элементов объясняется не воздействием природных систем на общество, а уровнем общественного развития.

Исключительно большие возможности по использованию природных богатств раскрываются перед людьми в социалистическом и коммунистическом обществе. Достаточно для примера сослаться хотя бы на то, какой огромный размах в нашей стране получило строительство электростанций на Днепре, Дону, Волге, Ангаре и других великих реках, в прошлом недоступных для использования в таких масштабах.

В зависимости от роли природных богатств в развитии общества Маркс подразделял их на два больших раздела: а) естественные богатства средств существования: животные, полезные растения, некоторые предметы неживой природы, служащие естественным жилищем, и т. д.; б) естественные богатства средств труда: металлы, уголь, нефть, дерево и т. д. Сюда же относятся судоходные реки, водопады и т. д. Первый вид богатства, отмечал Маркс, играет большую роль на низших ступенях развития общества, второй — на высших.

Таковы некоторые особенности взаимоотношения общественного развития и окружающих общество систем природы. Использование богатств природы в нуждах человека и отношение человека к этим богатствам, различно в разные периоды общественного развития. Это лишний раз подтверждает, что окружающие общество природные системы не являются главной движущей силой общественного развития. Больше того, сама их роль теснейшим образом зависит от уровня общественного развития.

Между тем как в прошлом, так и в настоящем существовали и и существуют теории, согласно которым определяющую роль в развитии общества играет окружающая людей природа. Это так называемые географические направления.

Так, идеолог французского абсолютизма Жан Боден (1530—1596) выступал с теорией, утверждающей, что материальная и духовная жизнь народов зависит главным образом от климатических условий. Различия в характере народов, в общественном устройстве он объяснял различием в климатических поясах земного шара, в которых протекала их жизнь.

В XVIII в. идеи Бодена развивал известный французский философ-просветитель Монтескье. Характер жизни народов, нравы людей Монтескье выводил прежде всего из особенностей трех климатических поясов земной поверхности: северного, южного, умерен-

ного. Самым благоприятным для развития общества он считал северный пояс. В северных странах, писал Монтескье, живут люди, у которых мало пороков[3]. По мере приближения к югу, согласно взглядам Монтескье, происходит изменение нравов, усиливаются страсти, умножаются преступления. Народы в странах с умеренным климатом непостоянны в своем образе жизни; непостоянны даже в пороках и добродетелях. Из особенностей климата Монтескье выводит также характер общественного и политического строя.

В целом эта теория сыграла в тех условиях положительную роль. Она была направлена против религиозного мировоззрения, против так называемого теологического направления в социологии. Более того, Монтескье выступал и с критикой самодержавия французского короля. В противовес открытым идеалистическим теориям, он стремился подчеркнуть роль объективных природных условий.

Однако географическое направление, представленное Боденом, Монтескье, а также Л. И. Мечниковым в России, не вышло за рамки идеалистического понимания истории. Географическая среда, по их мнению, воздействует прежде всего на сознание людей, на их психику, нравы, а уже последние определяют общественный строй. Они не понимали, что в основе всего общественного развития, в том числе и психики людей, лежит способ производства материальных благ.

Идеи географического направления в социологии использовались и используются идеологами эксплуататорских классов в целях оправдания господства одного класса над другими. Так, английский социолог Бокль в прошлом веке в книге «История цивилизации в Англии», ссылаясь на географические факторы, пытался доказать неполноценность цивилизации неевропейских народов и преимущества европейской, т. е. буржуазной цивилизации. Он оправдывал колониальное владычество Англии. Его теоретические построения были направлены на доказательство якобы естественной обусловленности распределения богатств в обществе.

С наступлением эпохи империализма возникла так называемая геополитика. По определению идеологов немецкого фашизма, геополитика — это научная дисциплина о географической обусловленности политических явлений или учение о (причинной) связанности политических событий с земным пространством. Геополитика поставила идеи географического детерминизма на службу империалистической экономике. Она распространялась в Германии, Англии, США, Японии и др. Особого развития она достигла в Германии периода фашистской диктатуры, а после войны — в США.

Более или менее значительная попытка «обосновать» геополитику была предпринята идеологом прусского милитаризма Фридрихом Ратцелем, пытавшимся свалить вину за пороки капитализма на природные условия. По мнению Ратцеля, три главные географические фактора характеризуют государство: размеры территории, гео-

[3] См. Монтескье. О духе законов. СПб., 1900, стр. 270.

графическое положеиие и характер границ. Эти факторы, по его миеиию, предопределяют политику государства, которая сводится «к вечной борьбе за простраиство». Геополнтика связывает виутреннюю и в особеииостн внешнюю полнтику страиы с характером воздействия природных условий. Ратцеля, как н его последователей, ие иитересуют вопросы, занимавшие стороииннков географнческого детерминизма, например, в XVIII в.; география нм нужна для того, чтобы подтасовывать факты для оправдання нмпериалистической агрессивной полнтнкн.

Все последующие геополитики повторяли н повторяют лжеиаучные положения Ратцеля. Так, по мнеиию американских геополитиков: Снмпла, Хеитингтона, Спнкмена и др., из географическнх факторов вытекает иеобходнмость для мнра управляться полнтикой снлы. Они стремятся «обосновать» претензии США на мировое господство.

2. РОСТ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

В одиночку человек никогда ие смог бы выбраться из животиого состояния, ие смог бы противостоять враждебным снлам природы, ие смог бы в полной мере обеспечнть себя средствами существования. Поэтому без известиого миинмума людей ие может быть иикакой общественной жизин, иикакой истории общества.

Рост народонаселення обусловлен как бнологической прнродой самих людей, так н теми условиямн, в которых онн жнвут. На этой почве также могут складываться протнворечия, так как увеличеине иародонаселення не всегда иаходнтся в соответствни с темн условиямн, в которых живут люди. Еслн увелнчивающееся иародоиаселеине все время находнт возможностн для приложення своего труда, то это неизбежно ведет к ускореиию общественного развития. Прнмером этому может служить иаша страна. В СССР имеются безграничиые возможиостн для разумного прнложения человеческого труда. Безработнца давно лнквндирована, и появляющиеся свободные руки иемедленно используются для дальиейшего расширення промышленностн, сельского хозяйства, освоеиня иовых земель. Чем больше рабочих рук, тем быстрее идет развитне. Коммуиистнческая партня и правительство принимают все меры как для увеличеиия роста иародоиаселення в нашей стране, так н для планомерного расширення общественного производства.

Решающнм фактором роста иародонаселення является повышеине материального благосостояния трудящихся, неуклоииый рост их жизненного уровня. Кроме того, государство осуществляет н специальные мероприятия, направлеииые иа увелнченне роста иародоиаселения. Оно оказывает материальиую помощь миогодетиым, одииокнм матерям н поддерживает нх морально, награждая орденами и медалямн и т. д. В результате всех этих мер иаселеиие иашей страны ежегодно увеличнвается примерио иа 3,5 млн. человек, хотя процент прироста уменьшается.

6 Зак. 607

Итак, увеличение народонаселения ведет к расширению производства, расширение производства — к увеличению народонаселения.

Однако было бы неправильно считать, что рост народонаселения, увеличение его плотности всегда и при всех условиях ускоряют общественное развитие. Могут сложиться и такие условия, когда увеличивающееся народонаселение не находит соответствующих возможностей для применения своего труда. Так, с развитием капитализма растет органический состав капитала и относительно уменьшается его переменная часть. Это означает, что капитал все больше и больше выталкивает рабочих, которые ранее были им заняты. Капитализм постоянно производит относительно избыточное население, выталкиваемое из процесса производства, лишенное средств существования. В этом состоит свойственный капитализму закон роста населения. Следовательно, современный капитализм с присущими ему кризисами и безработицей, нищетой масс сдерживает рост народонаселения. В буржуазном обществе все яснее проявляется тенденция к понижению коэффициента рождаемости, что приводило в отдельные периоды даже к уменьшению населения страны (например, во Франции).

Буржуазные социологи и экономисты пытались найти в росте народонаселения ключ к пониманию движущих сил изменения и развития общественной жизни. Так, родоначальник английской буржуазной политической экономии Петти подчеркивал, что основой всех богатств является труд. Рост трудового населения рассматривался им поэтому как главное, решающее условие развития общества.

Учение о том, что рост народонаселения является главной силой общественного развития, выражало в свое время идеологию нарождающейся буржуазии в ее борьбе против непроизводительных сословий — дворянства и духовенства. Оно, таким образом, имело известное прогрессивное значение. Буржуазия, стремившаяся к власти, обвиняла земельную аристократию в том, что она довела до нищеты население. Себя же она выдавала за защитника интересов масс. Идеологи же земельной аристократии, чтобы оправдать господство землевладельцев, старались доказать, что в нищете повинны сами массы. В социологии появилась школа, которая стала считать рост народонаселения злом, приводящим к нищете и ко всяким бедствиям и лишениям в общественной жизни.

Эту точку зрения развивал и пропагандировал английский экономист поп Мальтус. В книге «Опыт о законе народонаселения» он утверждал, что население всегда оказывает давление на средства существования, так как оно увеличивается в геометрической прогрессии, в то время как последние растут в арифметической прогрессии. Причиной всех пороков, по Мальтусу, является то, что рост народонаселения якобы постоянно обгоняет рост средств существования.

Маркс и Энгельс показали полную несостоятельность мальтузианской теории народонаселения. Они доказали, что так называемое

перенаселение вовсе не является каким-то естественным законом природы, а порождается капиталистическими условиями производства. И вообще рост народонаселения определяется характером существующего общественного строя, теми условиями, которые этот строй предоставляет для жизни и развития людей. Поэтому можно сказать, что каждой ступени общественного развития свойственны свои особые темпы роста народонаселения, особый закон его роста, связанный с экономическими условиями.

Особенно широко используется эта реакционная теория народонаселения в современных условиях идеологами империалистической буржуазии. За последние 25 лет в США, Англии и других странах появилось множество книг, проповедующих мальтузианство. В книгах «Мировой голод» Пирсона и Харпера, «Путь к спасению» Фогта, «К миру или войне ведет перенаселение?» Барча и Пендла и в других «доказывается», что в росте народонаселения скрывает угроза цивилизации. Спасение же состоит в сокращении народонаселения любыми средствами. Так, Фогт предлагает широкое применение стерилизации любыми средствами, за которую он советует выделить небольшую премию в размере 50—100 долларов, согласившихся на стерилизацию. Эта «премия за стерилизацию», по словам Фогта, послужит приманкой нуждающимся, которых он рассматривает как биологически неполноценных людей.

Как же в действительности решается проблема роста народонаселения? Не угрожает ли он цивилизации? Население действительно увеличивается в ускоренном темпе. Потребовалось много времени, чтобы число жителей достигло 250 млн. В течение последующих 16 веков оно удвоилось. Затем оно удвоилось за 2,5 столетия. Затем — почти за один век. В настоящее время прирост населения равен 1,9% в год. Значит, в ближайшие 40 лет произойдет очередное удвоение числа жителей Земли. Подсчеты, выполненные специалистами ООН, показали, что население мира (около 3 млрд. в 1960 г.) возрастет к 2000 г. минимум до 5 млрд. 300 млн., максимум — до 6 млрд. 800 млн. Не приведет ли это к перенаселенности в абсолютном смысле этого слова?

Перенаселенности противоречит прежде всего факт роста производительности труда. Было время, когда производительность труда требовала, чтобы все жители занимались добыванием продуктов, необходимых для потребления. Затем на 15 трудящихся мог не трудиться один человек. При современном производстве один человек может производить столько, что 15 человек могут не работать. И чем дальше, тем больше люди высвобождаются из непосредственного производства материальных благ. Значит, вся проблема сводится к тому, чтобы правильно распределялась занятость населения. Нужно все больше и больше предметов природы превращать в предметы производства. Для человека не может быть пределом его распространения и планета Земля. Предмет труда безграничен, и при ускоренном росте производительности труда перенаселенность невозможна. Ошибочность буржуазных теорий состоит в том, что они

относительную перенаселенность, вызванную капиталистическими отношениями, рассматривают как абсолютную. Поэтому, вообще говоря, каждый раз встает вопрос не о перенаселенности, а о том, как и куда разумно направлять силы высвобождающихся благодаря росту производительности труда людей, расширять предмет полезного для человека труда.

Таким образом, рост народонаселения, хотя и оказывает большое влияние на общественное развитие, не является главной движущей силой. Его влияние на развитие общества зависит от уровня общественного производства и от характера общественных отношений.

3. ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КАК ЕГО ГЛАВНЫЕ ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ

Соответственно теоретическим положениям диалектического материализма, движущие силы развития нужно искать в противоречиях, присущих самой сущности явлений. И если речь идет о явлениях общественной жизни, то прежде всего нужно раскрыть эти противоречия в материальном производстве. Нетрудно заметить, что в процессе производства, осуществляемом людьми, существуют многие противоречия, представляющие действие многих законов.

Так, в процессе производства легко обнаружить противоречия между людьми, обладающими определенными навыками и опытом, с одной стороны, и орудиями труда — с другой, между людьми и процессом труда, между орудиями и предметом труда и т. д. Орудия труда, играющие определяющую роль в процессе труда, изменяются в тесной зависимости от предмета труда. Каждое орудие приспособлено к тому, чтобы действовать целесообразно и изменять тот или иной предмет природы: топор, чтобы рубить дерево, лук и стрелы, чтобы убивать животных, и т. д. В процессе труда сам предмет заставлял людей совершенствовать орудия, чтобы облегчать и сокращать труд. Если же люди пытаются использовать новые предметы труда, то это в еще большей степени требует не только совершенствования уже существующих, но и создания новых орудий труда.

Среди многочисленных противоречий, возникающих и разрешающихся в ходе деятельности людей, важно выделить исходное, основное, ведущее противоречие и проследить, как оно действует во всех сферах общественной жизни.

Историю творят люди. Понять движущие силы общественного развития — значит прежде всего раскрыть, что и каким образом вынуждает их производить материальные блага, совершенствовать орудия производства, вести борьбу за новые общественные отношения и т. д.

В общем виде ответ на этот вопрос напрашивается сам собой. Людей приводят в движение их собственные потребности. Чтобы жить, люди, как и другие существа, должны потреблять, а чтобы

потреблять, они вынуждены производить для этого продукты. В силу этого потребности людей, хотя и имеют естественную основу, отличаются от потребностей животных своим общественным содержанием, а также осознанностью. Они, как увидим дальше, принимают форму определенных интересов, желаний, целей.

Характеризуя движущие силы общественного развития, Энгельс отмечал, что исторический материализм, в отличие от предшествующих социологических теорий, не ограничивается анализом ближайших побуждений, приводящих людей в движение, а требует идти дальше. «... За этими побуждениями стоят другие движущие силы, которые и надо изучать»[4]. «Когда, стало быть, речь заходит об исследовании движущих сил, стоящих за побуждениями исторических деятелей, — продолжает Энгельс, — осознано ли это или, как бывает очень часто, не осознано, — и образующих в конечном счете подлинные движущие силы истории, то надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы. Да и здесь важны не кратковременные взрывы, не скоропреходящие вспышки, а продолжительные действия, приводящие к великим историческим переменам»[5]. Попытаемся проследить эти движущие силы.

Анализируя потребности людей, стимулирующие их деятельность, мы сразу сталкиваемся с основным противоречием, т. е. с противоречием между производством и потреблением[6]. В общественной жизни потребление двигает вперед производство; производство, в свою очередь, поднимает на новую ступень потребление. Другими словами, люди делают что-то для удовлетворения своих потребностей, но сами потребности определяются уже достигнутым уровнем их деятельности. Такова диалектика производства и потребления, лежащая в основе исторического движения общества. Как логически, так и исторически это противоречие является исходным по отношению ко всем другим противоречиям общественной жизни. Без его анализа нельзя понять всех других противоречий. Но в то же время и само это противоречие становится понятным лишь в его связи со всеми остальными.

Как движущая сила общественного развития противоречие между производством и потреблением выступает в чистом виде лишь в первобытнообщинном строе и особенно в коммунистическом обществе на его высшей фазе. Объясняется это тем, что потребности людей в обществе определяются не одним только процессом производства предметов потребления, но и той общественной формой, в которой осуществляется это производство. Для того чтобы потребность оказывала действительное влияние на производство, она долж-

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 307.
[5] Там же, стр. 307—308.
[6] См. Ю. Е. Еремин. О противоречии между производством и потребностями. Изд-во МГУ, 1968.

на удовлетворяться. Значит, потребности людей находятся в непосредственной зависимости от характера их экономических отношений. Как бы, например, ни были богаты и разнообразны потребности рабочих в капиталистическом обществе, но если рабочие не могут купить нужные им предметы, то эти потребности никакого влияния на производство не окажут.

Если собственность является общественной, т. е. средства производства принадлежат тем, кто трудится, то решающее воздействие на развитие производства и всего общества оказывают непосредственные потребности самих трудящихся. Если собственность принадлежит рабовладельцам, то именно потребности рабовладельцев оказывают решающее влияние на развитие производства. И в данном случае весь вопрос о роли потребностей, как движущей силы общественного развития, сводится к выяснению того, до каких именно пор потребности господствующего класса и способы их удовлетворения будут стимулировать развитие всего общественного производства. Если потребности господствующего класса перестали содействовать развитию производства, то их должны сменить потребности других общественных групп, что может быть осуществлено лишь посредством смены характера собственности. Но это значит, что от противоречия между производством и потреблением мы переходим к противоречиям между производительными силами и производственными отношениями.

С тех пор как существует производство, а следовательно, производительные силы и производственные отношения, между ними существуют и противоречия. Они зарождаются, обостряются и разрешаются в разных формах и по разным направлениям.

В силу того что непрерывное изменение производительных сил ведет к отставанию производственно-экономических отношений, это противоречие обнаруживается как противоречие между новыми производительными силами и старыми экономическими отношениями. Так, уже в недрах первобытнообщинного строя непрерывное изменение орудий производства, повышение их производительности вело к тому, что орудия, дающие эффект лишь в коллективном труде, превратились в орудия, позволяющие людям отдельными семьями, индивидуально, добывать средства к существованию. В результате труд стал частным, а собственность сохранилась старой, общественной. В этом суть противоречия, ведущего к смене первобытнообщинного строя рабовладельческим. Вообще противоречие между старыми экономическими отношениями и новыми производительными силами ведет к смене формаций, т. е. ведущая роль в нем принадлежит производительным силам.

Но вновь возникшие экономические отношения в свою очередь начинают играть по отношению к производительным силам ведущую роль, подчиняют их себе, определяют характер их движения, их стимулы, темпы их развития. Например, вновь возникшие экономические отношения социалистического общества направляют развитие производительных сил в интересах самих трудящихся, дают

безграничный простор для их развития, создают новые стимулы для совершенствования техники и т. д., что и свидетельствует об их преимуществах перед капиталистическими экономическими отношениями. И здесь, следовательно, существует противоречие между новыми экономическими отношениями, сразу создающими новые условия развития, новые стимулы и т. д. и между унаследованными от прошлого общества и не реализовавшими всех данных им возможностей производительными силами.

Таким образом, противоречие существует не только тогда, когда развитию производства мешают устаревшие формы отношений, но и тогда, когда огромные преимущества новых социалистических экономических отношений не реализуются сразу полностью. Противоречия между старыми экономическими отношениями и новыми производительными силами и противоречие между новыми экономическими отношениями и унаследованными от прошлой формации производительными силами не представляют двух разных противоречий. Это две стороны одного и того же противоречия: одна сторона неизбежно порождает другую, и противоречие действует постоянно.

Между производительными силами и экономическими отношениями может складываться противоречие и в ином отношении. Так, с появлением рабовладельческого общества между производительными силами и экономическими отношениями зарождается и действует другое противоречие, составляющее основу всего классового деления общества. Суть его в следующем. Производительные силы могут существовать и производить материальные блага только при наличии единства всех своих элементов: людей с определенными навыками и знаниями и средств производства. В то же время производственные отношения основываются в этот период на известном разрыве этих элементов, на отделении средств производства от непосредственных производителей материальных благ. Обладающие средствами производства не трудятся. Трудящиеся не обладают средствами производства. Это противоречие окончательно не преодолевается вплоть до социалистической революции и уничтожения эксплуататорских классов. Его обострение приводило только к изменению формы движения противоречия, т. е. менялась форма присоединения непосредственного производителя к основным средствам производства. Рабовладелец присоединяет непосредственного производителя к своим средствам производства путем насилия, феодал — насилием и частичной экономической заинтересованностью, буржуа — голодом.

Противоречие между производительными силами и экономическими отношениями, в какой бы форме оно не выражалось, оказывается действенным только в том случае, когда оно приводит в движение людей, выступает в виде их интересов[7]. Ведь как бы произ-

[7] Подробный анализ интереса как категории исторического материализма см. в работе: А. Г. Здравомыслов. Проблема интереса в социологической теории. Изд-во ЛГУ, 1964.

водительные силы не требовали изменения экономических отношений — это изменение не произойдет, если оно не выступит в виде интересов определенных людей и не будет осуществлено ими. В то же время как бы экономические отношения не содействовали развитию производительных сил — это развитие может быть осуществлено лишь людьми, заинтересованными в нем.

В бесклассовом обществе этими людьми является весь народ. В классовом обществе, где один класс выступает как основная производительная сила, а другой — как собственник, противоречие между производительными силами и экономическими отношениями олицетворяется в противоречии между основными классами. При этом оно носит теперь уже не только экономический, но также политический и идеологический характер. Классовая борьба, вырастающая из противоположных классовых интересов, есть продолжение экономических противоречий, и в то же время она имеет и свои специфические черты.

Нельзя, например, категорически утверждать, что острота классовой борьбы всегда полностью соответствует остроте противоречия между производительными силами и экономическими отношениями. Нередко может обнаружиться и несоответствие, поскольку классовая борьба требует дополнительных условий; люди должны осознать необходимость этой борьбы и научиться организованно ее вести. «Все, что приводит людей в движение, — писал Энгельс, — должно пройти через их голову; но какой вид принимает оно в этой голове, в очень большой мере зависит от обстоятельств. Рабочие не разрушают теперь машин, как они делали это еще в 1848 году на Рейне, но это вовсе не значит, что они примирились с капиталистическим применением машин» [8].

Борьба между классами имеет место и в области экономики. Она совершается независимо от того, осознают это участники борьбы или нет. Например, развитие мануфактурных, а затем промышленных предприятий буржуазией вело к вытеснению и разорению ремесленников и феодалов. Это — борьба в области экономических отношений. От нее следует отличать классовую борьбу в обычном смысле этого слова, которая складывается на основе экономических отношений лишь проходя через сознание людей. Рабочие ведут классовую борьбу так, как оценивают свое положение в обществе, свои отношения. Если они видят причину своего бедственного положения во внедрении машин, то разрушают машины. Если же они видят эту причину в капризах отдельного капиталиста, то выступают против капиталиста и т. д. Классовая борьба достигает высшей степени лишь тогда, когда рабочий класс овладевает революционной теорией. Таким образом, классовая борьба зависит не только от экономических отношений, но и от классового самосознания трудящихся.

История всего предшествующего общества, писали Маркс и

---

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 308

Энгельс, имея в виду классовое общество, есть история борьбы классов. «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов» [9].

Как движущая сила общественного развития классовая борьба не только логически, но и исторически следует за рассмотренными формами. Она представляет дальнейшее развитие противоречий, возникающих в экономике, т. е. представляет проявление этих экономических противоречий в сознательной, целенаправленной деятельности людей.

В первобытнообщинном строе противоречия также проявлялись в конце концов между людьми, но последние еще не группировались в классы. В условиях же классового общества появляются новые мотивы и прежде всего заинтересованность имущих классов в увеличении частного богатства. Другим эффективным мотивом, особенно в докапиталистических формациях, является усиление эксплуатации. Поэтому общий прогресс в истории классового общества осуществляется односторонне, за счет угнетения трудящихся масс, а, следовательно, протекает на базе сопротивления последних.

С одной стороны, существует класс, заинтересованный в вовлечении в производство как можно большего числа людей, в повышении интенсивности их труда. Но складывается и противоположная тенденция, борьба против этой деятельности господствующего класса, против его коренных экономических интересов. Другими словами, существует противоречие: один класс заинтересован, чтобы производство осуществлялось как можно лучше, а другой класс, подвергающийся эксплуатации, не заинтересован. Однако и тот класс, который заинтересован в развитии производства, желает осуществлять его не собственными силами, а принуждает к этому неимущий класс.

В классовой борьбе нужно отличать видимость от сущности. На первый взгляд кажется, что решающая роль в историческом развитии принадлежит господствующим, а не угнетенным классам, так как именно их интересам подчинено общественное производство. Капиталисты, например, внедряют новую технику не только с тем расчетом, чтобы повысить производительность труда, но и чтобы заставить рабочих трудиться более интенсивно. Однако все общественное производство осуществляется руками рабочих, а не буржуазии. Трудящиеся на всем протяжении истории антагонистических формаций стремятся сбросить с себя политическое господство имущих классов, уничтожить неравенство и добиться свободы. Иными словами, трудящиеся всегда борются против угнетения, против классового господства, и эта борьба создает условия для устранения

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 424.

старых общественных отношений и укрепления новых. Это значит, что борьба угнетенных против эксплуататоров была прогрессивной стороной, двигающей вперед общественное развитие, независимо от того, что трудящиеся не всегда добивались успеха.

Так, восстания рабов и, в особенности такие крупные, как восстание под руководством Спартака, в конечном счете привели к смене рабовладельческих порядков феодальными. Для трудящихся же они означали смену рабовладельческой эксплуатации крепостнической. Полностью уничтожить эксплуатацию при низкой производительности труда было невозмжоно. Только при капитализме производительные силы достигают уровня, позволяющего уничтожить все и всякие формы эксплуатации.

При анализе особенностей классовой борьбы в капиталистических странах на современном этапе важно учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, социальные последствия современной технической революции, изменение структуры рабочего класса и современной буржуазии. Во-вторых, наличие мировой социалистической системы, оказывающей исключительно благоприятное влияние на развитие классовой борьбы. В-третьих, распад мировой колониальной системы, обостряющий внутренние противоречия в капиталистических странах. В-четвертых, особо реакционную роль Соединенных Штатов Америки, ставших жандармом революционного движения почти во всех капиталистических странах.

Как движущая сила истории, классовая борьба достигает своего высшего выражения в открытой революционной борьбе. Политическая революция есть завершение и главное средство разрешения антагонистических общественных противоречий. Она не противостоит противоречиям в экономике, а представляет их высшее, концентрированное выражение. «Никогда не бывает политического движения, — писал Маркс, — которое не было бы в то же время и социальным. Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*. А до тех пор накануне каждого всеобщего переустройства общества последним словом социальной науки всегда будет: «Битва или смерть; кровавая борьба или небытие. Такова неумолимая постановка вопроса» (Жорж Санд)»[10].

Процесс перерастания экономических противоречий в политическую революцию классически раскрыт Энгельсом на примере буржуазной революции. «На известной ступени развития, пущенные в ход буржуазией новые производительные силы — прежде всего разделение труда и соединение в одном общем мануфактурном предприятии многих частичных рабочих — и развившиеся благодаря им условия и потребности обмена стали несовместимыми с существующим, исторически унаследованным и освященным законом строем производства, то есть с цеховыми и бесчисленными прочими личными и местными привилегиями (которые для непривилегирован-

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 185.

ных сословий были столь же бесчисленными оковами), свойственными феодальному общественному строю. В лице своей представительницы, буржуазии, производительные силы восстали против строя производства, представленного феодальными землевладельцами и цеховыми мастерами. Исход борьбы известен. Феодальные оковы были разбиты: в Англии постепенно, во Франции одним ударом, в Германии с ними все еще не разделались»[11].

Классы, которые совершают революцию, ведут борьбу против реакционных классов, очищают путь прогрессивному развитию общества, являются движущими силами революции. Так, движущей силой революции рабов явились рабы, революции крестьян — крепостные крестьяне и т. д. Сами же революции являются движущими силами истории. Революции, говорил Маркс, есть локомотивы истории.

4. ИЗМЕНЕНИЯ В ДВИЖУЩИХ СИЛАХ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Рассмотренные противоречия действуют и при социализме, но в особой, специфической форме. Так, если при капитализме производство, технический прогресс подчинены погоне капиталистов за максимальной прибылью, то при социализме они подчинены интересам самих трудящихся. Если же при капитализме покупательная способность трудящихся хронически отстает от развития производства, то при социализме она изменяется с таким расчетом, чтобы имелась полная возможность для реализации продуктов потребления. Покупательная способность устанавливается соответственно уровню развития производства.

Характеризуя основное противоречие современного капиталистического общества, Л. И. Брежнев на XXIII съезде КПСС говорил: «Монополии пытаются возложить все больше тягот на плечи рабочего класса и других слоев трудящихся. Степень эксплуатации никогда еще не была такой высокой, как в настоящее время. Плоды научно-технического прогресса, роста производительных сил достаются кучке монополистов. А миллионы людей даже в период высокой конъюнктуры страдают от безработицы. В широких масштабах идет разорение и изгнание с земли крестьян»[12].

Основное противоречие социалистического общества, т. е. противоречие, связанное с основным законом, нашло свое выражение в основной задаче нового пятилетнего плана. «... **На основе всемерного использования достижений науки и техники, индустриального развития всего общественного производства, повышения его эффективности и производительности труда обеспечить дальнейший значительный рост промышленности, высокие устойчивые темпы развития сельского хозяйства и благодаря этому добиться существен-**

[11] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 309.
[12] Материалы XXIII съезда КПСС. М., Политиздат, 1966, стр. 11.

ного подъема уровня жизни народа, более полного удовлетворения материальных и культурных потребностей всех советских людей» [13].

С переходом от социализма к коммунизму изменится и само соотношение между производством и потреблением. На протяжении огромного периода истории первобытнообщинного и классового общества производство ограничивает потребление, потребности должны согласовываться с их производством. «В будущем обществе, — писал Маркс, — где исчезнет антагонизм классов, где не будет и самих классов, потребление уже не будет определяться *минимумом* времени, необходимого для производства; наоборот, количество времени, которое будут посвящать производству того или другого предмета, будет определяться степенью общественной полезности этого предмета» [14]. Например, стремление производить как можно больше хлеба вполне закономерно до тех пор, пока не удовлетворены личные и общественные потребности в этом предмете. Но после того как они будут удовлетворены, дальнейшее расширение производства хлеба будет определяться ростом потребностей. Точно так же будет с жилищным строительством, и с производством других предметов потребления.

Взаимодействие потребностей и производства при социализме, так же как и в предшествующем обществе, преломляется через взаимоотношение производительных сил и экономических отношений. Нельзя говорить об удовлетворении потребностей людей социалистической собственности и принципа распределения, так же как нельзя говорить о производстве, не учитывая уровня и характера производительных сил. Между производительными силами и производственными отношениями также существуют противоречия, но сводятся они не к тому, что производственные отношения якобы все время отстают от производительных сил, а суть их в том, что сравнительно быстрое изменение производственных отношений, обладающих огромными преимуществами, лишь постепенно реализуется в развитии производительных сил.

Правильное понимание противоречия между производительными силами и производственными отношениями при социализме имеет важное практическое значение. Согласимся на минуту с представлением о том, что производственные отношения всегда отстают от производительных сил и в силу этого между ними всегда существует противоречие. Представим себе, далее, что мы с подобным убеждением будем руководить колхозом с расчетом непрерывно улучшать состояние колхозного производства. Если производственные отношения всегда отстают от производительных сил, то главное внимание нужно обращать на ликвидацию отставания колхозной формы. Может оказаться, что так оно и есть: колхоз мелкий и не может полностью использовать крупную машинную технику, опыт и научные знания людей. Но может оказаться и другое. Недостатки происте-

[13] Материалы XXIII съезда КПСС, стр. 42.
[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 97.

кают из того, что преимущества, предоставляемые колхозной формой, не реализуются в достаточной степени из-за недостатка техники, плохой технической организации производства и т. д. При таких условиях укрупнение колхоза может привести только к усугублению недостатков. Следует учесть, что даже в том случае, когда возможности экономических отношений реализуются нормально, они не могут быть исчерпаны сразу. Значит, противоречие сохраняется и действует. Но это, так сказать, нормальное противоречие, противоречие роста, а не застоя.

При социализме существуют и многие другие противоречия, в частности, между объективными закономерностями и уровнем их сознательного использования в плановой деятельности. Знание законов и, следовательно, их использование в плановой деятельности всегда ограничено не только объективными условиями, но и субъективными особенностями людей, ведущими плановую деятельность. Значит, всегда возможны какие-то недочеты в работе и т. п. Однако пропасть между субъективными целями и объективными закономерностями, характерная для стихийно развивающегося антагонистического общества, при социализме ликвидируется. Плановая деятельность все более и более приближается к объективным требованиям законов.

В классовом антагонистическом обществе противоречия обнаруживаются и разрешаются через классовую борьбу. Как же с этим обстоит дело при социализме?

До построения социализма, в период диктатуры пролетариата классовая борьба против буржуазии сохраняется и приобретает своеобразные формы. Ленин выделил пять новых форм проявления классовой борьбы: подавление сопротивления эксплуататоров, нейтрализация мелкой буржуазии, гражданская война, использование буржуазных специалистов, воспитание новой, социалистической дисциплины.

Построение социализма в нашей стране означало соответствующие изменения и в классовом составе населения. «Социализм разрешил великую социальную проблему — ликвидировал эксплуататорские классы и причины, порождающие эксплуатацию человека человеком. В СССР остались два дружественных класса — рабочий класс и крестьянство. Причем изменились и сами эти классы. Общность двух форм социалистической собственности сблизила рабочий класс и колхозное крестьянство, упрочила их союз, сделала их дружбу нерушимой. Выросла новая, вышедшая из народа и преданная социализму, интеллигенция. Ликвидирована былая противоположность между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. На базе общности коренных интересов рабочих, крестьян, интеллигенции сложилось нерушимое социально-политическое и идейное единство советского народа» [15].

Морально-политическое единство, вытекающее из единства инте-

---

[15] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 329.

ресов нашего народа, привело к тому, что классовая борьба перестала быть формой разрешения противоречий в развитии нашего общества. Однако и при социализме всякие экономические и другие противоречия разрешаются в деятельности людей. Но эта деятельность направлена на раскрытие и устранение недостатков, на поиски новых возможностей и их реализацию. Это есть по существу критика и самокритика, направленная на улучшение нашего общего дела. Благодаря общественной собственности и отношениям сотрудничества и взаимопомощи, критика и самокритика пронизывают все сферы общественной деятельности людей социалистического общества.

Поскольку при социализме распределение осуществляется по принципу «от каждого по способностям, каждому — по труду», то материальная заинтересованность продолжает играть существенную роль в развитии производства и всей общественной жизни. В ней находит свое выражение и основное противоречие социалистического общества, и противоречие между производительными силами и производственными отношениями. При условии соблюдения социалистического принципа распределения материальная заинтересованность превращается в средство сочетания общественных и личных интересов.

ВЛАСТЬ И ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ

Общество, как было показано выше, представляет собой определенные коллективы людей, осуществляющих материальное и духовное производство и связанных соответствующими производственными и идеологическими отношениям. Эти коллективы не могут существовать и развиваться без управления. «Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, — писал Маркс, — нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере» [1].

Управление необходимо, ибо в каждом коллективе есть общие интересы, от нормального осуществления которых зависит жизнь этого коллектива и всех его членов. Управление и есть координация и субординация деятельности отдельных людей с целью осуществления общего интереса. Управление не может иметь места до тех пор, пока общий интерес не осознан по крайней мере руководством. Управление — целенаправленная деятельность. Оно немыслимо также без власти в широком смысле этого слова. Власть, дисциплина может выступать как средство, условие управления. Но может быть и так, что на первый план выступает власть (в этом случае она носит политический характер), а управление есть лишь форма осуществления власти. «Власть,—справедливо отмечает Ю. А. Тихомиров, — является мощным организующим и регулирующим фактором общественной жизни. Ее можно охарактеризовать как способность подчинять поведение и деятельность людей воле всего общества или отдельного класса. Власть может выражать как общую волю и общие интересы, основываясь на добровольном и

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 342.

сознательном подчинении, так и волю группы людей, навязываемую большинству членов общества насильно»[2].

Аналогичные различия имеют место и в управлении. Если оно подчинено осуществлению подлинно общего интереса, тогда мы имеем дело с *самоуправлением.* Если же управление выражается в подчинении деятельности общества частному интересу (класса или небольшой группки), то мы имеем дело с господством и подчинением, т. е. с политической властью. Управление носит научный характер в том случае, когда подчинение деятельности лиц общему интересу или общей цели осуществляется в соответствии с познанными объективными законами.

Наличие управления и власти является общим фактом для всех исторических эпох; формы же их были различны.

1. УПРАВЛЕНИЕ И ВЛАСТЬ В ПЕРВОБЫТНООБЩИННОЙ ФОРМАЦИИ

Управление обществом находится в прямой зависимости от характера существующих экономических отношений. Если собственность является общественной, коллективной и общество не распадается на враждебные классы, то для него свойственно самоуправление свободных от эксплуатации людей. Основные черты самоуправления первобытнообщинного строя раскрыты Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

У американских индейцев ирокезов родом управлял в делах мирного времени старейшина или сахем. Он избирался из членов самого рода. Его должность была постоянной. Если она освобождалась, то немедленно избирался другой сахем, и род не оставался без управления. В роду существовал и военный вождь. Но он не обязательно избирался из членов рода, и его должность могла временно оставаться никем не занятой. Власть сахема внутри рода опиралась на авторитет; никакими специальными средствами насилия он не располагал. Однако его решения имели большую силу, так как выражали волю рода и опирались на его коллективную силу. Военный вождь управлял и приказывал лишь во время военных походов. Сахем числился в то же время членом совета племени и общего совета союза ирокезов. Сахем и военачальник могли переизбираться, что решалось совместно мужчинами и женщинами. После этого военачальник становился просто воином. Совет же племени мог смещать сахема даже помимо воли рода.

Верховной властью в роде являлся совет — собрание всех взрослых членов рода, мужчин и женщин, имеющих одинаковое право голоса. Этот совет выбирал и смещал сахемов и военных вождей, а также жрецов, вносил постановление о выкупе или кровной мести за убитых сородичей, принимал чужих в состав рода и т. д. Таковы

[2] Ю. А. Тихомиров. Власть и управление в социалистическом обществе. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 25.

черты, характеризовавшие управление родовым обществом у ирокезов. Аналогичное родовое управление имело место и у других народов, находившихся на ступени первобытнообщинного строя.

Характеризуя управление в родовой организации первобытнообщинного строя, Энгельс писал: «И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов — все идет своим установленным порядком. Всякие споры и распри разрешаются сообща теми, кого они касаются, — родом или племенем, или отдельными родами между собой; лишь как самое крайнее, редко применяемое средство грозит кровная месть, и наша смертная казнь является только ее цивилизованной формой, которой присущи как положительные, так и отрицательные стороны цивилизации. Хотя общих дел гораздо больше, чем в настоящее время, — домашнее хозяйство ведется рядом семейств сообща и на коммунистических началах, земля является собственностью всего племени, только мелкие огороды предоставлены во временное пользование отдельным хозяйствам,—тем не менее нет и следа нашего раздутого и сложного аппарата управления. Все вопросы решают сами заинтересованные лица, и в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал» [3].

Управление в первобытном обществе имеет свои специфические особенности. Во-первых, оно возникает как управление производством и распределением и лишь на этой основе развивается всякое другое управление. И в дальнейшем историческом развитии для того, чтобы управлять обществом, необходимо было управлять его производством. Во-вторых, управление представляет собой созидательную, целенаправленную деятельность, подчиняющую деятельность отдельных индивидов общим интересам, т. е. выступает как самоуправление. В-третьих, главным признаком, по которому делятся подчиненные в родовом обществе, является кровное родство.

По мере развития первобытнообщинного строя развивается и общественное управление. Переход от матриархата к патриархату вызывает соответствующие изменения и в управлении. Первоначально в патриархальной родовой общине оно носит демократический характер. Во главе рода стоит, по общему правилу, глава старшей патронимии или семьи, а главы остальных семей образуют совет рода. Однако и все взрослые члены рода имеют влияние на общественные дела; особо важные вопросы решаются на общих собраниях всего рода. Остатки матриархата выражаются в том, что известное влияние сохраняют и женщины.

С появлением антагонистических классов характер управления обществом коренным образом изменяется. Место общего интереса занимает интерес экономически господствующего класса. В силу этого управление обществом превращается в политическое господство.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 97—98.

2. ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ В КЛАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ. ПОЛИТИКА

По мере формирования классового общества орган управления всего общества становится органом одного класса. Общественное самоуправление заменяется государством. Как же это происходит?

Рабы как собственность рабовладельцев были низведены до положения скота и постоянно принуждались к изнурительному физическому труду. За провинность они могли подвергаться любым истязаниям. Аристофан в следующих строках перечислял мучения, которым мог подвергаться раб: «Плетями бей, души, дави, на дыбу вздерни, жги, дери, крути суставы, можешь в ноздри уксус лить, класть кирпичи на брюхо. Можешь все». Такого рода обращение не могло не вызвать возмущений со стороны рабов. Последние выражались не только в побегах, но и в вооруженных восстаниях.

Для усмирения рабов и удержания их в полном повиновении требовались не только надсмотрщики у каждого крупного рабовладельца, но и такая постоянная вооруженная сила, которая охраняла бы весь класс рабовладельцев. Это было тем более необходимо, что число рабов в наиболее развитых рабовладельческих странах превышало в несколько раз количество свободных. Так, в Афинской республике в период ее наивысшего расцвета на каждого взрослого гражданина мужского пола приходилось по меньшей мере 18 рабов и 2 неполноправных. В Коринфе и Эгине во время греко-персидских войн количество рабов в десять раз превышало количество свободного населения. Ясно, что принуждать одну, преобладающую, часть общества к работе на другую было невозможно без постоянного принуждения, без государства и важнейшей его части — постоянной армии.

В первобытном обществе армии не было, а существовала, по словам Энгельса, «самодействующая» вооруженная организация всего народа. Усиление же классового расслоения общества явилось причиной возникновения наряду с вооружением всех членов дружины имущей знати, составившей ядро армии. В Древней Греции, в частности, усиливалась власть военачальника и его дружины, а органы самоуправления постепенно отходили на задний план, теряли свои функции. Так, вместе с формированием государства формируется и армия, призванная обеспечить условия эксплуатации рабов и их непрерывное пополнение.

Армия с самого начала формировалась как армия рабовладельцев. В Древнем Востоке, Греции и Риме первоначально армия комплектовалась из граждан, способных обеспечить себя снаряжением, необходимым для несения военной службы. Неимущие граждане в армию не допускались. В дальнейшем армия стала формироваться из наемников, содержащихся за счет государства. Длительной муштровкой солдат, изоляцией их от политической жизни, шовинистической пропагандой, подбором преданных эксплуататорам кадров создается аппарат, враждебный народу, способный выполнять любые предписания государства.

В рабовладельческом обществе противоречия существовали не только между рабами и рабовладельцами, но и между имущей и неимущей частью свободных. Поэтому государственная власть направлялась и против бедноты, возникали и органы насилия. В подавлении рабов принимали участие все свободные, и государство было ближе к ним. Но с подавлением бедноты происходит все большее отчуждение государственной власти. Полиция и жандармерия необходимы в государстве главным образом для повседневного устрашения масс: слежки за ними, вылавливания революционеров, подавления выступлений трудящихся.

К государственному аппарату относится и такой важный его орган, как разведка и контрразведка. Организация шпионской сети в других государствах, подрывная деятельность в них занимали всегда, с самого возникновения государства, существенное место в его деятельности. В современных же империалистических государствах, особенно в США, эта область деятельности приобрела чудовищные размеры.

Разведка буржуазных стран развертывает свою деятельность и внутри государства, ведя борьбу с революционным движением. Агенты-провокаторы проникают в рабочие и крестьянские организации, в объединения прогрессивной интеллигенции и т. п., осведомляя разведывательные органы о деятельности этих организаций, о наиболее активных ее членах, провоцируя на несвоевременные выступления, выгодные врагам трудящихся, разлагают ряды пролетарских организаций проповедью оппортунистических и ревизионистских идей, пытаются восстановить народы своих стран против СССР как оплота мира, демократии и социализма.

Таким образом, государство формируется как организованная сила господствующего класса, как выражение его диктатуры. И в этом — классовая сущность всякого государства. «В лице государства, — писал Энгельс, — перед нами выступает первая идеологическая сила над человеком. Общество создает себе орган для защиты своих общих интересов от внутренних и внешних нападений. Этот орган есть государственная власть. Едва возникнув, он приобретает самостоятельность по отношению к обществу и тем более успевает в этом, чем более он становится органом одного определенного класса и чем более явно он осуществляет господство этого класса» [4].

По тому, какой класс стоит и власти и осуществляет свою диктатуру, обычно определяется тип государства. Известны четыре типа государств: рабовладельческое, феодальное, капиталистическое, социалистическое. Кроме типов государства различают формы правления. «Формы государства, — говорил Ленин в своей лекции «О государстве», — были чрезвычайно разнообразны. Во времена рабовладельческие в странах наиболее передовых, культурных и цивилизованных по-тогдашнему, например, в древней Греции и Риме, которые целиком покоились на рабстве, мы имеем уже разно-

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 311—312.

образные формы государства. Тогда уже возникает различие между монархией и республикой, между аристократией и демократией. Монархия — как власть одного, республика — как отсутствие какой-либо невыборной власти; аристократия — как власть небольшого сравнительно меньшинства, демократия—как власть народа (демократия буквально в переводе с греческого и значит: власть народа). Все эти различия возникли в эпоху рабства. Несмотря на эти различия, государство времен рабовладельческой эпохи было государством рабовладельческим, все равно — была ли это монархия или республика аристократическая или демократическая»[5].

Не только рабовладельческое, но также и все остальные типы государства характеризуются разными формами правления. Утверждение той или иной формы правления зависит не только от характера диктатуры, но и от условий завоевания власти. Так, во Франции в результате радикальной буржуазной революции была установлена парламентская республика. В Англии же, где буржуазия оказалась не столь революционной, дело ограничилось установлением конституционной монархии.

Кроме форм правления существуют формы строения государства. Различают унитарные государства, федерацию, конфедерацию.

Возникновение государства означало в то же время постепенное упразднение органов управления родового строя. Правда, часть должностных лиц управления общиной превратилась в служащих государственного аппарата. Формируется особая каста государственных чиновников, представители которой занимают министерства и департаменты, а также многочисленные органы на местах и ведут действительную государственную работу, т. е. осуществляют политику. В общественной жизни политика является сложным и многосторонним явлением.

Политика означает прежде всего определенную деятельность, направленную на установление или охрану такой организации управления, которая обеспечивала бы действующему классу или народу осуществление его коренных экономических интересов. Политическая деятельность обычно направлена либо на завоевание политического господства, либо на его защиту и укрепление. Высшей формой политической деятельности класса или народа является революция или национально-освободительная война. Формами политической деятельности являются и холодная война, и агрессивные войны, организуемые империалистами, и установление или разрыв дипломатических отношений между государствами, проведение совещаний на высоком уровне, установление числа избирателей от каждого числа в государственный аппарат и т. д.

К области политики относятся также *политические отношения*. Если экономика представляет собой область производственных отношений классов, т. е. их взаимоотношения непосредственно в самой сфере производства материальных благ, то политика есть

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 74.

область общественной жизни, лежащая за пределами материального производства, вне экономических отношений между классами. Если основой экономических отношений между классами является характер собственности на средства производства, то основу политических отношений составляет политическая власть, опирающаяся на государственный аппарат. Другими словами, взаимоотношения между классами, так или иначе касающиеся государственной власти, государственного устройства, характеризуются как политические отношения. Подобно экономическим отношениям, они также подразделяются на отношения господства и подчинения и отношения сотрудничества и взаимопомощи. Первые имеют место, например, в капиталистическом обществе и выражаются в политическом господстве буржуазии и подавлении рабочего класса. Вторые имеют место в социалистических странах и проявляются в союзе рабочего класса и крестьянства и руководстве со стороны рабочего класса.

Однако несмотря на то, что политика представляет собой область классовых взаимоотношений, лежащую за пределами экономики, она непосредственно связана с экономикой, порождается ею. Политика, по определению Ленина, есть концентрированное выражение экономики. Это означает, что именно в политике и политическими средствами решаются коренные экономические задачи: укрепление или разрушение государства, защищающего этот строй, и т. д. Решая вопрос о политической власти, классы в сущности решают вопрос о жизни существующего экономического строя, а стало быть, и о своей собственной судьбе, органически связанной с этим строем. Почему, например, буржуазия всеми мерами укрепляет военно-полицейское государство? Потому, что оно представляет главную силу, защищающую капиталистический строй, капиталистическую собственность, экономические интересы буржуазии.

С другой стороны, пролетариат борется против буржуазного государства, так как оно препятствует проведению социальных реформ, мешает превращению средств производства в общественную собственность, т. е. препятствует осуществлению коренных интересов трудящихся. Взаимоотношения классов, связанные с государственной властью, т. е. политика классов, представляют собой выражение наиболее существенного в экономическом положении каждого из этих классов. Государство есть важнейшее политическое учреждение, посредством которого осуществляется политическая власть как форма управления обществом. Таким образом, в понятие политики необходимо включить и *политические учреждения,* и прежде всего государство — как важнейшее *орудие* осуществления политики господствующих классов.

Политика возникла как деятельность государства. Но в настоящее время она представляет собой более широкое понятие. Политику могут осуществлять и классы, не стоящие у государственной власти, но ведущие борьбу за эту власть.

Политические отношения, имеющие корни в экономике, складываются лишь в связи с определенными *политическими взглядами,*

т. е. на основе определенного политического сознания. Без политического сознания не может быть и политики. Политика есть сознательное поведение класса как целого, его сознательное отношение к другим класам, к существующему строю, к другим государствам и странам, или же сознательная борьба за свое господство. Другими словами, политика представляет собой такое отношение между классами, связанное с государственной властью, в котором сознательно противопоставляются их коренные интересы, в котором классы в целом, осознавшие свое положение и интересы, противостоят друг другу. Так, в революции как высшей форме политической деятельности сознательно и в самой резкой форме сталкиваются классы в борьбе за осуществление своих экономических и политических интересов. В отличие от материальных экономических отношений, которые складываются независимо от воли и сознания людей, политические отношения складываются лишь проходя через сознание людей. Ленин придавал особое значение грамотности и политическому просвещению в деле поднятия трудящихся к активной политической деятельности. «Безграмотный человек, — писал Ленин, — стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика»[6].

В политической деятельности, в политических отношениях каждый класс руководствуется своими политическими взглядами, которые, как в фокусе, отражают его экономические интересы. *Политические взгляды,* собственно, и *есть* не что иное, как *осознание данным классом своих классовых интересов, а также условий и методов их осуществления.*

Однако не всякий класс и не во все периоды своего развития открыто провозглашает свои политические взгляды. Нередко господствующие классы стремятся придать этим взглядам такую форму, чтобы они по видимости выражали не классовый, а всеобщий характер. Поэтому политические взгляды нередко скрыты за различного рода *политическими учениями.*

Для того чтобы определить, каковы же истинные политические взгляды, например, современной буржуазии, нужно учитывать по крайней мере два обстоятельства: ее экономическое положение и ту политическую деятельность, которуя она осуществляет. В этих взглядах, несомненно, должно правильно отражаться соотношение классовых сил внутри страны, а также положение (экономическое, военное и т. п.) в других странах.

В полном соответствии с экономическим положением данного класса его политические взгляды могут представлять собой обоснование и защиту существующего строя, либо пожелания об «улучшениях» в этом строе, либо обоснование необходимости его уничтожения и создания нового строя и т. д. Однако все эти пожелания изо-

---

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 174.

бражаются идеологами эксплуататорских классов не как выражение классовых интересов, а как выражение общей необходимости времени.

Каковы экономические интересы буржуазии? Установить порядки, при которых можно было бы постоянно получать максимальную прибыль от своих предприятий. И так как существующий в настоящее время строй и представляет такого рода порядки, то буржуазия стремится его увековечить и навязать в качестве обязательного и неизбежного строя для всех угнетенных классов. «Защитники буржуазного строя, — записано в Программе КПСС, — именуют его **«государством всеобщего благоденствия»**. Они сеют иллюзии, будто капиталистическое государство противостоит монополиям и может добиться социальной гармонии и всеобщего благоденствия. Однако народные массы на своем собственном опыте убеждаются, что буржуазное государство — послушное орудие монополий, а воспеваемое «благоденствие» — это благоденствие для магнатов финансового капитала и муки, страдания для сотен миллионов людей» [7].

Политические взгляды буржуазии маскируются в самых различных политических учениях. Здесь и геополитика, и социальный дарвинизм, и расизм, и прагматизм и т. д. Любая теория, если она маскирует подлинные интересы буржуазии и изображает политику буружазного государства как выражение общей закономерности или общих интересов, оказывается пригодной для буржуазии. При большом внешнем разнообразии политические учения буржуазии едины по своему социальному назначению.

В отличие от буржуазии у рабочего класса нет различия между его политическими взглядами и политическим учением. Он руководствуется одним подлинно научным учением — научным коммунизмом. Последний и есть не что иное, как научное выражение его политических взглядов.

Для разработки и проведения в жизнь политических идей существуют идеологи, политики, создаются политические организации, призванные вовлекать в политическую деятельность класс, массы.

Политические организации представляют собой систему объединения людей, руководствующихся определенной политической идеологией. Высшая политическая организация класса — *партия*. Буржуазия обычно имеет много партий, действующих разными методами и формами и защищающах ее интересы. Ее стремление к беспартийности есть не что иное, как стремление распространить свое влияние на все общественные группы, слои. Рабочий класс создает свою партию, выражающую его интересы.

Итак, политическая деятельность есть деятельность класса, направленная либо на осуществление своего господства, либо на свержение господствующего класса. В качестве элементов она включает

[7] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 358.

в себя: политических деятелей и партий, политические взгляды и учения, политические учреждения, политические отношения, а также основные и неосновные, постоянные и временные орудия политики.

Так как политика берет из экономики не второстепенное, а главное, наиболее существенное, то она по отношению к экономической деятельности играет первенствующую роль. «Политика, — писал Ленин, — не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма» [8]. Эта первенствующая роль политики выражается в огромном влиянии на экономику. Посредством революции, посредством политических средств и методов решаются важнейшие экономические задачи.

Политика оказывает влияние не только на экономические отношения, но и на другие явления общественной жизни. В частности, орудиями политики в классовом обществе являются не только политические организации и учреждения, но также и право. В общественной жизни нет таких явлений, которые при наличии соответствующих условий не могли бы быть использованы в качестве орудий политики.

3. ПРАВО КАК ОРУДИЕ ПОЛИТИКИ

Правовые взгляды и отношения класса конкретизируют и формируют те из его политических требований, которые он стремится провести, по словам Маркса, «в общей форме, то есть в форме, имеющей принудительную силу для всего общества» [9]. Право есть одна из форм подчинения общества господствующему классу или же личности — обществу. Право необходимо и для управления и для господства.

Специфика правового сознания, его отличие от других форм общественного сознания заключается в том, что оно выражается в определенных представлениях о должном, необходимом, обязательном, законном. Правовые взгляды касаются вопроса о способах и формах организации общественных отношений и политической власти. Так, социалистические правовые взгляды выражают представление рабочего класса, всех трудящихся о характере, сущности и принципах права, убеждение в необходимости претворения в жизнь всех правовых предписаний Советского государства.

Специфика правовых взглядов заключается еще и в том, что они принимают форму обязательных предписаний или норм. Нормы права — это допустимость определенных действий, возможность действовать определенным образом. Право представляет собой совокупность установленных государством и зафиксированных в законах норм и правил поведения, выражающих волю господствующего класса. В свою очередь воля господствующего класса определяется условиями его материальной жизни. В нормах права выражен тот

---

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 278.
[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 283.

порядок общественных отношений, который отвечает интересам и воле господствующего класса.

Нормы права, записанные в конституции и конкретизованные в гражданском праве, трудовом праве и других кодексах, возлагают на государственные организации, должностных лиц, отдельных граждан обязанности, т. е. необходимость определенного поведения.

В то же время юридические нормы предоставляют отдельным гражданам или организациям права, т. е. возможность действовать определенным образом. Права организаций и индивидов гарантируются государством от нарушения со стороны других индивидов или организаций.

Отношения между конкретными носителями прав и лицами, несущими соответствующие правам обязанности, составляют *правовые отношения*. Последние обычно определяются юристами как связь граждан или организаций встречными правами и обязанностями. Например, в социалистическом обществе рабочий и администрация завода находятся в определенных правовых отношениях. Если рабочий отработал 11 месяцев, то ему по закону администрация обязана предоставить оплаченный отпуск, а он имеет право требовать предоставления отпуска; если администрация не удовлетворяет его права, то он может обжаловать в конфликтую комиссию, обратиться в суд и т. д. На страже правовых отношений стоит государство.

Правовые отношения представляют один из видов идеологических отношений. Как и политические отношения, они являются средством управления и господства.

Как же возникло право? Право, как и политика, явление историческое. «На известной, весьма ранней ступени развития общества, — писал Энгельс, — возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена. Это правило, вначале выражающееся в обычае, становится затем *законом*. Вместе с законом необходимо возникают и органы, которым поручается его соблюдение, — публичная власть, государство» [10].

Право существует и в первобытном обществе, но оно подчинено функции управления обществом и выражает волю всего первобытного коллектива. В этом смысле слово «право» неоднократно применялось Энгельсом при характеристике первобытнообщинного строя. Так, Энгельс говорит о материнском праве. «Сахемом, — пишет Энгельс, — никогда не избирался сын предыдущего сахема, так как у ирокезов господствовало материнское право, и сын, следовательно, принадлежал к другому роду, но часто избирался брат предыдущего сахема или сын его сестры» [11]. Характеризуя основания греческого рода, Энгельс отдельными пунктами отмечает: «Право

---

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 272.
[11] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 87—88.

взаимного наследования», «Взаимная обязанность оказывать друг другу в случае насилия помощь, защиту и поддержку»; «Вазимное право и обязанность в известных случаях вступать в брак внутри рода, особенно когда дело касалось девушек-сирот или наследниц»[12].

Некоторые авторы считают, что в первобытном обществе право не существовало. Там была только мораль. Вряд ли те отношения, которые Энгельс называл словом «право», можно свести к морали. Хорошо или плохо то, что наследование ведется по материнской линии? Какой ответ можно дать на такой вопрос? Никакого. Обычай наследования собственности представляет собой не моральную, а правовую норму. И если она нарушалась, то в этом случае далеко не ограничивались моральным осуждением, а принимали меры правового порядка. На страже первобытнообщинного права стоял авторитет родового самоуправления.

Обычно говорят, что право имеет место лишь там, где есть писаные юридические законы. Но вряд ли с этим можно согласиться. Для правовой нормы не обязательно быть записанной в каком-либо кодексе, но обязательно быть общеизвестной, чтобы ею могли руководствоваться сознательно. Сила же обычаев в том и состоит, что они общеизвестны и общепризнаны.

Считается, что право в первобытном обществе не существовало еще и потому, что интересы всех членов общества были одинаковы и, значит, некому было нарушать волю коллектива. В таком представлении первобытный коллектив, несомненно, приукрашивается. Так как первобытное общество непосредственно выходило из животного мира, то и несло в себе его остатки в виде необузданного зоологического индивидуализма и пр. Эти пережитки приносили много вреда коллективу. Сомнительно и то, что нарушение воли коллектива было настолько незначительным, что для его пресечения было достаточно общественного мнения. Всякого рода внутренние конфликты, способные привести к распаду коллектива, к его гибели, должны были подавляться общей волей. Наказывались они очень строго и не одним только моральным осуждением, но нередко и применением физической силы к нарушителю; его убивали или изгоняли из рода. А физические наказания никак не вкладываются в рамки морали. Это уже проявление права.

На наш взгляд, более правильным является предположение, что право существовало и в первобытнообщинном строе, правда, не в обычном понимании этого слова, т. е. как воля господствующего класса. Оно было выражением воли всего коллектива и направлено на такое управление этим обществом, при котором укреплялись и улучшались существующие экономические отношения.

С появлением классов и государства происходит коренное изменение в содержании права. Оно становится орудием политики господствующего класса. Оно осуществляется теперь уже не всем коллективом, а господствующим классом посредством государственных

---

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 101.

учреждений. Право становится особой формой идеологических отношений.

Хотя в правовых нормах господствующие класы выражали свою волю, дело изображалось таким образом, будто правовые нормы есть выражение всеобщего интереса. Это было необходимым, так как правовые нормы были обязательны для всего общества, а не только для господствующего класса. Всю решающую роль в осуществлении права играло не сознание, а сила, государственное принуждение. Сила применялась тем чаще, чем резче правовые нормы расходились со взглядами угнетенных классов. «Рабочий, — писал Энгельс, — слишком хорошо знает, он слишком часто испытал на опыте, что закон для него — кнут, сплетенный буржуазией, и потому он прибегает к закону только в том случае, когда его к этому вынуждают... Рабочие не почитают закона, а лишь подчиняются ему, когда они не в силах изменить его...» [13].

В рабовладельческом обществе право открыто защищало привилегии рабовладельцев и угнетение рабов. В феодальном обществе оно было правом феодалов и отношения между людьми регулировались таким образом, чтобы укрепить положение феодалов, облегчить им угнетение, порабощение крестьян. «В рабовладельческом обществе — полное бесправие раба, он не признавался за человека; в крепостническом — привязанность крестьянина к земле. Основной признак крепостного права тот, что крестьянство (а тогда крестьяне представляли большинство, городское население было крайне слабо развито) считалось прикрепленным к земле, — отсюда произошло и само понятие — крепостное право. Крестьянин мог работать определенное число дней на себя на том участке, который давал ему помещик; другую часть дней крепостной крестьянин работал на барина. Сущность классового общества оставалась: общество держалось на классовой эксплуатации. Полноправными могли быть только помещики, крестьяне считались бесправными. Их положение на практике очень слабо отличалось от положения рабов в рабовладельческом государстве» [14].

Право в буржуазном обществе является буржуазным правом. Правовые теории буржуазии представляют собой попытку так или иначе оправдать и обосновать для всех классов незыблемость буржуазного государства и буржуазного права. Буржуазные идеологи постоянно твердят о надклассовом характере, якобы присущем государству и праву. Однако эта центральная идея буржуазных теорий государства и права представляет не что иное, как маскировку истинных отношений буржуазного общества. Равное право всех граждан есть равное право всех имущих граждан и направлено против неимущих.

Сущность правовых норм и учреждений буржуазного общества целиком и полностью определяется интересами буржуазии как гос-

---

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 451.
[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 75—76.

подствующего эксплуататорского класса. Капиталистическое право всецело стоит на страже капиталистической собственности и направлено против рабочего класса. Об этом ярко свидетельствуют те законодательства, которые принимались и принимаются буржуазными государствами. Так, в США в августе 1954 г., при явном нарушении парламентской процедуры, конгресс принял, а президент утвердил антикоммунистический и антипрофсоюзный закон. По этому закону каждый член Коммунистической партии подлежит тюремному заключению на основе профашистского закона Маккарена «О внутренней безопасности» от 1950 г., а любой профсоюз, если власти признают, что в него «проникли коммунисты», лишается права на ведение переговоров, права заключать коллективные договоры и других прав, завоеванных американским рабочим классом в долгой и упорной борьбе.

Право содействует классовому господству и управлению обществом разными путями. Прежде всего оно выполняет эти функции благодаря доведению предписаний правовых норм до сведения должностных лиц и граждан. В социалистическом обществе, в частности, большое значение придается своевременной публикации нормативных актов, пропаганде права среди населения и т. д. Большое значение отводится идеологическому обоснованию изданных мер, убеждению. И, наконец, угроза применения юридических санкций к нарушителям правовых норм.

4. ВОЙНА И БОРЬБА ЗА МИР КАК ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

История войн нераздельно связана с историей политики. И там, где впервые появляется политика, появляются и войны как форма политической деятельности. Но так же как политике предшествует родовое самоуправление, так и войнам предшествуют вооруженные столкновения в первобытном обществе. Эти столкновения могли возникать на почве нехватки продуктов питания, т. е. представлять захват новой территории для собирательства, охоты, рыболовства, а также с целью расширения пастбищ для скота. Существовала и кровная месть, которая при известных условиях могла приводить к вооруженным столкновениям. Последние могли вызываться и еще сохранившимися у наших предков довольно сильными животными инстинктами. Естественный отбор как сильнодействующий фактор с появлением первобытного коллектива не исчезает. Причиной столкновений было и слабое развитие производительных сил, вызывающее частые голодания.

С развитием производительных сил эти столкновения, казалось бы, должны были прекратиться. Однако, как только сформировалась частная собственность и произошло деление общества на классы, вооруженные столкновения приобрели новую основу и превратились в закономерное явление. Для эксплуататорских классов война стала постоянным промыслом, средством быстрого обога-

щения. Для угнетенных классов она оказалась единственным средством для освобождения от угнетения со стороны господствующих классов. Война, таким образом, превратилась в форму политической деятельности, связанной с наличием государственной власти.

«Война, — писал Ленин, — есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия» [15]. Этими «иными средствами» или этой «формой действия» является вооруженное насилие. Война есть вооруженное насилие. Но не всякое вооруженное насилие есть война. Война есть вооруженное насилие, направленное на осуществление определенной политики.

Мысль о том, что война есть продолжение политики насильственными средствами, была высказана немецким военным теоретиком К. Клаузевицом, на которого, в частности, и ссылается Ленин. Однако Клаузевиц связывал войну лишь с внешней политикой, неправильно противопоставляя ее внутренней политике. В то же время он неправильно понимал и политику в целом, оценивая ее как выражение интересов всех классов, всего общества в целом.

Война есть в то же время нечто большее, чем простое продолжение политики, она есть «суммирование политики, обучение политике...» [16]. В войне политика, которая долгое время велась государством до этого, находит открытое, цельное выражение.

Война есть одна из форм политики, подчинена ей и в то же время, когда война осуществляется, ей подчиняется вся внутренняя и внешняя политика. Она подчиняет себе все виды общественной деятельности. И тогда обнаруживается, что война — это не только вооруженное насилие. Она включает в себя и дипломатическую войну и идеологическую войну. А самое главное — война оказывается и экономической войной. Последние мировые войны обнаружили тот факт, что невозможно вести современную войну, опираясь лишь на запасы оружия и боеприпасов, созданные в мирное время, и на текущее производство исключительно военной промышленности. Война подчиняет себе всю промышленность, и побеждает та сторона, которая оказывается способной в ходе войны обеспечивать свою армию бо́льшим количеством оружия и лучшего качества. Развитие научно-технической мысли подчинено созданию новых образцов оружия.

Различие в экономике определяет различия в политике, а различная по своему содержанию политика определяла и различные войны. Раскрытие неразрывной связи войны и политики дает возможность установления научной классификации типов войн и

---

[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 79.
[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 406.

определения их характера. Учитывая классовое политическое содержание войн, Маркс и Энгельс подразделяли их на оборонительные и завоевательные, т. е. захватнические войны. Эти мысли получили свое дальнейшее развитие в трудах Ленина. Изучение политики, которая осуществляется в войне, позволяет сделать вывод, что войны бывают двух родов:

а) войны освободительные, незахватнические, которые имеют целью либо защитить народ от внешнего нападения и попыток его порабощения, либо освободить народ от рабства капитализма, либо, наконец, освободить колонии и зависимые страны от гнета империалистов;

б) войны захватнические, империалистические, которые имеют целью захват и порабощение народов чужих стран.

Рабовладельческое, феодальное, капиталистическое общество характеризуется многочисленными войнами — как захватническими, так и освободительными.

Между освободительными и захватническими войнами нет непроходимой грани. При известных условиях освободительная война может превращаться в империалистическую и наоборот [17].

Война как форма политической деятельности находится в непосредственной зависимости не только от характера экономических отношений, но и от развития науки и техники, от развития производства. «Ничто так не зависит от экономических условий, — писал Энгельс, — как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения. Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается тем, что они приспособляют способ ведения боя к новому оружию и к новым бойцам» [18].

Зависимость ведения войны от техники ярко видна и в наше время. Ядерное оружие уже вступило в противоречие с политической природой войны. Применение ядерного оружия уже не может быть средством достижения политических целей. Отсюда необходимость борьбы за всеобщее разоружение, за решение международных вопросов без применения военной силы.

Зачинщиком и организатором войн в наше время является империализм. «Милитаризм, — говорил Л. И. Брежнев, — всегда был неотъемлемой чертой империализма. Но сегодня он достиг поистине небывалых масштабов. Империализм — виновник того, что труд многих миллионов людей, блестящие достижения человеческого разума, таланта ученых, исследователей, инженеров направляются не на пользу человечеству, служат не делу прогресса и преобразования жизни на земле, а используются в варварских, реакционных целях,

---

[17] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 5.

[18] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 171.

для нужд войны — этого величайшего бедствия для народов. Это, товарищи, не громкие слова, а самые реальные факты. Достаточно сказать, что военные расходы США в течение последних пяти лет составили почти 350 миллиардов долларов, то есть на 20 процентов больше, чем за все годы второй мировой войны. Но сейчас империалистические правительства составляют новые планы наращивания вооружений, рассчитанные на целые десятилетия вперед. Их осуществление ляжет новым тяжелым бременем на плечи трудящихся, увеличит опасность возникновения новой мировой войны»[19].

Борьба за мир, мирное сосуществование есть одна из форм активной политической деятельности. Эта борьба против империализма, борьба наиболее эффективная в данных конкретных условиях. Идея мирного сосуществования органически вытекает из ленинской теории социалистической революции. Пролетариат не может победить одновременно во всех капиталистических странах, а побеждает вначале в одной или в нескольких отдельных странах. Отсюда неизбежность периода сосуществования стран, в которых победила социалистическая революция, и стран, в которых пока сохраняется капитализм. Под мирным сосуществованием понимается отказ от войны как средства решения международных проблем. Переговоры на основе равноправия и взаимопонимания — вот средства решения этих проблем.

Мирное сосуществование означает в то же время соревнование двух систем, направленное на победу социалистической системы, на создание благоприятных условий для борьбы рабочего класса капиталистических стран против буржуазии, для борьбы колониальных и зависимых стран за свое освобождение.

Борьба за мир является средством сплочения большинства населения капиталистических стран вокруг рабочего класса и его партии, создание народного фронта, что является одним из условий для взятия власти.

Борьба за мирное сосуществование означает установление нормальных отношений между странами, развитие торговли, налаживание культурных связей, обмен научными и техническими открытиями. Но в то же время мирное сосуществование означает непримиримость в области идеологии, острую идеологическую борьбу. Никакого мирного сосуществования в области идеологии быть не может.

Борьба за мир как необходимый момент политики мирного сосуществования проявляется в борьбе за всеобщее разоружение. Чем сильнее становится социалистическая система, чем крепче все антиимпериалистические силы, тем больше гарантии, что такое разоружение будет достигнуто.

«Мы полагаем, — говорил Л. И. Брежнев, — что было бы огромной ошибкой допустить недооценку военной опасности, создаваемой

[19] Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., Политиздат, 1969, стр. 47—48.

империализмом, и прежде всего главной силой мировой реакции — империализмом США. Нужно, чтобы миллионы людей поняли, что несут человечеству империалистическая политика развязывания войн, существование агрессивных блоков, курс на ревизию сложившихся государственных границ, подрывная деятельность против стран социализма и прогрессивных режимов в молодых национальных государствах. Наша задача — добиваться, чтобы народы не только поняли всю опасность этой политики империалистов, но и умножили свои усилия в борьбе за то, чтобы сорвать агрессивные замыслы империализма»[20].

5. УПРАВЛЕНИЕ И ВЛАСТЬ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ

Особенности управления в коммунистической формации вытекают прежде всего из особенностей ее возникновения. Она не возникает стихийно, а создается сознательно и планомерно. Из этого вытекает, что руководство в коммунистической формации должно носить только научный характер[21]. Теоретической основой управления в коммунистической формации являются политические взгляды Коммунистической партии — научный коммунизм.

Политические идеи, которыми руководствуется Коммунистическая партия в процессе построения социализма и коммунизма, подразделяются на программные, стратегические и тактические.

Программа определяет цель пролетарского движения. Она исходит из данных научной теории, которая дает знание объективных процессов, объективных закономерностей и тенденций развития. Эти объективные тенденции развития получают в программе свое целевое выражение: они формулируются в виде определенных задач построения бесклассового общества. Так, существующая Программа КПСС четко формулирует основные задачи, направленные на достижение программной цели. Эти задачи представляют как бы стратегические идеи: создание материально-технической базы коммунизма, изменение общественных отношений, формирование нового человека. Тактические задачи подчинены стратегическим и представляют формы их осуществления в конкретных исторических условиях, например, осуществление мелиорации и т. п.

Решающим орудием по управлению строительством социализма и коммунизма является диктатура пролетариата. Ее важнейшей функцией является (и чем дальше, тем в большей степени) хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная функция.

---

[20] Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, стр. 48.

[21] За последнее время проблема управления стала довольно широко освещаться в литературе. См.: «О научных основах управления социалистическим обществом». Изд-во МГУ, 1969; П. М. Керженцев. Принципы организации. М., «Экономика», 1968; Б. Гурней. Введение в науку управления. М., «Прогресс», 1969. «Научное управление обществом», вып. 1, 2, 3. М., «Мысль», 1967—1969 и др.

Политическая деятельность трудящихся в классовом антагонистическом обществе прошла значительный путь в своем развитии. Было время, когда политической деятельностью занимались только эксплуататорские классы, и лишь в периоды революций — трудящиеся, нарушая сложившиеся порядки, выступают активной политической силой, способной решать политические задачи. В наше время в капиталистических странах трудящиеся выступают также активной политической силой. «Международное революционное движение, — записано в Программе КПСС, — накопило огромный опыт борьбы против империализма и его пособников в рядах рабочего класса. Оно стало идеологически более зрелым, обладает большей организованной мощью и боевым наступательным духом. Возрастает роль профсоюзного движения, объединяющего огромные массы трудящихся»[22]. Нарушается исконная традиция, защищаемая эксплуататорами, что рабочие трудятся, а управляют, делают политику господствующие классы. «Политика в представлении буржуазного миросозерцания, — писал Ленин, — была как бы оторвана от экономики. Буржуазия говорила: работайте, крестьяне, чтобы получить возможность существования, работайте, рабочие, чтобы получить на рынке все необходимое, чтобы жить, а политику хозяйственную ведут ваши хозяева. А между тем это не так, политика должна быть делом народа, делом пролетариата»[23].

Только в условиях социалистического общества произошло полное объединение производственной и политической деятельности, политики и управления производством. Трудящиеся социалистических стран являются не только производителями материальных благ, но и политическими деятелями. Они сами управляют общественным производством и всем общественным развитием.

Ни одна государственная власть в классовых антагонистических формациях не может играть роль главного рычага в развитии экономики. Лишь социалистическое государство оказывает глубоко революционизирующее влияние на экономическое развитие, являясь рычагом для перестройки старой экономики и организации новой, социалистической и коммунистической.

Государство не будет существовать вечно. «Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, — писали Маркс и Энгельс, — тогда публичная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противо-

[22] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 345.
[23] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 406.

положности, уничтожит классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса»[24].

Условия отмирания государственной власти и замены ее общественным самоуправлением подразделяются на внешние и внутренние. К внутренним условиям относятся установление единой общенародной собственности и полное стирание классовых различий. К внешним условиям относится окончательное разрешение противоречий между капитализмом и коммунизмом на международной арене в пользу коммунизма.

Превращение государства в общественное самоуправление означает по крайней мере два момента: а) изменение и сокращение функций государства; б) передача функций государства общественным организациям.

Что касается первого пункта, то известно, как постепенно менялись функции социалистического государства. С уничтожением эксплуататорских классов отмерла функция классового господства, и государство диктатуры пролетариата стало постепенно преобразовываться в общенародное государство. В общенародном государстве сохраняется функция охраны социалистической собственности и контроль за осуществлением принципа социализма. Особое развитие получила хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная функция. Последняя является такой функцией, которая сохранится и в коммунистическом обществе.

Второй пункт также становится ясным при внимательном анализе современности. Уже теперь можно видеть зачатки того, как функции, осуществляемые государственными органами, постепенно переходят в ведение общественных организаций. К ним относятся некоторые виды культурного обслуживания населения, организация здравоохранения и курортного обслуживания, обеспечение общественного порядка и правил социалистического общежития.

Таковы вкратце перспективы развития управления в коммунистической общественной формации. Эти перспективы сформулированы в Программе КПСС следующим образом. «Развитие социалистической государственности постепенно приведет к преобразованию ее в общественное **коммунистическое самоуправление**, в котором объединятся Советы, профессиональные, кооперативные и другие массовые организации трудящихся. Этот процесс **будет** означать дальнейшее развитие демократии, обеспечивающей активное участие всех членов общества в управлении общественными делами. Общественные функции, аналогичные нынешним государственным функциям управления хозяйством и культурой, сохранятся и при коммунизме, видоизменяясь и совершенствуясь в соответствии с развитием общества. Но характер и способы их осуществления будут иными, чем при социализме. Органы планирования и учета, руководства хозяйством и развитием культуры, являющиеся сейчас государствен-

---

[24] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 447.

ными, утратят политический характер и станут органами общественного самоуправления» [25].

Нельзя себе представить управление обществом при социализме без социалистического права. Советское социалистическое право представляет собой совокупность норм, возводящих в закон волю трудящихся, рабочих и крестьян. Правовые взгляды социалистического общества научно обоснованы в марксистско-ленинской теории классовой борьбы, в учении о сущности государства и права, о пролетарской революции и диктатуре пролетариата.

Советское социалистическое право коренным образом отличается от всех предшествующих ему типов права. Оно является не просто иным, а более высоким типом права.

Если право эксплуататорского общества возникает на основе частной собственности и отражает различные формы господства и подчинения, то социалистическое право возникает на основе общественной собственности и отражает отношения сотрудничества и взаимопомощи свободных от эксплуатации людей, закрепляет эти отношения, содействует их развитию.

Если право в эксплуататорских государствах выражает организованную волю меньшинства населения, т. е. эксплуататоров, и направлено на подчинение огромного большинства населения, трудящихся, эксплуатируемых, то социалистическое право есть организованная воля большинства трудящихся, а после ликвидации эксплуататорских классов и всего социалистического народа и направлено против мира эксплуатации и его пережитков, против нарушителей общественного интереса. Социалистическое право уже не является правом в обычном смысле этого слова.

Если сущность капиталистического, феодального, рабовладельческого права всячески маскировалась, и эти виды права изображались как общечеловеческие, то классовая сущность социалистического права провозглашается открыто. Социалистическое право в то же время основывается на сознательном учете объективных закономерностей общественного развития.

Советское социалистическое право представляет собой совокупность норм, установленных или санкционированных государством, регулирующих отношения между людьми с таким расчетом, чтобы укрепить социалистический экономический и политический строй и обеспечить успешное построение бесклассового коммунистического общества. Осуществление советского социалистического права обеспечивается убеждением и сознательностью большинства трудящихся, а в отношении нарушителей — принудительной силой органов государственной власти.

Одним из условий повышения уровня действенности правового сознания является пропаганда советского права, широкое ознакомление населения с законами Советского государства, разъяснение широким слоям трудящихся масс смысла и направленности важнейших советских правовых актов среди трудящихся масс.

[25] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 402—403.

В начальный период развития социалистического строя советское социалистическое право закрепляло завоевания революции, обеспечивало экспроприацию экспроприаторов и их военное подавление в гражданской войне, укрепление обороны страны. Первые законы Советской власти о земле, о рабочем контроле, о национализации предприятий, о создании различных органов и т. д. издавались в виде декретов, выражающих в ясной и общедоступной форме политику рабочего класса. Советское законодательство возникает вместе с возникновением Советского государства и укрепляется вместе с ним.

Введение нэпа сказалось и на законодательстве. Революционная законность первого периода нэпа направлена главным образом на ограничение частного капитала. В то же время она была направлена и против крайностей военного коммунизма, против «незаконных» конфискаций и поборов. Она гарантировала частному хозяину-единоличнику, капиталисту сохранность их имущества при условии соблюдения ими советских законов.

В период восстановления народного хозяйства законодательство обеспечивало укрепление и развитие социалистического сектора и вытесняло капиталистические элементы. В дальнейшем социалистическое право явилось одним из средств наступления на капиталистические элементы. Издается ряд чрезвычайных законов, направленных против кулачества, благодаря которым усиленно вытесняются капиталистические элементы, а это в свою очередь облегчило осуществление социалистического переворота в деревне, т. е. коллективизации. В целом советское социалистическое право в первой фазе развития Советского государства было направлено на подавление эксплуататорских классов внутри страны, на оборону страны. Во всех этих сферах право является важнейшим орудием политики социалистического государства, важнейшим рычагом по управлению социалистическим обществом.

Во второй фазе развития Советского социалистического государства, т. е. после уничтожения эксплуататорских классов и победы социалистической системы хозяйства, основной задачей советского права становится охрана социалистической собственности. Огромную роль право играет также и в осуществлении хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функции. Вообще при социализме право необходимо «в качестве регулятора (определителя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества» [26].

Социалистический экономический строй приобретает юридическое выражение в правовых отношениях:

1) закрепляющих государственную социалистическую собственность на основные средства производства и распределение этих средств в пользование и оперативное управление между различными социалистическими организациями (государственное, административное, гражданское и земельное право);

[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 94.

2) закрепляющих организацию коллективов рабочих и служащих государственных социалистических предприятий (трудовые правоотношения);

3) закрепляющих социалистическую кооперацию средств производства и труда крестьян в сельскохозяйственных артелях (колхозное право);

4) возникающих из актов государственного планирования;

5) оформляющих хозяйственные связи между социалистическими организациями (гражданскоправовые отношения, возникающие из договоров поставки, подряды и т. п.);

6) возникающих из интересов удовлетворения личных материальных и культурно-бытовых потребностей граждан;

7) устанавливаемых с целью защиты социалистической собственности и социалистической системы хозяйства, безопасности и личной собственности граждан.

Право закрепляет и политические отношения социалистического общества. Ведущей отраслью социалистического права является государственное право, регулирующее распределение прав и обязанностей граждан СССР.

По распределению прав и обязанностей социалистическое право коренным образом отличается от всех предшествующих видов права.

В рабовладельческом обществе рабы не имели никаких прав, а только обязанности. Все права находились на стороне рабовладельцев. Такое же примерно положение характерно и для феодального строя.

Буржуазное законодательство формально провозглашает равные права для всех членов буржуазного общества, но совершенно обходит вопрос о равенстве обязанностей. Указывая на формальный характер буржуазного права, Энгельс писал, что равные права должны быть дополнены равными обязанностями, что отняло бы у прав их специфически буржуазный смысл.

Капиталистическое общество устроено таким образом, что на рабочий класс и трудящихся фактически налагаются все основные обязанности, а правами, провозглашенными в конституции, фактически могут пользоваться только капиталисты, так как они обладают средствами, позволяющими осуществлять права и уклоняться от исполнения обязанностей. По советской социалистической конституции трудящимся предоставлены все средства и гарантии для осуществления их прав.

На всех граждан СССР возлагаются в конституционном порядке равные обязанности: обязанность трудиться по способностям, соблюдать социалистическую дисциплину труда, защищать свое социалистическое отечество, беречь социалистическую собственность, честно относиться к своему общественному долгу и соблюдать правила социалистического общежития.

Советская конституция не просто юридически провозглашает, но и экономически гарантирует осуществление таких жизненно необхо-

димых прав для всех граждан, как право на труд, право на отдых, право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери работоспособности, право личной собственности и право ее наследования, право на образование, свободу слова, печати, неприкосновенности личности, право избирать и быть избранным как в органы государственной власти, так и в другие органы.

Центральное место в социалистическом праве занимает закрепление и развитие трудовых социалистических отношений, контроль за мерой труда и потребления. Распределение продуктов совершается по количеству и качеству труда.

Никаких сословных или частнособственнических привилегий и преимуществ в деле распределения материальных благ социалистическое право не признает. Только личный труд дает право на получение части общественного дохода, соответствующего величине труда. Советское государство закрепляет и развивает именно это действительно равное право, устанавливая и регулируя нормы выработки, продолжительность рабочего дня, и неукоснительно требует от всех предприятий и учреждений оплаты труда рабочих и служащих соответственно количеству и качеству труда, вложенного каждым.

Но люди различны, различны их специальности, способности, семейное положение и т. д. В первой фазе коммунизма, отмечал Маркс в «Критике Готской программы», имея в виду принцип распределения по труду, сохраняется неравенство, представляющее как бы остатки «буржуазного права».

Важнейшей особенностью социалистического права, в отличие от права буржуазного, является сочетание в нем общественных и личных интересов. Эта особенность ярко проявляется в социалистическом принципе распределения по труду, в устройстве колхозов, в распределении прав и обязанностей и т. д.

Если буржуазное право, несмотря на его демократическую видимость, является в своей основе индивидуалистическим, то советское социалистическое право основано на принципах коллективизма, подчиняет личное общественному и не в ущерб личному, а при гармоническом сочетании личного и общественного. Закрепляя и охраняя рост и развитие социалистической собственности, право способствует росту благосостояния каждого члена социалистического общества, росту его благополучия.

Важной чертой социалистического права является его интернациональный характер. Советская конституция и все советское законодательство предоставляет равные права всем нациям и расам на свободное самостоятельное хозяйственное, политическое и культурное развитие. Какие-либо привилегии той или иной нации не могут иметь места в социалистическом законодательстве. Более того, проповедь расовой или национальной исключительности преследуется законом во всех республиках Советского Союза.

Характерной чертой социалистического права является и то, что оно не противоречит нормам коммунистической морали, а совпадает

с ними. В буржуазном обществе, наоборот, нормы буржуазного права поддерживаются принудительной силой государства и в ряде случаев противоречат нравственому сознанию народных масс. Социалистическое право играет огромную воспитательную роль.

Характерной чертой социалистического права является и его глубоко демократический характер. «Правосудие в СССР осуществляется в полном соответствии с законом. Оно строится на подлинно демократических основах: выборности и отчетности судей и народных заседателей, праве их досрочного отзыва, гласности рассмотрения судебных дел, участия в судах общественных обвинителей и защитников при строжайшем соблюдении судом, органами следствия и дознания законности, всех процессуальных норм. Демократические основы правосудия будут развиваться и совершенствоваться»[27].

Большую роль в повышении социалистического правосознания масс сыграло преодоление последствий культа личности, в частности, исправление допущенных серьезных нарушений советской законности. Правосознание служит делу укрепления законности, а законность, ее укрепление, в свою очередь повышает правосознание масс.

Вопрос об отмирании права решается аналогично вопросу об отмирании государства. Между тем этот вопрос в статьях и работах юристов и философов зачастую упрощается. Высказывается взгляд, что право вообще исчезнет; достаточно будет одной морали. В действительности же проблема отмирания права — это проблема его коренного изменения.

Отмирание права может осуществляться только через его укрепление. Так именно ставится вопрос в Программе КПСС.

«Большое значение приобретает дальнейшее **укрепление социалистического правопорядка,** совершенствование правовых норм, регулирующих хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную работу, содействующих решению задач коммунистического строительства и всестороннему расцвету личности.

Переход к коммунизму означает всемерное развитие свободы личности и прав советских граждан. Социализм предоставил и гарантировал трудящимся самые широкие права и свободы. Коммунизм несет трудящимся новые великие права и возможности»[28].

Отмирание права означает прежде всего то, что оно перестанет быть орудием политики, потеряет свою политическую функцию. Правда, оно останется как один из рычагов управления общественным развитием.

Но не только политическая, но и другие функции права сократятся или изменятся. Например, при коммунизме отпадет необходимость правового регулирования распределения продуктов и труда между членами общества. Кроме того, при коммунизме сократится до минимума количество правонарушений, преступлений.

---

[27] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 400.
[28] Там же.

Отмирание права означает далее то, что оставшиеся правовые функции будут осуществлять общественные организации, общественное самоуправление, и не нужны будут современные политические органы права.

«Рост материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся создает все условия для того, чтобы искоренить преступность, в конечном итоге заменить меры уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания. В условиях социализма каждый выбившийся из трудовой колеи человек может вернуться к полезной деятельности.

Вся система государственных и общественных организаций воспитывает трудящихся в духе добровольного, добросовестного исполнения своих обязанностей, ведет к органическому соединению прав с обязанностями в единые нормы коммунистического общежития» [29].

---

[29] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 400.

ОСНОВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ОБЩНОСТИ ЛЮДЕЙ

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТИПОВ И ФОРМ ОБЩНОСТЕЙ ЛЮДЕЙ

Осуществляя производство материальных благ и управление общественной жизнью, люди объединяются в более или менее устойчивые коллективы, получившие название исторических общностей людей. В этих общностях, как об этом говорит само название, обнаруживаются общие черты жизни людей, их материальной и духовной культуры, языка, психологических особенностей и т. д.

Историческую общность следует отличать от биологической общности, например, расы, принадлежность к которой характеризуется такими несущественными, с точки зрения общественного развития, признаками, как, например, цвет и форма волос, цвет лица, форма глаз и т. д. Кроме того, расовая группа может быть и не связана единым хозяйством. Историческая же общность людей — это обязательно хозяйственная общность.

Так как материальное производство является основой всей общественной жизни, то оно является также основой и для формирования людей в различные исторические общности. Историческая общность людей — это прежде всего экономическая общность, т. е. общность людей, осуществляющих материальное производство. Если нет совместной жизни и труда людей, то нет и их общности.

Связи в процессе производства ведут к связям территориальным. Без единой территории нельзя осуществить и единого производства. А без единого производства не может быть единства культуры, быта и т. д. Территория общности может непрерывно меняться (кочевые племена и народности), а может и сохраняться постоянно. Если определенная территория закрепляется за общностью постоянно, то она формируется как определенная страна.

Историческая общность, как уже было отмечено, немыслима и без общности языка, так как без него нельзя организовать единого хозяйства, невозможна общая жизнь и труд.

Язык является формой выражения мыслей и средством их передачи. Он возник в процессе труда, на основе хозяйственной общности людей. «...Развитие труда,—писал Энгельс,—по необходимо-

сти способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать* друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим»[1].

Как средство общения язык является одним и тем же для всего человеческого коллектива, т. е. рассматриваемых нами исторических общностей, иначе он эту свою функцию не смог бы выполнять. Как средство обмена мыслями язык дает людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу в области производства, экономических связей, политической деятельности культуры, в общественной и семейной жизни, в быту. Сфера действия языка безгранична. Язык регистрирует и закрепляет в словах и в объединениях слов, в предложениях, результаты работы мышления, успехи познания окружающего мира. Без языка немыслимо общество. Благодаря закреплению мыслей в речи и письме новые поколения получают возможность не начинать все сызнова, а использовать уже накопленный опыт.

Историческую общность людей предполагает также известную административную общность. Последняя может представлять либо родовое управление, либо политическую и правовую организацию в виде государственной власти, либо самоуправление народа коммунистического общества.

Однако все отмеченные признаки являются, безусловно, необходимыми лишь в процессе формирования общностей. Но затем сформировавшиеся общности продолжают оставаться ими, даже теряя отдельные из них. «... Даже такие неоспоримые признаки нации, — справедливо отмечает С. Т. Калтахчян, — как общность территории, экономической жизни, иногда оказываются нарушенными, хотя нация продолжает существовать»[2].

К признакам исторических общностей, видимо, нужно отнести и некоторые психологические черты людей, сформировавшиеся в условиях совместной жизни и труда и обнаруживающиеся не только в труде, но и в быту.

В связи с изменением производительных сил и производственных отношений изменяются и внутренние связи, характеризующие исторические общности людей, изменяются *типы и формы* этих общностей. Основными, известными истории, типами общности людей являются: родоплеменная общность, народность, нация.

Характерной чертой родоплеменной общности является то, что

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 489.

[2] С. Т. Калтахчян. О сущности нации как исторической общности людей. «Философские науки», 1964, № 5, стр. 32.

экономические связи и отношения выступают в оболочке родственных связей. Другими словами, экономическая жизнь первобытного общества была такова, что она на первый план выдвигала именно родственные связи [3].

Народность, формирующаяся в связи с появлением частной собственности и классов, представляет собой такого рода историческую общность, в которой экономические связи выступают как связи местные, как территориальные союзы.

Наконец, для нации как исторической общности, формирующейся в связи с развитием торговли и главным образом в связи с обобществлением производства на капиталистической основе, характерно то, что экономические связи выступают в их непосредственном виде и отодвигают все другие связи на задний план.

Ленин в полемике с Михайловским следующим образом характеризует смену исторических общностей на Руси. «Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то, несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особенные таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием таких областей, земель, княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок» [4].

Каждый из основных типов общности людей в зависимости от конкретных условий может обнаруживаться в разных формах. Так, формами родоплеменной общности являются матриархат и патриархат, различаются по форме народности рабовладельческого и феодального общества, различают нации капиталистические и социалистические и т. д.

2. ПЕРВОБЫТНОЕ СТАДО, РОДОПЛЕМЕННАЯ ОБЩНОСТЬ

Домарксовская социология начинала историю общества из характеристики семьи. Затем показывала, как из семей должен был образоваться род, из родов — племя, а из племен — общество. Пони-

[3] См. С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей. «Вопросы философии», 1964, № 11, стр. 45.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

маемая в современном смысле слова семья принималась за исходную единицу, возникшую чисто естественным путем. Подобный взгляд вытекал из общего убеждения, что люди произошли от животных. Поэтому исходной, естественно сложившейся общностью должна бы быть общность, наблюдаемая у высших животных, т. е. семья. Что же в этом убеждении правильно, а что ошибочно?

На заре человечества наши предки, конечно, не могли не обладать всеми чертами животных, так как формировались под действием закономерностей животного мира. Что же мы действительно наблюдаем у животных?

«У высших позвоночных животных известны, насколько мы знаем, — писал Энгельс, — лишь две формы семьи: многоженство и сожительство отдельными парами; в обоих случаях допускается лишь *один* взрослый самец, лишь *один* супруг. Ревность самца, одновременно скрепляющая и ограничивающая семью животных, приводит ее в противоречие со стадом; из-за этой ревности стадо, более высокая форма общения, в одних случаях прекращает свое существование, в других утрачивает сплоченность или распадается во время течки, а в лучшем случае задерживается в своем дальнейшем развитии» [5].

Из этого вытекает, что животная семья не могла быть исходной единицей человеческого общества. Последнее могло формироваться лишь разрушая эту животную семью, в противовес ей. Чтобы понять особенности образования первобытного стада из животных семей, часто вступающих во враждебные столкновения друг с другом, достаточно допустить, что появилась сила, способная подавлять зоологический индивидуализм самцов. Этой силой мог быть только голод и угроза уничтожения отдельных семей.

Вполне можно принять предположение, что несмотря на высокоразвитый мозг, человекообразные обезьяны — предки человека — в связи с геологическим изменением условий их жизни (на местах их обитания леса превращались в лесостепи) оказались бессильными перед природой. Единственным условием, спасшим их от голода и уничтожения хищными зверями, было объединение в большие стада и применение орудий труда. «... Для того, чтобы в процессе развития выйти из животного состояния, — писал Энгельс, — и осуществить величайший прогресс, какой только известен в природе, требовался еще один элемент: недостаток способности отдельной особи к самозащите надо было возместить объединенной силой и коллективными действиями стада» [6].

Первобытное стадо — вот исходное состояние человеческого общества. Его возникновение и укрепление означало в то же время разрушение животных семей. Усиливали этот процесс как утеря некоторых естественных преимуществ у предка человека, так и недоразвитие общественных условий их жизни. Объединение в

---

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 39.
[6] Там же, стр. 39—40.

коллектив умножало силы предков человека в борьбе с природой, содействовало упрочению и развитию труда.

Становление человеческого общества, несомненно, представляло собой крайне противоречивый процесс. Бессилие отдельных семей перед природой вынуждало их объединяться, половой же отбор и его продукт — зоологический индивидуализм, вел к распадению первобытного стада, представлявшего переходный период от животных популяций к человеческому обществу. Антропологи отмечают, что борьба человека с природой на этой первой ступени развития общества была крайне трудной. Очень низкий уровень производительности орудий труда и малонадежные способы добывания пищи сопровождались частым голоданием и большой смертностью. По приблизительным подсчетам французского антрополога А. Валуа, из 20 неандертальцев, черепа которых были найдены и изучены, 55% умерли в возрасте до 21 года, лишь один дожил до 41 года и ни один не дожил до 50 лет. Особенно велика была смертность среди женщин. Все четверо неандертальцев, дожившие до 31 года, были мужчинами. Эти факты подтверждают мысли Ленина о трудности существования первобытного человека. «Что первобытный человек, — писал Ленин, — получал необходимое, как свободный подарок природы, — это глупая побасенка... Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»[7].

Труд первобытного стада вначале носил спорадический характер, но затем стал все больше и больше повторяться и развиваться. И чем больше развивался труд, чем больше поднимался его вес в создании условий для существования, тем более бессильной перед природой оказывалась отдельная особь и даже семья, теряющая свои приспособления к индивидуальной борьбе за существование. По мере развития труда, а на его основе развития сознания и речи, общий коллективный интерес постепенно начинал осознаваться, что означало выработку первых правил подчинения индивида коллективу.

Формирование человеческого общества не могло идти ровно, без конфликтов. «В первобытном стаде даже в более позднюю эпоху его развития, — справедливо отмечает П. И. Борисковский, — существовало немало пережитков звериного, вероятно, не только в отношениях между отдельными людскими группами, но и внутри каждой группы. Дикий животный эгоизм, который в общем царил в обезьяньей стае, еще время от времени прорывался сквозь отношения первобытнообщинного строя. Характерно, что один из известных в настоящее время четырех черепов питекантропа, принадлежащий мужчине, имеет пролом, видимо, нанесенный крупным каменным орудием. Некоторые из черепов синантропов носят признаки насильственной смерти. Многочисленные следы тяжелых ранений, нанесенных камнем или дубиной, отмечены на головах неандертальцев, на-

---

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 103.

пример, на четырех черепах с острова Явы; на черепе из Эрингсдорфа (Германия), из Родезии и из Палестины... Череп неандертальца из Эрингсдорфа имеет в области над орбитами следы действия острым орудием. Наконец ... один из палестинских неандертальцев был тяжело ранен деревянным копьем в бедро. С этими фактами следует сопоставить то, что строение головного мозга древнепалеолетических людей характеризуется слабым развитием лобных долей, функционально связанных с процессами сдерживания проявления различных эмоций»[8].

Поскольку защита от внешних опасностей и процесс добывания пищи в разных условиях совершались по-разному и не всегда требовали коллективных усилий, то этот первобытный коллектив не обладал достаточной прочностью. В зависимости от конкретных обстоятельств места, сезона и т. д., этот коллектив мог быть бóльшим, мог быть меньшим, мог распадаться и мог вновь образовываться, мог изменяться в своем составе. Между различными коллективами еще не было регулярной связи: они в той или иной степени были изолированы друг от друга. Общественные отношения также не были прочными, закрепленными какими-либо правилами или ограничениями.

С развитием труда этот коллектив становился более устойчивым и его размеры стали определяться сложившимся общественным домашним хозяйством, которое, как показывает Энгельс, хотя и было различным в разных условиях, но для данных условий сохранялось более или менее постоянным.

Однако несмотря на то что первобытное стадо становилось все более прочным, причины, ведущие к его распаду, не перестали действовать. Кроме внутренних конфликтов причиной распада первобытного стада мог быть и частный характер орудий труда. А это значит, что не только образование, но и распад стада носил закономерный характер. Распад, как и образование стада, мог осуществляться лишь при наличии определенных условий. К условиям распада кроме роста населения коллектива нужно отнести и уровень производительности его труда. Понятно, что от первобытного стада могла отделяться лишь такая группа людей, которая способна была самостоятельно обеспечить свое существование. И если стадо почему-либо распадалось на более мелкие группки, то последние со временем вынуждены были опять объединяться. С повышением производительности труда уменьшался необходимый количественный минимум людей группы, способной обеспечить свою жизнь. Так как разделение или отделение группы от первобытного стада происходило при первой реальной возможности, то из исходного стада обычно образовывалось две группы. Затем, когда каждая группа достигала соответствующего развития и численности населения, она в свою очередь распадалась на две группы. Таким путем из

[8] П. Борисковский. Древнейшее прошлое человечества. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 135.

первобытного стада на определенном уровне его развития и увеличения численности должен был возникнуть ряд родственных групп, а организация групп носила дуальный характер, т. е. представляла две, четыре и т. д. групп.

Вероятно, что первоначально эти образовавшиеся из общего стада общины не состояли из одних родственников. По всей вероятности, только ко времени разделения первобытного стада на отдельные группы стали замечаться и играть известную роль родственные связи. Так как происхождение детей определялось только по женской линии (отец не был известен), то общины формировались главным образом из родственников по женской линии, т. е. формировались как материнские роды. Женщины в то же время играли ведущую роль в коммунистическом домашнем хозяйстве. Вместе с возникновением материнских родов возникла и та фаза в развитии первобытного общества, которая именуется *матриархатом*. Возникновение матриархата означало в то же время значительное усиление роли родственных связей между людьми; первобытное общество сменяется родовым обществом.

Таким образом, возникновение рода определяется не одними естественными, но и социальными причинами. Тесно сплоченный производственный коллектив, способный обеспечить непрерывность ведения хозяйства и преемственность опыта и навыков, обусловливался самим развитием производительных сил. Род возникает не из пуналуальной семьи, как предполагал Льюис Морган, а гораздо раньше и составляет необходимую предпосылку формирования отношений, подобных пуналуальным.

Развитие первобытного стада до образования материнских родов показывает нам сложный процесс постепенного преобладания общественных закономерностей над естественными, процесс обуздания зоологического индивидуализма первобытного человека. И решающую роль в этом играл коллектив и труд. Ленин, критикуя в письме к Горькому его высказывание о важной роли первобытной религии в «обуздании зоологического индивидуализма людей», писал: «В действительности «зоологический индивидуализм» обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна»[9].

Родовое общество, возникшее из первобытного стада и представлявшее существенный шаг в развитии исторической общности людей, характеризуется своей особой структурой. Оно первоначально состоит из двух групп, формирующихся родов, связанных друг с другом и составляющих вместе одно племя в зародышевом виде. Эта структура сохранилась и в дальнейшем. Примером ее является разделение одного австралийского племени на две «половины» или два «брачных класса» — кроки и кумите. Дуальная организация характерна и для других австралийских племен. В ходе развития эта структура усложнялась, что обнаруживается на самых различных терри-

[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 232.

ториях. Каждая из двух половин в свою очередь состоит из двух подразделений — родов. Сравнительно сложной структурой характеризовалась структура племени сенека-ирокезов, описанная Л. Морганом. Племя распадалось на две фратрии, каждая из которых состояла из четырех родов. Фратрии и роды имеют особые названия, а именно:

Фратрия Медведь	*Фратрия Олень*
1. Медведь	1. Олень
2. Волк	2. Кулик
3. Бобр	3. Цапля
4. Черепаха	4. Ястреб

Медведь и Олень, как говорит предание, были двумя начальными родами, остальные же возникли в результате их деления.

С дальнейшим развитием родового строя это примитивное деление (дуальное) отмирает, и тогда племя просто включает в себя большее или меньшее число родов.

Матриархат как стадия развития человечества определялся, естественно, не только родственными отношениями, но и экономическими причинами, причем как главными, решающими. Он подразделяется на ранний и развитый матриархат.

Ранний матриархат характеризуется в области хозяйства собирательством, охотой и примитивным рыболовством, причем труд разделен между полами так, что собирательство отводится преимущественно женщине, охота — мужчине, рыболовство же в его различных видах разделено между мужчиной и женщиной. Для этого периода, длившегося на протяжении позднего палеолита и раннего неолита, характерно равноправие мужчины и женщины.

Развитый матриархат, который длился отчасти и во время позднего неолита, характеризуется в одних областях мотыжным земледелием, в других — высокоразвитым рыболовством или морской охотой, в тех и других — разведением домашних животных (однако не всегда и не обязательно). Мотыжное земледелие является особо благоприятным условием для развития матриархата, отводя женщине значительное место в общественном производстве.

Основную хозяйственную единицу такого общества теперь уже составляет выделившаяся в состав рода материнская группа родственников по женской линии, состоящая из женщин и мужчин четырех-пяти поколений. Численность такой группы могла достигать 200 и даже 300 человек.

Совокупность большего или меньшего числа таких материнских групп образует материнский род или материнскую родовую общину. Этот коллектив характеризуется не только родственной, но и хозяйственной связью. В основе материнской родовой общины лежит совместное коллективное владение и пользование землей. Наиболее интенсивно эксплуатируется пахотная земля. Если род велик, она наделяется по группам в зависимости от численности каждой. Род,

соответственно своей численности, образует либо отдельное селение либо несколько смежных селений или же поселков. Крупные работы, требующие соединения многих сил, например, расчистка нового участка земли, выполняются всем родом коллективно. В отдельных случаях коллективно осуществляются и другие земледельческие работы, вплоть до уборки урожая. В общине имеется общеродовой запас, служащий фондом на случай какого-либо бедствия или помощи группам, впавшим в нужду.

Дальнейшее развитие производительных сил создает условия для перехода к новой организации родового общества — патриархату. В хозяйстве совершился переход от мотыжного земледелия к плужному, от разведения домашних животных — к скотоводству. И так как мужчине в скотоводстве принадлежала господствующая роль, то он занял ее и в земледелии, где скот стал использоваться в качестве тягловой силы. Развитие земледелия и скотоводства, а также обмена привели к обособлению домашнего труда, ставшего преимущественно делом женщин. Переход от матриархата к патриархату совершали не только в связи с развитием скотоводства и земледелия, его общей причиной был рост производительных сил.

Из патриархального рода постепенно возникает патриархальная семья. Она состоит из трех-четырех поколений ближайших родственников, потомков отца, с их женами и детьми, иногда с зятьями и иными принятыми в семью родными. Численность ее достигает ста и более человек.

В основе хозяйства патриархальной семьи лежит коллективное владение землей и основными орудиями и средствами производства. В индивидуальном обладании находятся лишь предметы личного пользования. Как производство, так и потребление ведется коллективно.

Большая семейная община является основной производящей и потребляющей единицей развитого патриархального общества. Она характеризуется в значительной мере замкнутым натуральным хозяйством. В дальнейшем патриархальная семья превращается в самостоятельную, прочную экономическую основу и приобретает все большее и большее общественное значение.

Когда патриархальная семья разрастается, ведение домашнего хозяйства оказывается затруднительным или невозможным, что особенно сказывается в области потребления. Изготовление пищи, например, на очень большую семью становится крайне трудным. Семья разделяется на несколько мелких семей, причем раздел совершается между старшим поколением.

Однако на данном этапе раздел семейной общины не был полным. Каждая выделившаяся семья получает отдельное жилое помещение, расположенное смежно с главным домом, и живет в известных отношениях отдельным хозяйством. Из имущества делится только движимость. Земля остается общей. Такая группа родственных, происшедших от разделения одной семейной общины, семей в свою очередь разрастается в большие семьи, образует в ряде отно-

шений все же единый хозяйственный коллектив, получивший название *патронимии.*

В основе хозяйственного единства патронимии лежит коллективное землевладение и землепользование. Каждая патронимия получает известную часть общеродовой земли, причем время от времени земля обрабатывается сообща, и лишь урожай делится по семьям. Остальные виды земли: пастбища, покосы и пр. — используются всеми семьями по-прежнему сообща. В коллективном же владении патронимии первоначально находится и скот. Впоследствии же каждая семья владеет и пользуется своим скотом.

Совокупность патриархальных семей и патронимий образует патриархальный род или патриархальную родовую общину, образующую несколько смежных селений. В основе родовой общины лежит коллективное владение землей, получаемой родом из общей земли племени. Сохраняя свое коллективное начало, землевладение и землепользование рода организовано так, что менее интенсивно используемая часть земельного родового фонда: лес, угодья, пастбища, — остается в пользовании всего рода. Другие земли, в особенности годные для пахоты, делятся по патронимиям. Время от времени родовая земля переделяется с учетом происшедших изменений в численном составе патронимий. Вместе с тем патриархальная родовая община в известной мере сохраняет производственное единство, обнаруживающееся в общих работах, где требуется соединение труда большого коллектива (древнерусская толока).

Совокупность патриархальных родов составляет племя, владеющее общеплеменной землей и управляемое советом, состоящим из глав всех родов.

Таковы вкратце некоторые черты родовой или родоплеменной общности людей. Ее характерной чертой является особая роль родственных связей между людьми. Правда, эти связи не являются ведущими и подчиняются экономическим связям. Общая экономическая жизнь, родственные отношения служили основой формирования единого языка, а также особенностей психики членов родоплеменной общности.

Таким образом, родоплеменная общность характеризуется общественной собственностью на средства производства и коллективным трудом, ярко выраженными родственными связями и отношениями, общим языком и чертами психики. Как пережиток, родоплеменная общность сохранилась в нашей стране вплоть до Октябрьской революции.

3. НАРОДНОСТЬ

Развитие производительных сил, возникновение частной собственности и классов вело к разрушению первобытнообщинного строя и к постепенной замене родоплеменной общности людей новым типом общности — *народностью.*

Одним из внешних показателей формирующейся общности нового

типа является собирательное имя, под которым она становится известной соседям. Таково общее название «эллины» для союза ионийских племен в эпоху сложения эллинской народности (8—6 вв. до н. э.), «венеды» — для западнославянских племен в первые века нашей эры, «русь» — для союза восточнославянских племен (6—8 вв. до н. э.).

Экономической основой формирования этого типа общности являются частный труд и связанные с ним формы частной собственности. Начало складывания народностей совпадает с периодом образования племенных союзов и их постепенной консолидации. Частная собственность, неравенство и эксплуатация чужого труда вели к замене родственных связей территориальными, к ликвидации родовой замкнутости. В патриархальный род теперь в большом количестве входят военнопленные в качестве рабов. В то же время патриархальный род прочно прикрепляется к участку земли и различных угодий, ставших частной собственностью. Преимущественно натуральный характер хозяйства определяет местные связи. Вместе же с развитием торговли, образованием частной собственности происходит смешение и объединение родов и племени. Народность — это уже не просто союз племен, а такое их объединение, в котором племена сливаются и утрачивают свою обособленность, их земли сливаются в одну территорию и все население слившихся племен имеет общее управление. Слияние племен не означает обязательно полного исчезновения различий между племенами внутри образовавшейся народности. Обычно некоторая обособленность племен внутри народности сохраняется в течение более или менее длительного времени. Рассмотрим этот процесс на примере образования древнерусской народности.

Древнерусская народность сложилась из древних восточно-славянских племен и ассимилированных ими неславянских племен. Ядром складывающейся древнерусской народности явился русский племенной союз. В состав его входили русы (росы), северяне и другие славянские племена. Племя росов, возглавлявшее этот союз, локализировались в области Среднего Поднепровья, где-то между Днепром и Доном. В VII—VIII вв. это племя выступало активной политической и военной силой и выделялось среди других племен. Имя этого племени — русь — превратилось в наименование союза племен, а в дальнейшем стало общим наименованием для всех восточных славян.

Русский племенной союз был длительным и прочным образованием, однако он еще не был народностью. О возникновении древнерусской народности можно говорить лишь к тому времени, когда в XI—X вв. сложилась общая культура, единый язык, единая территория восточных славян. До этого периода внутри восточнославянской массы, населявшей области Среднего и Верхнего Поднепровья, Поднестровья, Верхней Волги и Оки, Новгородскую землю, обнаруживались значительные, особенно социально-экономические, различия.

На Среднем Днепре и в области Поднестровья было покончено с родовым строем уже в первые века нашей эры. В верховьях Днепра, на Верхней Оке и Волге до середины I тысячелетия северные и восточные племена вступили в период быстрого развития экономического и социального строя. В течение VII—IX вв. они также расстались с патриархально-родовым строем. Территориальная община — «вервь» — стала господствующей формой общественной жизни всех восточных славян.

Возникновение и укрепление новых форм общения у восточных славян было вызвано преобразованиями в их экономической жизни. К IX в. повсеместно распространилось пашенное земледелие, сменившее господствовавшую до того времени на севере подсечную систему земледелия.

Подсечное земледелие — это земледелие лесных областей. Чтобы подготовить участок для посева, земледельцы должны были вырубить лес, дать ему высохнуть на месте, а затем сжечь его. На подготовленной таким образом почве совершался посев, так как после сжигания срубленных деревьев верхний слой почвы не нуждался в специальной обработке.

Пашенное земледелие — более высокая система земледелия и она осуществлялась более высокими орудиями производства. Земледельцы применяли рало (плуг) с железным «наральником» и массивный плуг с железным «лемехом», пригодный для подъема тяжелых почв. С распространением пашенных орудий по всей восточнославянской территории земледелие превратилось в господствующую отрасль сельского хозяйства.

Наряду с распространением пашенного земледелия получают дальнейший рост ремесленные формы производства и соответственно развитие обмена внутри племен, с соседними племенами, с населением отдельных областей. Советскими археологами были открыты следы железоделательного и кузнечного промыслов на многих славянских поселениях второй половины I тысячелетия нашей эры. Так, при раскопках в Пскове, в слоях VII—VIII вв. были обнаружены остатки многочисленных сыродутных горнов. Ремесленное производство сосредоточилось в городах. В них поселились ремесленники, отделившиеся от сельских общин. Города являлись также местом постоянных торжищ или периодических ярмарок, куда приезжали с товарами купцы. Их появление, следовательно, свидетельствовало о возникновении на Руси товарного производства.

Значение городов, возникших в тех местах, где восточные славяне соприкасались со своими соседями, состояло еще и в том, что они играли большую роль в развитии экономических связей славянских племен с иноземными купцами. Древняя Русь имела торговые связи с арабским Востоком, Причерноморьем и странами Прибалтики. В VII—IX вв. важнейшими магистралями становятся Волга и Днепр. Товарами русским купцам служили прежде всего меха дорогих пушных зверей: бобра, черной лисицы, соболя и т. д.

Развитие пашенного земледелия, рост ремесла и сосредоточение

его в городах, возникновение товарного производства и расширение обмена явились основой преобразования в области производственных отношений. Первобытнообщинные экономические отношения уступили место частнособственническим отношениям. Рало и плуг, получившие в VII—IX вв. повсеместное распространение у восточных славян, явились характерными элементами уже не патриархально-общинного, а индивидуального сельского хозяйства. По своему типу установившиеся частнособственнические отношения были феодальными. Они и явились экономической основой формирования древнерусской народности.

Формирование народности связано и с языковыми изменениями. Языки или диалекты племен, игравшие главенствующую роль в племенных объединениях, приобретают межплеменное значение. Они подчиняют себе языки и диалекты других племен. На основе же старых племенных диалектов складываются местные диалекты. Таким путем формировался язык древнерусской народности.

О складывающейся в это время культурной общности народов Древней Руси свидетельствуют прежде всего элементы материальной культуры, а также письменные памятники и т. д.

Возникновение государства способствовало упрочению народностей. Но в процессе исторического развития народности могли и не совпадать с государством ни территориально, ни по языку. Исторически первыми образовались народности рабовладельческих обществ (древнеегипетская, древнекитайская, древнеэллинская и другие).

Греческие племена были объединены в небольшие народности во времена Гомера; в дальнейшем они объединились в единый афинский народ. Древнерусская, польская, северофранцузская и ряд других народностей складывались в условиях формирования феодальных общественных отношений.

Между народностями периода рабовладельческого общества и периода феодализма есть известные различия. Эти различия видны хотя бы из того, что народность рабовладельческого общества «охватывает *только свободное* население данной страны, не включая рабов...»[10]. Народность же в феодальном обществе «охватывает в основном *трудящееся население,* крестьян и горожан, не включая или не обязательно включая господствующий класс феодалов»[11].

Существовали племена, сформировавшиеся в народности лишь в период капитализма в XVII—XVIII вв. К ним относятся, например, северные народности России: ненцы, нганасаны, энцы и др. В условиях социалистического общества эти народности превратились в социалистические народности. Только при социализме у них создались условия для бурного развития хозяйства и культуры. Благодаря применению новой техники значительно повысилась производительность их охотничьего хозяйства, рыболовства; быстрее стало развиваться оленеводство как форма коллективного хозяйства. Появи-

[10] С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей. «Вопросы философии», 1964, № 11, стр. 53.
[11] Там же.

лась своя культура, созданы школы, педагогические училища и т. д.

Таким образом, народность как исторически сложившаяся общность сформировалась в процессе разложения первобытнообщинного строя. Ее экономической основой является частная собственность на средства производства, частный труд, обмен. Народность характеризуется общностью территории, языка и психического склада, проявляющегося в общности культуры.

4. НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БОРЬБА. БУРЖУАЗНЫЕ НАЦИИ

В ходе дальнейшего обобществления и развития материального производства возникает новый исторический тип общности людей — *нация*. Ее возникновение и развитие связано с возникновением и развитием капитализма. Решающая роль в формировании этой общности принадлежит обобществлению материального производства, приобретению им при капитализме непосредственно общественного характера [12].

Нации складываются из людей различных племен и народностей. Например, итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. п. То же имело место и при формировании многих других наций.

Правильное, научное определение нации имеет очень важное не только теоретическое, но и практическое значение. С понятием нации связаны крайне острые проблемы современности и прежде всего борьба против мирового империализма. Многие современные буржуазные социологи подходят к определению нации с позиций субъективного идеализма; они отрицают нацию как объективное общественное явление. Этим самым отрицается реальная основа борьбы народов за защиту национального суверенитета, борьбы колониальных и зависимых стран за свою независимость. Нация определяется как якобы чисто психическое явление. Например, американский социолог Макайвер считает главным признаком нации «сознание всеобщей солидарности». Нация, по его мнению, является таковой потому, что так считают ее члены. Границы национальной общности якобы чисто психологические.

Есть и такие буржуазные социологи, которые в качестве главного признака нации принимают наличие самостоятельного государства. Так, французский социолог Мосс дает следующее определение нации: «Мы понимаем под нацией материально и морально интегрированное общество со стабильной центральной властью, с определенными границами, с относительным моральным, умственным и культурным единством жителей, сознательно присоединившихся к государству и его законам» [13]. Самостоятельное государ-

[12] Глубокий анализ нации как исторической общности дан в книге: П. М. Рогачев и М. А. Свердлин. Нации — народ — человечество. М., Политиздат, 1967.

[13] M. Maus. Nation. L'annee sociologique. P., 1956, p. 20.

ство есть, конечно, одно из важных условий развития нации, но оно не может рассматриваться как главный или один из главных признаков нации, ибо в противном случае потеря самостоятельной государственности должна рассматриваться как гибель нации, что, конечно, бессмысленно. Кроме того, при таком понимании нации нельзя таковыми считать и все угнетенные нации, что также неправильно.

Нация — это объективное историческое явление. Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, что отличает ее от таких общностей, как например, древние государства Кира или Александра. Последние, хотя и образовались исторически из разных племен и народностей, не имели, однако, своей экономической базы, а представляли собой мало связанные конгломераты групп, временные и непрочные военно-административные объединения, возникавшие и распадавшиеся в зависимости от успехов или поражения того или иного завоевателя.

Но устойчивой может быть и государственная общность. Отличие национальной общности от государственной заключается прежде всего в том, что она немыслима без общности языка. Язык необходим для организации единой хозяйственной и духовной жизни людей.

Общность языка — характерная, но не единственная черта нации. Англичане, североамериканцы, ирландцы говорят на одном языке; то же относится к норвежцам и датчанам, испанцам и населению ряда стран Южной Америки. Тем не менее они составляют разные нации.

Длительное и регулярное общение людей, в ходе развития которого формируется нация, невозможно без общей территории. Но и общность территории сама по себе еще не создает нации. Для этого необходима еще внутренняя экономическая связь, общность экономической жизни, объединяющая в одно целое людей, живущих на одной территории и говорящих на одном языке. В отличие от экономической общности, характеризующей народность, здесь мы обнаруживаем более прочные связи, рожденные развитием товарного хозяйства и обобществлением производства. Капитализм дает более высокую и более прочную кооперацию труда, чем предшествующие формации.

Наконец, необходимой чертой нации является общность психического склада, национальный характер, проявляющийся в особенностях национальной культуры. Различия в психическом складе наций объясняются различными условиями их жизни в течение смены многих поколений, особенностями их исторического развития. Так, психический склад русской нации формировался в процессе освоения больших пространств, в борьбе с суровыми силами природы, в ходе длительной борьбы за независимость Родины против нашествия монголов, немцев, шведов, войск Наполеона, в ходе многочисленных социальных, освободительных битв крестьянства и пролетариата. Обладая известной относительной устойчивостью

и накладывая тем самым печать на физиономию нации, национальный характер не остается неизменным, а видоизменяется по мере изменения условий общественной жизни.

Все рассмотренные признаки в совокупности и характеризуют понятие наций. Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности экономической жизни, территории, языка и психического склада, проявляющегося в общности культуры.

Подлинную основу нации составляет не идея, сознание, психика, а народ, осуществляющий материальное производство и ведущий борьбу против всякого рода поработителей и тем обеспечивающий устойчивость нации, ее сохранение. Только самоотверженная борьба народа против поработителей явилась причиной того, что, например, балканские народности, находившиеся сотни лет под турецким игом, сохранились и превратились в нации.

Предпосылки, необходимые для образования наций, складываются еще в недрах предшествующих ей общностей. К ним относятся язык, общность территории и др. Основой формирования наций явилось развитие капитализма, создавшего общенациональный рынок и такого рода экономическую общность, которая ликвидировала все феодальные перегородки и создала условия для превращения местных диалектов в национальные языки. Ленин, характеризуя условия формирования великорусской нации, указывает, что создание национальных связей имело своей экономической основой капиталистические производственные отношения. Слияние ранее разобщенных русских областей, земель, княжеств в одно целое, писал Ленин, вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. «Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных» [14].

В Западной Европе образование наций в общем и целом совпало по времени с образованием централизованных государств; поэтому там нации характеризовались наличием самостоятельных государств. Исключением явилась лишь Ирландия.

На востоке Европы образование централизованных государств ускорилось потребностями самообороны (от нашествия турок, монголов и пр.) и произошло раньше ликвидации феодализма. Вызванное капитализмом формирование наций происходит здесь в рамках многонациональных государств (Австро-Венгрия, Россия), в которых главенствующую роль играли господствующие классы наиболее сильных наций (немцы, венгры, русские). Последние не позволяли оттесненным нациям создавать свои самостоятельные национальные государства. Так складывались в нации чехи, поляки, хорваты и др. в Австро-Венгрии; армяне, грузины, украинцы, бело-

---

[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 154.

русы и т. д. — в России. Эти многонациональные государства в эпоху капитализма являются родиной национального гнета, породившего национальную борьбу.

Нации и национальная борьба в своем развитии прошли или проходят три основных периода. Все три периода пройдены лишь социалистическими странами. Остальные же страны в этом движении находятся либо на втором, либо даже на первом периоде.

Первый период — период ликвидации феодализма и развития капитализма, период образования национальных государств на западе Европы и многонациональных — на востоке Европы. Здесь, на востоке Европы, пробужденные к самостоятельной жизни нации встретили преграду в лице руководящих классов господствующих наций. Между тем молодая буржуазия угнетенных наций стремилась обеспечить себе «свой» рынок, чтобы выйти победительницей в конкуренции с буржуазией других наций. Так как в рынке заинтересована только буржуазия, то первоначально борьба разгорается не между нациями в целом, а между господствующими классами командующих и оттесненных наций.

Но дело не ограничивается рынком. Феодально-буржуазная верхушка господствующей нации переносит борьбу из сферы хозяйственной в сферу политическую. Притеснение языка, школ, религии, ограничение свободы перемещения, ущемление избирательных прав и проч., наконец, натравление одной нации на другую, организация резни и погромов — к таким методам прибегают правящие классы командующих наций. Буржуазия угнетенных наций апеллирует к низам, изображает свои классовые интересы как общенародные, общенациональные. А поскольку репрессии задевают широкие слои народа, последние не остаются безучастными.

Так начинается национальное движение. Его сила определяется степенью участия в нем широких слоев нации, пролетариата и крестьянства. Но по своему существу национальная борьба в эпоху поднимающегося капитализма является борьбой буржуазной, борьбой буржуазных классов между собой.

Второй период начинается с появления империализма. Ленин указывал, что для империализма неизбежно деление наций на угнетающие и угнетенные. Империализм означает экономический и территориальный раздел мира, а вместе с тем раскол мира на два лагеря: лагерь горстки империалистических стран, господствующих наций, эксплуатирующих и угнетающих колонии, и лагерь колониальных и зависимых стран, угнетенных наций, составляющих громадное большинство населения земного шара. В результате старые национальные государства Западной Европы, а также США и Япония, превратились в многонациональные, обладающие колониями, государства, а национальная борьба переросла в национально-колониальную борьбу.

Капитализм, отмечал Ленин, знает две исторические тенденции в развитии наций и национальной борьбы. Первая тенденция заключается в пробуждении национальной жизни и национального

движения, в борьбе против национального гнета, в создании национальных государств. Вторая — в хозяйственном сближении наций, в разрушении национальных перегородок в связи с образованием мирового хозяйства и мирового рынка.

Империализм резко усиливает тенденцию к хозяйственному сближению наций, осуществляя это сближение путем угнетения и порабощения менее развитых народов, путем колониального грабежа и захватов, в ходе ожесточенных войн за раздел и передел мира. Империализм не может существовать без угнетения слаборазвитых наций. Но империалистический гнет и колониальная эксплуатация не могут не усиливать в свою очередь тенденций к национальной независимости народов, к освобождению колоний и зависимых стран. Непреодолимое для империализма противоречие этих двух тенденций определило полное банкротство буржуазии в попытках избавиться от национального гнета.

Руководимая только интересами прибыли буржуазия добивается независимости, чтобы тут же предать ее, вступить в блок с империалистическими государствами; она апеллирует к национальным чувствам, чтобы, обеспечив себе доступ к эксплуатации национального рынка, тут же перейти к удушению национальных меньшинств, к захвату национальных территорий.

Нации этого периода являются буржуазными нациями. Такие нации характеризуются острыми внутренними классовыми противоречиями, раздуванием буржуазного национализма, наличием двух культур, подавлением и угнетением национальных меньшинств, различием в психологическом складе классов и т. д.

Национальное хозяйство буржуазных наций, так же как и хозяйство народностей, распадается на мелкие единицы — семейные хозяйства.

Таковы некоторые черты, характеризующие буржуазные нации.

5. ОСВОБОЖДЕНИЕ УГНЕТЕННЫХ НАЦИЙ. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ НАЦИИ. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ ЛЮДЕЙ

Третий период в развитии наций — это период построения социализма, период уничтожения капитализма и ликвидации национального гнета, установление дружбы народов. Уничтожение национального гнета представляет одну из тех задач, которые разрешает социалистическая революция. Избавиться от национального гнета полностью и окончательно можно лишь в процессе их освобождения от эксплуатации.

В основе борьбы рабочего класса за освобождение от национального гнета лежит принцип интернационализма. Он осуществляется по следующим основным линиям:

а) право наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства;

б) национально-территориальная автономия для тех национальностей, которые не сочтут нужным отделиться;

в) полное равноправие всех рас и наций;

г) интернациональное сплочение всех национальностей страны в единых пролетарских организациях.

Коммунистическая партия в своей национальной политике стоит за объединение наций. Предпосылкой такого объединения, позволяющей соединить интернационализм в борьбе за освобождение угнетенных наций с революционной борьбой рабочего класса, является равноправие и добровольность. При империализме между этими требованиями существует антагонистическое противоречие: если есть равноправие, то нет объединения, если же осуществляется объединение, то при этом обычно нет равноправия. Правда, в особых условиях национально-освободительной борьбы возможен случай объединения ранее угнетенных наций (например, ОАР), но такое объединение не является длительным и прочным, если страны не идут по пути строительства социализма.

Для стран социализма эти два требования являются двумя сторонами одного и того же дела, дела освобождения угнетенных народов в едином социалистическом строительстве. «Старому миру, миру национального угнетения, национальной грызни или национального обособления, рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций, в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком» [15].

Ярким примером осуществления этих мыслей Ленина являются дружба и сотрудничество социалистических стран. Сотрудничество и взаимопомощь между этими странами вытекают из характера свойственной им социалистической собственности. Поэтому между ними нет и не может быть никакой экономической экспансии, никакого неэквивалентного обмена товаров, а тем более ограбления и закабаления одних стран другими. Важнейшим фактором, усиливающим экономическое сотрудничество социалистических стран, является все расширяющаяся практика взаимной увязки перспективных планов развития народного хозяйства. Координация, специализация и кооперация производства, а также обмен научно-техническими достижениями и передовым производственным опытом — важнейшее условие развития этих стран. При этом координация производства ни в какой мере не затрагивает самостоятельности и независимости этих стран. Планомерное развитие экономики и взаимная увязка перспективных планов создает в то же время прочную базу для расширения торговли. Цены на товары устанавливаются добровольными соглашениями на взаимно выгодных условиях; они устойчивы и не зависят от конъюнктурных колебаний. В этих отношениях между социалистическими нациями выражается тенденция к их хозяйственному объединению.

Если развитие производства при капитализме обостряет противоречия между отдельными странами, то при социализме, наоборот, оно ведет к их сближению. «Возникновение Союза Советских Со-

[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 150.

циалистических Республик, а затем мировой системы социализма — это начало исторического процесса всестороннего сближения народов. В братской семье социалистических государств с исчезновением классовых антагонизмов исчезают и антагонизмы между нациями. Расцвет культуры народов социалистического содружества сопровождается все большим взаимообогащением национальных культур, активным формированием интернационалистических черт, характерных для человека социалистического общества.

Практикой народов мирового социалистического содружества подтверждено, что их братское **единство и сотрудничество** отвечают высшим национальным интересам каждой страны. Укрепление единства мировой социалистической системы на основе пролетарского интернационализма — непременное условие дальнейших успехов всех входящих в нее государств»[16].

Великая Октябрьская социалистическая революция имела два важных последствия для развития национальной общности людей, для освобождения трудящихся от национального гнета. Во-первых, она значительно усилила антиимпериалистическую освободительную борьбу угнетенных наций, показала реальный путь освобождения угнетенных наций и положила начало распаду мировой колониальной системы. **«...Возникновение социализма знаменует наступление эры освобождения угнетенных народов.** Мощный вал национально-освободительных революций сметает колониальную систему, подрывает устои империализма. На месте бывших колоний и полуколоний возникли и возникают молодые суверенные государства. Их народы вступили в новый период своего развития. Они поднялись как творцы новой жизни и активные участники международной политики, как революционная сила разрушения империализма»[17]. Во-вторых, Октябрьская социалистическая революция создала необходимые предпосылки для формирования социалистических наций.

Освободительная борьба народов колониальных и полуколониальных стран особенно усилилась после второй мировой войны. Этому решительно содействовала победа Советского Союза над тремя мощными империалистическими государствами — Германией, Италией и Японией, ослабление Англии, Франции, Голландии и других стран, владевших многими колониями. В ряде крупнейших колониальных и полуколониальных стран освободительная борьба завершилась победой. Яркий пример этому — Китай, Индия, Индонезия, Вьетнам и др. Общая численность населения колониальных стран, добившихся государственной независимости после второй мировой войны, составляет более одного миллиарда человек, т. е. в четыре раза больше, чем все население Европы.

Но национально-освободительная борьба еще не закончилась. Главное препятствие на этом пути — США. Американские импе-

---

[16] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 335—336.
[17] Там же, стр. 352.

риалисты изобретают все новые и новые методы, чтобы сохранить колониальную эксплуатацию народов. Здесь и колониальные захватнические войны, и военные блоки, и заговоры, и террор, и экономическое давление и т. д. Под видом «помощи» и насаждения у власти послушных марионеток они пытаются сохранить старые и захватить новые позиции в этих странах. Но что бы американские империалисты ни предпринимали, пламя национально-освободительного движения неугасимо. В порядок дня встал вопрос о полном уничтожении колониализма, как одного из самых позорных явлений человечества. Рано или поздно национально-освободительное движение приведет к окончательному уничтожению всей системы колониального угнетения.

Уничтожив источники национального гнета и распрей, Октябрьская социалистическая революция положила конец существованию буржуазных наций в нашей стране и создала условия для формирования наций социалистических. Осуществление социализма в СССР, уничтожение последнего эксплуататорского класса — кулачества, изменение социальной природы рабочего класса, крестьянства и интеллигенции — привели к упрочению единства и сплоченности наций.

Социалистические нации являются гораздо более сплоченнными, чем любая буржуазная нация, так как они свободны от непримиримых антагонистических противоречий между классами; они в то же время являются нациями общенародными, свободными от паразитических общественных групп. Это значит, что впервые в истории сложилась подлинная общность психического склада, национального характера для всей нации, причем сам этот национальный характер изменился вместе с теми преобразованиями, которые произошли в стране. Это означает, что сложилось морально-политическое единство нации, всего советского народа.

Социалистическая собственность на средства производства, лежащая в основе формирования социалистических наций, общая цель — построение коммунизма, единая руководящая сила — Коммунистическая партия — обеспечивают непрерывное укрепление сплоченности социалистических наций.

Если в буржуазной культуре есть две культуры, с одной стороны — элементы демократической и социалистической и, с другой стороны — господствующая культура помещиков, буржуазии, попов, то в социалистических нациях — единая социалистическая культура по содержанию и национальная по форме.

Вместе с ростом сплоченности и единства наций выросла дружба народов СССР. Взаимная помощь и общие усилия народов Советской страны на фронтах гражданской войны и в годы социалистического строительства цементировали эту дружбу. Она выдержала все трудности и испытания Великой Отечественной войны и еще более закалилась в общей борьбе всех советских народов против фашистских захватчиков.

Одним из серьезных завоеваний дружбы народов СССР, проле-

тарского интернационализма является складывание в нации народов, не прошедших капиталистической стадии развития.

Вообще социалистические нации складывались и складываются двояким путем. Часть их развилась и оформилась в социалистические нации в результате коренного преобразования буржуазных наций в духе социализма. Другие нации впервые развились и консолидировались в нации на основе социалистического строительства непосредственно из народностей. Ленин отмечал, что отдельные народы могут миновать капитализм и непосредственно перейти к социализму только в том случае, если им будет оказана помощь и поддержка со стороны рабочего класса победившей социалистической страны. Такая помощь была оказана, в частности, народам Средней Азии, монгольскому народу. Признаком превращения народности в нацию можно считать создание собственного промышленного центра, своих промышленных кадров, культуры и т. д.[18]. Такие черты характеризуют, например, превращение якутского народа в нацию. Правда, промышленный центр может служить основой для развития не национальных, а интернациональных связей[19].

Особую роль в формировании социалистических наций в нашей стране сыграла социалистическая индустриализация. Она помогла ликвидировать фактическое неравенство наций. Создание в этих, ранее отсталых, странах крупной промышленной индустрии, формирование рабочего класса из местного населения явилось важнейшим условием для их перехода к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Темпы индустриализации национальных республик, как правило, перегоняли общий уровень индустриализации Советского Союза. Если до Октябрьской революции Закавказье и Средняя Азия были крайне отсталыми в области промышленности, то уже к концу второй пятилетки удельный вес промышленности в народном хозяйстве Грузии составил 75,2%, Армении — 72%, Туркмении — 65,9%, Казахстана — 56,8% и т. д. Индустриализация этих стран позволила быстро перевести их сельское хозяйство на путь коллективизации.

Наряду с развитием материальной культуры в этих странах произошло быстрое развитие и духовной культуры. Национальные республики Советского Союза стали республиками сплошной грамотности. По степени развития высшего образования социалистические нации оставили позади себя не только страны зарубежного Востока, но и страны Западной Европы. Так, в Таджикской ССР на 10 тыс. человек населения обучается в вузах 58 человек, в Туркменской — 60, в Киргизской — 64, в Узбекской — 71, в Азербайджанской — 93 человека; в то же время в Иране на 10 тыс. населения в вузах учится 3 человека, в Индии — 9, в Египте и

[18] См. А. А. Сатыбалов. Исторические типы общности людей. Л., 1959, стр. 36.

[19] См. А. Г. Агаев. Народность как социальная общность. «Вопросы философии», 1965, № 11.

Турции — 12, Швеции — 21, в Италии — 32, в Дании — 34, во Франции — 36 человек.

Расцвет национальной по форме и социалистической по содержанию культуры всех социалистических наций есть показатель социалистического интернационализма и советского патриотизма.

В отличие от буржуазных наций в основе формирования социалистических наций, как было отмечено, лежит общественная собственность. Поэтому национальное хозяйство не дробится на отдельные семейные хозяйства. Правда, при социализме, как увидим дальше, семья еще не перестает окончательно быть хозяйственной единицей общества. Однако она уже не владеет частной собственностью и не ведет обособленного хозяйства. При социализме существует личная собственность, сохранится она и при коммунизме.

Социалистическая система не только дает пример освобождения наций, но и помогает освободительной борьбе наций, ныне угнетенных. Борьба угнетенных наций за освобождение, протекающая под флагом национализма, имеет общедемократическое содержание. Национализм угнетенных наций имеет прогрессивное содержание, направлен против империализма. Освобождающиеся нации или народности могут получать свободное развитие, лишь создавая свою промышленность, свое народное хозяйство. Только социалистические страны помогают добиться этим нациям или народностям национального возрождения, создать свою экономику.

«Страны социализма — искренние и верные друзья народов, борющихся за освобождение или освободившихся от империалистического ига, и оказывают им всестороннюю поддержку. Они стоят за уничтожение всех форм колониального угнетения и всемерно способствуют укреплению суверенитета государств, возникающих на развалинах колониальных империй.

КПСС рассматривает братский союз с народами, сбросившими колониальное и полуколониальное ярмо, как один из краеугольных камней своей международной политики. Этот союз основан на общности жизненных интересов мирового социализма и мирового национально-освободительного движения. КПСС считает своим интернациональным долгом помогать народам, идущим по пути завоевания и укрепления национальной независимости, всем народам, борющимся за полное уничтожение колониальной системы»[20].

Каковы же дальнейшие перспективы развития исторически изменяющихся общностей людей?

При социализме национальные особенности получают всестороннее развитие. Оно осуществляется «не на путях усиления национальной розни, национальной ограниченности и эгоизма, как это происходит при капитализме, а на путях их сближения, братской взаимопомощи и дружбы»[21]. Расцвет наций при социализме означает первый крупный шаг на пути их сближения. Построение коммунизма приведет к дальнейшему сближению наций.

[20] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 357.
[21] Там же, стр. 405.

Существует теоретическое предположение, что при мировом коммунизме национальные общности сольются в общность более высокого порядка. На основе новой коммунистической общности хозяйственной жизни постепенно будут стираться национальные различия. Встает необходимость образования единого мирового языка. Возможно, что вначале сложится не один, а несколько более общих языков, которые впоследствии должны будут объединиться в единый мировой язык. Как конкретно будет происходить этот процесс образования единого мирового языка, зависит от условий развития мирового коммунистического хозяйства.

Изменение экономической общности, формирование единого языка, изменение психического склада людей — все это приведет к образованию нового типа общности людей, но теперь уже не преходящей, исторической, а постоянной, внеисторической. Этой новой формой общности людей будет единое обобществившееся человечество, которое Маркс рассматривал как идеал нового, т. е. диалектического и исторического материализма. «Точка зрения старого материализма, — писал Маркс, — есть *«гражданское»* общество; точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество, или обобществившееся человечество»[22].

---

[22] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 4.

БРАК И СЕМЬЯ В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Каждая общественная формация, кроме всего прочего, включает в себя также свои особые, только ей присущие, формы семьи и брака. Изменение общественно-экономических формаций неизбежно сопровождалось и изменением брачно-семейных отношений. «Любопытный факт: — писал Энгельс, — в каждом крупном революционном движении вопрос о «свободной любви» выступает на передний план. Для одних это — революционный прогресс, освобождение от старых традиционных уз, переставших быть необходимыми; для других — охотно принимаемое учение, удобно прикрывающее всякого рода свободные и легкие отношения между мужчиной и женщиной» [1].

Семья теснейшим образом связана со всеми общественными явлениями. В ней воспитываются будущие активные члены общества, которые должны будут участвовать во всех видах общественной деятельности. Именно в семье берет свое начало формирование личности, и от того, насколько правильно оно осуществляется, зависит очень многое в ее будущем. Без правильной организации жизни семьи не может быть и нормального воспитания детей, не может быть полноценного участия членов семьи в общественной жизни.

Семья — это та область, где дольше всего сохраняются пережитки старого общества. Последние нередко рассматриваются как дело чисто семейное, их влияние на общественную жизнь не замечается. Устранить эти пережитки должны прежде всего члены семьи. Поэтому от их сознательности и нравственной подготовки к жизни в семье зависит и успех борьбы с пережитками. Сознательная организация семьи, разумное к ней отношение являются одним из важных условий успешного строительства коммунизма. Вся жизнь людей нашего общества так или иначе связана с жизнью семьи, и пускать последнюю на самотек, отдавать власти случайности — значит упускать в нашей деятельности важное условие

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 8.

улучшения жизни общества. Семья и брак не от бога, не великое таинство, как твердит религия, а естественноисторическое явление. Его можно вполне познать и управлять им. Вопросы семьи и брака как общественных явлений имеют в историческом материализме такие же основания для научного анализа, как и любые другие общественные явления.

1. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БРАКА И СЕМЬИ КАК ОБЩЕСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ

Брак и семья в их современной форме включают в себя множество разнообразных элементов. В них обнаруживаются и общественные и естественные связи, материальные и идеологические отношения, домашний труд и техника, различного рода потребности, чувства и т. д.

В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс мимоходом отмечает, что под браком, если не иметь в виду его юридической стороны, обычно подразумевается такое состояние, когда мужчина и женщина остаются в парном сожительстве до рождения ребенка. Это определение до известной степени дает представление о том, что собой представляет брак, хотя и не исчерпывает всех его сторон.

В нашей современной литературе также имеются определения брака и семьи. «...Брак, — пишет А. Г. Харчев, — можно определить как исторически изменяющуюся социальную форму отношений между женщиной и мужчиной, посредством которой общество упорядочивает и санкционирует их половую жизнь и устанавливает их супружеские и родительские права и обязанности» [2].

В этом определении брак правильно характеризуется как общественное, а не как чисто естественное явление. У животных есть лишь естественные предпосылки брака, но не сам брак. Правда, первоначально человеческий брак мог отличаться от сожительства животных лишь осознанностью инстинкта, лежащего в его основе. Но раз он осознается коллективом, то сразу же становится общественным явлением, закрепляется обычаем. Так как брак — общественная форма естественных отношений, то он складывается и видоизменяется исторически. Если в начале человеческой истории брак закрепляется и поддерживается общественным обычаем, то с появлением государства и права он закрепляется и поддерживается государственными учреждениями, оформляется в правовых нормах.

При различных экономических отношениях брак может играть различную роль. Так, при господстве частной собственности браком определяется положение ребенка в обществе. Для передачи собственности по наследству важно, в браке или вне брака родился ребенок. В обществе же, основанном на общественной собственно-

[2] А. Г. Харчев. Брак и семья в СССР. М., «Мысль», 1964, стр. 48.

сти, при общественном содержании и воспитании детей положение ребенка в обществе не зависит от того, в браке или вне брака он родился. Однако всегда и при всех условиях брак определяет положение ребенка в системе родства.

При одной и той же естественной основе в ходе общественного развития брак принимал разные формы. Основные виды брака, известные истории, — это групповой брак, парный брак и единобрачие. Каждая из этих форм обычно подразделяется на различные виды. Так, единобрачие, или моногамия, может иметь свои черты в рабовладельческом, феодальном, капиталистическом и социалистическом обществе. Известно также существование переходных форм брака от группового к парному, от парного к моногамии.

Удачным, на наш взгляд, является и определение семьи, данное А. Г. Харчевым. По его мнению, *«семью можно определить как обладающую исторически определенной организацией малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения»*[3]. Принимая это определение, в то же время нужно учитывать и некоторые особенности семьи, которые трудно или вовсе невозможно учесть в ее определении.

Семья обычно включает в себя как важнейший элемент брачный союз супругов. Однако семья не перестает существовать даже и в том случае, когда она теряет этот элемент. Например, семья может состоять из матери и детей.

Семья обычно предполагает связь или родство по крови. Но могут быть семьи, в которых нет родства по крови. Например, отец, мать и усыновленные дети.

Семья всегда формируется на какой-то основе. Различные философы и социологи по-разному подходили к определению основы семьи. Кант видел эту основу в правовом порядке, Гегель — в абсолютной идее, Фрейд — в половом влечении.

Маркс показал, что экономические отношения, составляющие основу общественно-экономических формаций, являются в то же время и основой семьи. Правда, в семье экономическая основа общества преломляется своеобразно. Другими словами, не только общество, но и семья имеет свою экономическую основу. Если в обществе господствует частная собственность, то эта собственность, являясь основой отдельных семей, представляет в то же время и экономическую основу общества. Разница между экономикой семьи и общества в этом случае есть по существу разница между целым и его частью.

В семье могут иметь место и технические отношения, связанные с различными видами семейного хозяйства, например, участие членов семьи в различных видах работы в огороде, на строительстве

[3] А. Г. Харчев. Брак и семья в СССР, стр. 57.

дома и т. п. В ней, как было отмечено, осуществляется быт людей.

Семья живет не только материальной, но и духовной жизнью. В ней могут рождаться различные идеи, складываться идеологические отношения, привычки, влечения, чувства. Так, в семье имеет место правовое регулирование отношений между мужем и женой, родителями и детьми, существуют права и обязанности по материальному обеспечению нетрудоспособных, воспитанию детей, наследованию частной собственности и т. д. Различные поступки членов семьи имеют нравственную (хорошие и плохие) и эстетическую (красивые и некрасивые) стороны и, значит, могут подвергаться нравственной и эстетической оценке. Многообразие отношений в семье порождает многообразие чувств, имеющих как естественную, так и общественную сторону. Это чувства любви, дружбы, ревности, материнские и отцовские чувства, чувства уважения к родителям и т. д. При этом семья не только создает условия для возникновения этих чувств, но и для их реализации. Семья представляет собой особую область общественной психологии. Члены семьи участвуют в общественном, семейном и домашнем труде.

Общественный труд — это труд членов семьи на пользу общества, независимо от того, вознаграждается он или нет.

Ведение семейного хозяйства и семейный труд — это труд, связанный с частной собственностью семьи. В условиях классового антагонистического общества, как уже было отмечено, все богатство страны, ее хозяйство, обычно распадается на хозяйства отдельных семейств. Так, национальное хозяйство США или Австралии в своем подавляющем количестве распадается на хозяйство 60 семейств. В семейном хозяйстве участвуют не обязательно только члены семьи, но могут участвовать и другие лица, например, рабы, крепостные крестьяне, наемные рабочие и т. д.

Основой домашнего хозяйства является личная собственность семьи. Оно непосредственно связано с осуществлением быта, выражающемся в изготовлении пищи, починке одежды, обуви, уходом за детьми, стариками и т. д. и т. п.

По отношению к детям обязанности родителей заключаются, следовательно, не только в рождении детей (их можно родить и вне семьи), но и в материальном обеспечении их до наступления зрелости, и в подготовке их к жизни, в передаче им определенных навыков, знаний, идей для того, чтобы сделать их полезными членами общества, класса. Семья также обязана содержать стариков, материально их обеспечивать, создавать условия для нормальной старости. Семья, таким образом, является важным звеном в процессе осуществления преемственности общественного развития.

Семья как определенный коллектив воспитывает детей прежде всего тем, что представляет собой первоначальную среду, в которой протекает формирование человеческой личности. В семье ребенок впервые включается в общественные отношения и приобретает первые нравственные и другие человеческие качества.

От условий жизни в семье в значительной степени зависит здоровье ее членов. В обществе, основанном на частной собственности, общественное производство оказывает воздействие на рост народонаселения через семьи как хозяйственные единицы. В известной мере это относится и к социалистическому обществу, осуществляющему принцип распределения по труду. Правда, здесь имеет место и прямое воздействие общественного благосостояния на условия жизни отдельных людей через общественное обслуживание: детские ясли, сады, больницы, санатории, дома отдыха и т. д.

Таковы некоторые крайне общие черты семьи и брака как общественных явлений. Более глубокое представление о них можно получить, лишь проследив процесс их становления и развития.

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ И СЕМЬИ

Вопросы истории брачно-семейных отношений являются крайне трудными и во многом пока еще не разрешенными. При этом, естественно, что чем больше мы удаляемся от наших дней в прошлое, тем больше неясностей встает на пути, и вместо достоверных фактов приходится довольствоваться догадками и гипотезами. Значительным вкладом в познание истории брачно-семейных отношений явились труды Льюиса Моргана (1818—1881). Морган, по словам Энгельса, на своем специфическом материале самостоятельно открыл материалистическое понимание истории.

Опираясь на труды Моргана, Энгельс высказал ряд гениальных идей, не потерявших своего значения и в наши дни. Правда, фактический материал теперь значительно пополнился, в особенности благодаря исследованиям советских этнографов, археологов, историков. В то же время некоторые положения, сформулированные Л. Морганом, получили соответствующие уточнения.

Рассматривая историю общества с точки зрения развития в нем брачно-семейных отношений, Морган допускает существование состояния неограниченных половых отношений, получивших в науке название промискуитета. Это значит, по Моргану, что любой мужчина, достигший половой зрелости, считался состоящим в браке с каждой, достигшей половой зрелости, женщиной, независимо от того, находилась она с ним в родстве или нет. Не существовало также каких-либо ограничений, направленных на длительность сожительства мужчины и женщины. Существовало такое брачное правило, которое означало по существу отсутствие всяких общественных брачных правил.

Против этого предположения Моргана и Энгельса ополчились многие буржуазные социологи. Они всячески пытались представить начало человеческой истории в соответствии с библейским мифом о сотворении Адама и Евы, считая, что моногамия существовала всегда. Этим взглядам они пытались придать наукообразный вид, ссылаясь на животных, у которых наблюдаются семьи с одним самцом, скрепляющим семью.

Но, как уже было показано, животная семья не могла быть исходной для образования человеческого общества, история которого начинается с первобытного стада. Человеческое общество формировалось, лишь разрушая эту семью, представляя собой ее прямую противоположность. Вполне естественно, что в первобытном стаде, которое было несовместимо с обособленным существованием отдельных семей, вначале не было никаких общественных моральных норм, регулирующих их брачно-семейные отношения. «Неупорядоченными» эти брачно-семейные отношения были лишь в отношении общественных норм, а не на практике, как это пытается доказать, например, Ю. И. Семенов[4]. Порядок у них сохранялся, но он по преимуществу подчинялся естественным, а не общественным закономерностям. Он выражался в половом отборе, т. е. в брак вступал сильнейший.

Дальнейшее развитие брачно-семейных отношений, по Моргану, шло таким путем, что первоначально очень широкий круг, охватываемый брачными узами, все больше и больше суживался вплоть до ограничения отдельной парой.

Первой исторической формой семьи, согласно Моргану, была кровнородственная семья. В ней запрещались брачные отношения между родственниками разных поколений, т. е. между предками и потомками, родителями и детьми. Но по общему правилу в браке находятся все родственники одного и того же поколения, т. е. братья и сестры, их дети, их внуки и т. д. Правда, никаких фактов о существовании такой семьи нет. Предположение о ее существовании Морган делает, ссылаясь на гавайскую систему родства, сохранившуюся в Полинезии.

Второй формой семьи рассматривается пуналуальная семья. Для нее характерно исключение из брачных отношений братьев и сестер, вначале родных, затем двоюродных и более отдаленных. «По гавайскому обычаю, — писал Энгельс, — известное число сестер, единоутробных или более дальних степеней родства (двоюродных, троюродных и т. д.), были общими женами своих общих мужей, из числа которых, однако, исключались их братья; эти мужья называли уже один другого не братом, они и не должны были более быть братьями, а «пуналуа», то есть близким товарищем, так сказать, associé (компаньоном. — *Ред.*). Равным образом ряд братьев, единоутробных или более дальних степеней родства, состоял в общем браке с известным числом женщин, но только *не* своих сестер, и эти женщины называли друг друга пуналуа»[5].

Из пуналуальной семьи выводится происхождение рода и экзогамных отношений (запрещение брачных отношений внутри рода и разрешение их между родами).

В настоящее время эта схема начального развития брачно-семейных отношений не может быть принята полностью. Она стра-

[4] См. Ю. И. Семенов. Возникновение общественных отношений. В сб. «У истоков человечества». Изд-во МГУ, 1964.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 44.

дает внутренними противоречиями. Отметим прежде всего, что пуналуальные брачные отношения, представляющие, по Моргану, шаг вперед по сравнению с кровнородственной семьей, в действительности представляют и шаг назад. Ведь они не исключают брачных отношений между родственниками разных поколений. Согласно описанию этих отношений, отец может вступать в брак со своими дочерьми, так как находится с ними в разных родах.

Однако суть дела не только в этом. Главная ошибка предложенной Морганом схемы заключается в неправильном определении причин эволюции брачно-семейных отношений. Эта причина, по Моргану, заключается в действии естественного отбора, во вреде близкородственных сношений. Нетрудно убедиться, что вред близкородственных отношений не мог быть причиной их запрета. Брачные запреты представляли собой моральные обычаи, которые, прежде чем им сложиться, должны были пройти через сознание людей. Другими словами, люди не могли запретить сожительство между близкими родственниками, не поняв его вреда. Однако понять этот вред они не могли по ряду обстоятельств.

Во-первых, как показывает биология, близкородственные сношения не являются настолько вредными, чтобы их можно было быстро обнаружить. Их последствия могут вредно сказаться на потомстве лишь в том случае, когда они практикуются на протяжении многих поколений.

Во-вторых, если не было правил, запрещающих брак между близкими родственниками, то тем более не было и не могло быть правил, обязывающих вступать в брак именно с близкими кровными родственниками. Никакой нужды в этом не было. Такие правила могли быть выработаны лишь при господстве частной собственности. Половая связь между близкими родственниками могла встречаться скорее как случайность, связанная с совместной жизнью, но не как правило. А это значит, что кровнородственная семья не могла существовать.

В-третьих, для того чтобы люди могли замечать вред близкородственных сношений, требовалось довольно высокое развитие познавательных способностей людей, да и вообще самих общественных отношений. Между тем, как показывает Энгельс, при групповом браке отец оставался неизвестным. Поэтому неизвестно и то, родился ли тот или иной ребенок в результате близкородственных сношений или нет. Кроме того, как справедливо отмечает М. О. Косвен, «первобытный человек данной эпохи не мог еще иметь понятие о связи между половым общением и рождением ребенка. Некоторые австралийские и меланезийские племена обнаруживали полное неведение в этом вопросе и как зачатие, так и рождение объясняли иным, фантастическим образом»[6].

Делая выводы о существовании кровнородственой семьи,

---

[6] М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 108.

якобы сменившей промискуитет, Морган ссылается на систему родства, отстающую в своем развитии от фактических брачно-семейных отношений.

Это утверждение, конечно, в известной степени справедливо. Однако нужно учитывать и то, что система родства не всегда имела тот же смысл и значение, который она приобрела в настоящее время. Например, понятие об отце, по всей вероятности, возникло гораздо раньше, чем создалось представление об отце как родителе. Чтобы делать выводы о брачно-семейных отношениях по системе родства, нужно быть уверенным, что последняя есть точное отражение первых. Можно допустить, что названия отец, мать, брат и т. д. в далеком прошлом обозначали не только фактические брачные отношения, но и разделение других обязанностей в общине, связанных с обучением навыкам детей и т. п. Еще и в настоящее время женщина нередко называет всех мальчиков «сынками», хотя никакого кровного родства здесь нет. Не является ли это свидетельством того, что в далеком прошлом эти названия имели иную основу и смысл, чем теперь?

По всей вероятности, при родовом строе система родства должна была складываться как отражение всех общественных отношений. Да и надобности в том, чтобы система родства точно отражала именно брачные отношения, не было. Только в более позднее время, в связи с возрастанием роли территориальных связей, с возникновением частной собственности и государства система родства была доведена до своего минимума: она стала отражением исключительно брачных отношений того времени. В этом появилась необходимость: нужно было точно определить наследников. Поэтому по устаревшим системам родства нельзя было точно судить о фактических брачных отношениях прошлого. А это, в частности, означает, что и выводы о существовании кровнородственной семьи не являются достоверными. Единственное, что можно считать достоверным — это существование экзогамной дуальной организации, запрещающей брачные отношения внутри рода. О ней свидетельствуют известные этнографии факты.

Многие из советских этнографов уже отказались от представлений Моргана о существовании кровнородственной семьи и от его характеристики семьи «пуналуа». Так, С. Токарев в рецензии на книгу проф. В. И. Равдоникаса «История первобытного общества» писал, что «проф. В. И. Равдоникас продолжает некритически придерживаться теории «кровнородственной семьи» в том виде, как ее в свое время излагал Морган, ...даже не упоминая (а может быть и не зная), что в современной советской этнографической науке эта теория вызвала серьезные возражения как не соответствующая фактам. От этой «кровнородственной семьи» автор ведет линию к «образованию рода», усматривая зародыш последнего в гавайской «семье пуналуа»... и, очевидно, продолжал считать гавайцев, как это делалось во время Моргана, представителями самой низкой стадии развития... Гавайцы и другие полинезийцы не имеют ничего

общего с дикостью... это весьма культурный и развитый народ, стоявший уже до прихода европейцев на грани классового строя, создавший в XIX в. ряд туземных государств, ...полинезийцы имеют за собой богатое историческое прошлое и давно пережили стадию родового строя... гавайская семья «пуналуа»... ни с какой стороны не может рассматриваться как образчик примитивной формы семьи, будучи запоздалым обломком группового брака, возникшим в условиях разложения рода...» [7].

Как же можно мыслить себе действительное развитие брачно-семейных отношений?

Как уже было показано, первобытное стадо характеризуется острыми противоречиями между биологическими и социальными закономерностями. Если первые вели к распаду первобытного стада, то вторые, наоборот, укрепляли и сплачивали его. Преодоление этого противоречия и было причиной формирования первых моральных обычаев, направленных на подчинение поведения отдельных индивидов интересам коллектива. Так как конфликты, возникающие на почве полового и естественного отбора, вели к распаду коллектива, то должно было появиться стремление их устранить. Ведь распад первобытного стада означал смертельную опасность для его членов, опасность, непосредственно более ощутимую, чем вред близкородственных сношений.

Конфликты, возникающие на почве естественного отбора при распределении продуктов потребления, видимо, были устранены раньше, чем конфликты, возникающие на почве полового отбора. Распределение было непосредственно вплетено в производство, т. е. связано с охотой, добыванием и приготовлением пищи, и подчинено им, а значит им и регулировалось.

Конфликты же, связанные с половым отбором, нельзя было устранить до тех пор, пока первобытное стадо существовало как один коллектив. Возможность устранения этих конфликтов появилась лишь с распадом первобытного стада на родственные группы, а затем и роды. Брачные отношения вне общины не вели к ее разрушению. Поэтому постепенно внутри общины, которая в то же время состояла из ближайших родственников по материнской линии, брачные отношения были запрещены. Они сохранились, вначале неофициально, а затем официально, между общинами. Каждый мужчина одного рода заранее считался состоящим в супружеских отношениях с женщинами другого рода. Сформировалась дуальная экзогамия, представляющая важный шаг по пути формирования брачно-семейных отношений.

А. М. Золотарев следующим образом характеризовал значение этих первых запретов для развития всего первобытного общества. «Установление экзогенных запретов в первобытном стаде полностью меняет его структуру. В сферу безраздельного господства инстинктов вводится первый социальный закон: экзогамия. Вместе

---

[7] «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 223.

с экзогамией и в качестве ее идеологического отражения возникает все прогрессирующее и расширяющее сферу своего действия представление о непристойности браков между близкими родственниками. Вводятся все новые и новые запреты, суживается круг брачной общности» [8].

А. М. Золотарев затем высказывает предположение и о дальнейшем пути развития брачно-семейных отношений, которые, на наш взгляд, ближе к истине, чем у Льюиса Моргана. «Первой формой брачного запрета, — пишет он, — были, насколько позволяют судить австралийские материалы, запреты брака между братьями и сестрами, понимая эти термины в самом широком смысле. В результате разделения племени на две экзогамных фратрии были изъяты из брака братья и сестры, матери и сыновья, но в условиях матрилинейного счета наследования допускались браки отца с дочерьми. Уже позднее для устранения этих браков было введено... деление каждой фратрии на два брачных класса с непрямым счетом наследования. Четырехклассовая система исключала из браков отцов и дочерей. В этом ее смысл и историческое значение. Наконец, в силу возникшего позднее, известного только австралийским племенам, разделения каждого из четырех классов на два подкласса, из брака были исключены двоюродные братья и сестры (кросс—кузены). Такова в самых общих чертах картина развития брачных запретов австралийцев» [9].

Развитие брачно-семейных отношений от промискуитета к дуальной экзогамии допускалось как возможное и Энгельсом. Ссылаясь на материалы об австралийских экзогамных классах, Энгельс писал: «...Или эта организация возникла в ту пору, когда, при всем смутном стремлении ограничить кровосмешение, люди не видели еще ничего особенно ужасного в половых связях между родителями и детьми,— и в таком случае система классов возникла непосредственно из состояния неупорядоченных половых отношений,— или же половая связь между родителями и детьми *была* уже воспрещена обычаем к моменту возникновения брачных классов, и в таком случае современное состояние указывает на существование перед тем кровнородственной семьи и представляет первый шаг к отказу от нее. Последнее более вероятно» [10].

Так как семья предполагает совместную жизнь состоящих в браке ее членов и осуществление определенных обязанностей друг по отношению к другу, то ни промискуитет, ни экзогамия не представляют семьи. Ее зарождение связано с переходом от группового брака к парному, когда мужчина вступает в более или менее длительное сожительство с одной и той же женщиной.

Переход от матриархата к патриархату сопровождается изме-

---

[8] А. Золотарев. К истории ранних форм группового брака. Московский областной педагогический институт. Ученые записки исторического факультета, т. 2. М., 1940, стр. 164.

[9] Там же.

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 48.

нением брачно-семейных отношений. Развитие средств производства и формирование частной собственности требуют длительного соединения супругов и прикрепления жены к семье мужа. Парный брак сменяется моногамией (единобрачием). Из матриархального рода постепенно возникает патриархальный род и патриархальная семья.

Основной причиной превращения матриархата в патриархат был рост производительности труда и увеличение общинных богатств. Важнейшим условием этого роста богатств было прежде всего приручение животных: лошадей, ослов, свиней, рогатого скота, обеспечивающих общину мясом, молоком, кожей, а также служащих тягловой силой в земледелии. Вначале стадо принадлежало роду. В силу тогдашнего разделения труда муж добывал животную пищу и делал для этого необходимые орудия. Ему же принадлежало и право собственности на продукты своего труда. В случае расторжения брака эта собственность оставалась за мужем. За женой, которая обычно занималась домашним хозяйством, оставалась домашняя утварь. Муж в то же время был и собственником рабов.

Возникновение патриархальной семьи есть по существу возникновение первой формы семьи. Она формируется как хозяйственная единица общества. До возникновения семьи хозяйственной единицей общества было первобытное стадо, а затем материнский род. В то же время до образования семьи и нравственно-воспитательная функция осуществлялась всем первобытным стадом, а затем родом. Мужчины воспитывали мальчиков, готовя из них воинов и охотников, женщины — всех девочек. Только патриархальный род является не только хозяйственной единицей, но и единицей, в которой концентрируются брачно-семейные отношения, т. е. патриархальный род по существу представляет собой большую семью или переход к этой семье. Являясь как бы продолжением рода, семья в то же время формируется как сила, противостоящая роду и разрушающая его. Вообще развитие семей и семейного хозяйства шло по линии разрушения родового строя. Обособление семей означало обособление частной собственности в противовес собственности общественной.

Патриархальная семья — это организация некоторого числа лиц как свободных, так и рабов, подчиненных власти главы семьи, т. е. она представляет собой формирующуюся моногамию. Последняя следующим образом характеризуется Энгельсом: «Она основана на господстве мужа с определенно выраженной целью рождения детей, происхождение которых от определенного отца не подлежит сомнению, а эта бесспорность происхождения необходима потому, что дети со временем в качестве прямых наследников должны вступить во владение отцовским имуществом. Она отличается от парного брака гораздо большей прочностью брачных уз, которые теперь уже не расторгаются по желанию любой из сторон. Теперь

уже, как правило, только муж может их расторгнуть и отвергнуть свою жену»[11].

Однако с возникновением моногамии групповой брак не исчезает полностью. Он проявляется теперь в виде супружеской неверности. При этом право на супружескую неверность остается только для мужчин. Моногамия же существует только для женщины. Половая свобода от экзогамных отношений идет через гетеризм (половое общение мужей с незамужними женщинами) к открытой проституции. С одной стороны — моногамия, а с другой — гетеризм и его крайняя форма — проституция, — таково противоречивое развитие брачно-семейных отношений в антагонистическом обществе.

Моногамная семья обладает всеми функциями в их единстве: рождение детей (наследников), их воспитание, хозяйственная деятельность, наследование собственности, материальное обеспечение детей и стариков и др. Собственно, появление коллектива, объединяющего все эти функции вместе, и есть появление семьи.

Моногамная семья во многих случаях возникает как семья рабовладельцев. Семья рабов была невыгодна для рабовладельцев, так как отвлекала их от главного — от постоянного труда на рабовладельцев и требовала от последнего дополнительных затрат. Поэтому в большинстве случаев рабы оставались бессемейными. Как хозяйственная единица семья рабовладельцев выполняет не только хозяйственные, но и политические функции: подготовляет кадры для армии, участвует в управлении государством. Некоторые из функций этой семьи выполняются рабами: хозяйственная деятельность, домашний труд, ухода за детьми и пр.

С изменением экономических отношений моногамная семья развивалась по-разному, принимала различные формы. Одной из классических форм была семья ионян, в особенности в Афинах. Девушек учили лишь прясть, ткать и шить, самое большее — немного писать и читать. Они жили почти затворницами и могли пользоваться лишь обществом других женщин. Без сопровождения рабынь женщины из дому не выходили. Муж занимался всякого рода делами, в том числе общественными, от участия в которых жена была устранена.

Так произошла семья, которая отнюдь не была плодом индивидуальной любви. В основе ее возникновения лежал экономический интерес. Формирование семьи как хозяйственной единицы явилось результатом победы частной собственности над естественно сложившейся общественной собственностью.

При феодализме браки в среде господствующего класса были связаны с сословным делением общества и в значительной степени определялись знатностью и происхождением жениха и невесты. Что касается крепостных крестьян, то в отличие от рабов их прикрепляют к участку земли с определенными средствами производства и теперь уже выгодно, чтобы они обзаводились семьей.

Семья с самого начала ее формирования в классовом обществе

---

[11] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 65.

закрепляется государством, церковью. Вступление в брак и создание семьи зависит теперь от произвола родителей, от законов государства, от различного рода национальных и других предрассудков. Основу семьи составляют частнособственнические экономические отношения.

Зависимость брачно-семейных отношений от отношений экономических особенно ярко обнаруживается в буржуазном обществе. «Буржуазия,— писали Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии»,— сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям» [12].

Брак в буржуазной семье представляет собой коммерческую сделку. Обычно либо сынку подыскивают жену, либо он сам выбирает ее из своего класса, причем важнейшим стимулом этого брака являются экономические интересы. Буржуазный брак есть по существу брак капитала с капиталом. Отношения между мужем и женой, между родителями (владельцами наследства) и детьми (наследниками) и вообще все отношения буржуазной семьи определяются денежными отношениями. Такие скрепляющие семью факторы, как любовь и взаимное уважение супругов, родительская любовь к детям и детей к родителям, общность интересов у членов семьи и т. п., подчас совершенно вытесняются. Семейные связи ослабляются. Паразитический образ жизни членов буржуазной семьи ведет эту семью к ее разложению изнутри. Отсутствие любви между мужем и женой делают взаимную неверность неизбежным явлением. «Распутный буржуа, — писали Маркс и Энгельс, — обходит брак и предается втайне нарушениям супружеской верности... Молодой буржуа делает себя независимым от своей собственной семьи, когда он в состоянии это сделать, — он практически упраздняет для себя семью. Но брак, собственность, семья остаются теоретически неприкосновенными, потому что они образуют практические основы, на которых воздвигла свое господство буржуазия, потому что они, в своей буржуазной форме, являются условиями, благодаря которым буржуа есть буржуа... Вообще нельзя говорить о семье *«как таковой»*. Буржуазия исторически придает семье характер буржуазной семьи, в которой скука и деньги являются связующим звеном и к которой принадлежит также и буржуазное разложение семьи, не мешающее тому, что сама семья продолжает существовать. Её грязному существованию соответствует священное понятие о ней в официальной фразеологии и во всеобщем лицемерии» [13].

Конечно, если иметь в виду не общее правило, то и в среде буржуазии встречаются браки по любви. Но отношения господства и подчинения, которые складываются в семье, постепенно вытравливают это чувство.

---

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 427.
[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 168.

Только в среде угнетенных, неимущих классов любовь становится решающим мотивом для заключения браков. Пролетарская семья освобождается от пороков, свойственных буржуазной семье. Но она уже не является частным собственником и, значит, хозяйственной единицей в обычном смысле слова. В этом Энгельс видел устранение всех оснований классической моногамии.

Пролетарская семья в условиях буржуазного общества нередко разрушается. Непомерная эксплуатация, в особенности женского и детского труда, не дают возможности укрепить эту семью. Капиталистическое производство разобщает, расщепляет семью, медленно как физически, так и духовно, калечит ее членов Нередко пролетарская семья оказывается лишенной даже минимальных материальных и духовных условий для нормальной жизни. Многие пролетарии, по тем же причинам, обречены на бессемейность.

3. ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СТОРОНА В РАЗВИТИИ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

История брака и семьи характеризуется развитием не только материальной, но и духовной стороны. Сюда прежде всего следует отнести развитие чувств любви, дружбы, взаимного уважения, а также противоположных связанных с ними чувств вражды, ненависти, презрения и т. п. Отношения между мужчиной и женщиной не сводятся к осуществлению инстинкта продолжения рода, к удовлетворению физиологической потребности, как это имеет место у животных. Сексуальная жизнь человека — это не чисто биологическое явление, как иногда считают. В ходе исторического развития она непрерывно видоизменялась, все больше и больше приобретая чисто человеческие черты. Однако ее нельзя отождествлять и с индивидуальной половой любовью. Последняя может иметь место и там, где нет половой жизни. В то же время, что бывает очень часто, сексуальная жизнь может иметь место там, где нет любви. Однако чем больше человек удаляется от животного мира, тем больше его сексуальная жизнь пронизывается индивидуальной половой любовью. Прогресс человеческих отношений обнаруживается в укреплении единства того и другого.

«Непосредственным, естественным, необходимым отношением человека к человеку,— писал Маркс,— является *отношение мужчины к женщине*. В этом *естественном* родовом отношении отношение человека к природе есть непосредственным образом его отношение к человеку, а его отношение к человеку есть непосредственным образом его отношение к природе, его собственное *природное* предназначение. Таким образом, в этом отношении *проявляется* в *чувственном* виде, в виде наглядного *факта* то, насколько стала для человека природой человеческая сущность, или насколько природа стала человеческой сущностью человека. На основании этого отношения можно, следовательно, судить о ступени общей культуры человека» [14].

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 587.

Преобразуя окружающий мир, человек тем самым преобразует и свои чувства в подлинно человеческие. История общества поэтому представляется и как история чувств человека. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс отмечает исторический характер чувств ревности, любви и т. д. «То, — пишет Энгельс, — что ревность — чувство, развившееся относительно поздно, можно считать твердо установленным» [15]. Также и чувство любви до появления моногамии существовало лишь в зародыше. «До средних веков не могло быть и речи об индивидуальной половой любви. Само собой разумеется, что физическая красота, дружеские отношения, одинаковые склонности и т. п. пробуждали у людей различного пола стремление к половой связи, что как для мужчин, так и для женщин не было совершенно безразлично, с кем они вступали в эти интимнейшие отношения. Но от этого до современной половой любви еще бесконечно далеко» [16].

Однако хотя средневековая любовь и представляет страсть, но лишь как выражение полового влечения, что очень мало затрагивало внутренний мир, не требовало духовной общности и близости. Рыцарю достаточно было раз увидеть избранную, чтобы воспылать к ней любовью. От любви не требуется духовных переживаний, кроме эстетических наслаждений. Не требуется других духовных качеств, кроме физической красоты [17].

Индивидуальная половая любовь, как бы она ни проявлялась, своими важнейшими условиями имеет равноправные и свободные отношения. Поэтому на всем протяжении истории классового антагонистического общества она находилась в противоречии с теми отношениями, которые характеризовали брак и семью, т. е. с отношениями господства и подчинения. Мопассан в рассказе «Советы бабушки» следующим образом описывает это противоречие. «Между браком и любовью, — поучает бабушка внучку Берту, — нет ничего общего. Женятся для того, чтобы создать семью, а семья нужна для того, чтобы построить общество. Общество не может обойтись без брака. Если общество — это цепь, то каждая семья — звено в этой цепи. Чтобы спаять эти звенья, всегда подбирают однородные металлы. В браке надо сочетать сходное, надо сообразоваться с состоянием, с происхождением, надо заботиться об общем благе супругов, которое заключается в достатке и детях. Женятся, крошка, только один раз, да и то потому, что этого требует свет; а любить можно двадцать раз в жизни, потому что такими создала нас природа. Ведь брак — это закон, а любовь — инстинкт, который влечет нас от одного к другому. Люди придумали законы, которые подавляют наши инстинкты, и, видимо, так нужно было. Но инстинкты всегда берут верх, и напрасно им про-

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 40.

[16] Там же, стр. 79.

[17] См. И. С. Кон. *Половая мораль в свете социологии.* «Советская педагогика», 1966, № 12.

тивятся: ведь они от бога, законы же созданы людьми. Жизнь, крошка, надо подслащать любовью—и как можно больше,—подобно тому, как обсахаривают пилюли для детей, потому что такою, какая она есть, ее никто не примет»[18]. Индивидуальная половая любовь, как правило, развивалась вне брака и семьи, как их необходимое дополнение. Однако несмотря на это, можно предположить, что именно моногамная семья сыграла решающую роль в поднятии чувства индивидуальной половой любви на более высокую ступень. Только в моногамной семье складывались условия для более глубокого понимания ценности внутреннего мира человека противоположного пола, его не только моральных, но и всех других социальных качеств. Помимо физической красоты в индивидуальной половой любви большую роль стали играть также духовная красота, идеалы человека, его умения, способности, ориентация в жизни и т. д.

«Современная половая любовь,— писал Энгельс,— существенно отличается от простого полового влечения, от эроса древних. Во-первых, она предполагает у любимого существа взаимную любовь; в этом отношении женщина находится в равном положении с мужчиной, тогда как для античного эроса отнюдь не всегда требовалось ее согласие. Во-вторых, сила и продолжительность половой любви бывают такими, что невозможность обладания и разлука представляются обеим сторонам, великим, если не величайшим несчастьем; они идут на огромный риск, даже ставят на карту свою жизнь, чтобы только принадлежать друг другу, что в древности бывало разве только в случаях нарушения супружеской верности. И, наконец, появляется новый нравственный критерий для осуждения и оправдания половой связи; спрашивают не только о том, была ли она брачной или внебрачной, но и о том, возникла ли она по взаимной любви или нет?»[19].

Чувство индивидуальной половой любви как результат физиологического, психологического и социального развития человека у разных людей, в разных условиях протекает по-разному. Поэтому никаким определением ее нельзя исчерпать. И не случайно тема любви в литературе неисчерпаема. Сколько бы ее ни описывали, она каждый раз будет обнаруживаться по-новому. И всегда особую роль в этом играют социальные условия. Однако при всем различии в ней есть некоторые общие черты, хорошо раскрытые И. М. Сеченовым. «Любя женщину, — писал И. М. Сеченов, — человек любит в ней, собственно говоря, свои наслаждения; но, объективируя их, он считает все причины своего наслаждения, находящимися в этой женщине, и таким образом в его сознании, рядом с представлением о себе, стоит сияющий всякими красотами образ женщины. Он должен любить ее больше себя, потому что

---

[18] Ги де Мопассан. Полн. собр. соч. в 12 томах, т. 10. М., «Правда», 1958, стр. 156.
[19] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 79—80.

в свой идеал я никогда не внесу из собственных страстных ощущений те, которые для меня неприятны. В любимую женщину вложена только лучшая сторона моего наслаждения»[20]. Вполне естественно, что выбор этой любимой женщины во многом зависит от самого мужчины, от уровня его развития, ориентации, идеалов и т. д. Мы ценим в других то, что ценим в себе, что соответствует нашему образу жизни и представлениям о ней. Зависимость идеала женской красоты от условий жизни и представлений о ней хорошо раскрыта Чернышевским в диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». Представления о жизни у крестьянина включают в себя и представления о работе. Поэтому свежий цвет лица и румянец на всю щеку — первое условие красоты по простонародным понятиям. Сельская красавица в то же время должна быть крепка сложением и довольно плотна, но не толста. «...Светская «полувоздушная» красавица кажется поселянину решительно «невзрачною», даже производит на него неприятное впечатление, потому что он привык считать «худобу» следствием болезненности или «горькой доли»»[21].

Идеализация в индивидуальной половой любви и связанная с ней пылкая страсть может вести к самопожертвованию, часто вопреки инстинкту самосохранения. «Но вот, — пишет далее И. М. Сеченов, — мужчина начинает обладать своим идеалом. Страсть его вспыхивает еще живее, ярче, потому что место темных, неопределенных, половых стремлений заступают теперь яркие, трепетные ощущения любви, да и самая женщина является в небывалом дотоле блеске. Проходят месяцы, год, много два, и обыкновенно страсть уже потухла, даже в тех счастливых случаях, когда с обеих сторон действительность соответствовала идеалам. Отчего это? Да на основании закона, по которому яркость страсти поддерживается лишь изменчивостью страстного образа. В год, в два, при жизни очень близкой друг к другу, сумма возможных перемен и с той и с другой стороны давным давно исчерпалась, и яркость страсти исчезла. Любовь, однако, не уничтожилась: от частого повторения рефлекса, в котором психическим содержанием является представление любовницы с теми или другими, или со всеми ее свойствами, образ ее сочетается, так сказать, со всеми движениями души любовника, и она стала действительно половиной его самого. Это любовь по привычке — дружба.

Человек, раз переживший все эти натуральные фазы полной любви, едва ли может любить страстно во второй раз. Повторение страсти — признак неудовлетворенности предшествовавшими»[22].

---

[20] И. М. Сеченов. Избранные философские и психологические произведения. М., Госполитиздат, 1947, стр. 167.

[21] Н. Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения в 3-х томах, т. 1. М., Госполитиздат, 1950, стр. 60.

[22] И. М. Сеченов. Избранные философские и психологические произведения, стр. 167.

4. СЕМЬЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

Социалистическая революция изменяет экономическую основу общества и вместе с ней и экономическую основу семьи. Уничтожение частной собственности на средства производства и торжество общественной социалистической собственности положило конец дроблению национального хозяйства на семейные хозяйства частных собственников. В то же время оно означало уничтожение отношений господства и подчинения. Экономически женщина становится равноправным членом общества. В то же время она становится равноправной также в политическом и юридическом отношении. В 122 статье нашей Конституции записано: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, на оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, государственной помощью многодетным и одиноким матерям, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов» [23].

В условиях эксплуататорского общества женщина не имела возможности принимать равное с мужчиной участие в общественно-политической деятельности, в искусстве, науке, философии и т. д. Все это задерживало развитие женщины, направляло его по пути совершенствования ее в домашнем труде, в уходе за детьми и т. п. В социалистическом обществе созданы условия для всестороннего развития женщины. Она участвует в общественном труде наравне с мужчиной. Великое освободительное значение этого факта отмечал еще Энгельс: «...Первой предпосылкой освобождения женщины является возвращение всего женского пола к общественному производству, что, в свою очередь, требует, чтобы индивидуальная семья перестала быть хозяйственной единицей общества» [24]. В странах социализма семья больше не является хозяйственной единицей в старом смысле этого слова. Общественное производство осуществляется на основе государственной и кооперативно-колхозной собственности. Экономической основой семьи является уже не частная собственность, а личная собственность, которая развивается за счет общественно полезного труда членов семьи.

Победа социалистической собственности привела к тому, что отношения сотрудничества и взаимопомощи стали укрепляться и внутри семьи, превращая ее в дружный коллектив, скрепленный

---

[23] Конституция СССР. М., Госюриздат, 1960, стр. 26.
[24] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 77.

не только брачными и родственными узами, но и общностью интересов, стремлений, целей, взаимной любовью и уважением.

Освобождение женщины и установление ее полного равноправия с мужчиной является необходимым условием для того, чтобы брак между мужчиной и женщиной заключался по любви, а не по каким-либо другим мотивам. Оно необходимо и для того, чтобы чувство любви и взаимного уважения сохранялись длительное время, т. е. были основой сохранения и укрепления семьи.

При социализме мужчина и женщина полностью равноправны в обществе до брака и создания семьи, но в семье в ряде случаев это равноправие еще полностью не достигнуто. Объясняется это по крайней мере двумя причинами. Первая причина — это наличие еще довольно значительного домашнего хозяйства. По сложившейся еще в антагонистическом обществе традиции домашним хозяйством, как правило, занимается женщина. Вторая причина — семейное воспитание детей, уход за ними. Эта функция также по преимуществу ложится на плечи женщин.

В том случае, когда женщина участвует в общественном труде наравне с мужчиной, она в дополнение к этому вынуждена вести довольно трудоемкое домашнее хозяйство и воспитывать детей. Следовательно, на деле получается так, что женщина трудится в два раза больше, чем мужчина. Если же она занимается исключительно домашним трудом, то и в этом случае нельзя говорить о ее полном равенстве с мужчиной. Ведь общественный труд в большинстве случаев является таким трудом, который обеспечивает рост, развитие человеческой личности. Домашний же труд — это сизифов труд, который в силу своего однообразия и бесперспективности является трудом отупляющим, тормозящим нормальное развитие личности. Устранение этого неравенства настолько важно, что нашло свое отражение даже в Программе КПСС. «Должны быть полностью устранены остатки неравного положения женщины в быту, созданы все социально-бытовые условия для сочетания счастливого материнства со все более активным и творческим участием женщин в общественном труде и общественной деятельности, в занятиях наукой, искусством. Женщинам должны предоставляться относительно более легкие и в то же время достаточно оплачиваемые работы. Увеличится продолжительность отпусков по беременности» [25].

Каковы же перспективы на пути достижения полного, фактического равенства мужчины и женщины в семье?

В настоящее время в развитии семьи социалистического общества намечается или возможны два, дополняющие друг друга, пути. Первый и главный путь состоит в сокращении домашнего хозяйства до минимума и расширении общественного воспитания. Второй путь, примыкающий к первому, состоит в распределении домашнего труда и семейного воспитания на всех членов семьи.

---

[25] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 393.

Сокращение домашнего труда может идти в самых различных направлениях. Главное из этих направлений заключается в закономерном переводе многих видов домашнего труда на общественное производство. «Женщина, — писал Ленин, — продолжает оставаться *домашней рабыней*, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, отупляет, принижает *мелкое домашнее* хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервливающею, отупляющею, забивающею. Настоящее *освобождение женщины*, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, *массовая перестройка* его в крупное социалистическое хозяйство»[26].

Еще и в настоящее время есть деревни, в которых крестьяне сами пекут для себя хлеб. А изредка могут встретиться и такие деревни, в которых сами жители изготовляют для себя одежду: сеют лен, выращивают его, мочат, сушат, отделяют волокна, прядут их, ткут волокно, а из него шьют для себя белье. Все эти трудовые процессы все больше и больше охватываются общественным производством и человек просто покупает готовый печеный хлеб и белье.

Эта сторона в развитии нашего общества находится под неусыпным вниманием со стороны партии и правительства. В Программе КПСС поставлена задача расширить до полного удовлетворения потребностей населения сети общественного питания, а в дальнейшем перейти к осуществлению бесплатного общественного питания.

Сокращение домашнего труда может идти и за счет механизации отдельных его видов. Увеличение количества стиральных машин, пылесосов, полотеров, холодильников, горячая и холодная вода в комнате, паровое отопление, ванная и душ, автоматизация домашней кухни, газификация и т. п. значительно сокращают домашний труд.

Сокращение домашнего труда произойдет и с изменением экономических отношений при переходе к коммунизму. С принципом распределения по труду связано существование довольно значительной личной собственности. Последняя же требует и соответствующего домашнего труда. Например, если рабочий, инженер или научный работник получает большую заработную плату или вознаграждение за изобретения, то у него появляется желание реализовать эти деньги. И он, зачастую приобретает различные предметы не столько по нужде, сколько по потребности реализовать деньги. Накапливается личная собственность, а соответственно увеличивается и домашний труд. Если взять к примеру колхозную деревню, то там у крестьянина есть личный огород, корова, свиньи,

[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 24.

куры и все это требует значительного и тяжелого труда. Зачастую человек держит у себя многие предметы только потому, что они его, а не потому, что они ему нужны. По мере перехода к коммунизму, с установлением коммунистического принципа распределения, человек будет пользоваться только теми предметами, которые действительно необходимы для удовлетворения его потребностей. Таким образом, можно сказать, что переход к коммунистическому принципу распределения: «От каждого по способностям, каждому по потребностям», сократит домашнее хозяйство, облегчит домашний труд.

Однако полностью домашний труд не исчезнет, ибо не может полностью исчезнуть необходимость самообслуживания членов коммунистического общества. Он будет таким, что не сможет оказать сколько-нибудь значительного влияния на равное положение мужчины и женщины в семье.

Перейдем теперь к вопросу о детях в семье. Появление детей в семье не только умножает домашнее хозяйство, но порождает новую функцию семьи: ухода за детьми и их воспитание, что опять-таки по преимуществу является делом женщины. И здесь на помощь родителям и прежде всего матери приходит государство. Общественная социалистическая собственность определяет необходимость общественного воспитания. Подрастающее поколение нужно готовить к общественному труду. Кроме того, само воспитание со временем должно полностью стать делом общества. «Воспитание всех детей с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода, — писал Энгельс, — в государственных учреждениях и на государственный счет»[27]. Эту же мысль высказывал и Ленин, характеризуя ростки коммунизма в нашей стране. «Общественные столовые, ясли, детские сады — вот образчики этих ростков, вот те простые, будничные, ничего пышного, велеречивого, торжественного не предполагающие средства, которые *на деле* способны *освободить женщину*, на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной, по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни»[28].

В основной массе социалистических семей воспитание носит социалистический характер. Однако родители во многих случаях не достаточно глубоко понимают задачи и методы нравственного воспитания детей. Кроме того, не все родители и не каждая мать обладает способностями, талантом умело воспитывать детей. К тому же в настоящее время в нашей стране рабочий день, хотя и самый короткий в мире, но все же довольно большой, и у родителей нет достаточно времени, чтобы следить за детьми. Наконец, семейное воспитание является таким же непроизводительным трудом, как и весь домашний труд. При общественном воспитании три способных человека смогли бы с большим успехом сделать то, что

---

[27] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 333.
[28] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 24.

при семейном воспитании делает 50 человек. Все это является достаточным основанием для того, чтобы государство принимало все меры к превращению воспитания из семейного в общественное. Детские ясли, сады, школы-интернаты — вот формы общественного воспитания.

Иногда высказывается предположение, что воспитательная функция семьи при коммунизме сохранится полностью. Ведь не ставит же общество задачи отнимать у матерей их детей! Существует же все-таки материнское чувство! Конечно, материнское чувство существует, и общество не ставит задачи отнимать у матерей детей, а лишь помочь им в воспитании. Если мать сама воспитывает ребенка и, хорошо воспитав человека, видит, что ее труд не пропал даром, то ее материнское чувство удовлетворяется. Ну, а если ребенок воспитан плохо? В этом случае, конечно, материнское чувство будет меньше удовлетворено, чем тогда, когда он будет воспитан хорошо, но в его воспитании будут принимать участие детские ясли, детский сад, интернат. Матери сами охотно отдают своих детей в детские ясли, сады, интернаты, если там, конечно, трудятся талантливые воспитатели.

Таковы некоторые перспективы в сокращении домашнего хозяйства и семейного воспитания, включающие и уход за детьми, которые должны привести к равенству женщины с мужчиной и в семье.

Второй путь достижения равенства женщины и мужчины в семье — это распределение домашнего труда и функций семейного воспитания на всех способных к этому членов семьи. Нужно, чтобы не только женщины, но и мужчины занимались домашним хозяйством, уходом за детьми и их воспитанием. Для этого требуется еще очень большая работа по созданию определенного мнения вокруг отношения мужчин к домашнему труду. В свое время в беседе с Кларой Цеткин Ленин по этому поводу говорил: «К сожалению, еще по адресу многих наших товарищей можно сказать: «поскребите коммуниста — и вы найдете филистера». Конечно, скрести нужно чувствительное место, — его психику в отношении женщины. Существует ли более наглядное доказательство этому, чем то, что мужчины спокойно смотрят, как женщины изнашиваются на мелкой работе, однообразной, изнуряющей и поглощающей время и силы, работе в домашнем хозяйстве; на то, как их кругозор при этом сужается, ум тускнеет, биение сердца становится вялым, воля слабой? Я говорю, конечно, не о буржуазных дамах, которые сваливают все домашние работы, включая уход за детьми, на наемных людей. То, что я говорю, относится к огромному большинству женщин, в том числе и к женам рабочих, даже если эти жены целый день проводят на фабрике и зарабатывают сами»[29].

Чтобы достичь равного участия в домашнем труде женщины и мужчины, необходимо с детства обучать не только девушек, но и мальчиков домашнему труду, самообслуживанию. Зачастую муж-

[29] Воспоминания о Ленине, т. 2. М., Госполитиздат, 1957, стр. 490.

чина не помогает женщине в домашнем труде не столько из-за ложной старой традиции, сколько из-за отсутствия соответствующих навыков к домашнему труду.

Для того чтобы любовь и взаимное уважение стали главной силой, скрепляющей семейный коллектив, недостаточно добиться равенства мужчины и женщины в семье. Необходимо также, чтобы семья постепенно, но полностью и окончательно освободилась от всех тех цепей, в которые ее заковало классовое антагонистическое общество.

Заключение брачного союза и создание семьи должно прежде всего избавиться от влияния экономического и всякого другого расчета. В нашей стране это в значительной степени уже достигнуто. Браки по расчету становятся все большей и большей редкостью. Однако, хотя и в порядке исключения, но и в настоящее время в период построения коммунизма, их еще можно встретить. Благоустроенная квартира, общественное положение, место работы в большом городе, должность, ученое звание и пр. иногда могут оказать решающее влияние на заключение брака. Естественно, что семья, возникшая в результате такого брака, не может быть нравственно прочной. Такая семья в большинстве случаев разрушается. Рост материального благосостояния нашего народа, создание материальной базы коммунизма, торжество коммунистического мировоззрения и коммунистической нравственности ведут к неизбежному и окончательному изживанию браков по расчету.

При социализме встречаются и такие случаи, когда на заключение или расторжение брака оказывает влияние произвол родителей. В печати описывались случаи, когда семья разрушалась из-за вмешательства родителей, из-за их антипатии к зятю или невестке. Такое явление связано либо с материальными недостатками, либо с пережитками прошлого в сознании людей. Буржуазный эгоизм, мещанство, пьянство, хулиганство являются силами, враждебными социалистической и коммунистической семье.

На заключение брака и создание семьи в ряде случаев вредное влияние оказывает религия и религиозные организации. Изгнать религию из быта людей — одна из важных задач коммунистического воспитания.

Брак и семья зависят и от влияния государства. Социалистическое государство, отстаивая интересы детей, защищает семью от необдуманного ее разрушения. Чтобы семья смогла окончательно освободиться от вмешательства государства, точнее говоря, чтобы это вмешательство стало излишним, требуется значительное развитие коммунистической нравственности как основной связующей силы в семье.

Но если семья постепенно потеряет свои хозяйственные функции, воспитательную функцию, если всякие внешние воздействия будут устранены из заключения брака и создания семьи, то останется ли семья?

В первые годы Советской власти некоторые представители ин-

теллигенции распространяли «теорию» отмирания семьи и перехода к беспорядочному половому сожительству. Эти взгляды использовались кулачеством в борьбе против колхозного строительства. Враги Советской власти распространяли слухи, что при коммунизме все будут спать под одним одеялом, что женщины станут общественной собственностью, и этим стремились вызвать недовольство коллективизацией.

К этим взглядам тесно примыкала так называемая теория «стакана воды». Высказывалось предположение, что при коммунизме исчезнут всякие препятствия к удовлетворению полового влечения. Но раз не будет препятствий, усиливающих чувство любви, то якобы не будет и настоящей любви. Если же не будет серьезных чувств, то не может быть и семьи. В настоящее время аналогичные взгляды распространяются на страницах буржуазной печати. Высказывается предположение, что в наш индустриальный век, когда каждый мужчина ежедневно видит перед собой множество красивых девушек и женщин (они не сидят взаперти дома как при феодализме или в рабовладельческом строе), он не может долго останавливать внимание на одной из них, его чувства не могут быть постоянными. Утверждают даже, что «техническое сознание сделало современного мужчину неспособным испытывать к женщине духовную и эмоциональную страсть» [30].

Ленин резко выступал против распространения теории «стакана воды» в среде пролетарской молодежи. В беседе с Кларой Цеткин он говорил: «Я считаю знаменитую теорию «стакана воды» совершенно не марксистской и сверх того противообщественной. В половой жизни проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой, будь оно возвышено или низко. Энгельс в «Происхождении семьи» указал на то, как важно, чтобы половая любовь развилась и утончилась... Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Питье воды — дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу» [31].

Теория «стакана воды» мелкобуржуазна и исходит из условий капиталистического, а не социалистического и тем более коммунистического общества. При коммунизме, конечно, не будет таких препятствий для заключения брака, как классовое неравенство, отсутствие материальных средств для создания семьи, различие в религиозном исповедовании и т. д. Но при коммунизме не будет и средств (деньги, положение в обществе, связанное с властью и т. п.), обычно используемых в буржуазном обществе, чтобы принудить женщину отдаться без любви. При коммунизме не будет

[30] Иоахим Бодамер. Без души, без радости, без любви. «Литературная газета», 30 октября 1968 г.

[31] Воспоминания о Ленине, т. 2, стр. 484.

и материальной нужды, заставляющей женщину отдаваться нелюбимому мужчине, продавать себя. Останется одна причина вступать в брак — индивидуальная половая любовь и глубокое уважение к любимому человеку. В то же время отсутствие взаимной любви и уважения — самое большое препятствие для удовлетворения полового влечения. Если женщина не любит и не уважает мужчину, то никаких средств, вынуждающих ее отдаться ему, не будет. Останется единственное средство — добиться ее любви и уважения. Таким образом, серьезность чувств будет самым большим и непреодолимым препятствием для всякого рода распущенности.

Высказываются и суждения другого рода — о том, что семьи при коммунизме не будет. Полагают, ссылаясь на современную социалистическую семью, что чувство любви в ней обычно не бывает длительным, что оно после заключения брака более или менее быстро испаряется. Жить же без любви с нелюбимым человеком безнравственно. Предполагается, что с исчезновением чувства любви один брак нужно сменять другим и т. д. А из этого делается общий вывод, что прочной, длительной семьи, основанной на индивидуальной половой любви и взаимном уважении, не может быть.

В современной социалистической семье действительно существует много примеров того, что чувство любви после брака долго не держится. Происходит известное время, и чувство любви начинает разрушаться. В чем же причина? Может быть, физиологическая природа человека такова, что после удовлетворения половой потребности его чувства иссякают? Как уже было показано, чувство любви не определяется одними только физиологическими причинами. Там, где любовь действительно исчезает, как правило, обнаруживаются социальные причины. Либо сам брак был поспешным, так как чувство, приведшее к нему, не было достаточно серьезным, либо на него оказало отрицательное влияние неумение вести домашнее хозяйство и воспитывать детей, а возможны и многие другие причины: материальные трудности или же пережитки в сознании одного из молодых супругов и т. д. Чаще всего к разрушению любви ведет неравное положение мужчины и женщины в семье. На этой почве возникают семейные ссоры, которые разрушают любовь и взаимное уважение. Нетрудно заметить, что все эти причины такого рода, которые со временем можно будет устранить. Вообще все социальные причины вполне устранимы.

В настоящее время семья, из которой исчезла любовь супругов друг к другу, во многих случаях сохраняется под влиянием внешних сил или необходимости воспитывать детей и обеспечивать им будущее. При коммунизме же никаких внешних сил, укрепляющих семью, кроме общественного мнения, не останется. Для того же, чтобы семья ограждалась общественным мнением, т. е. нравственностью, она должна быть общим правилом, а не частным случаем. Сама по себе мораль не может быть основой семьи, как утверждают некоторые авторы. Она может лишь укреплять существующие брачно-семейные отношения. Ради одной морали никто

не будет создавать семью. Но если правилом будет семья, она будет укрепляться соответствующими моральными нормами. Если же правилом будут временные браки, то и они будут считаться нравственными.

Можно с уверенностью предсказать, что при коммунизме семья, основанная на взаимной супружеской любви, действительно станет общим правилом. Чувство половой любви не есть что-то чисто биологическое и его длительность и прочность определяется далеко не одним только биологическими свойствами человека. Чувство любви возникло и развивалось как результат очеловечивания, видоизменения общественными условиями жизни полового инстинкта. И при наличии соответствующих условий оно может быть довольно прочным и длительным. Для этого прежде всего необходимо устранить все общественные причины, разрушающие его. А это полностью будет осуществлено лишь с переходом к коммунистическому обществу.

Есть в наше время много людей, которые не находят смысла жизни в труде на пользу общества. Они рассматривают этот труд лишь как необходимость, которую невозможно обойти. Каждый день таких людей сознательно или несознательно подразделяется на время труда, обеспечивающего их необходимыми средствами для жизни, и на время собственно «жизни», когда эти средства потребляются. Человек еще видит настоящую жизнь не в труде, а после труда. Общественно полезный труд фактически играет роль лишь средства к жизни. Поэтому он не стоит на первом плане, не входит в понятие жизни. Жизнью называется отдых, развлечения, потребление, удовлетворения различных чувств и т. д. Когда же на первый план выдвигается не труд на пользу общества, не творческий труд, а удовлетворение чувств, связанных с потреблением, возникает жажда их разнообразия, которая может приобрести безудержную силу. Человек, у которого на первом плане половые удовольствия, не может иметь серьезных и длительных чувств, да и сам их недостоин. И любовь для него главным образом связана с внешними данными, если вообще в данном случае можно говорить о любви. Он не может ценить у других то, чего нет у него самого. Самое главное условие прочного и длительного чувства любви — серьезное отношение к ней.

Коммунизм предполагает массовое перевоспитание людей на основе перевоспитания их отношения к труду и прежде всего к общественно полезному труду. Когда человек будет находить величайшее чувственное наслаждение в творческом труде на пользу общества, то в этом он будет видеть смысл жизни. Соответственно этому изменятся и другие его чувства, наполнятся новым общественным содержанием. Серьезное отношение человека к труду явится той основой, на которой будет развиваться серьезность и прочность других его отношений. «Коммунизм,— говорил Ленин,— должен нести с собой не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванную также и полнотой любовной жизни. Однако, по моему

мнению, часто наблюдаемый сейчас избыток половой жизни не приносит с собой жизнерадостности и бодрости, а, наоборот, уменьшает их»[32].

Когда чувство любви, половое влечение перестанет быть единственной чертой личности, а станет лишь одной из многих, отношение к нему станет более серьезным. И само это чувство станет более прочным и длительным. Оно обогатится. Индивидуальная половая любовь все больше и больше будет основываться не только на физической, но и на духовной красоте. Общность социальных идеалов и деятельности будет усиливать взаимное уважение и любовь супругов. И сам человек станет более достойным глубокой и длительной любви, любви на всю жизнь, даже если у него нет каких-либо особых природных данных. Человек, который непрерывно растет и совершенствуется, у которого появляются все новые и новые общественные интересы, не может наскучить. Вызывает скуку тот, кто сам скучает, не находит в жизни интересных дел.

Итак, в будущем коммунистическом обществе не будет каких-то внешних сил, принуждающих жить вместе мужчину и женщину. Они будут жить вместе до тех пор, пока будут любить друг друга, а не ради того, чтобы воспитывать детей, как утверждают некоторые авторы. Это и будет коммунистическая семья. Прочность и длительность чувства любви и будет основой прочности и длительности семейной жизни.

---

[32] Воспомннання о Леннне, т. 2, стр. 484.

НРАВСТВЕННОСТЬ

Нравственность является одним из средств управления обществом. В классовом обществе она, как и право, теснейшим образом связана с политикой. Вырастая на почве экономического положения класса, она в то же время формируется под влиянием политики. Мораль класса отображает его политику и служит ей. Так, буржуазия, политика которой направлена на то, чтобы держать в узде эксплуатируемые массы, внушает трудящимся, что подчинение буржуазному государству есть высшая добродетель. С другой стороны, при помощи своих политических учреждений и организаций каждый класс распространяет и насаждает свою мораль.

1. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НРАВСТВЕННОСТИ

Коллектив, общество являются одним из важнейших условий жизни и развития человеческой личности. Вне коллектива, вне общества жизнь человека невозможна. Человек входит в состав тех или иных общностей или групп. В современном обществе он является членом семьи, класса, нации, партии, той или иной профессиональной группы, производственного коллектива, какого-либо добровольного общества и т. д. Все эти коллективы могут существовать лишь при том условии, если их члены в своих взаимоотношениях будут считаться друг с другом, налагать на себя определенные ограничения в пользу своих сотоварищей. Поведение каждого члена коллектива должно соответствовать интересам коллектива и общим интересам других членов. Другими словами, поведение человека в том или ином коллективе должно соответствовать общепринятым нормам. Нравственные нормы отличаются от правовых. Если правовые нормы в классовом обществе исходят от государства и их соблюдение охраняется соответствующими юридическими учреждениями, то моральные нормы исходят от общества, от самих людей и охраняются общественным мнением социальной группы, класса или общества в целом. Так же как и право, нравственность не только запрещает нарушение интересов

общности, но и требует от членов этой общности взаимной поддержки и помощи, а также активного служения интересам коллектива. Таким образом, человек как общественное существо вынужден руководствоваться в своем поведении не только личными, но и общественными интересами, подчиняя личные общественным.

Мораль является сложным общественным явлением. Она включает в себя прежде всего *моральные взгляды*, т. е. взгляды о том, что нужно считать нравственным, а что — безнравственным. Например, по нашим моральным убеждениям нравственно то, что служит интересам построения коммунизма, интересам уничтожения всякой эксплуатации и угнетения. С точки зрения буржуазии, нравственно то, что содействует укреплению буржуазного общества, обеспечивает условия ее обогащения. Нравственные взгляды — это прежде всего взгляды о критерии нравственности.

Как нетрудно понять, моральные взгляды представляют собой не только отражение общественного интереса, но и убеждение в том, что именно *этому* интересу нужно служить. Моральные взгляды представляют собой как форму познания (отражение общественного интереса, сознание этого интереса), так и форму идеологии (эти взгляды выражают субъективное, а в классовом обществе классовое отношение к этому интересу). При этом в моральных взглядах познавательная сторона подчинена идеологической: мы отражаем, познаем общественный интерес или интерес коллектива для того, чтобы ему служить, чтобы ему подчинять свои поступки. Моральные взгляды есть взгляды о *моральном долге*.

Но моральные взгляды включают в себя не только представление о критерии нравственности, но и представление о тех формах поведения, в которых нравственность может при данных условиях осуществляться, т. е. нравственные взгляды обнаруживаются в *моральных нормах*.

Моральные нормы или принципы складываются на основе убеждения о критерии нравственности и представляют конкретные, много раз повторяющиеся формы подчинения личных интересов интересам коллектива, класса, общества. Например, моральной нормой поведения человека нашего общества является беззаветное служение Родине. Эта норма может осуществляться в самых различных поступках в зависимости от условий (военное или мирное время, вид труда и т. п.). Моральные нормы формируются на основе определенных общественных потребностей, закрепляются в общественном мнении. Индивид воспринимает эти нормы из окружающей общественной среды, из поведения других людей, обычно не осознавая потребностей, их породивших. Нравственная норма, многократно повторяясь в поведении, входит в привычку, и кажется, что она происходит из собственного существа. Так формируются *моральные качества* личности: правдивость, честность, любовь к Родине и т. д. Совокупность этих моральных качеств составляет *моральный облик* человека.

При сохранении одной и той же морали моральные нормы будут изменяться в зависимости от изменения требований общества. Чем сложнее общественная жизнь, чем богаче различного рода общественные отношения, тем больше требований, предъявляемых обществом к поведению человека, тем сложнее и разнообразнее нормы. В этом заложена основа общественного прогресса морали.

Кроме моральных взглядов, норм, качеств существуют моральные *поступки* и *моральные отношения*. Последние представляют реализацию и конкретизацию первых в определенной жизненной ситуации.

Поступки людей имеют разные стороны, и они могут рассматриваться и расцениваться по-разному. Они могут расцениваться с точки зрения целесообразности, дальновидности, красоты и т. п. Но они могут расцениваться и с точки зрения того, хороши они или дурны, нравственны или безнравственны. Моральная сторона человеческих поступков — это особая сторона. Все поступки людей могут оцениваться с нравственной стороны. Основой для *моральной оценки* человека служит нравственный критерий.

От моральной стороны человеческих поступков нужно отличать поступки, которые совершаются исключительно по моральному мотиву. Так, человек может совершить хороший поступок с целью добиться определенного материального вознаграждения. Этот поступок всегда будет иметь и моральную сторону. Но человек может совершить и чисто моральный поступок, спасая утопающего ребенка, закрывая собой амбразуру дзота и т. д.

Моральные отношения — это отношения людей друг к другу, к коллективу, складывающиеся в соответствии с моральными взглядами и нормами (например, почтительное отношение к старшим, к женщине и т. п. или же осуждение нарушителя моральных норм, поощрение хороших поступков и т. д.). Моральные взгляды, овладев людьми в идеологическом отношении, приобретают материальную силу [1].

Поступок можно считать в полной мере нравственным лишь в том случае, когда нравственны и его мотивы, т. е., если он вызывается *нравственным чувством*. Если та или иная моральная норма известна человеку, но не вызывает у него эмоционального отношения к себе, то она остается чуждой ему. В нравственном чувстве заключена необходимость выполнения нравственных требований. Это обнаруживается особенно ярко, когда чувство, побуждающее к нравственному поступку, вступает в противоречие с эгоистическими чувствами. Стремление к спокойствию, к сохранению привычного уклада жизни, может помешать человеку вести борьбу с несправедливостью, так как последняя может повлечь за собой какие-либо осложнения для него. И это в свою очередь вызывает ряд моральных чувств и прежде всего угрызения совести. Совесть и есть чувство ответственности за свои поступки, за свое поведе-

[1] См. М. Я. Ковальзон. Мировоззрение и мораль. М., «Знание», 1966.

ние. Моральное чувство характеризуется тем, что в самом переживании заключается оценка. В собственном смысле моральные чувства — это, например, негодование, вызванное чьим-то нечестным поступком, самоотверженность в оказании помощи, нравственный подъем от совершенного благородного поступка, сочувствие товарищу и т. д. К области морали нужно отнести и такие чувства, против которых приходится вести борьбу, например, трусость, жадность, злость, злорадство и т. д.

Из всех элементов, составляющих мораль, важнейшим является критерий нравственности. На его основе формируется *нравственный идеал*. Критерий нравственности объясняет, почему один поступок нужно считать хорошим, нравственным, а другой плохим, безнравственным.

Различные этические теории по-разному решали вопрос о критерии нравственности. В Древней Греции возникла теория так называемого гедонизма, согласно которой нравственно то, что приносит удовольствие, наслаждение. Стремление к наслаждению — высшее благо, единственная цель жизни.

В период расцвета капитализма это направление в этике было несколько видоизменено и превращено в утилитаризм, согласно которому критерий нравственности есть польза, выгода (Бентам, Милль). В дальнейшем эта теория была доведена до крайнего индивидуализма и эгоизма.

С точки зрения современного прагматизма критерием нравственности является частная деятельность личности. Нравственно то, что обеспечивает личности успех. Каждый волен поступать так, как ему заблагорассудится. Но это по существу есть отрицание всякой морали.

Существуют этические теории, утверждающие, что человек инстинктивно определяет, что нравственно, а что безнравственно.

Недостатки домарксовских и современных буржуазных теорий заключаются, во-первых, в том, что они ищут критерий нравственности в человеке, в его психике; во-вторых, в том, что они пытаются установить одинаковый критерий для всех времен и народов.

Критерий нравственности лежит в интересе коллектива, который представляет лишь другую сторону экономических отношений. Поэтому только анализ экономических отношений может помочь нам понять, что́ фактически для каждой социальной группы, класса было критерием нравственности. Различие экономических отношений определяет и различные типы нравственности. Мораль различна не только в разных формациях, но и у разных классов одной и той же формации. Различное экономическое положение классов определяет и различные критерии нравственности.

Но если существует критерий оценки, то должен быть и выбор поведения человека. Поэтому второй весьма важный вопрос для понимания нравственности есть вопрос о свободе воли.

Поведение человека всегда обусловлено материальными условиями его жизни. Оно обусловлено экономическими отношениями,

в которые вступают люди, интересами классов, к которым они принадлежат, и т. д. Исторический материализм отрицает абсолютную, т. е. ничем не обусловленную свободу воли, свободу поведения, из которых выводилась буржуазными философами и социологами возможность нравственных оценок, нравственной ответственности людей. Сторонниками такого взгляда являются индетерминисты, считающие, что свобода сама себе предписывает определенное поведение. А раз человек свободен в выборе своих действий, то из этого детерминисты делают вывод, что он несет ответственность за свое поведение, его поступки можно оценивать. Такой взгляд является неправильным, внутренне противоречивым.

Конечно, поступки человека можно и нужно оценивать, но не потому, что он абсолютно свободен. Если бы это было так, то его поступки нельзя было бы оценивать. Если же мы оцениваем его поступки, то это свидетельствует об их зависимости от внешних обстоятельств. Кроме того, допущение абсолютной свободы человека неизбежно ведет к тому, что нравственная оценка исключается, так как исчезает необходимый для этого объективный критерий и поступки признаются произвольными.

Признание детерминированности поведения людей не исключает ни оценки действий человека, ни свободы выбора поведения. Ведь свобода воли и есть не что иное, как способность принимать решение со знанием дела. Выбор человеком поведения зависит от осознания им необходимости. Наибольшей свободой выбора поведения обладает тот, кто глубже осознал необходимость, кто наиболее полно сочетает свои личные интересы с интересами общественными.

Нравственная оценка поведения человека становится, таким образом, возможной потому, что его действия обусловлены необходимостью. Осознавая необходимость, человек выбирает определенный вариант поведения, который подлежит общественной оценке и за который он несет моральную ответственность. При оценке поведения людей общество руководствуется нравственными взглядами и соответствующими нормами поведения. Нравственная оценка поведения людей осуществляется через общественное мнение класса или социальной группы.

Итак, нравственность является сложным общественным явлением и включает в себя целый ряд элементов. Она прежде всего представляет совокупность взглядов о добре и зле, честном и бесчестном, постыдном и похвальном, а также соответствующих им норм, регулирующих поведение человека в его отношении к интересам общества, к интересам других людей. Нравственность есть форма сознания, воздействующая на поведение человека посредством общественной оценки. Нравственность есть в то же время форма общественной психологии. Она выражается в моральных чувствах людей и их моральных качествах, таких, как честность, правдивость, смелость, гуманность и т. д.

Но нравственность распространяется не только на область со-

знания и психики, но и на реальные отношения между людьми. Нравственные отношения так же, как политические и правовые, складываются лишь проходя через сознание людей. Специфика нравственных отношений в том, что они складываются в зависимости от нравственного сознания. Сфера проявления нравственных отношений очень широкая. Они проявляются в производственной, и в политической, и в духовной деятельности людей, в быту, в семье.

Изучением нравственности занимается особая наука — этика.

Нравственность как особая сторона общественной жизни получила свое название от нравов. На латинском языке (mos moris) — нрав, обычай; отсюда moralis — нравственный. Об этом свидетельствует и термин «этика» (греч. обычай, привычка) — учение о нравственности.

2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НРАВСТВЕННОСТИ

Как возникли нравственные взгляды, принципы и нормы поведения людей? Этот вопрос неизбежно встает при рассмотрении нравственности. Различные этические системы решают его поразному.

В религиозных этических системах, например в христианской этике, все нравственные нормы изображаются как заповеди бога, как выражение его воли.

В идеалистических этических системах проводится эта же идея, но выражена она в таких философских понятиях, как «абсолютная идея», «мировая воля» и т. п.

Так, Платон рассматривает этику с точки зрения первичности мира идей, на вершине которого, по его мнению, находится идея блага или высшего добра. Нравственная жизнь есть стремление к высшей идее добра. Нравственность вечна и неизменна. Нравственность в ее высших проявлениях доступна лишь немногим избранным, способным приблизиться к миру идей. Под избранными Платон имел в виду аристократические слои античного общества, идеологом которых он и являлся.

Однако не только теологи и идеалисты не могли решить вопроса о происхождении нравственности. Его не могли решить и философы-материалисты до Маркса. Так, например, французские материалисты XVIII в. Гольбах, Гельвеций и другие не смогли научно решить этого вопроса. Они ставили нравственность в зависимость от государственного устройства как первопричины. Государство же зависит от законодательства, законодательство — от законодателя и т. д.

Исторический материализм показывает, что нравственность — продукт исторического развития. Она вызвана к жизни необходимостью укреплять общественные связи и отношения. Ведь между личными и общественными интересами может быть не только сов-

падение, но и различие, а при известных условиях и противоречие. Если бы интересы индивида непосредственно совпадали с интересами общества, коллектива, то не могло бы возникнуть и вопроса о его социальном и антисоциальном поведении, что в конечном счете является лишь другим названием морального и аморального поведения. Мораль, или нравственность, и есть одна из форм подчинения поступков индивида общественным интересам.

Основой нравственных воззрений и норм в каждую эпоху является экономический строй общества, положение в обществе того или иного класса. Общество, коллектив предъявляют своим членам определенные требования, моральные предписания, которые повторяются так часто, что превращаются в привычки, в моральные качества людей. Это относится прежде всего к тем воззрениям, которые требуют от индивида постоянного внимания к общественным интересам.

Требования общества к личности на каждом историческом этапе вытекают из экономических отношений. Так, в основе первобытного общества лежит коллективный труд и общинная собственность. Благосостояние каждого члена коллектива целиком и полностью зависело от благосостояния всего коллектива. Это и явилось основой для формирования таких нравственных требований, как честность, правдивость, взаимная выручка и т. д. Об этом свидетельствуют описания народностей, у которых долгое время сохранялся родовой строй. Вот как, например, описывал мораль народности эскимосов известный исследователь Арктики Ф. Нансен. «Главным достоинством эскимоса,— писал он,— является его безусловная честность. По условиям своей жизни он должен иметь возможность полагаться на своих соседей, а для того, чтобы заслужить взаимное доверие, он должен и сам поступать честно по отношению к другим. Он считает почти невозможным украсть что-нибудь у людей, живущих с ним в одном поселке... По этой же причине эскимос не любит о чем-нибудь солгать другому» [2].

Однако нельзя думать, что в первобытнообщинном строе преклонение перед общественным интересом сложилось сразу. Черты звериного индивидуализма, ведущего к внутренним конфликтам и к распаду первобытного коллектива, сохранялись долгое время. И именно этот конфликт между интересами коллектива и пережитками животного мира у отдельных членов этого коллектива привел к формированию первых моральных норм, к возникновению морали как общественного явления, необходимого для сохранения и укрепления первобытного общества.

Нравственность первобытнообщинного строя складывалась в трудных условиях борьбы с природой, когда люди только что выбивались из животного состояния, поэтому она наряду с высокими нравственными принципами несет на себе печать полуживотного образа жизни людей того времени. Эта нравственность не осуж-

[2] Ф. Нансен. На крайнем севере. Жизнь эскимосов. М., 1926, стр. 56—57.

дала, например, людоедства, детоубийства и убийства стариков и больных, кровосмешения и т. п. Только в ходе дальнейшего культурного и экономического развития общества, когда эти явления изжили себя, они стали осуждаться и нравственностью.

Нравственность, как и всякое общественное явление, находится в непрерывном изменении и развитии. Не существует вечных и неизменных принципов нравственности, ее принципы не стоят над историей, а являются продуктами развития общества. Нет всеохватывающих и неизменных понятий добра и зла, долга, справедливости и т. д.; все они носят исторический, преходящий характер.

Правда, в нравственных воззрениях и нормах ряда эпох мы находим и общее. Так, в нравственных кодексах рабовладельческого, феодального, капиталистического общества есть такие заповеди, как «не укради», «уважай общественный порядок» и пр. Заповедь «не укради» запрещает присваивать средства, которыми обеспечивается благополучие другого лица, а заповедь: «уважай общественный порядок» требует поддерживать «законные власти государства», «иметь почтение к королю» и т. д. Общность этих нравственных принципов обусловливается тем, что и в рабовладельческом, и в феодальном, и в капиталистическом обществе производственные отношения, в конечном счете определяющие нравственные принципы, основаны на частной собственности. «С того момента,— писал Энгельс,— как развилась частная собственность на движимое имущество, для всех обществ, в которых существовала эта частная собственность, должна была стать общей моральная заповедь: Не кради. Становится ли от этого приведенная заповедь вечной моральной заповедью? Отнюдь нет. В обществе, в котором устранены мотивы к краже, где, следовательно, со временем кражу будут совершать разве только душевнобольные,— какому осмеянию подвергся бы там тот проповедник морали, который вздумал бы торжественно провозгласить вечную истину: Не кради!»[3].

В классовом обществе нравственность носит классовый характер; она отражает экономическое положение тех или других классов и служит их интересам. Господствующей нравственностью в обществе всегда является нравственность экономически и политически господствующего класса. В то же время и другие классы имеют свои нравственные воззрения, соответствующие их экономическому положению в обществе. Правда, угнетенные классы поставлены в такие условия, при которых их поступки должны подчиняться нормам господствующей морали, а не их собственным моральным взглядам, во всяком случае в их отношении к господствующим классам, к государству. Угнетенные классы вынуждены поступать так, как этого требует господствующая мораль даже в тех случаях, когда с их точки зрения эти поступки рассматриваются как безнравственные.

Теоретическое положение марксизма о классовом характере

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 95.

моральных воззрений вызывает яростные нападки со стороны идеологов буржуазии. В своей борьбе против марксизма по вопросам морали они направляют огонь прежде всего против этого положения. Так, итальянский буржуазный философ Бенедетто Кроче усматривает «главное преступление» Маркса в том, что последний вскрыл классовое содержание морали в классовом обществе. Мораль носит общечеловеческий характер, утверждает Кроче, а партийность морали есть то, что мы называем лицемерием[4].

Основной аргумент, который выдвигают идеологи буржуазии против теоретического положения о классовом характере нравственности, состоит в том, что есть-де нравственные нормы, правила, которых придерживаются все слои населения, все классы общества. Конечно, как уже было отмечено, в морали различных народов, различных классов, в разные эпохи имеются некоторые общие черты, правила человеческого общежития, охраняющие совместно живущих людей от тех или иных эксцессов: от хулиганства, драк и т. п. Однако нравственность классового общества на каждой ступени исторического развития определяется не общечеловеческими отношениями, а отношениями между классами, их борьбой. В этой борьбе нравственность или оправдывает господство и интересы правящего класса или, наоборот, выражает возмущение против его господства и защищает интересы угнетенных классов. Таким образом, нравственность в обществе, разделенном на классы, носит классовый характер.

Господствующий класс всегда стремится навязать свою нравственность всему обществу в качестве обязательной нормы. В рабовладельческом обществе господствующей нравственностью была нравственность рабовладельцев, в феодальном — нравственность помещиков, а в капиталистическом — буржуазии. Все эти типы морали имеют свои особенности, обусловленные той эпохой, в которой они возникли и развивались.

Особенностью нравственности рабовладельцев являлось то, что в ней раб не считался за человека. Нравственными добродетелями могли обладать только свободные, а раб считался вещью, говорящим орудием. Эта мораль оправдывала любое насилие над рабом, вплоть до его убийства. Моральные взгляды рабовладельцев вытекают из сущности производственных отношений рабовладельческого общества, из того факта, что раб был частной собственностью рабовладельца.

В феодальном обществе собственность на работника производства является неполной. Поэтому положение крепостного крестьянина несколько иное, чем положение раба. Его уже не рассматривают как вещь, но и не равняют с представителями «благородных» сословий. Религиозная мораль, господствовавшая в средние века, предписывала крестьянину полное и беспрекословное подчинение

---

[4] Benedetto Croce. Essays of the moral and political problems of our time. L., 1949.

своим господам. Так, в библии записано: «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу». Мораль феодального общества оправдывала жестокую эксплуатацию крестьянства со стороны помещиков, учила их покорности и терпению на «грешной земле».

Буржуазная нравственность порождается экономическими отношениями, основу которых составляет капиталистическая собственность на средства производства. При этой форме собственности на средства производства производители материальных благ не имеют ничего, кроме рабочей силы. Они равноправны с владельцами средств производства — капиталистами и независимы от них только формально.

Принципы буржуазной морали суть выражение отношений капиталистической собственности. Комментируя 16-й параграф французской конституции 1793 г., утверждающий право на частную собственность, Маркс замечает, что это право есть право располагать своим состоянием без отношения к другим людям, право на эгоизм.

Эгоизм и индивидуализм, характерный и для предшествующей морали, при капитализме достигает своей высшей степени. Характеризуя буржуазную мораль, Ленин говорил: «Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб... Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне дела нет до другого; если другой будет голодать, тем лучше, я дороже продам свой хлеб. Если я имею свое местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий, мне дела нет до другого. Может быть потворствуя, угождая власть имущим, я сохраню свое местечко, да еще смогу и пробиться, выйти в буржуа»[5].

Эгоизм и индивидуализм являются законами поведения буржуа. Все его помыслы и поступки подчинены одному — накоплению денег, увеличению капитала. Стремление к наживе развивает такие чувства, как жадность, жестокость, подлость, цинизм и т. д.

Процесс классового обособления буржуазии, оформления ее классовой морали глубоко раскрыт Энгельсом в работе «Положение рабочего класса в Англии». Он показывает духовное истощение английской аристократии и буржуазии. Образованный англичанин, писал Энгельс, по которому на континенте судят об английском национальном характере, самый презренный раб под солнцем, задыхающийся среди предрассудков.

Условия жизни буржуа, особенно в период заката капитализма, ведут к распаду личности. Если буржуазия когда-то кичилась своими идеями гуманизма, заявляла о «человеколюбии», «милосердии», «великодушии», то в период империализма, «организуя фашизм, — писал Горький, — сама вышвыривает свой гуманизм,

---

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 312.

как изношенную маску, которая уже не прикрывает морду хищного зверя...»[6].

Для буржуазной морали характерно лицемерие, ханжество. В современном обществе, пишет датский писатель Ханс Шерфиг, требуют соблюдения единобрачия, а между тем практически здесь признается существование свободных полигамных связей. Официальная мораль требует абсолютной честности, и в то же время понятие хорошего воспитания подразумевает в человеке наличие определенной доли лживости[7].

В буржуазной морали, как и в морали предшествующих эксплуататорских классов, имеет место стремление к подавлению личности трудящегося, к глумлению над ним. Эксплуататоры пытались подавить в угнетенных, в людях физического труда чувство собственного достоинства, уничтожить тем самым возможность протеста с их стороны. В то же время на протяжении тысяч лет «отцы церкви» моралисты-пророки пытались убедить массы, что они ничтожны, бездарны, что все хорошее, созданное на земле, создается не ими, а избранными.

Прямую противоположность эксплуататорской морали составляет мораль пролетарская. Энгельс писал о рабочем классе Англии, что только неведомая на континенте часть английской нации, только рабочие, парии, бедняки действительно добропорядочны и достойны уважения, невзирая на их грубость и деморализацию. От них идет спасение Англии, в них есть творческое начало; у них нет образования, но нет и предрассудков; у них есть силы, которые они могут применить к совершению великого национального дела; у них есть будущее. В морали пролетариата нашли свое воплощение новые черты духовного облика людей, борющихся за свое освобождение. Пролетарская мораль формируется в борьбе против всякого угнетения и эксплуатации. С точки зрения рабочего класса нравственным является то, что служит делу освобождения трудящихся. Это высшая форма морали.

В морали, отмечал Энгельс, «как и во всех других отраслях человеческого познания, в общем и целом наблюдается прогресс»[8]. Этот прогресс осуществляется прежде всего трудящимися, ведущими борьбу против сил природы и против всякого угнетения в обществе. Она осуществляется революционными классами, ведущими борьбу с реакционными силами общества. Каждый прогрессивный класс, чьи устремления хотя бы временно совпадали с объективным ходом истории, с интересами народных масс, выдвигали новые принципы, обогащавшие духовный облик человека, облагораживавшие его.

Так, буржуазия, будучи в свое время прогрессивным классом, выдвинула такие высокие нравственные принципы, как патриотизм,

---

[6] М. Горький. Соч., т. 27, стр. 234.

[7] См. Ханс Шерфиг. В борьбе с реакционной идеологией. «Литературная газета», 21 мая 1955 г.

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 96.

гуманизм. Но как только капитализм потерял свою прогрессивность, буржуазия по существу отказалась от этих высоких принципов. Однако все то, от чего отказывались господствующие классы и что представляло новый шаг в развитии культуры, не исчезло бесследно, а сохранилось.

3. РОЛЬ НРАВСТВЕННОСТИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Нравственность есть отражение экономических отношений людей. Однако будучи вторичным, производным явлением, она оказывает обратное влияние на породивший ее базис и другие общественные явления. Она может способствовать экономическому, политическому и культурному развитию общества. Именно в этом заключается ее роль в общественной жизни. Нравственные взгляды и нормы служат элементами общественного прогресса до тех пор, пока они соответствуют вызвавшим их к жизни общественным потребностям. Как только нравственные нормы перестают соответствовать вызвавшим их общественным потребностям, они превращаются в помеху общественному прогрессу.

Воздействие нравственности на экономический строй выражается в том, что она либо укрепляет этот строй, либо содействует установлению нового и разрушению старого строя. Нравственность всех господствующих классов объявляла их собственность священной и неприкосновенной и тем укрепляла существующие порядки. При этом господствующие классы мобилизуют на осуществление нравственных норм, соответствующих их интересам, не только общественное мнение, но и принудительные меры государственных учреждений.

Нравственность оказывает непосредственное влияние на производство, в особенности путем нравственной оценки труда. Поддержка нравственностью добросовестного отношения к труду, выраженная через общественное мнение, выступает мощным фактором подъема производительности труда. Примером этому может служить, например, отношение к труду в период Великой Отечественной войны. В социалистическом обществе нравственным считается отношение к труду как к делу чести, доблести и геройства. Моральное презрение к труду, распространявшееся в период упадка рабовладельческого общества, в значительной степени способствовало гибели этого строя.

В области политики и идеологии роль нравственности проявляется через отношение к государству и праву, к классовой борьбе и т. д. Нравственность тесно связана с политикой, религией, искусством и другими общественными явлениями.

Особо важное значение имеет связь нравственности с политикой и правом, т. е. с теми надстроечными явлениями, которые ближе всего стоят к экономическому базису. Так как мораль по своему содержанию классовая, то она испытывает влияние прежде всего

со стороны политики каждого класса. Например, политика современной империалистической буржуазии, направленная на то, чтобы держать в повиновении трудящиеся массы, развязывать новую войну в целях захвата рынков сбыта и источников сырья и подавления освободительного движения народов, оказывает непосредственное влияние и на буржуазную мораль. За последние годы в США, Англии и других капиталистических странах публикуется много статей и книг по вопросам нравственности, в которых открыто оправдывается насилие и произвол. В то же время проповедуются теории, маскирующие антагонизм капиталистического общества, «доказывающие» возможность мирного сотрудничества между буржуазией и пролетариатом на базе нравственного самоусовершенствования. В этой связи следует отметить деятельность организации так называемого «морального перевооружения», которая существовала еще до второй мировой войны и пользовалась покровительством английской буржуазии, а в настоящее время опекается американскими монополиями. Эта организация, основанная более 30 лет назад Бухманом, пропагандирует идеи о том, что вовсе не нужно бороться против социального и национального угнетения, а надо просто перемениться каждому: буржуа и рабочему. Разговор «от сердца к сердцу» якобы поможет каждому перемениться и приобрести моральную силу, способную положить конец классовой борьбе и объединению всех классов и наций, всего мира. Через самосовершенствование мир будто бы приобретает гармонию.

Влияние империалистической политики на подобные моральные концепции совершенно очевидно. Она определяет содержание этих концепций. Кроме того, с помощью своих политических организаций и учреждений буржуазия распространяет и насаждает свою мораль.

Коммунистическая мораль неразрывно связана с политикой Коммунистической партии и Советского государства. Эта политика исходит из насущных потребностей развития общества и выражает коренные интересы народа. Поэтому наша политика развивает в человеке такие моральные чувства, как гуманизм, коллективизм, интернационализм, преданность делу социализма, ненависть к реакции во всех ее формах.

Не только политика воздействует на нравственность, но и нравственность в свою очередь влияет на политику, на классовую борьбу. Правда, нравственность не может определять политику, направлять ее, но она всемерно способствует ее осуществлению. В ходе борьбы каждый класс, особенно прогрессивный, стремится всегда использовать в интересах своей политики моральный фактор.

Отживающие классы, обреченные историей на гибель, переживают нравственный упадок. Наоборот, у прогрессивных классов, по мере того как они в ходе борьбы осознают негодность существующего общественного строя, усиливается их нравственное возмущение, их стремление противопоставить растущей безнравствен-

ности реакционных классов новую мораль. Возникает нравственный идеал. Последний всегда был энергичным протестом против существующего строя и господствующей морали, которая со времени деления общества на классы защищает неравенство, эксплуатацию, насилие человека над человеком, а поэтому нравственный идеал всех прогрессивных сил с необходимостью заключал в себе требования свободы и равенства. Таковы были требования угнетенных масс античного мира (выраженные, в частности, в раннем христианстве), требования буржуазии, ведущей борьбу с помещиками, и пролетариата, ведущего борьбу против буржуазии.

Под равенством раннее христианство понимало равное распределение собственности между всеми членами общества в целях потребления, а под свободой — освобождение от всякого труда. Этот идеал был утопическим. Он был продиктован безвыходностью того положения, в котором оказались рабы.

Буржуазное представление о равенстве, характерное для периода антифеодальных революций, включает лишь требование уничтожения сословных привилегий. Буржуазия не выступала с требованиями социального, экономического равенства. Под свободой она понимала неограниченную возможность использования собственности в своих интересах. На деле это означало неограниченную свободу эксплуатации и угнетения неимущих классов. Нравственный идеал буржуазии был, в конечном счете, не чем иным, как выражением ее частнособственнических интересов, сдерживаемых узкими рамками феодальных отношений.

В отличие от буржуазии пролетариат выступает с требованиями социального, экономического равенства. Под равенством пролетариат понимает уже не разделение собственности, что было идеалом раннего христианства, а ее обобществление и уничтожение классов. Что касается свободы, то для пролетариата она не есть свобода от труда или возможность распоряжаться частной собственностью по своему усмотрению, как это понимает буржуазия. Труд является необходимостью для всякого общества, в том числе и для социалистического. Без труда общество не может существовать. Свобода есть прежде всего свобода от эксплуатации и угнетения.

Итак, значение нравственного идеала революционного класса состоит в том, что он объединяет и умножает революционные силы.

Большое значение для политики имеют кроме нравственного идеала и другие моменты, входящие в широкое понятие морального фактора, например чувство национальной гордости, осознание справедливого характера войны и т. д. Так, в бою при прочих равных условиях побеждают люди, сильные духом, верящие в свою победу и обладающие решимостью преодолеть все трудности для достижения поставленной цели. Моральный дух армии является одним из постоянно действующих факторов, определяющих исход войны. Превосходство моральных сил на войне всегда будет на стороне той армии, которая ведет освободительную, справедливую

войну. В истории было немало примеров, когда армии с высоким моральным духом одерживали победу над превосходящим их по численности и вооружению противником. Достаточно вспомнить гражданскую войну в нашей стране, победы над внутренними и внешними силами реакции, одержанные другими народами, чтобы убедиться в этом.

Таким образом, факты взаимосвязи политики и нравственности свидетельствуют о том, что каждый класс считает нравственным то, что, по его мнению, политически целесообразно. Мораль класса оправдывает его политику, способствует осуществлению поставленных политических целей и задач.

Нравственность оказывает влияние и на право. Так, в антагонистическом обществе защита отношений господства и подчинения является первейшей и важнейшей задачей права. Ту же цель преследует и нравственность эксплуататорских классов. Право имеет своей задачей защиту и укрепление государства, и нравственность эксплуататоров внушает трудящимся, что подчинение государству есть высшая добродетель, что «всякая власть от бога».

В нашем социалистическом обществе право и нравственность выражают одну волю — волю советского народа и служат одной и той же цели — построению коммунистического общества. Соблюдение советских законов является не только юридической обязанностью каждого советского гражданина, но воспринимается и как нравственный долг. И, наоборот, всякое нарушение законности выступает вместе с тем, как нарушение социалистической нравственности, подвергается моральному осуждению. В нашем обществе не может быть разрыва между нравственным сознанием общества и требованиями права, хотя это не исключает отдельных противоречий между ними. Не может быть разрыва уже в силу того, что советское право в условиях социализма представляет собой выражение воли всего народа.

Иное дело буржуазное общество. Там право выражает волю эксплуататорского меньшинства и поэтому резко расходится с моральными воззрениями большинства населения — трудящихся масс. Рабочий класс и все трудящиеся массы, угнетенные капитализмом, не могут считать соблюдение норм буржуазного права своей моральной обязанностью; они повинуются этим моральным нормам лишь в силу принуждения со стороны органов власти.

Буржуазия, чьи интересы защищает право в капиталистическом обществе, объявляет безнравственным нарушение норм права. Но именно потому, что буржуазное право закрепляет господство эксплуататоров, угнетение человека человеком, оно противоречит подлинно человеческой прогрессивной морали, носителем которой в капиталистическом обществе является пролетариат. Буржуазное право лишено подлинно нравственного содержания, поскольку оно «узаконивает» социальную несправедливость, и нарушение его со стороны трудящихся не является безнравственным.

Итак, будучи связанной с другими общественными явлениями,

нравственность оказывает на них известное влияние. Однако она не играет решающей роли в общественных изменениях, не определяет целей и задач борьбы трудящихся. Нравственность способствует прогрессивному развитию общества. Она «служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда» [9].

4. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ НРАВСТВЕННОСТИ

Коммунистическая нравственность сформировалась на основе социалистических производственных отношений. С победой социализма утвердились новые отношения личности к обществу, к коллективу, а также общества к личности. Эти новые отношения привели к формированию новых принципов морали, т. е. принципов коммунистической морали. Новая коммунистическая мораль в то же время является законным преемником морали трудящихся прошлого.

«Отвергая классовую мораль эксплуататоров, коммунисты противопоставляют извращенным эгоистическим взглядам и нравам старого мира коммунистическую мораль — самую справедливую и благородную мораль, выражающую интересы и идеалы всего трудящегося человечества. Простые нормы нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались, коммунизм делает нерушимыми жизненными правилами как в отношениях между отдельными лицами, так и в отношениях между народами. Коммунистическая мораль включает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками. Особо важное значение в нравственном развитии общества имеет революционная мораль рабочего класса. Коммунистическая мораль в ходе строительства социализма и коммунизма обогащается новыми принципами, новым содержанием» [10].

Ведущим принципом коммунистической нравственности является коллективизм, представляющий прямую противоположность индивидуализму. Если буржуазный индивидуализм ставит интересы отдельной личности выше интересов общества, то коллективизм означает преданность общественным интересам, общественному долгу. В заботе об общих интересах, о других людях заключается нравственное содержание принципа коллективизма. Стремление помочь товарищам, принести пользу в деле построения коммунизма в нашей стране — решающий стимул, движущий мотив трудовых подвигов советских людей.

Этот факт ни в какой мере не противоречит тому, что принцип

---

[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 313.
[10] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 410.

материальной заинтересованности играет большую роль в развитии социалистического производства. Труд при социализме еще не стал первой жизненной потребностью для всех членов общества, не превратился в привычку работать на общую пользу; здесь сохраняются еще значительные остатки старого отношения к труду, существенные различия между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, между трудом квалифицированным и неквалифицированным. Все это и приводит к тому, что и при наличии коллективизма принцип материальной заинтересованности выступает как один из коренных принципов социалистического хозяйствования и широко применяется при оплате труда рабочих, колхозников и служащих, при организации хозяйственного расчета и пр.

По мере продвижения к коммунизму принцип коллективизма проявляется все с большей силой. Именно заботой об общественных интересах продиктована единодушная и активная поддержка советскими людьми мероприятий, проводимых Коммунистической партией и Советским правительством.

Принцип коллективизма тесно связан с принципом патриотизма. К ним примыкает принцип интернационализма. Патриотизм и интернационализм являются не только политическими, но и моральными принципами. Моральное содержание этих принципов состоит в беззаветной преданности и любви к своей Родине, к своему народу и уважение к прогрессивным традициям и культуре других народов. Истинному патриоту дороги судьбы не только своего отечества, но и судьбы других народов, ибо служение своему отечеству неотделимо от борьбы за укрепление связей между трудящимися всех стран, от борьбы за демократию и социализм во всем мире.

В современную эпоху особенно важно укрепление связей между народами стран социалистического лагеря. Без сотрудничества и помощи, прежде всего со стороны Советского Союза, ни одна страна народной демократии, как это показали в свое время события в Венгрии и Чехословакии, не могла бы в одиночку устоять против капиталистического лагеря и строить социализм. Только благодаря помощи и сотрудничеству они достигли больших успехов в деле строительства социализма. Следовательно, коренные интересы трудящихся социалистических стран требуют всемерного укрепления интернациональных связей. Необходимость упрочения лагеря социализма диктуется также тем, что трудящиеся социалистических стран несут историческую ответственность за судьбы всего человечества. Они стоят в авангарде борцов за прогресс, и от их единства во многом зависит успех борьбы за мир во всем мире, за победу демократии и социализма во всех странах.

На благородных идеях патриотизма и интернационализма Коммунистическая партия воспитывала и воспитывает молодежь нашей страны, всех советских людей. «Партия,— записано в Программе КПСС,— будет неустанно воспитывать советских людей в духе пролетарского интернационализма, всемерно содействовать

укреплению международной солидарности трудящихся. Развивая любовь советского народа к своему отечеству, партия исходит из того, что с образованием мировой системы социализма патриотизм граждан социалистического общества воплощается в преданности и верности своей Родине, всему содружеству социалистических стран. Социалистический патриотизм и социалистический интернационализм органически включают пролетарскую солидарность с рабочим классом, трудящимися всех стран. Партия и впредь будет настойчиво бороться против реакционной идеологии буржуазного национализма, расизма и космополитизма» [11].

В принципах коллективизма, патриотизма и интернационализма выражается забота личности об общественных интересах, об интересах Родины и человечества. Это отношение личности к обществу принципиально отличается от того отношения, которое складывалось в обществе частных собственников. При этом социализм характеризуется не только новым отношением личности к обществу, но и общества к личности. Эксплуататорское общество подавляло личность, унижало ее, что находило свое оправдание в морали. Напротив, социализм возвышает человека и облагораживает его, вселяет чувство человеческого достоинства. Это находит свое выражение в принципе гуманизма.

В центре внимания при социализме стоит человек с его материальными и культурными потребностями. Буржуазия клевещет на социализм, когда утверждает, что он нивелирует людей, стирая индивидуальные черты, особенности личностей. Социализм не только не «уничтожает» личность, но обеспечивает ее расцвет. В этом обществе нет ничего дороже, чем человек, и выше, чем человек. Только здесь создаются условия для наиболее полного расцвета личности.

Принцип гуманизма, как и другие принципы коммунистической нравственности, не является абстрактным требованием. Этот принцип также не тождествен буржуазному или мещанскому гуманизму. Мещанский гуманизм исходит в своих рассуждениях о человеколюбии, человечности из понятия человека вообще. Этот гуманизм стремится быть одинаково приемлемым и для пролетариата и для буржуазии.

Попытки отождествления социалистического гуманизма с мещанским гуманизмом предпринимаются и современными ревизионистами марксизма. Так, в статье «Оптимистическая ли трагедия», опубликованной в польском журнале «По просту» в декабре 1956 г., проповедуется замена научного коммунизма так называемым «гуманистическим коммунизмом». Она соглашается признать только такой коммунизм, который стоял бы не на позициях классовой борьбы и диктатуры пролетариата, а на позициях мещански понимаемого гуманизма.

Сторонники «гуманистического коммунизма» пытаются оцени-

---

[11] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 411.

вать исторические факты только с точки зрения морали, причем морали надклассовой. В их рассуждениях, например, о венгерских событиях отсутствовал классовый анализ, и все сводилось к морализированию. Марксисты подчиняют нравственность классовой борьбе пролетариата против буржуазии, борьбе за построение коммунистического общества. Ревизионисты же на первый план выдвигают моральные соображения и взывают к «мягкости» и «гуманизму» по отношению к классовым врагам трудящихся, к врагам социализма. Мещанский гуманизм не имеет ничего общего с подлинно революционным гуманизмом. «Этот революционный гуманизм,— писал А. М. Горький,— дает пролетариату исторически обоснованное право на беспощадную борьбу против капитализма, на разрушение и уничтожение всех гнуснейших основ буржуазного мира» [12]. Диктатура пролетариата проявляет максимум внимания к вопросам и нуждам трудящихся, но она не может быть мягкотелой к врагам нового строя. В этом суть социалистического гуманизма.

Принцип социалистического гуманизма и другие рассмотренные принципы составляют отличительные особенности коммунистической нравственности как нравственности высшего типа. Ее основой является социалистическое отношение к труду, вытекающее из социалистических производственных отношений. Так как при социализме каждый член общества обязан трудиться, и его успех и почет ему в обществе зависят от того, как он участвует в процессе труда, то это воспитывает такую моральную черту, как уважение к труду, а значит и уважение к людям труда. Воспитание социалистического отношения к труду является основой для воспитания всех других моральных качеств людей: коллективизма, патриотизма, гуманизма и т. д. Дальнейшим шагом в развитии коммунистической морали является коммунистическое отношение к труду. Когда труд станет внутренней потребностью каждого человека и будет приносить ему наслаждение, тогда достигнут высшего расцвета и все остальные качества людей, они станут подлинно коммунистическими. Поэтому воспитание нового отношения к труду стоит на первом плане.

Коммунистическая нравственность регулирует большой круг отношений между людьми. В этом смысле она является более прогрессивной, чем нравственность буржуазная. Многие поступки, стоящие в буржуазном обществе по существу вне пределов нравственных норм, при социализме подлежат нравственной оценке. Раньше отношение к труду не регулировалось нравственными нормами, а в условиях социализма, где трудящийся работает на себя и на свое общество, отношение к труду приобретает глубоко нравственное содержание и регулируется нравственными нормами.

Важнейшую особенность коммунистической нравственности составляет, далее, то, что она носит активный, наступательный характер. Нравственность в прошлом, как правило, носила негатив-

[12] М. Горький. Соч., т. 27. М., ГИХЛ, 1953, стр. 235.

ный характер, провозглашала заповеди «не укради», «не убей», «не лги» и т. д. Ее сущность была выражена, например, и в таких принципах: «не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким и вас будут судить», «ничего не требуйте ни от себя, ни от других».

В противоположность такой морали коммунистическая мораль обязывает каждого из членов общества быть требовательным не только к себе, но и к другим, требовать как от себя, так и от других заботы о неуклонном следовании принципам коммунистического общества. Она прививает такие нравственные качества, как правдивость и честность, простота и скромность, непримиримость к недостаткам.

За годы Советской власти сформировался новый облик советских людей. Сознание общественного долга перед своим народом, социалистическое отношение к труду, беззаветная любовь к социалистической Родине и ненависть к ее врагам, уважение к достоинству человека и другие важнейшие требования коммунистической морали являются неотъемлемыми чертами морального облика советских людей, их нравственными чертами, их качествами. Отражая сущность новой, коммунистической нравственности, Программа КПСС сформулировала основные требования к поведению коммунистов:

«Партия считает, что **моральный кодекс строителя коммунизма** включает такие нравственные принципы:

— преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма;

— добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест;

— забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния;

— высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов;

— коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного;

— гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку — друг, товарищ и брат;

— честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;

— взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей;

— непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству;

— дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни;

— непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов;

— братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами»[13].

[13] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 410—411.

Из особенностей коммунистической нравственности вытекает необходимость борьбы с пережитками прошлого в области нравственности: с пошлостью, лицемерием, ханжеством, хулиганством и т. п. Коммунистическая партия развертывает огромную работу по воспитанию трудящихся, целью которой как раз и является полное преодоление пережитков прошлого, воспитание в духе марксистско-ленинской идеологии.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ, ЕГО ОСНОВНЫЕ ВИДЫ И РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕ

1. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ

Нравственность людей неразрывно связана с их мировоззрением. Моральные отношения людей друг к другу, к труду, к общественному строю и т. д. находятся в тесной зависимости от их отношения к миру в целом. Последнее также является идеологическим отношением, т. е. определяется соответствующим сознанием. Этим сознанием и является мировоззрение. Правда, утверждение, что мировоззрение есть особая форма сознания, по крайней мере не точно. Мировоззрение не является особой формой сознания, хотя некоторые из существующих форм сознания (философия, религия) представляют собой разные виды мировоззрения. Неточным, на наш взгляд, является и такое определение, согласно которому в мировоззрение включают почти все формы общественного сознания. Так, в книге «Диалектический материализм» написано: «Мировоззрение включает в себя наряду с философскими взглядами людей их специфические политические, правовые, нравственные, эстетические, религиозные убеждения и взгляды» [1]. Политические, правовые, нравственные, эстетические взгляды лишь в той степени могут быть включены в мировоззрение, в какой они необходимы для создания представления о мире как целом, но не полностью. Религия же, как увидим далее, представляет самостоятельный вид мировоззрения и вовсе не входит во всякое мировоззрение.

Справедливо в приведенной характеристике то, что мировоззрение представляет собой не просто знания о мире, а совокупность убеждений, причем в этих убеждениях обязательно должно присутствовать представление о мире в целом, о самом себе и об отношении своего «я» к этому миру. Картина мира как целого — существенная часть всякого мировоззрения. Но сама по себе она еще не есть мировоззрение. Она всегда должна дополняться представлением о самом человеке и его месте в этом мире.

[1] Марксистско-ленинская философия. Диалектический материализм. М., «Мысль», 1967, стр. 8.

Отдельные, частные науки не дают нам полной картины мира, а лишь материал для ее формирования. Даже вся совокупность знаний, даваемых частными науками, не представляет еще картины мира. Для ее создания требуется также соответствующая синтетическая деятельность, приводящая все эти разнообразные знания в единство. Этот синтез может осуществляться не только при наличии разного материала, но и на разной основе, что ведет к разнообразию мировоззрений.

Мировоззрения можно различать по условиям их формирования.

Так, различают *обыденное мировоззрение,* формирующееся на основе узкого, ограниченного жизненного опыта. Это — не научное мировоззрение. Его иногда называют «домашней философией». Такого рода «домашняя философия», как справедливо отметил Г. М. Гак, «не может достигать своей цели и стать стройным, вполне обоснованным и всеобщим мировоззрением». Она «является весьма малонадежным спутником жизни»[2].

Существует также *религиозное мировоззрение,* формирующееся в условиях бессилия человека перед природой, а в дальнейшем и перед общественными отношениями.

Особый вид представляет, далее, *философское мировоззрение* как специально разработанная, на основе всей совокупности знаний, целостная система взглядов на окружающий мир и на отношение к нему человеческого сознания.

И, наконец, можно особо выделить и *естественнонаучное мировоззрение,* складывающееся главным образом в среде естествоиспытателей на основе той или иной отрасли знаний.

Мировоззрения подразделяются и по тому, каким образом представляется мир и отношение к нему человека. Религиозное мировоззрение в этом случае будет выступать как противоположность научному. В то же время и философское мировоззрение не представляет одного мировоззрения, а распадается на материалистическое и идеалистическое, соответственно решению основного вопроса философии.

Мировоззрения можно различать и в зависимости от его носителей. «В обществе, — пишет С. Т. Мелюхин, — существуют системы различного порядка: личность, семья, производственный коллектив, социальные группы и сообщества, классы и их партии, государства и общество в целом. Каждой из таких систем свойственно определенное мировоззрение, которое различается по содержанию и объему заключенной в нем информации, по уровню зрелости и научной обоснованности»[3].

Несомненно, что у индивидов каждой из этих групп имеются некоторые общие черты в мировоззрении. Однако наиболее замет-

---

[2] Г. М. Гак. Учение об общественном сознании в свете теории познания. М., Изд-во ВПШ и АОН, 1960, стр. 156.

[3] С. Т. Мелюхин. Марксизм-ленинизм и современная естественнонаучная картина мира. М., «Знание», 1968, стр. 9.

ное различие характеризует именно крайние звенья этой цепи: с одной стороны, мировоззрение индивидов, а с другой — класса, партии или общества. Различия здесь аналогичны различиям, существующим между общественным и индивидуальным сознанием. Мировоззрение класса — это не просто некоторые общие черты мировоззрения представителей этого класса, а особое, официально разрабатываемое его идеологами мировоззрение, которое он сознательно пытается привить всем своим представителям, а если этот класс является господствующим, то и членам всего общества. В этом официальном мировоззрении особое место занимали политические взгляды, так как господствующий класс заботился прежде всего об определенном отношении к существующему строю.

Мировоззрение людей играет важную роль в общественном развитии. Так как оно представляет собой совокупность убеждений, т. е. идей, овладевших людьми, то его нужно рассматривать как серьезную материальную силу. От мировоззрения человека зависит то, как он в целом ведет себя в практических делах. Если у него религиозное мировоззрение и окружающий мир он рассматривает как творение некоего всемогущего бога, то по отношению к миру он проявляет смирение, слепую веру, придумывает различные молитвы. Если же у него научное представление о мире, о своем месте в этом мире, то и в своей практической деятельности он не ждет милости от бога, а рассчитывает на свои собственные силы, на силы коллектива. Поэтому в обществе борьба за определенное мировоззрение людей была в конечном счете борьбой за их определенное общественное поведение. Господствующие эксплуататорские классы стремились привить трудящимся такие взгляды на мир, которые были бы залогом их смирения, превращали бы в нелепость всякие попытки борьбы за освобождение и т. д. Поэтому для угнетенных масс всеми силами и средствами культивировались религия, мистицизм и предпринималось все для того, чтобы не допустить среди них распространения философского материалистического мировоззрения. Поэтому Маркс, Энгельс, Ленин — борцы за освобождение рабочего класса — особое внимание уделяли разработке цельного материалистического мировоззрения.

Такого рода цельное материалистическое мировоззрение очень важно для правильного, революционного отношения к окружающему миру и прежде всего к существующему общественно-экономическому и политическому строю. «У кого не уяснены принципы во всей логической полноте и последовательности, — писал Н. Г. Чернышевский, — у того не только в голове сумбур, но и в делах чепуха» [4].

Человек, отмечал Н. А. Добролюбов, имеющий цельное мировоззрение, непременно стремится перенести его в практические дела. Знание основных закономерностей развития природных систем,

[4] Н. Г. Чернышевский. Избр. филос. соч., т. II, стр. 435—436.

человеческого общества и мышления позволяет человеку в значительной мере самостоятельно анализировать факты и находить правильные ответы на те или иные вопросы общественной жизни. Если же нет цельного мировоззрения, то в практической деятельности человек будет зависеть от самых различных мнений и ходячих теорий.

Теоретической основой нашей партии и народа является марксистско-ленинская философия. Она включает в себя все положительное, что имелось в предшествующей философии. В то же время она отличается от нее коренным образом, представляя собой высший вид материалистической философии. Марксистско-ленинская философия — диалектический и исторический материализм.

Однако в наше время научное мировоззрение — это не только философия, но также экономические и социально-политические взгляды. «В условиях социализма и строительства коммунистического общества, — записано в Программе КПСС, — когда стихийное экономическое развитие уступило место сознательной организации производства и всей общественной жизни, когда теория повседневно претворяется в практику, первостепенное значение приобретает формирование научного мировоззрения у всех тружеников советского общества на основе марксизма-ленинизма как цельной и стройной системы философских, экономических и социально-политических взглядов» [5].

2. РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Исходным мировоззрением людей было обыденное мировоззрение. Затем постепенно сформировалось религиозное мировоззрение. Энгельс следующим образом определяет религию: «...всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных» [6].

Предметом религиозного сознания являются в первую очередь господствующие над людьми внешние силы. Но человек представляет их не только как силы, господствующие над ним самим, но и как силы, господствующие над всем существующим, естественным, доступным для него. Естественные силы представляются сверхъестественными, управляющими всем миром. Правда, определяя религию как фантастическое, иллюзорное отражение действительности, нельзя забывать, что не всякие фантастические, иллюзорные образы являются религиозными. Среди разных видов существует фантазия, которая как отмечал еще Д. И. Писарев [7], расслабляет

[5] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 409.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 328.

[7] См. Д. И. Писарев. Соч. в 4-х томах, т. 3. М., ГИХЛ, 1956, стр. 147—149.

и отупляет человека. Именно к ней нужно отнести и религиозную фантазию. Последняя в отличие, например, от фантазии религиозных сказок, требует, чтобы ее образы рассматривались как нечто реально существующее и чтобы в них слепо верили, почитали и поклонялись им[8].

Представления о сверхъестественном, вера в его существование как главное в религии[9], проявляется в различных формах. Прежде всего это вера в невидимые существа: это духи, демоны, боги, черти, души, существующие отдельно от тел, и т. п. Религиозному сознанию присуща также вера в сверхъестественные связи (магия, волшебство, чародейство и т. п.). Магия «обнаруживается» в самых различных видах: это заклинание от болезней, любовные заговоры, привораживание, провозглашение анафемы и пр. Наконец, всем религиям присуща вера в сверхъестественные свойства тех или иных материальных предметов, т. е. фетишизм. Последний проявляется, например, в приписывании сверхъестественных свойств иконам, священным реликвиям, мощам и т. п.

Религия охватывает не только взгляды людей, но и их чувства. Имеются в виду не какие-либо специальные врожденные религиозные чувства, а те эмоции, которые вызываются религиозными представлениями и образами («религиозный страх» и т. п.).

Религиозные идеи, представления, эмоции порождают также определенные религиозные *действия*, т. е. *религиозный культ*. Сущностью культа во всех религиях является заклинание, жертва, а по возможности и самопожертвование. Культ, как и другие элементы религии, выражает «самоотчуждение» человека в религиозных действиях, т. е. во внешней, обрядовой стороне религии.

Религиозное мировоззрение проявляется и в *религиозных отношениях*. Это не только определенное отношение к окружающему миру в целом, но и отношения между служителями культа и верующими и т. д.

С появлением религиозной деятельности как особой отрасли появляются и люди, специально ею занимающиеся — жрецы. А со временем формируются *религиозные организации и учреждения*[10].

Церковные организации характеризуются строгой централизацией управления, носящего монархический и иерархический характер. Так, во главе католической церкви стоит папа. Ему подчинены кардиналы, архиепископы, епископы. Римский первосвященник, папа, согласно догматам, признается «наместником Христа на земле», «непогрешимым» в делах веры.

---

[8] См. Ю. П. Францев. У истоков религии и свободомыслия. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 329—337.

[9] См. Д. М. Угринович. Гл. «Религия». В сб. «Формы общественного сознания». Изд-во МГУ, 1960, стр. 211.

[10] Подробный и основательный анализ всех элементов см. в книге: Д. М. Угринович. Философские проблемы критики религии. Изд-во МГУ, 1965.

Религиозное мировоззрение существовало не всегда. Древние памятники материальной и духовной культуры свидетельствуют о том, что религиозному периоду предшествовал период, в котором обыденное мировоззрение еще не приобрело религиозных черт и который длился почти миллион лет. Так, раскопки, произведенные в окрестностях Пекина в пещере Котцетанг, расположенной близ станции Чжоу-Гоу-Дан, показали, что у древнейшего человека, жившего на азиатском материке примерно 800—900 тыс. лет до нашей эры, не было никаких религиозных верований. То же показали и исследования памятников материальной культуры пятисотлетией давности, полученных в результате раскопок в окрестностях Еревана, Сухуми и в Молдавии.

Существовал целый исторический период, когда сознание человека было крайне примитивно и неспособно к образованию сложных понятий и фантастических представлений об окружающей природе.

Некоторые домарксовские философы-материалисты считали причиной возникновения религии невежество масс, их обман (Вольтер, Мелье). Другие считали, что такой причиной является невежество и страх людей (Демокрит, Лукреций, Гольбах, Фейербах). Этот взгляд иногда высказывают и современные буржуазные философы. Так, Бертран Рассел писал: «Я держусь того взгляда на религию, что и Лукреций. Я считаю ее болезнью, порожденную страхом, и источником неисчислимых страданий, выпавших на долю человеческого рода»[11].

Конечно, доля истины в таких объяснениях есть. Там, где имеет место правильное, научное представление о мире и об отношении к этому миру человека, не может возникнуть религия. Но при этом следует учитывать, что не всякое невежество ведет к религии, а лишь невежество в мировоззренческих вопросах. Кроме того, само невежество, обман, страх требуют объяснения. В данном случае не раскрыты материальные причины происхождения религии, и такое объяснение не выходит за рамки идеалистического понимания истории.

В основе происхождения религии лежит какая-то общественная потребность. Буржуазные социологи считают, что это «потребность в религиозном утешении», которая вытекает из самой «природы человека», а не из конкретно-исторических условий.

Религия есть вид мировоззрения и в основе ее возникновения лежит *необходимость в мировоззрении* для людей. Возникновение человеческого самосознания, осознание человеком своего «я» и есть осознание его отношения к окружающему миру, к природе, есть мировоззрение в его элементарной форме. Вопрос о происхождении религии сводится, следовательно, к тому, чтобы раскрыть, почему мировоззрение людей в определенный исторический

---

[11] Бертран Рассел. Внесла ли религия полезный вклад в цивилизацию? «Наука и религия», 1959, № 1, стр. 32.

период формируется как религиозное мировоззрение и почему оно сохраняется у множества людей даже тогда, когда в обществе возникает научное мировоззрение.

Религия и соответствующие культовые обряды появились у первобытных людей примерно сто тысяч лет тому назад. В то время человек был подавлен трудностями борьбы с природой, что и было главной причиной формирования религии. Господство внешних сил над людьми свидетельствует об ограниченности развития их материального производства. «Если сознательное выражение действительных отношений этих индивидов иллюзорно, — писали Маркс и Энгельс, — если они в своих представлениях ставят свою действительность на голову, то это есть опять-таки следствие ограниченности способа их материальной деятельности и их, вытекающих отсюда, ограниченных общественных отношений» [12].

Однако производство, несмотря на его сильную тенденцию к безграничному развитию, всегда в той или иной мере ограничено. Не только прошлое, но и современное, высокоразвитое производство также во многих отношениях ограничено. Но оно не рождает религиозного мировоззрения. Значит, не всякая ограниченность производства является условием возникновения и существования религии. В данном случае имеется в виду лишь такая ограниченность производства, при которой силы природы и общества, от которых зависит жизнь человека, господствуют над ним.

Под господством внешних сил над людьми подразумевается слепое воздействие стихийных сил природы на жизнь людей. Господство сил природы над человеком свидетельствует также о низком уровне знаний людей. Область понятного и доступного людям была ничтожно малой по сравнению с тем, что было им совершенно неизвестно, что с неотвратимой силой довлело над ними; грозные и непонятные силы природы отражались в их сознании в виде фантастических представлений о могущественных духах и прочих сверхъестественных силах.

Таким образом, две связанные друг с другом причины определили то, что в определенный период развития первобытнообщинного строя мировоззрение людей формировалось как религиозное мировоззрение. Первая причина — материальная — бессилие людей перед природой в их жизни и практической деятельности. Вторая причина — гносеологическая — крайне низкий уровень знаний, невежество в области отношений природы и человека. Хотя предметом религии является окружающая действительность, весь мир, но отражается она сквозь призму человеческого бессилия перед природой и обществом.

«В начале истории, — писал Энгельс, — объектами этого отражения являются прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения. Этот первоначальный про-

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 24. Примечание.

цесс прослежен при помощи сравнительной мифологии... Но вскоре, наряду с силами природы, вступают в действие также и общественные силы, — силы, которые противостоят человеку в качестве столь же чуждых и первоначально столь же необъяснимых для него, как и силы природы, и подобно последним господствуют над ним с той же кажущейся естественной необходимостью. Фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил»[13].

Религиозное мировоззрение первоначально проявляется в олицетворении и одухотворении сил природы. Это процесс его становления. Анимизм (анимо — душа, анимус — дух) является неотъемлемым элементом всякой религии. Анимизм — это вера в таинственные, скрытые от нас существа, якобы обитающие в человеческих телах («души»), либо в различных предметах и явлениях внешней природы. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах» и конец классической немецкой философии» показывает, как могло возникнуть представление о духах. Уже непонимание действительной сущности таких явлений, как сон, обморок, смерть, могло привести первобытных людей к выводу о том, что у человека есть двойник — «душа», которая может покидать тело и возвращаться обратно. Олицетворяя силы и предметы природы, они стали считать, что имеются такие двойники, «духи», у животных, растений и т. д. Они представляли духов активной силой, способной определять поступки людей и явления природы. Абстрактное представление о нематериальной душе появилось значительно позднее.

С развитием охоты, а затем и скотоводства появляется *тотемизм.* Виды растений или животные, игравшие важную роль в человеческой жизни, постепенно стали рассматриваться первобытными людьми как их родственники, как члены соответствующих родовых групп. Слово «тотем» взято из языка алгонкинов — одной из крупнейших индейских племенных групп Северной Америки и означает «его род». Родовая группа, имевшая тотемом какое-либо животное, растение или вообще любой предмет, считала себя состоящей в кровном родстве со всеми предметами того же вида и обращалась к ним за помощью. Тотемизм был широко распространен в Австралии, у индейцев в Америке и у других народов. Русский исследователь Аляски Г. И. Шелихов писал о ее обитателях — индейцах племени тлинктитов, что у них нет никаких законов и ничему они не поклоняются, почитают же птицу ворона, считая, что от этой птицы они рождены. Если требуется какая-либо помощь в случае нужды, то они также обращаются к этой птице.

В религии более развитых народов божества часто сохраняли облик животных, что также восходит к тотемизму. Так, египет-

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 328—329.

ская богиня любви изображалась в виде рыбы. У многих народов и ныне считаются священными и почитаются различные животные: в Индии — корова, в Сирии — свинья, в Египте — баран и т. д.

Создавая в своем воображении разного рода сверхъестественные существа, люди боялись их и покорно выполняли якобы исходящие от них повеления. Известно, что тотемизм устанавливал многочисленные табу (запреты), в частности пищевые. Нельзя было убивать и употреблять в пищу животное или растение — тотем.

Вместе с появлением тотемизма развилась и первобытная форма религиозного культа — магия. Первобытные люди молились духам, призывая на помощь прежде всего своих воображаемых предков. Различными обрядами они пытались воздействовать на духов, чтобы обеспечить себе удачную охоту, хороший урожай, спасение от болезней и т. д. Так, когда около 200 лет назад в Австралию прибыли европейские поселенцы и столкнулись там с коренными жителями — аборигенами, стоявшими на одной из ранних стадий первобытнообщинного строя, они могли наблюдать, что прежде чем отправляться на поиски кенгуру, аборигены рисовали его на песке и протыкали это изображение копьями, надеясь, что после этого охота будет удачной.

Распадение родовой общины, формирование классов и государства обусловили перемены и в религиозном мировоззрении. Как фантастическое отображение социального неравенства в классовом обществе образовалась иерархия высших и низших богов, из которых в эпоху установления крупных централизованных монархий выделилось единое верховное божество. В одних странах в период становления рабовладельческого строя, а в других — в период становления феодального строя формировались основные религии — буддизм, ислам, христианство.

С образованием религий культ не исчез, а еще больше распространился. Для поклонения богам строились церкви и создавались специальные касты религиозных служителей.

С переходом к классовому обществу изменилось и содержание религии и ее функции — она стала орудием угнетения одного класса другим.

Если раньше, в доклассовом обществе, основным объектом религиозного отражения были силы природы, то в классовом обществе на первый план выступают социальные силы — господство производственных отношений над людьми, подавление угнетенных классов органами государства и т. д.

Причинами религии теперь уже являются не столько бессилие трудящихся перед могуществом природы, сколько их бессилие перед сложившимися общественными отношениями. К этим причинам нужно присоединить и заинтересованность господствующих классов в сохранении и укреплении религии, как средства укрепления существующего строя. Характеризуя корни религии в капи-

талистическом обществе, В. И. Ленин писал: «В современных капиталистических странах это — корни главным образом *социальные.* Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д., — вот в чем самый глубокий современный корень религии. «Страх создал богов». Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть, — вот тот *корень* современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приготовительного класса»[14].

Ярким примером влияния социальных корней на формирование религии является возникновение христианства в первом веке нашей эры в Римской империи. В работе «Бруно Бауэр и раннее христианство» Энгельс отмечал, что упадок и разложение империи остро воспринимали все слои общества. Рабовладельческий строй изживал себя и экономически и политически. Выступления рабов, свободных крестьян, бедноты городов против аристократии жестоко подавлялись. Трудовые массы оказались бессильными разрешить назревший социальный конфликт — уничтожить социальный гнет и создать новый справедливый строй. В этих условиях и возникает христианство как мировоззрение людей, потерявших веру в возможность освобождения от социального гнета собственными силами. В основе христианского мировоззрения лежит вера в мифического Иисуса Христа (отсюда название христианство), «сына божьего», якобы сошедшего с неба на землю и принявшего страдания и смерть для «спасения» человечества. После смерти Иисус Христос будто бы вновь воскрес из мертвых, вознесся на небо и христиане ждут его «второго пришествия».

Различают два этапа в развитии христианства. Первоначальные христиане испытывали здоровое чувство ненависти к рабовладельцам, богачам; они страстно верили в то, что царство справедливости наступит в этом мире на земле. Но они надеялись осуществить свои чаяния с помощью неба. Они ждали «второго пришествия» Христа, терпя и страдая, ибо, согласно их представлениям, только терпение и очищение души могло способствовать приближению этого момента. Своеобразие первоначального христианства было обусловлено классовым составом ранних христианских общин, состоящих в основном из рабов и бедняков.

Христианство во 2—3 вв. нашей эры уже утверждало, что уг-

[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 419.

нетенные и отверженные должны терпеливо переносить бедствия, нищету в надежде, теперь уже более отдаленной, о лучшей жизни на небесах (раньше же оно говорило о царстве на земле). Теперь христианство уже прямо проповедовало покорность хозяевам, «любовь к ближнему» и т. д. Это нашло свое выражение в библии — священной книге христианства, в описаниях апостолов и другой литературе раннего христианства.

Реакционный характер христианства усиливался по мере того, как вместе с укреплением церковной организации росло влияние господствующих классов в христианских общинах.

Через 200 лет после своего возникновения христианство в ряде стран было признано государственной религией (324 г. до н. э.). Между церковью и государством был заключен союз, так как государство нуждалось в церкви, чтобы проповедовать среди масс послушание и покорность. Да и церковь нуждалась в государстве, чтобы вести борьбу с ересями. Господствующие классы канонизировали христианство как мировую религию и вытравили из нее все то, что противоречило их интересам.

В средние века христианство выступает уже как вполне сложившаяся религиозная идеология феодального общества, претендующая на безраздельное господство во всех сферах его жизни. Церковь стремилась уничтожить всякое свободомыслие. Образование приняло преимущественно богословский характер. Характеризуя роль церкви в феодальном обществе, Энгельс писал: «Она окружила феодальный строй ореолом божественной благодати. Свою собственную иерархию она установила по феодальному образцу, и, наконец, она была самым крупным феодальным сеньором, потому что ей принадлежало не менее третьей части всех земельных владений в католических странах. Прежде чем начать успешную борьбу против светского феодализма в каждой стране и в отдельных его сферах, необходимо было разрушить эту его центральную священную организацию» [15].

По своей сущности, по содержанию религиозное мировоззрение всегда и при всех условиях реакционно. Оно враждебно всему прогрессивному в обществе, враждебно научному познанию действительности. Религия сковывает инициативу масс, отвлекает их от борьбы против своих угнетателей. Ленин в письме к Горькому подчеркивал, что оправдание идеи бога есть оправдание реакции. «Идея бога, — писал Ленин, — *всегда* усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи *всегда* идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а всегда *связывала* угнетенные *классы* верой в *божественность* угнетателей» [16].

История полна примеров реакционного действия религии, преследования ею всего прогрессивного и, в частности, науки. Отно-

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 306.
[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 232.

шение к науке ярче всего раскрывает реакционную сущность религии. На протяжении всей истории религия выступает как враг науки, что особенно резко проявилось в открытом преследовании ученых, в уничтожении их трудов и т. д.

Так, в VII в. мусульманские церковники разгромили знаменитую Александрийскую библиотеку, в которой хранились редчайшие рукописи древних ученых и философов. Халиф Омар заявил, что если в науках говорится то же, что и в коране, то они бесполезны и их надо сжечь, а если в них сказано что-либо противоречащее корану, то их тем более следует уничтожить.

Преследуя свободомыслие, католическая церковь сожгла не менее 5 млн. человек.

В 1600 г. католическая церковь сожгла живым на костре философа Джордано Бруно, утверждавшего вслед за Коперником, что Земля движется вокруг Солнца и что в бесконечном пространстве движутся бесконечные миры. В 1633 г. инквизиция судила Галилея. Еврейские церковники предали проклятию и до конца жизни преследовали великого философа Спинозу.

Еще в XVI в. одному русскому изобретателю, предложившему соорудить искусственные крылья для полета, церковники ответили: «Человек не птица, крылья не для его естества, а изобретение твое не божье дело, а от нечистой силы».

Общеизвестны преследования со стороны церковников великих русских ученых М. В. Ломоносова, К. Э. Циолковского, И. В. Мичурина и др.

Правда, религия не всегда прямо и открыто оспаривала научные открытия, иногда она пыталась использовать их в своих интересах, что опять-таки приносило вред науке, мешало ее развитию. Кроме того, несмотря на реакционную сущность в целом, религиозное мировоззрение в определенных условиях могло использоваться в прогрессивных целях, например, в интересах сплочения народа в борьбе с иноземными захватчиками и т. д. Религиозное мировоззрение, в частности, использовалось в борьбе с феодальным строем и феодальной церковью (кальвинизм).

Учение Кальвина о предопределении, писал Энгельс, было «религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности или искусства отдельных лиц, а от обстоятельств, от них не зависящих. Определяет не воля или действие какого-либо отдельного человека, а милосердие могущественных, но неведомых экономических сил»[17]. Но прогрессивное использование не меняет сущности религии. Кальвинизм по своей сущности остался такой же реакционной религией, как и все другие. Его отношение к науке и вообще ко всякого рода прогрессивным явлениям осталось таким же. «И характерно, — отмечал Энгельс, — что протестанты перещеголяли католиков в преследовании свободного изучения приро-

[17] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 308.

ды. Кальвин сжег Сервета, когда тот вплотную подошел к открытию кровообращения, и при этом заставил жарить его живым два часа; инквизиция по крайней мере удовольствовалась тем, что просто сожгла Джордано Бруно»[18].

Религиозное мировоззрение как реакционная общественная сила со временем должно быть устранено. Борьба против него ведется очень давно. Предшествующие Марксу материалисты, в их числе и Фейербах, и русские революционные демократы вели борьбу с религией с позиций просветительства. Так как невежество, с их точки зрения, главная причина возникновения и существования религии, то просвещение, распространение научных знаний — основное средство ее преодоления. Такой взгляд, как показали Маркс и Энгельс, был крайне ограниченным. Раскрыв самые глубокие социальные корни религии, Маркс и Энгельс правильно указали и пути ее преодоления.

Чтобы преодолеть религиозное мировоззрение, недостаточно одной лишь просветительской пропаганды в условиях буржуазного строя. Для этого нужно прежде всего уничтожить сам капиталистический строй, превратить средства производства в общественную собственность. «...Религия, — писал Энгельс, — может продолжать свое существование как непосредственная, т. е. эмоциональная форма отношения людей к господствующим над ними чуждым силам, природным и общественным, до тех пор, пока люди фактически находятся под властью этих сил. Но мы уже неоднократно видели, что в современном буржуазном обществе над людьми господствуют, как какая-то чуждая сила, ими же самими созданные экономические отношения, ими же самими произведенные средства производства... Одного только познания... недостаточно для того, чтобы подчинить общественные силы господству общества. Для этого необходимо прежде всего общественное *действие*. И когда это действие будет совершено, когда общество, взяв во владение всю совокупность средств производства и планомерно управляя ими, освободит этим путем себя и всех своих членов от того рабства, в котором ныне их держат ими же сами произведенные, но противостоящие им, в качестве непреодолимой чуждой силы, средства производства, когда, следовательно, человек будет не только предполагать, но и располагать, — лишь тогда исчезнет последняя чуждая сила, которая до сих пор еще отражается в религии, а вместе с тем исчезнет и само религиозное отражение, по той простой причине, что тогда уже нечего будет отражать»[19].

Такова общетеоретическая постановка вопроса о путях преодоления религиозного мировоззрения.

В условиях социалистического общества уничтожены социальные корни религии. Однако религия сохраняется. Объясняется это следующими обстоятельствами.

[18] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 347.
[19] Там же, стр. 329—330.

Во-первых, сознание обычно отстает от бытия, поскольку является его отражением и, понятно, может изменяться только вслед за изменением отражаемого. Кроме того, следует учитывать и специфику религии как особо консервативной формы сознания. Этот особый консерватизм вытекает из самой сущности религии и ее функций. Религиозные догматы выдаются за абсолютные истины и поэтому принимаются все меры, чтобы с течением времени они оставались неизменными. Служители религии могут идти на отдельные изменения, но только в интересах сохранения основных положений о существовании сверхъестественных сил. Огромный консерватизм религии обеспечивается ее большой приспособляемостью. Религия в то же время призвана укреплять существующие порядки неизменными. Поэтому и сама она должна сохраняться неизменной.

Во-вторых, будучи господствующей идеологией на протяжении ряда веков, религия очень сильно проникла во все стороны жизни людей, она оплела весь повседневный быт человека, каждый шаг в его жизни, сопровождая его от рождения до могилы. Поэтому, не изменив коренным образом всю жизнь людей, трудно окончательно освободиться от религиозных пережитков.

В-третьих, религия сохраняется благодаря усиленной деятельности служителей церкви и проповедников религии. Они используют самые различные методы, чтобы оживить и сохранить религиозные взгляды и настроения.

Все это требует усиления борьбы с религией. Как извращенное отражение действительности религия затемняет сознание масс, мешает организации революционной борьбы, построению социализма и коммунизма. Коммунистическая же партия несет в массы научное мировоззрение и, естественно, она борется со всем тем, что мешает росту сознательности масс, в том числе и с религией.

Программа действия Коммунистической партии по отношению к религии разработана Лениным в его известных статьях «Социализм и религия», «Отношение рабочей партии к религии» и др. Развивая мысли Маркса и Энгельса, Ленин писал, что партия считает важнейшей задачей всемерно способствовать высвобождению народа из-под влияния религии. Первым шагом на этом пути является требование отделения церкви от государства, требование, которое выдвигается еще на этапе демократического переворота.

Однако требование объявить религию частным делом по отношению к государству отнюдь не означает, что религия является частным делом по отношению к партии. Коммунистическая партия стоит на позициях атеизма, т. е. непримиримой борьбы с религией.

Ленин подробно останавливается и на методах борьбы с религиозными пережитками. Он подчеркивает, что в борьбе с религией не следует пользоваться методами насилия, декретирования, запрещения, ибо нельзя преодолеть религию при помощи принудительных, административных мер.

Этой программой, разработанной Лениным, руководствовалась и руководствуется наша партия в своей деятельности.

В результате победы социалистической революции, в процессе проходящих в нашей стране социально-экономических изменений огромное большинство советских людей освободилось от религиозных предрассудков. Однако последние сохраняются еще в сознании значительной части населения. В этих условиях партия делает главный упор на проведение терпеливой систематической научной пропаганды среди населения, на внедрение научного мировоззрения.

В постановлении ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках проведения научно-атеистической пропаганды среди населения» отмечалось, что всякого рода административные меры и оскорбительные выпады против верующих и церковнослужителей могут принести лишь вред, привести к закреплению и даже усилению религиозных предрассудков. Основным методом атеистической пропаганды, подчеркивалось в Постановлении ЦК КПСС, является популярное разъяснение важнейших достижений науки, подтверждающих правильность материалистических взглядов на развитие природы и общества.

В Программе КПСС об этом записано следующее:

«Партия использует средства идейного воздействия для воспитания людей в духе научно-материалистического миропонимания, для преодоления религиозных предрассудков, не допуская оскорбления чувств верующих. Необходимо систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, возникших в прошлом на почве придавленности людей стихийными силами природы и социальным гнетом, из-за незнания истинных причин природных и общественных явлений. При этом следует опираться на достижения современной науки, которая все полнее раскрывает картину мира, увеличивает власть человека над природой и не оставляет места для фантастических вымыслов религии о сверхъестественных силах»[20].

Таковы некоторые особенности религиозного мировоззрения, его места и роли в общественном развитии.

3. ФИЛОСОФСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Философское мировоззрение представляет собой специально разработанную систему взглядов, выраженную в особых философских категориях, т. е. наиболее общих абстрактных понятиях: бытие, сознание, количество, качество и т. д. Как же возникло философское мировоззрение?

По мере развития общественного производства и накопления объективных знаний религиозное мировоззрение претерпевало существенные изменения. Все больше и больше накопляя знания о

[20] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 412.

себе, о своей жизни, о своих отношениях друг к другу и к природе, люди обогащают свое мировоззрение, переносят вновь приобретенные знания на вымышленный ими мир богов, наделяют их чертами человеческих характеров, что позволяет понять земное происхождение религии. Другими словами, накопляющиеся знания об окружающем мире создают возможность критического отношения к религиозному мировоззрению и формированию нового, научного мировоззрения — философии. Слово «философия» в его первоначальном смысле означает «любовь к мудрости». Философия начинает свое развитие с отказа от религиозного мировоззрения и борьбы с ним. Между религиозным и философским мировоззрением возникает противоречие.

Философия возникает именно как материалистическая философия. Об этом свидетельствуют наиболее древняя индийская философия, возникшая примерно за десять веков до нашей эры, древнекитайская и древнегреческая философия. Материалистическая философия становится орудием борьбы в руках прогрессивных слоев общества против реакционной аристократической родовой знати. Реакционные слои рабовладельческого общества, заинтересованные в сохранении религиозного мировоззрения, стремятся в соответствии с достигнутым уровнем знаний придать религиозным взглядам вид доказательности, убедительности, наукообразности. Религиозное мировоззрение проникает в философию, приобретает его форму. Так возникает идеализм. Идеализм есть не просто религия, но религия, выраженная в философских категориях, с использованием философской аргументации. Но раз возникнув, идеализм приобретает относительно самостоятельное существование и может идти в свою очередь на помощь религии. Так, христианство возникло в основном из идей, заимствованных из идеалистической философии. В самой религии идеализм пытается заменить слепую веру верой аргументированной, пытается обосновать религиозные догматы. Так возникает теология.

Большинство идеалистов постоянно и открыто, с начала возникновения философии, пытались доказать, что истинная философия и истинная религия — одно и то же. В действительности же истинная философия и религия — два противоположных, взаимоисключающих полюса. Истинной философией является правильное, научное, материалистическое мировоззрение. Материализм же по своему существу связан с революционной борьбой прогрессивных классов и развитием научных знаний, а не с религией. Поэтому история истинной философии и есть история возникновения и развития материалистического мировоззрения. И так как материализм развивался и крепнул в борьбе с идеализмом, то история философии есть вместе с тем история борьбы материализма с идеализмом.

История философии свидетельствует, что в борьбе материализма с идеализмом позиции материализма в конечном счете все больше и больше укрепляются. Материализм — симптом прогрес-

сивных тенденций общественного развития. Распятый материализм всегда вновь и вновь воскресал в прогрессивные периоды общественного развития. Как мировоззрение он почти всегда появлялся там и тогда, где и когда на историческую арену поднимался класс, кровно заинтересованный в развитии производства, науки и вообще в дальнейшем развитии общества. Он развивался и не мог не развиваться в те периоды, когда развивалось производство и науки, даже если и не находил особого сочувствия со стороны господствующих классов. Идеализм, наоборот, — опора реакционных сил общества. Однако бывали и исключения. Бывали случаи в истории, когда идеализм, как реакционное по существу мировоззрение, использовался в прогрессивных целях, например идеалистические письма Чаадаева, направленные против крепостнических порядков. Подобные исключения лишь подтверждают общее правило, но требуют каждый раз особого рассмотрения.

Так как история философии есть прежде всего история возникновения и развития материалистического мировоззрения, то следует вкратце остановиться на его исторических формах. Соответственно различным историческим условиям, идеологами разных классов было создано три основные формы домарксовского материализма: а) древнегреческий материализм; б) механистический материализм XVII—XVIII вв.; в) материализм революционных демократов.

а) Древнегреческий материализм возник в период формирования рабовладельческого общественно-экономического строя в Греции, выражал классовые интересы рабовладельческих кругов, заинтересованных в развитии производства, торговли, в росте научных знаний и был направлен против мировоззрения родовой аристократии — мифологии. Важнейшие черты древнегреческого материализма следующие:

1) Неразрывная связь с диалектикой. Древнегреческие материалисты были в то же время и диалектиками. Правда, их диалектика не лишена элементов стихийности, страдает целым рядом недостатков, но в целом правильно отражает общий характер процессов.

2) Неразрывная связь материализма и естественнонаучных воззрений. Философия и естествознание еще не обособились в отдельные отрасли знаний. В то же время философия была неразрывно связана и с общественно-политическими взглядами.

Материализм древних греков носит еще примитивный характер. Недостаточность знаний не давала возможности правильно разрешить проблему единичного и общего. В основу всех вещей они ставили материю как таковую, наделенную определенными чувственными качествами, что, конечно, неправильно. Так, основатель милетской школы Фалес (жил около 524—547 гг. до н. э.) считал, что основа всех вещей — вода, влажность, из которой, по его мнению, образуются все вещи и в которую они в конце кон-

цов превращаются снова. Анаксимен такой основой считал апейрон, Гераклит — огонь, Демокрит — атомы и т. д.

Хотя знания, питающие древнегреческую философию, были бедными и неглубокими, но они были всесторонними. Это давало философии древних греков многие преимущества. В частности она смогла сформулировать много правильных положений. Среди более поздних философских теорий и идей нет почти ни одной такой, которая не имелась бы в зародыше у древних греков.

б) Метафизический или механистический материализм XVII и XVIII вв. явился мировоззрением молодой, идущей на смену феодалам буржуазии и был направлен против средневековой схоластики и теологии. Механистический материализм отражает интересы буржуазии в развитии производительных сил, торговли и т. д. Он в то же время соответствует новому уровню естественнонаучных знаний, вызванных развитием мореплавания, военного дела, промышленности, торговли, а также великими открытиями и изобретениями. Ведь именно в этот период происходит бурное развитие естественнонаучных знаний, формирование отдельных наук: математики, механики, астрономии и т. д.

Правильно решая основной вопрос философии, этот материализм был ограничен по своим классовым корням. Буржуазное общество изображалось им как непреходящее. Гоббс, Локк, Спиноза и французские материалисты представляли буржуазные порядки как общечеловеческие, а буржуазное общество как гражданское общество вообще.

Ограниченность этого материализма определялась также уровнем развития знаний. Из всех отраслей науки того времени наивысшего развития достигли механика и математика, в особенности первая. Химия и биология были еще в зачаточном состоянии. Это наложило свой отпечаток и на материализм. Философы-материалисты абсолютизировали законы механики, распространяли их на объяснение всех форм движения: биологической и др., а некоторые из них, например Гоббс, пытались применить механику к объяснению общественных явлений. Таким образом, сложные процессы упрощались, сводились к более простым отношениям. В силу этого материализм XVII—XVIII вв. формировался как механистический материализм.

Французские материалисты создали передовое по тому времени учение о материи, рассматривая ее как объективную реальность, воздействующую на наши органы чувств. Крупной их заслугой является также утверждение о неотделимости материи и движения. Движение является атрибутом материи. Однако само движение они понимали механистически. Важным положением французских материалистов является положение о том, что сознание, ощущение есть отражение материи в мозгу людей. Ощущение, возникающее в результате воздействия окружающего мира на органы чувств, является источником всяких знаний. Французские материалисты в теории познания были сенсуалистами. Однако

они не понимали роли практики в познании и рассматривали ощущения абстрактно, как одно лишь созерцание, а не чувственную человеческую деятельность.

Не сумел преодолеть рамок метафизического материализма и Фейербах. Характеризуя ограниченность французского и фейербаховского материализма, Ленин писал: «Основным недостатком «старого», в том числе и фейербаховского (а тем более «вульгарного», Бюхнера-Фогта-Молешотта) материализма Маркс и Энгельс считали (1) то, что этот материализм был «преимущественно механическим», не учитывая новейшего развития химии и биологии (а в наши дни следовало бы еще добавить: электрической теории материи); (2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; (3) то, что они «сущность человека» понимали абстрактно, а не как «совокупность» (определенных конкретно-исторически) «всех общественных отношений» и потому только «объясняли» мир, тогда когда дело идет об «изменении» его, т. е. не понимали значения «революционной практической деятельности» [21].

в) Материализм русских революционных демократов Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова отличается от двух предшествующих форм прежде всего тем, что в нем обосновывается мировоззрение революционной части русской интеллигенции. Материализм русских революционных демократов формировался в борьбе против феодальных порядков и идеологии помещиков. Его целью было не оправдание складывающихся буржуазных порядков, а разрушение гнета и эксплуатации трудового крестьянства, раскрытие пороков феодального общества. Русские мыслители не были «рабами современного им общественного устройства», как характеризовал Чернышевский Гегеля, а вели беспощадную борьбу со всеми препятствиями на пути прогресса. Трудам революционных демократов свойственна ненависть к царскому строю, борьба за коренные интересы народа, за его освобождение от помещичьего и царского гнета.

Как воинствующие материалисты, Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов вели упорную борьбу против идеализма и всех форм мистицизма, распространявшихся как в России, так и на Западе. Они сумели раскрыть противоречие между диалектическим методом и идеалистической системой Гегеля, и, отбросив идеализм, критически использовали диалектическое понимание развития. В отличие от Фейербаха и французских материалистов Чернышевский и другие русские мыслители материалистически трактовали законы диалектики. Однако несмотря на использование диалектического метода, они не стали диалектическими материалистами, так как не сумели последовательно распространить материализм и диалектику на познание общественной жизни.

[21] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 53.

В отличие от фейербаховских трудов труды русских революционных демократов — убежденных атеистов — свободны от религиозно-этических наслоений.

Решая основной вопрос философии, русские революционеры-демократы идут гораздо дальше французских материалистов. Они показывают, что ощущения, мысль являются результатом исторического развития материи и представляют собой особые ее свойства на определенной ступени развития. Чернышевский доказывает, что способность ощущать и мыслить обусловлена физиологическими процессами в организме. В то же время русские мыслители ведут борьбу и против вульгарного понимания психических явлений Бюхнером, Фогтом, Молешоттом и др. «Нам кажутся смешны и жалки, — писал Добролюбов, — невежественные претензии грубого материализма, который унижает высокое значение духовной стороны человека, стараясь доказать, будто душа человека состоит из какой-то тончайшей материи. Нелепость подобных умствований так давно и так неопровержимо доказана, они так прямо противоречат результатам самих естественных наук, что в настоящее время только разве человек отсталый и невежественный может еще не презирать подобных материалистических умствований»[22].

Они резко критиковали агностицизм. Известно, какую высокую оценку давал Ленин критике агностицизма Чернышевским. Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов развивают положения о единстве чувственного и рационального, логического и исторического, относительного и абсолютного. Они высказывали мысль о практике как критерии истины.

Русская классическая философия оказала огромное влияние на усиление освободительного движения в России, на развитие естествознания. Ее главная заслуга состоит в подготовке благоприятной почвы для распространения марксизма в России.

Таковы основные формы домарксовского материалистического мировоззрения, представляющего важные этапы на пути становления философии как науки, разрабатываемого идеологами прогрессивных общественных групп, классов, тесно связанного с развитием общественно-исторической практики людей, с развитием естествознания. Но наряду с материализмом существовали различные формы идеализма, с которыми материализму приходилось вести постоянную борьбу.

Каковы же черты, особенности, закономерности обнаруживаются в процессе развития материалистического мировоззрения и его борьбе с идеализмом?

В первобытном обществе мировоззрение людей было непосредственно вплетено в их практическое и теоретическое отношение к природе и друг к другу. Оно представляло необходимую сторону,

---

[22] Н. А. Добролюбов. Избр. филос. произв., т. I. М., Госполитиздат, 1948, стр. 230—231.

момент теоретической и практической деятельности. Но с появлением классов и классового общества нераздельное разъединяется и взаимно дополняющие друг друга стороны обособляются в самостоятельные явления. Возникновение философии как мировоззрения, основанного на научных знаниях, означало в то же время отделение ее от непосредственных производителей материальных благ.

Но это лишь начало дифференциации. В древнегреческом материализме, несмотря на отдельные исключения, философия и конкретные знания еще не расчленены. Они представляют две стороны одного и того же процесса познания. Так же как общее не может существовать без единичного, философия не может существовать без конкретного знания. Однако разделение труда проникает и в познание: общее отделяется от единичного, обособляется, становится особой отраслью труда. При этом дело обстояло несколько иначе, чем обычно представляют, придерживаясь формулы об отпочковании частных наук от философии. В действительности частные науки возникали на основе потребностей практики, в связи с развитием мореплавания, промышленности, географическими открытиями и т. д. и, раз возникнув, отнимали у философии то, что было им полезно. И философия вынуждена была пересматривать границы своего предмета. Но несмотря на отделение наук от философии, закон их единства продолжал действовать. Философия продолжает давать трактовку вопросов, вытекающих из предметов частных наук и подлежащих их решению; формируется натурфилософия. Последняя стараниями идеалистов пытается навязать естествознанию свои выводы по естественнонаучным вопросам, пеленает его своими схемами. В то же время и естествознание, обособившееся от философии и относящееся к ней с презрением, не может без нее обойтись и создает свою философию. Одним из видов такой «философии» является позитивизм и неопозитивизм. Разделение труда между философией и частными науками имело положительное значение. Ограничение предмета исследования было условием прогресса каждой из этих областей. Но оно имело и отрицательную сторону, проявляющуюся, в частности, в известном дублировании теоретических вопросов этими областями. «Совершенная отрезанность естествоведения и философии, — писал А. И. Герцен, — часто заставляет целые годы трудиться для того, чтоб приблизительно открыть закон, давно известный в другой сфере, разрешить сомнение, давно разрешенное: труд и усилие тратятся для того, чтобы во второй раз открыть Америку, — для того, чтоб проложить тропинку там, где есть железная дорога»[28].

Выражение интересов и отражение действительности — две стороны одного и того же процесса. Человек познает действительность не ради самого познания, а для осуществления определен-

---

[28] А. И. Герцен. Письма об изучении природы. М., Госполитиздат, 1946, стр. 48—49.

ных общественных целей, идей. В то же время и общественные идеи в конечном счете черпаются из самой действительности. Существует закон единства идеологической и познавательной стороны в философии. Однако и этот закон в условиях классового общества, раздираемого антагонистическими противоречиями, проявляется своеобразно. Неразделенные стороны расчленяются и противопоставляются друг другу, идеология противопоставляется науке и поэтому сама становится иллюзорной, извращенной. В философии это проявляется, в частности, в противопоставлении и борьбе материализма и идеализма. Действие закона единства познавательной и идеологической стороны проявляется в том, что материализм оставался не только формой познания, но и формой идеологии. В то же время идеализм не мог существовать и бороться с материализмом, если он не учитывал достижений процесса познания. Поэтому нельзя сказать, что идеалистические философские системы ничего не вносили в развитие философии. Хотя и в извращенном виде, но они делали некоторые обобщения, необходимые в развитии философии. Однако действительный прогресс в развитии философии связан прежде всего с развитием материалистической философии, которая оказывалась мировоззрением передовых классов, заинтересованных в использовании и развитии всего положительного в предшествующей философии.

История философии показывает, далее, что между единичными фактами, общей теорией и методом существуют определенные закономерные отношения. Чем меньше действительных фактов в философии, тем больше искусственных теорий. Чем беднее факты, тем абстрактнее теория. Если единичные факты стоят ближе к отражаемому предмету, то общие теории — ближе к выражаемым ими классовым интересам. Одни и те же факты можно использовать для разных теорий, для обоснования различных философских систем. Если эти факты обобщаются представителями реакционных классов, то и теории обычно реакционны.

Во всякой философии имеется и теория и метод. Знание о мире есть определенная теория, система. Но ее теоретические положения служат и методом познания. Неразрывная связь философского метода и теории вытекает из существа этого метода. Знания начинаются раскрытием отдельных фактов и кончаются общими выводами или теорией. Общефилософский метод начинается с общих выводов, принципов и устремлен к единичным явлениям, к отдельным фактам. Факты составляют основу теории, теория служит методом. Однако в классовом антагонистическом обществе и эти нераздельные стороны каждой философской системы разъединяются, противопоставляются друг другу. С одной стороны оказывается онтология — учение о мире, с другой стороны — гносеология, т. е. учение о познании, его метод. Эта противоречивость проявляется и в противоположности системы и метода, материализма и диалектики. Идеалистические системы оказываются диалектическими, материалистические — метафизическими. Однако

диалектика, если она идеалистическая, не может быть до конца последовательной и обязательно делает уступки метафизике. Яркий пример этому диалектика Гегеля. В то же время материализм, если он не диалектический, не может быть до конца последовательным и обязательно делает уступки идеализму, как, например, материализм XVII и XVIII вв.

В философии, как и в других видах мировоззрения, существует преемственность. «...Как особая область разделения труда, философия каждой эпохи располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками и из которого она исходит»[24].

Без преемственности, без накопления положительных знаний об общих закономерностях окружающего мира немыслимо было бы существование самой философии как мировоззрения. Преемственность существует прежде всего в специфической форме отражения действительности. Основные понятия, категории: бытие, ничто, движение, противоречие, количество, качество и т. д., разрабатываемые еще древнейшими философами, сохранились и по настоящее время. Преемственность распространяется и на содержание философии. Гегель, например, справедливо отмечал, что у Гераклита нет ни одного положения, которого он, Гегель, не использовал бы в своей логике. Но Гегель использовал не только диалектику Гераклита, но и идеализм Платона.

Преемственность в философии имеет свои особенности, которые вытекают из функций философии. Философия есть мировоззрение определенных групп, классов. Поэтому прошлое используется в зависимости от интересов данного класса. Если класс реакционный, отживающий свой век, то из прошлой философии он использует то, что как-то может ему служить, т. е. использует главным образом идеалистическую философию. Что же касается материалистической философии, то идеалисты либо ее критикуют, ведут против нее борьбу, либо извращают и подтасовывают под свои схемы, как например, поступает Гегель по отношению к Демокриту и другим предшественникам-материалистам.

Если же класс передовой, прогрессивный, то он использует из прошлой философии материализм и вообще все действительные достижения философии как мировоззрения (в том числе и идеалистической) и в то же время ведет борьбу против идеализма.

Таким образом, вопрос об использовании прошлого в философии определяется не только ее познавательной ценностью, но и интересами того класса, который создает свое мировоззрение. Трудящиеся нашей страны заинтересованы в правильном, объективном отражении мира, в создании научного мировоззрения, и они используют все научные правильные теоретические положения из всей предшествующей философии, в том числе и из идеалистических систем.

---

[24] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 419.

4. ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Естественнонаучное мировоззрение обычно является мировоззрением естествоиспытателей и формируется в процессе познания природы. Содержанием этого мировоззрения также являются обобщенные знания о том, что такое природа, что такое законы, что представляет собой человеческое сознание и как оно относится к внешнему миру. К пониманию этих общих вопросов естествоиспытатели приходят от своей науки. В этом мировоззрении, конечно, могут иметь место взгляды и представления, заимствованные из тех или иных философских систем, из социологических теорий и т. п., но не они составляют его главное содержание. Как и философское, мировоззрение, естественнонаучное по своему содержанию, может быть материалистическим и идеалистическим. Примером естественноисторического материализма являются, в частности, мировоззренческие взгляды Ж. Ламарка, Ч. Дарвина, Э. Геккеля и др. Характеризуя мировоззрение Э. Геккеля, Ленин называл его естественно-историческим материализмом и высоко оценивал его значение для борьбы с реакционными взглядами в естествознании[25].

Однако несмотря на все положительные черты, естественноисторический материализм представляет собой ограниченное мировоззрение. Во-первых, оно опирается на узкую естественнонаучную базу, в основном на ту отрасль науки, в которой трудится ученый. Во-вторых, основные понятия, в которых выражается это мировоззрение, не разрабатываются специально, в их взаимной связи как система взглядов. Ученый дает определения этих категорий по мере надобности в своей научной работе. Так, Дарвин определял природу как совокупное действие законов; закон — как доказанную последовательность явлений; случайность — как непознанную необходимость и т. п. В-третьих, естественноисторический материализм не лишен значительного момента стихийности. Зачастую у естествоиспытателей нет ясного представления о том философском направлении, на позициях которого они стоят. Так, характеризуя мировоззрение Э. Геккеля, Ленин показывает, что хотя он и стоит на позициях естественноисторического материализма, но все же *«отрекается от материализма,* отказывается от этой клички. Мало того: он не только не отвергает всякой религии, а выдумывает свою религию...»[26].

Узкая естественнонаучная основа этого вида мировоззрения нередко бывает одной из причин того, что при наличии известных социальных условий оно формируется как идеалистическое мировоззрение. Примером такого естественнонаучного мировоззрения является раскрытый и раскритикованный Лениным физиологический и физический идеализм. Поэтому единственно надежной основой для естествоиспытателей является не естественнонаучное

[25] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 372.
[26] Там же, стр. 371.

мировоззрение, а диалектический материализм. «...Сегодняшний «физический» идеализм точно так же, как вчерашний «физиологический» идеализм, — писал Ленин, — означает только то, что одна школа естествоиспытателей в одной отрасли естествознания скатилась к реакционной философии, не сумев прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому материализму. Этот шаг делает и сделает современная физика, но она идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом»[27].

[27] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 331—332.

ИСКУССТВО

1. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСКУССТВА КАК ОБЩЕСТВЕННОГО ЯВЛЕНИЯ

Искусство — сложное общественное явление. Оно охватывает и определенные взгляды, и чувства, и деятельность, и произведения. Существуют специальные учреждения, без которых в современном обществе немыслимо искусство. Создаются специальные организации, объединяющие людей, занятых искусством. Искусство — важная сторона жизни людей, их практической деятельности. Искусство — средство общения между людьми, а также средство достижения определенных общественных целей, решения практических задач. Однако в первую очередь искусство интересует нас как определенная форма общественного сознания.

Что же представляет собой искусство как форма общественного сознания? Самый краткий ответ на этот вопрос следующий: искусство есть отражение действительности в художественных образах. Но это требует дальнейшего разъяснения. Специфику искусства нельзя видеть только в какой-то отдельной черте, одном признаке. Искусство отличается от других форм сознания не только по форме отражения действительности, но и по предмету, и по своим общественным функциям.

Что же составляет предмет искусства? Прежде чем дать ответ на этот вопрос, напомним вкратце, что́ мы вообще понимаем под предметом той или иной формы сознания. Действительность сложна, многообразна, многостороння. Различные ее стороны составляют предметы разных форм сознания. Кроме того, каждая форма сознания, как было отмечено, есть не только отражение внешних предметов, но и выражение каких-то интересов, чувств, переживаний, присущих данному идеологу. Это различие между отражением внешнего предмета и выражением внутреннего мира очень важно для понимания того, что такое искусство. Вопрос о предмете и есть вопрос о том, что́ именно отражается данной формой сознания. Значит, говоря о предмете искусства, мы будем иметь в виду не тот внутренний мир художника, который им выражается, иногда бессознательно, а те предметы действительности, которые противостоят ему, как независимая от него объективная

реальность. Итак, что же отражает искусство? Существуют ли какие-либо явления или предметы действительности, которые не могли бы отражаться искусством? Таких предметов, конечно, не существует. Поэтому многие авторы статей и книг по эстетике высказывают взгляды, согласно которым предметом искусства является вся действительность. «*Предметом* искусства в целом является реальная действительность...»[1], — пишет Н. А. Дмитриева.

«Весь мир является предметом искусства, — пишет Г. Недошивин. — Общественная жизнь и природа, любые события и явления, сложнейшие субъективные переживания человека составляют реальное содержание художественных произведений»[2].

Однако такое определение является крайне общим. Нужно раскрыть и его специфические черты, показать, какую именно сторону действительности отражает искусство. Поэтому авторы, определив предмет искусства, как действительность, идут дальше, по пути раскрытия специфики, отражаемой искусством действительности. А такая специфика есть. Искусство отражает действительность с иной стороны, чем, например, естественные и общественные науки. Это чувственно воспринимаемая сторона, способная вызывать у человека определенные эмоции. «Предмет искусства,— справедливо отмечает К. Кривицкий, — все, что людей волнует, вызывает у них эмоциональный отклик, как предмет науки — все, что интересует людей»[3]. А людей больше всего волнует, вызывает у них эмоциональный отклик общественная жизнь, общественные отношения и все то, что связано с этой их общественной жизнью.

Однако и этого недостаточно для определения эстетической специфики предмета искусства. Искусство отражает не только то, что может вызывать определенные эстетические и другие чувства, но и сами эти чувства. Художник, изображая определенные картины природы, в то же время изображает и те свои чувства, которые вызывают природные объекты. И эти чувства, и изображение этих природных объектов у подлинного художника слиты, спаяны друг с другом. Можно сказать, что здесь даются природные объекты через преломление в определенных чувствах, переживаниях, мыслях и т. п. Значит, предмет искусства не сама по себе действительность, но и те чувства, мысли, которые эта действительность порождает. И наличие этих чувств, переживаний, мыслей и т. д. является существенным признаком всякого художественного произведения. Чем отличается, например, просто фотография от художественной фотографии? Тем, что в художественной фотографии отражаются не просто объективно существующие предметы или лица, но и определенные чувства, мысли художника, вызываемые

---

[1] Очерки марксистско-ленинской эстетики. М., Изд-во Акад. худож. СССР, 1960, стр. 135.

[2] Г. Недошивин. Очерки теории искусства. М., «Искусство», 1953, стр. 12.

[3] К. Кривицкий. Эстетика должна основываться на фактах искусства. «Театр», 1956, № 12, стр. 94.

этими объектами. В этом специфика предмета искусства. Можно вполне согласиться со следующим выводом А. И. Бурова: «...*Эстетическое начинается там, где человек доходит до самовыражения, до самопознания или самоощущения в предмете, когда он научается выражать через другие формы полноту и богатство своей человеческой сущности*» [4].

Определенные реальные объекты, виды движения, с одной стороны, и чувства, переживания, мысли, с другой, взаимно дополняют и раскрывают друг друга в предмете искусства. В произведениях искусства отражение внешних предметов может выступать средством отражения определенных чувств, мыслей, переживаний. В то же время чувства раскрывают определенные отношения действительности, общественной жизни. Музыка, например, выражает чувства при помощи звуков. «Лирическое «самовыражение» героя симфонии как выражение глубочайших внутренних переживаний художника-мыслителя — в их теснейшей связи с благородными общественными идеалами современного человека, такими, как любовь к Родине, преданность народу и т. д., — пишет П. Апостолов, — вот подлинная сущность лиризма как одного из важнейших условий формирования музыкального языка и стиля советской симфонии, ее психологической углубленности» [5].

В балете средством раскрытия чувств являются танцы. Каждый танец складывается из определенных движений. «Отдельные движения, — пишет Г. Уланова, — сами по себе не означают ничего конкретного. Нет такого па, которое бы прямо заменило даже самые простые слова, вроде «я ухожу» или «я думаю» и так далее. Но множество па в их логической последовательности, в их красивом и динамическом сочетании может и должно выразить разнообразные чувства, глубоко человеческие переживания — счастье любви и горечь разлуки, муки ревности и тяжесть предчувствия, надежду и разочарование, радость и отчаяние, порыв к подвигу и его совершение...» [6]. Но все эти чувства, переживания, мысли есть лишь конкретное проявление определенной общественной действительности, средство выражения определенных общественных отношений.

Таким образом, и субъективные чувства, переживания, мысли, и объективные процессы, объекты — взаимно дополняют друг друга в предмете искусства и немыслимы друг без друга. Но раз в предмете искусства есть две нераздельные стороны, то может встать вопрос о том, какая же из этих сторон является ведущей. Ряд авторов исходит из того, что главным в предмете искусства является человек со всеми его переживаниями и чувствами, а ре-

[4] А. И. Буров. Эстетическая сущность искусства. М., «Искусство», 1956, стр. 225.

[5] П. Апостолов. Вопросы поэтики современной симфонии. «Советская музыка», 1955, № 1, стр. 18.

[6] Г. Уланова. Выразительные средства балета. «Советская музыка», 1955, № 3, стр. 70.

альные объекты действительности — лишь средство «самовыражения» человека. Так, А. Г. Егоров пишет: «Главным предметом искусства во всех его видах и жанрах является человек в его общественных связях и отношениях к действительности»[7]. А. И. Буров довел эту точку зрения до крайности: «...Человек с его многоразличными переживаниями — не просто главный предмет, но и предмет специфический, то есть такой, в отношении которого в искусстве осуществляется собственно художественное обобщение и наличие которого есть, таким образом, непременный признак художественного произведения»[8].

Итак, не реальная действительность в ее революционном развитии, не общественное бытие, не общественные отношения, а человек, его переживания, чувства, мысли — главный предмет искусства. Правильна ли такая точка зрения? Правильно, на наш взгляд, то, что человек — предмет специфический, но неправильно, что он — главный предмет. Если на минуту согласиться с этой точкой зрения, то получится, что искусство должно служить не средством анализа социальной действительности, а средством самоанализа, самовыражения. Но это — обоснование субъективизма в искусстве, отход от материалистической эстетики. Дело не изменяется и в том случае, когда, при таком определении предмета, ссылаются на марксистское понимание человеческой сущности как совокупности всех общественных отношений. Такое определение предмета призывает художников не изучать жизнь, а заниматься изучением своих ощущений, переживаний и обращаться к действительности лишь для подбора средств, чтобы выразить свой внутренний мир. Марксистское понимание сущности человека как совокупности всех общественных отношений не оправдывает эту субъективистскую точку зрения, а требует замены ее другой, правильной точкой зрения. Главное в предмете искусства — реальная действительность в ее революционном развитии, общественные отношения. Что же касается сущности человека, раскрывающейся в произведениях искусства, то она обязательный, но не главный момент. Она является лишь средством отражения определенной социальной действительности.

Специфика искусства не сводится к специфике его предмета. Задача искусства не сводится к тому, чтобы правильно передать, скопировать какие-то реальные объекты и вызываемые ими чувства, эмоции. Искусство, как было отмечено, представляет собой также выражение определенных общественных интересов, идеалов и т. п. Значит, содержание искусства — это и объекты, воспринятые сквозь призму определенных чувств, и идея, выражающая определенные социальные или классовые интересы. Процесс познания в искусстве оказывается в то же время процессом выражения определенных идей, определенных социальных интересов.

[7] Основы марксистско-ленинской эстетики. М., Госполитиздат, 1960, стр. 407.
[8] А. И. Буров. Эстетическая сущность искусства, стр. 77—78.

Выражение определенных общественных идей в искусстве предполагает по крайней мере следующее: эстетическая и идеологическая оценка отображаемых объектов, чувств, переживаний, мыслей, их отбор и обработка. И так как обработка предмета и выражение определенной идеи имеет своей конечной целью приобретение эстетической формы, то весь этот процесс является процессом художественного творчества. Необходимость художественного творчества вытекает уже из самого предмета искусства. Уже для того, чтобы выразить в фотографическом снимке определенные чувства, а не просто натурально отразить предмет, требуется художественное творчество.

Простое отражение предмета искусства есть, конечно, отражение в образах. Но образность не составляет специфики искусства. Образность присуща всем формам сознания. Образы искусства специфичны: это — художественные образы.

Художественный образ — это прежде всего выведенные в отдельном лице, явлении общие черты действительности. Образы в искусстве есть форма отражения закономерностей действительности, средство обобщения. Но общее, если оно выражено только как общее, мало окажет влияния на эстетическое чувство. Поэтому художник не ограничивается установлением общего. Общее в искусстве должно быть индивидуализировано. Художник отображает общее, существенное в действительности через конкретное, наглядное. Но и это индивидуальное не может быть случайным по отношению к общему, а его необходимым выражением. Общее в искусстве не может быть схемой, подобной схемам естествознания; оно может быть лишь индивидом, сверкающим всеми красками жизни. Чрезвычайно высокая степень художественности достигается благодаря тому, что художник синтезирует множество однородных явлений и создает индивидуальность. Чем выше ступень художественного обобщения и индивидуализации общего, тем сильнее эстетическое воздействие произведений искусства.

Таким образом, художественный образ имеет две нераздельно связанные стороны: общее, т. е. типическое, и индивидуальное, т. е. характер.

Проблема типического имеет важное значение для искусства. Она постоянно ставится и обсуждается в нашей литературе по эстетике. В свое время было раскритиковано представление о типическом, как о том, что общераспространенно, что чаще встречается. Согласно этому представлению считалось, что достаточно взять в качестве темы для произведения какое-либо явление нашей жизни, имеющее положительное или отрицательное значение, распространенное, ставшее повседневным — и тем самым типичность уже обеспечена. Остальное — вопрос техники, умения правильно нарисовать фигуры, расположить их в пространстве и т. д.

Однако такого рода статистическое обобщение нельзя считать художественным обобщением. Среднее статистическое не может рассматриваться как типическое уже потому, что художник

обязан показывать жизнь в ее развитии, создавать типы, знаменующие новые явления в жизни общества. А новое не всегда общераспространенно. Скорее, наоборот. Пока оно ново, оно распространено недостаточно, ведь ему принадлежит не настоящее, а будущее. Значит, от художника требуется особый талант, чтобы раскрыть и обобщить это новое. Да и старое, отживающее, не всегда является общераспространенным. И для его обобщения требуется талант художника, мыслителя, а не статистика.

Кроме того, типическое явление концентрирует в себе черты, характерные для целого круга явлений жизни, собирает их как бы в фокусе, и уже поэтому оно не может быть среднестатистическим. «Необыкновенность», «оригинальность» изображенной личности, отмечал Н. Г. Чернышевский, вовсе не означает, будто эта личность не типична. В этой «необыкновенности» могут быть сконцентрированы лучшие возможности многих и вполне «обыкновенных» людей.

Однако обобщение в искусстве сложнее, чем, например, в науке. Обобщение в искусстве есть в то же время выражение определенных интересов, идей, стремлений художника. Последние же есть продукт определенных общественных условий. Другими словами, идеи художника также должны носить обобщающий характер, быть социально значимыми. Создаваемые художником образы сообщают его идеям силу выражения, убедительность, придают им меткость, рельефность. Идея благодаря образам приобретает форму конкретных фактов, явлений. Персонажи литературы и искусства выступают как выразители определенных общественных идей и интересов, обусловленных всей совокупностью общественных отношений, которые, собственно, и воплощаются в общественных чертах человека, в его определенных нравственных и других качествах. Так, например, в романе «Мать» в образах Павла, Ниловны и др. Горький не только обобщает факты нарастающего в России 90-х годов XIX в. революционного движения рабочих, но и выражает идею необходимости борьбы против самодержавия за новое общественное устройство.

Итак, в типических персонажах литературы и искусства нужно видеть кроме отражения существенного в окружающей действительности также отношение художника к изображаемым образам, определенное выражение его идей, настроений, чувств, интересов его общественной группы, его класса. Содержание образов берется не только из внешнего мира, но также и из убеждений и взглядов художника, которые в конечном счете также взяты из действительности. Иначе говоря, образ берется из действительности, но перерабатывается и обобщается художником соответственно его взглядам, чувствам, настроениям. И очень важно, чтобы обобщаемые факты и выражаемая идея соответствовали друг другу.

«Если, например, в нашей современности художник-живописец, — справедливо отмечает Г. Поспелов, — заявляет о своей

принадлежности к прогрессивному течению в искусстве, отвечающему общенациональным интересам, а в то же время отказывается от изобразительного воспроизведения реальной жизни и, нарушая специфические принципы и границы живописи, стремится выразить свои субъективные переживания с помощью абстрактного и условного сочетания линий и красок, лишенного всякой предметности, да к тому же выдает это за последнее слово искусства, — то он сам опровергает всем этим свои общественные декларации и свое мнение о себе.

И, наоборот, художник, живописец может разделять абстрактные, идеалистические, формалистические взгляды на искусство и даже пытаться применять их в своем творчестве. Но если он тем не менее отправляется в нем от наблюдений над реальной действительностью и подчиняет так или иначе свойства своего изображения и его эмоциональную направленность объективным характерным особенностям и объективному смыслу изображаемой жизни, тогда он может идейно вооружать своим искусством общенационально-прогрессивное движение своей страны и опровергать на деле свои эстетические убеждения»[9].

В художественном произведении и, в частности, в художественном образе идея и отражаемые явления действительности должны сочетаться так, чтобы идея неизбежно вытекала из изображаемых фактов, а не навязывалась художником вопреки этим фактам.

Итак, типическое в искусстве — это то, что с наибольшей полнотой и заостренностью выражает определенные общественные отношения. Преувеличение, заострение образа, следовательно, должно совершаться не произвольно. Если художник будет гиперболизировать случайные, побочные черты в ущерб существенным, он только исказит жизненную правду. Если же он необходимость преувеличения заострения образа превратит в самоцель, то неизбежно станет на путь формализма. Например, в прежние времена трагики, играя Арбенина в «Маскараде» Лермонтова, выделяли в своем исполнении главным образом страстный темперамент ревнивца, что искажало образ, созданный Лермонтовым. Трагедия Арбенина — это не трагедия слепой и дикой ревности, а трагедия социальная, трагедия во всем изверившегося человека, привыкшего жить в обстановке социального «маскарада».

Через конкретное, индивидуальное художественный образ в реалистическом искусстве всегда выражает широкую политическую идею. Каждый художественный образ тем самым есть обобщение. Если обобщение ложно, если оно искажает действительное положение вещей, то это неизбежно скажется и на качестве художественного произведения: образ будет фальшивым. Кроме того, обобщение может обладать большей или меньшей глубиной проникновения в сущность явлений. Именно это и есть мера типичности образа. Но глубина обобщения вместе с тем обязывает

[9] Г. Поспелов. О природе искусства. М., «Искусство», 1960, стр. 12—13.

и к маскимальной выразительности, насыщенности того единичного явления, характера, который выступает в искусстве носителем обобщенной идеи. Без этого сама идея не дойдет до воспринимающих, не будет понята и прочувствована.

Классические образы-типы в литературе — Онегин, Чичиков, Плюшкин, Иудушка Головлев, Клим Самгин, Павел Власов и другие, а в изобразительном искусстве — запорожцы, протодиакон у Репина, боярыня Морозова, Меншиков у Сурикова и т. д. — это образы, остающиеся жить в веках, как бессмертное воплощение жизненной правды. Каждый из них выражает определенные общественные отношения, социальные силы. И все они исторически конкретны, рождены «злобой дня», все являются откликом на насущные вопросы своего времени.

Создавая типические образы социальной значимости, художники в то же время выносили приговор явлениям жизни. Поэтому не случайно вокруг таких образов в свое время возникали ожесточенные споры, за которыми явно была видна социальная, политическая борьба. Такая борьба развернулась, например, в русской литературе 60-х годов XIX в. вокруг типического образа революционного демократа «шестидесятника». Типы «новых людей», выведенные Чернышевским в романе «Что делать?», вызвали, как известно, озлобленные нападки со стороны реакционных политических кругов. В противовес образам Чернышевского делались попытки создания образов, клеветнически искажающих существо революционного движения 60-х годов.

Может быть в меньших масштабах, но подобное же обнажение коренных политических разногласий происходило в спорах критиков различных лагерей по поводу картин Репина «Бурлаки на Волге», «Протодиакон», «Курсистски; «Кочегара» Ярошенко. Подлинно типические образы, созданные художниками прошлого, сохраняют свое значение и в наше время.

С неправильным пониманием типического была связана и порочна «теория» бесконфликтности. Ее защитники исключали из поля зрения советского искусства борьбу со всякого рода отрицательными явлениями, поскольку они немногочисленны и, значит, «не типичны». Такая установка вела не только к лакировке действительности, к одностороннему, а, значит, неправдивому ее показу, но и к обеднению положительного героя нашей современности. Ведь если положительный герой действует в обстановке полного благополучия, если ему не приходится преодолевать серьезные трудности, то в чем его заслуга? Правда, иногда художники, наделяя положительного героя соответствующими жестами и мимикой: сдвинутые брови, гордо приподнятая голова, — стремятся подчеркнуть его волю, энергию, целеустремленность. Но так как жизненные обстоятельства, в которых герой действует, изображаются чрезвычайно «облегченными», в виде сплошного праздника, то все эти конкретные черты воспринимаются как внешние атрибуты, а не как выражение внутренней сущности человека.

Таким образом, типическое в художественном образе неотделимо от индивидуального. Пренебрежение к индивидуализации в определении типического оказало отрицательное влияние на искусство. Из виду упускалось, что типическое в искусстве — не абстракция, а конкретный характер в его определенной чувственной форме. Некоторые художники ошибочно полагали, например, что политическое название картины уже решает вопрос о ее политической ценности. Были случаи, когда малосодержательность картины маскировалась под громким названием. Например, изображалась компания молодых людей, катающихся на лодке, и давалось название: «Энтузиасты Каховки»; изображались весьма безликие молодые люди, сидящие на травке, и под этим название — «Право на отдых»; изображались дети, кормящие голубей, и это называлось «Борьба за мир». Понятно, что это не есть решение ни проблемы типического, ни проблемы политического.

Сущность политической силы может входить в типическое лишь вместе с индивидуальным. Такие классические типы, как Чичиков, Плюшкин, Манилов, Коробочка и др. в произведении «Мертвые души» Гоголя, конечно, представляют выражение определенных социальных сил. Но они в то же время глубоко индивидуальны, а поэтому обладают жизнью и огромным воздействием на читателя. Содержание образа без достаточной художественной формы само превращается в форму в плохом смысле этого слова. Художественный образ есть индивидуальное, живое и в то же время социальное, общезначимое. В создании художественных образов вредно упускать как сторону обобщающую, так и сторону индивидуальную, конкретную. Типы должны быть в то же время характерами.

Все сказанное о лицах нужно сказать и об обстоятельствах, в которых они действуют. Нельзя показать типичность героя в обстоятельствах не типичных, случайных. Эти типические обстоятельства также нельзя во всех случаях рассматривать как наиболее обычные, обыденные. Известно, что человеческие характеры формируются и обнаруживаются с наибольшей полнотой именно при событиях исключительных, отнюдь не будничных. Героические черты Олега Кошевого, Ульяны Громовой и их товарищей раскрылись полностью в огне и буре внезапно начавшейся войны. И эта же война обнаружила малодушие и трусость других. Конечно, это не значит, что каждодневные дела, обычная работа, простые эпизоды не могут воспроизводиться как типические обстоятельства. Но будет ли герой действовать в исключительных или обычных обстоятельствах, типичность последних предполагает движение, устремление, борьбу за их изменение. Герой и обстоятельства могут как соответствовать друг другу, так и представлять собой противоположность. Необычные дела в обычных условиях делают и эти условия необычными.

Характерной чертой художественного образа является его эстетическая сторона и эстетическая оценка. Художественный об-

раз представляет собой такого рода обобщение и индивидуализацию, которые позволяют оказать сильное эстетическое воздействие на читателя, зрителя, слушателя.

Всякое явление действительности имеет и свою эстетическую сторону: оно может быть прекрасным, может быть безобразным и т. д. Эстетическое в художественном образе зависит прежде всего от эстетического в самом предмете искусства, т. е. от наличия его в предметах действительности и в переживаниях, чувствах человека. Прекрасное и безобразное существуют в действительности в самых разнообразных видах. Фальконе, создатель статуи Петра I «Медный всадник», с полным основанием утверждал, что прекрасное в скульптуре, как и в живописи, должно быть сгустком подлинно прекрасной природы. Существует подлинно прекрасное, но оно рассеяно в разных частях мира. Почувствовать, собрать, сопоставить, выбрать — значит показать в искусстве то идеально прекрасное, принцип которого находится в природе.

Белинский, характеризуя прекрасное, писал, что его идеалы скрываются в действительности. Они — не произвольная игра фантазии, не выдумка, не мечта, и в то же время не список с действительности, а угаданная умом и воспроизведенная фантазией возможность того или иного явления.

Итак, прекрасное находится в самой действительности. Оно же отражается в ощущениях и понятиях людей, вызывая эстетические чувства. Прекрасное в искусстве есть результат художественного обобщения соответствующих явлений действительности. Прекрасное в действительности существует объективно, независимо от субъекта. Прекрасное же в искусстве зависит не только от предмета, но и от идеологического выражения определенных интересов субъекта, класса, к которому он принадлежит. Этот момент нашел известное отражение и в определении прекрасного, данного Н. Г. Чернышевским. «Прекрасное есть жизнь», — писал Чернышевский. «Прекрасно то существо, в котором мы видим жизнь такою, какова должна быть она по нашим понятиям; прекрасен тот предмет, который выказывает в себе жизнь или напоминает нам о жизни»[10].

Прекрасным является закономерно возникающее коммунистическое общество. Прекрасны люди — строители этого общества. Самым прекрасным является творческий труд и подвиги советских людей на благо Родины.

Прекрасное в нашем реалистическом искусстве — это художественное отражение многочисленных проявлений нашей прекрасной жизни. Чапаев из книги Д. Фурманова «Чапаев», положительные образы из «Молодой гвардии» А. Фадеева, труженики, описанные В. Ажаевым в романе «Далеко от Москвы», врач Иван Иванович в одноименном романе А. Коптяевой, Бахирев из

[10] Н. Г. Чернышевский. Избр. филос. соч., т. I. М., Госполитиздат, 1950, стр. 59.

романа Г. Николаевой «Битва в пути» являются примерами прекрасного в образах советского искусства.

Противоположным прекрасному является безобразное. Подобно прекрасному, оно имеет и свое социальное содержание. Безобразное — это все то, что мешает становлению нашей прекрасной жизни, что угрожает мирному труду людей. Безобразны люди, совершающие антинародные, антипатриотические поступки. Безобразны и современные поджигатели войны и их кровавые действия против народов, требующих мира.

Реалистическое искусство, изображая безобразное, давая ему авторскую оценку, тем самым вызывает у читателей и зрителей, как выражался М. Горький, «тоску по красоте», желание уничтожить все то безобразное, что препятствует нормальной человеческой жизни.

Итак, не только предмет, но и содержание искусства имеет две стороны: отражение и обобщение предмета и выражение внутреннего мира, определенных идей и интересов художника, его класса. В то же время и эстетическое в искусстве, составляющее обязательную черту всякого художественного произведения, двойственно по своему происхождению: оно берется из действительности и из определенного отношения художника к этой действительности. Эстетическое в искусстве неотделимо от его познавательного и идеологического содержания, оно определяет и специфическое содержание и специфическую форму этих двух моментов.

Содержание искусства органически связано с его функциями, с его назначением в обществе. Общее назначение искусства — совершенствование человеческой личности, ее моральных и других качеств.

Первая, исходная функция искусства — эстетическая. Произведения искусства должны приносить эстетическое наслаждение, вызывать у зрителя или читателя удовольствие или неудовольствие по поводу определенных образов. Без выполнения этой функции искусство не сможет выполнять и других в ряде случаев более важных функций. Если музыка не доходит до слушателя, оставляет его безразличным, то она вообще никакой функции не сможет выполнить.

Обычно рассматривается как главная функция искусства его идеологическая функция. В силу своей экспрессивности, выразительности, эмоциональности искусство является орудием борьбы за определенные общественные отношения, за осуществление определенных общественных идеалов. Искусство может, обобщая определенные общественные явления, выражая определенные идеи и чувства, служить средством борьбы против всего реакционного, отживающего свой век, но оно может быть использовано также для укрепления существующего экономического строя и входить как важный элемент в надстройку. Отражая все стороны общественной жизни — от производства к базису, от базиса к надстрой-

ке, — искусство может оказать действенное влияние на все стороны общественной жизни.

Поскольку искусство есть отражение действительности, то оно выполняет и познавательную функцию. Воспроизводя жизнь человеческого общества и окружающий общество мир, искусство и литература в то же время выступают и как особая форма познания. Художественное творчество органически связано с познанием и обобщением явлений действительности. По отношению к читателям, зрителям, слушателям эта функция выступает как информационная.

Классики марксизма-ленинизма придавали исключительно большое значение литературе и искусству как средству познания действительности. В своей научно-теоретической и революционно-практической деятельности они постоянно обращались к произведениям искусства и литературы.

С эстетической, идеологической и познавательной функциями неразрывно связана воспитательная функция. Только давая пищу уму и сердцу, только сильно воздействуя одновременно на мысль и чувство читателя или зрителя, произведение искусства может обрести воспитательное значение, т. е. привести читателя, зрителя или слушателя к определенным выводам и побудить его к практическим действиям.

Иногда выделяют также декоративную функцию искусства. Произведения живописи, скульптуры и др. могут служить украшением домашней обстановки, общественных зданий и т. д. Но, по всей вероятности, это не какая-то особая функция, а проявление эстетической функции.

Все отмеченные функции искусства неразрывно связаны друг с другом и подчинены одной общей цели: совершенствованию человека.

Осуществление всех этих функций есть важнейшее условие развития самого искусства. Чем шире и богаче функции искусства, тем разнообразнее и само искусство.

2. ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВА

Наряду с другими материальными и духовными потребностями у человека существует и эстетическая потребность, т. е. потребность в восприятии, воспроизведении и создании прекрасного. Удовлетворяя эту эстетическую потребность, человек развивает свое эстетическое чувство: он наслаждается прекрасным, проявляет отвращение к безобразному, восхищается героическим и т. д.

Чувство красоты имеет место и у животных. Многочисленные примеры этого чувства описывал Дарвин. «Это чувство, — писал он, — было тоже провозглашено исключительной особенностью человека. Я буду говорить здесь только о наслаждениях, достав-

ляемых красками, формами и звуками, что вкратце можно назвать чувством красивого; у образованного человека подобные чувства тесно связаны со сложными идейными состояниями. Но если мы припомним, что самцы некоторых птиц намеренно распускают свои перья и щеголяют яркими красками перед самками, тогда как другие, не имеющие красивых перьев, не кокетничают таким образом, то, конечно, не будем сомневаться, что самки любуются красотой самцов. А так как, далее, женщины всех стран убираются тоже перьями, то, конечно, никто не станет отрицать изящества этого украшения»[11].

Дарвин, конечно, не прав, отождествляя эстетическое чувство животных и человека или рассматривая его как чисто биологическое чувство. Но он прав, предполагая, что для высокоразвитого эстетического чувства требовались известные биологические предпосылки. Этими предпосылками являются не только достигшие сравнительно высокого развития органы чувств, но и наличие биологического эстетического чувства животных.

Эстетическая потребность и эстетическое чувство человека отличаются от таковых у животных. Эстетическое чувство животных порождено развитием их процесса самообновления, воспроизведения и размножения в определенных условиях внешней среды. Борьба за существование в мире животных нередко принимает форму соревнования в красоте, взывая к уху обольстительной песней, или к глазу привлекательными перьями, так что птица, обладающая в этом отношении известными преимуществами, имеет больше шансов оставить после себя потомство. При этом зачатки чувства красоты в живой природе не такое редкое явление, как может показаться на первый взгляд. Умение различать цвета присуще, например, не только высокоорганизованным животным, но и насекомым. Оплодотворение и размножение многих растений зависит от присутствия у насекомых чувства цвета и способности выбирать между цветами, а значит и соответствующее отношение к известным краскам. Те же растения, которые оплодотворяются при помощи ветра, не отличаются таким разнообразием красок, как те, оплодотворение которых зависит от насекомых.

Таким образом, можно предположить, что у предков человека существовало биологическое эстетическое чувство, теснейшим образом связанное с их половым инстинктом. Другой такой предпосылкой искусства может рассматриваться игра, имеющая место у животных.

Однако для превращения эстетических чувств животных в человеческие эстетические чувства требовалось преобразование самих предков человека, очеловечение их благодаря труду. Только с появлением и развитием труда биологическое чувство преобразуется, приобретает иное качество, иное содержание, т. е. превра-

[11] Ч. Дарвин. Происхождение человека и половой подбор. Полн. собр. соч., т. II, кн. 1. М.—Л., 1927, стр. 140.

щается в человеческое эстетическое чувство. Его характерной чертой является уже не биологическая, а социальная обусловленность. Как отмечает Маркс, «лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной *человеческой* чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз, — короче говоря, такие *чувства,* которые способны к человеческим наслаждениям и которые утверждают себя как *человеческие* сущностные силы» [12].

Преобразуя в процессе труда предметы природы и вступая в различные отношения с другими людьми, человек удовлетворяет и развивает свою эстетическую потребность. Следовательно, человек может относиться к окружающей действительности как к предмету, способному удовлетворять его эстетическую потребность, вызывать соответствующие эстетические чувства, эстетическую оценку и т. д. Это и есть эстетическое отношение человека к действительности.

Искусство есть воспроизведенное, преобразованное и умноженное эстетическое отношение человека к действительности. Деятельность человека, вся его жизнь так или иначе связана с удовольствием или неудовольствием, с наслаждением прекрасным, с отвращением к безобразному. И чтобы вновь вызвать эти чувства, нужно воспроизвести жизнь человека с ее переживаниями и чувствами. «*Вызвать в себе раз испытанное чувство,* — писал Лев Толстой, — *и, вызвав его в себе, посредством движений, линий, красок, звуков, образов, выраженных словами, передать это чувство так, чтобы другие испытали то же чувство, — в этом состоит деятельность искусства. Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их*» [13].

Но если искусство может воспроизводить чувства, лишь воспроизводя жизнь, то оно всегда кроме эстетической функции обнаруживает и другие функции. Воспроизводимая художником жизнь имеет в то же время и познавательное значение, оказывает воспитательное воздействие, служит орудием борьбы за определенные общественные идеалы. Поэтому у искусства с самого начала его возникновения имелись и другие функции, которые, кстати сказать, оказались для общества не менее важными и значимыми, чем его исходная эстетическая функция. Следовательно, не одна эстетическая потребность была причиной возникновения и развития искусства. Больше того, нередко сама эстетическая функция оказывалась лишь средством для осуществления других, более важных для общества функций.

Первоначально искусство было непосредственно вплетено в

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 593.
[13] Л. Н. Толстой. О литературе. М., Гослитиздат, 1955, стр. 357.

практическую деятельность, составляло одну из ее сторон. Оно выступало прежде всего как средство общения. До того, как появилось собственно изобразительное искусство, было изображение, зачатки письма. Но уже в этом своем зачаточном виде искусство было средством передачи не только сведений, но и впечатлений, переживаний, чувств. Оно оказалось сильным средством воздействия людей друг на друга и, в особенности, на молодое поколение. В огромных трудностях борьбы с природой молодому поколению необходимо было прививать не только определенные навыки и умения, но и соответствующие настроения, воспитывать их волю, внушать чувства и т. д.

Для возникновения искусства требовались известные предпосылки: развитие труда, мастерства руки, мышления, речи. Первые следы искусства обнаруживаются примерно за 40—20 тысячелетий до нашей эры в эпоху верхнего (позднего) палеолита. Искусство рождается из неискусства, из ремесла, производства полезных вещей. Труд не только породил эстетическую потребность, но и дал первые формы для ее выражения. Танцы, копирующие некоторые трудовые операции, рисунки, изображающие охоту на зверей, и т. д. — яркое этому свидетельство. И уже в самом начале истории обнаруживается важнейшая черта подлинного искусства — его правдивость. Даже религиозные, культовые цели первобытного искусства не устраняют этой черты. В дошедших до нас рисунках явно видны черты натуры. В них выражается первобытное представление человека об окружающем мире и о силах, господствующих над ним.

Без правды жизни нет искусства. Поэтому история подлинного искусства и есть история правдивого искусства. Каждая общественно-экономическая формация характеризуется и своим правдивым искусством, отличным от искусства других формаций как по тем объектам, которые оно отражает, так и по тем идеям, которые оно воплощает в художественных произведениях.

С появлением классов искусство наполняется классовым содержанием. Дальнейшее развитие его носит крайне противоречивый характер.

Расцвет античного искусства относится ко времени афинской демократии. Несмотря на мифологические сюжеты, древние греки наделяли свои персонажи человеческими характерами, страстями и переживаниями. Именно правдивость типов и характеров в образах античного искусства и является важнейшей причиной того, что оно продолжает жить и воздействовать на современных людей.

Характеризуя древнегреческое искусство, Маркс писал: «...трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в том, что они все еще доставляют нам художественное наслаждение и в известном отношении признаются нормой и недосягаемым образцом.

Взрослый человек не может снова стать ребенком, не впадая в детство. Но разве его не радует наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на более высокой ступени воспроизвести присущую ребенку правду? Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его натуральной правде? И почему историческое детство человечества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень?»[14].

В средние века, несмотря на господство религии, также существовало и развивалось правдивое искусство. Оно имело место прежде всего в среде народа. В народном искусстве: в ремеслах, устном эпосе, иконописи, крепостной архитектуре, в фольклорном искусстве дается правдивое отражение действительности. В сказках, в баснях в иносказательной форме воплощались народные желания, стремления, находила свое выражение ненависть к феодалу, церкви, царскому правительству.

В эпоху Возрождения и в последующее время в лице художников-мыслителей Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля, Сервантеса, Шекспира, Рембрандта — правдивое искусство, обусловленное подъемом общественного развития той поры, проявляется наиболее ярко и многогранно. В своих основных тенденциях искусство эпохи Возрождения было направлено против порабощения человека.

С появлением буржуазного общества и в процессе борьбы буржуазии против феодализма, в литературе и искусстве утверждаются и развиваются различные виды правдивого искусства. Во Франции, где революционное движение было сильнее, чем в других странах, мы встречаем имена художников Домье, а позднее Курбэ в живописи, Стендаля и Бальзака в литературе. Художественные произведения формирующегося капиталистического строя направлены против дворян, против аристократии.

Однако в истории общества имело место не только правдивое искусство. Существовало также искусство, в той или иной степени искажающее действительность.

Наиболее ярким образцом правдивого искусства является реалистическое искусство. Реализм как художественный метод представляет собой систему принципов изображения человеческого характера. Такой метод, по мнению, например, Б. Бурсова «начинается тогда, когда искусство приобретает способность изображать человека, поступки которого обусловлены внутренними побуждениями, а развитие определяется воздействием окружающей действительности»[15]. Этот реалистический метод уже обнаруживается в произведениях Шекспира и Сервантеса. Реалистический метод требует не отходить от действительности, а правильно изображать жизнь людей в ее историческом развитии, в определен-

---

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 48.

[15] Б. Бурсов. Развитие реализма. «Литературная газета», 11 апреля 1957 г.

ной исторической обстановке. Художественная форма в реалистическом искусстве всецело подчиняется задаче раскрытия содержания. «...Реализм, — писал Энгельс, — предполагает, помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах» [16].

В ходе развития искусства реалистический метод обнаруживался в различных видах. К этим видам относятся: ранний реализм, критический реализм, социалистический реализм.

Искусство, отражающее действительность искаженно, неправдиво, обычно проявляется в различных видах формализма. Так, во второй половине XIX в. и особенно с 1871 г., когда капиталистическая система, пережившая период расцвета, стала обнаруживать признаки загнивания, в реалистическом искусстве появляются элементы формализма, а также возникают и начинают широко распространяться различные формалистические направления: импрессионизм, символизм, кубизм, сюрреализм, атонализм и пр.

Правдивое реалистическое искусство развивается именно передовыми, прогрессивными слоями общества. Стремление к преобразованию жизни порождает у прогрессивных классов в то же время заинтересованность в ее правдивом изображении. В то же время этим слоям общества более известны и понятны действительные герои времени. На этой основе расцветает реалистичекое искусство, являющееся могучим оружием в борьбе против реакционных господствующих классов.

Социальные слои, уходящие с исторической сцены, не одухотворенные высокими общественными идеалами, не видят ничего вдохновляющего для себя в действительности, теряют интерес к ней, извращают ее в своих произведениях. На этой основе возникает склонность художников к искусству для искусства, теряется способность к правдивому отражению общественных явлений, что неминуемо ведет к вырождению, гибели искусства, к торжеству формализма. Писатель, который пытается воплотить в художественном произведении реакционные идеи, например идеи милитаризма, не сможет для них найти положительных реалистических образов, т. е. не сможет создать не обличающее реалистическое произведение. Реалистическое искусство, призванное раскрывать действительность в ее революционном развитии, не совместимо с задачей выражения реакционных взглядов. И если писатель действительно выражает подобные взгляды в произведении, то от этого страдает произведение. Оно не будет реалистическим произведением. Если писатель создает художественное реалистическое произведение, то оно не выражает и не может выражать положительным образом его реакционных взглядов. Последние органически не связываются с самим произведением, а находятся в нем в качестве привеска, в виде морализирования.

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 35.

Современная буржуазия приемлет искусство:

а) восхваляющее существующие отношения, направленные против ее классовых противников;

б) развлекательное, занимающее праздное воображение, делающее жизнь не слишком скучной (бульварная беллетристика, живопись салона, пикантные фотографии, детективные, порнографические и другие фильмы, комиксы, развращающие эстетические вкусы масс);

в) коммерческое искусство.

Натурализм и формализм — вот те пути, на которые буржуазия толкает искусство.

Итак, каждая общественно-экономическая формация создает свое своеобразное искусство. В целом развитие искусства шло по пути прогресса, который в классовом обществе носил крайне противоречивый характер. Настоящий прогресс в искусстве был связан с творческой деятельностью художников — представителей передовых прогрессивных классов.

Прогресс в искусстве проявлялся в различных направлениях: 1) расширялся предмет искусства, все больше и больше сторон действительности становилось предметом художественных произведений. Все шире и шире осуществлялось художественное освоение действительности; 2) увеличивалось количество и разнообразие видов и жанров; 3) совершенствовались также методы и приемы отражения действительности, т. е. искусство совершенствовалось и в отношении своей формы.

3. ИСКУССТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Социалистическое общество создает и свое социалистическое искусство. Этим новым искусством является социалистический реализм — художественное выражение культуры социалистических классов. Социалистический реализм как метод художественного творчества возник и развился в России еще до революции в тесной связи с революционной борьбой рабочего класса. Термин «социалистический реализм» возник в 1932 г.

Социалистическое искусство тесно связано со всем предшествующим искусством. Отвергая буржуазное упадочное искусство, социалистическое общество отнюдь не отрицает значения классического реалистического искусства. Наоборот, социалистический строй является подлинным хранителем культурного наследия прошлого. Ленин говорил, что пролетарская культура должна быть не чем иным, как результатом закономерного развития тех запасов знания, которые выработаны человечеством в предшествующей истории. Это относится не только к научным знаниям, но и к искусству. Коммунистическая партия последовательно разоблачала рапповцев, пролеткультовцев и других идеологов, отрицавших значение классического наследства в области искусства.

Искусство социалистического общества имеет и свои характерные черты, отличающие его от предшествующего искусства. Возникновение социалистического искусства означает, что впервые в истории появилось подлинно свободное народное искусство, свободное от духовного гнета, от порабощения со стороны эксплуататоров, свободное от влияния денежного мешка, от рынка, от заказов пресыщенных жизнью верхних слоев с извращенными вкусами и такими же взглядами на искусство. Хотя буржуазное искусство и литература провозглашали себя свободными, но это было лицемерием. «...Ваши речи об абсолютной свободе, — писал Ленин, — одно лицемерие... Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики... Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания» [17].

Свобода писателя, художника, композитора — это свобода выражать те мысли, идеи, которыми он живет, оценивать изображаемую действительность так, как он считает правильным. Понятно, что писатели, художники, композиторы, которые шли от народа, выражали его мысли и чаяния в условиях классового господства, в условиях жестокого угнетения трудящихся, не могли иметь свободы. Они преследовались, их произведения запрещались, уничтожались. Они были вынуждены либо отказаться от художественного творчества, либо трудиться, но выражать не то, чем живешь, о чем постоянно думаешь, а то, что выгодно господствующим классам. Только в условиях подлинно народного общественного строя, т. е. социалистического и коммунистического строя, искусство получает все возможности для своего неограниченного расцвета. Свободный писатель — это прежде всего тот писатель, кому не чужды интересы народа, его мечты, чаяния, кто не выступает против народа.

Характеризуя литературу будущего общества как свободную литературу, Ленин писал:

«Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого ... и опытом настоящего...» [18].

---

[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 103—104.
[18] Там же, стр. 104.

Народность социалистического искусства выражается прежде всего в том, что оно служит народу, выражает его мысли и чаяния. Кроме того, его творцами во все большей и большей степени являются выходцы из народа. Большинство писателей, художников, композиторов пришли в советское искусство из народа. Таковы Максим Горький, Серафимович, Новиков-Прибой, Фадеев, Шолохов, Вс. Иванов, Маяковский, Н. Тихонов и многие другие. К народу пришли и многочисленные передовые прогрессивные деятели искусства из дореволюционной интеллигенции: А. Толстой, К. Станиславский и др.

Но народ и сам широко участвует в создании произведений искусства в различных самодеятельных коллективах, что является источником роста и профессионального искусства. «В условиях перехода к коммунизму, — записано в Программе КПСС, — творческая деятельность во всех областях культуры становится особенно плодотворной и доступной для всех членов общества. Советская литература, музыка, живопись, кинематография, театр, телевидение, все виды искусства достигнут новых высот в развитии идейного содержания и художественного мастерства. Получат широкое распространение народные театры, массовая самодеятельность, техническое изобретательство и другие формы народного творчества. Подъем художественно-творческой деятельности масс будет способствовать выдвижению новых талантливых писателей, художников, музыкантов, артистов. Развитие и обогащение художественной сокровищницы общества достигается на основе сочетания массовой художественной самодеятельности и профессионального искусства»[19].

Народный характер социалистического искусства сказался и на его содержании. Никогда раньше ни в каком искусстве и литературе не был показан народ так, как в искусстве социалистического общества. В социалистической литературе и искусстве народ впервые выступает как творец истории, как движущая сила общественного развития. Впервые в многочисленных произведениях искусства воспета красота труда, высокие моральные и другие качества трудовых людей. В известном смысле можно сказать, что значительно расширился и изменился сам предмет искусства. Социалистическое искусство охватывает многие новые стороны действительности и в особенности общественной жизни, которые не охватывались и не могли охватываться искусством раньше, в прошлом.

Социалистическое искусство характеризуется глубокой идейной направленностью, его идеалом является служение коммунистическому строительству, воспитанию нового человека коммунистического общества. «Советская литература и искусство, — записано в Программе КПСС, — проникнутые оптимизмом и жизнеутверждающими коммунистическими идеями, играют большую

[19] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 419.

идейно-воспитательную роль, развивают в советском человеке качества строителя нового мира. Они призваны служить источником радости и вдохновения для миллионов людей, выражать их волю, чувства и мысли, служить средством их идейного обогащения и нравственного воспитания»[20].

Никогда раньше реалистическое искусство не ставило и не могло ставить таких высоких целей. Критический реализм, например, глубоко и правильно разоблачая пороки феодального и капиталистического общества, не всегда правильно раскрывал реальные пути выхода из тяжелого положения. Одной из особенностей социалистического реализма является то, что он указывает пути освобождения трудящегося человечества. Социалистическое искусство таково, что оно служит и не может не служить осуществлению коммунистических идеалов. В этом заключается партийность социалистического реализма.

Если партийность современного буржуазного искусства исключает его народность, так как буржуазия сама давно противопоставила себя народу, то социалистическое искусство органически объединяет народность и партийность. Это две нераздельные стороны. Народ и партия неотделимы и нельзя служить одному, чтобы в то же время не служить другому.

Коммунистическая партия уделяет огромное внимание развитию социалистической литературы и искусства. Ряд постановлений по идеологическим вопросам, принятых партией, постоянно направляли развитие искусства по правильному пути. Они призывали деятелей литературы и искусства создавать художественные произведения, проникнутые идеями коммунизма, помогающие воспитывать членов коммунистического общества, укреплять социалистический общественный и государственный строй. В постановлениях партии по идеологическим вопросам неоднократно подчеркивается необходимость повышения идейности, содержательности, партийности нашего искусства, повышения художественного мастерства. В Программе КПСС указано и главное направление в развитии литературы и искусства.

«Главная линия в развитии литературы и искусства — укрепление связи с жизнью народа, правдивое и высокохудожественное отображение богатства и многообразия социалистической действительности, вдохновенное и яркое воспроизведение нового, подлинно коммунистического, и обличение всего того, что противодействует движению общества вперед.

В искусстве социалистического реализма, основанном на принципах народности и партийности, смелое новаторство в художественном изображении жизни сочетается с использованием и развитием всех прогрессивных традиций мировой культуры. Перед писателями, художниками, музыкантами, деятелями театра и кино открывается широкий простор для проявления личной творческой

[20] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 420.

инициативы, высокого мастерства, многообразия творческих форм, стилей и жанров»[21].

По мере развития социалистического общества развивалось и социалистическое искусство. Новые задачи, разрешаемые партией и народом, рождали новую литературу и искусство.

Задачи, решаемые народом в гражданской войне, нашли свое выражение и в искусстве. Тема героики гражданской войны блестяще раскрыта в таких выдающихся произведениях, как «Железный поток» Серафимовича, «Чапаев» и «Мятеж» Фурманова, «Тихий Дон» Шолохова, «Любовь Яровая» Тренева и многих других. В живописи социалистическая революция и гражданская война нашли свое отражение в таких картинах, как «Взятие Зимнего» В. Сварога, «Арест царских генералов» И. Владимирова, «Штурм Турецкого вала», «Атака под Батайском», «Тачанка», «Трубачи Первой конной» и многие другие картины М. Грекова, «Атака буденновской кавалерии», «Переход через Сиваш», «Бой у Чонгарского моста» Н. Самокиша и картины других художников. В киноискусстве эта тема нашла свое отражение в таких замечательных кинокартинах, как «Броненосец Потемкин» С. Эйзенштейна, «Мать» В. Пудовкина и др. Героизм революционных масс воспет в ряде замечательных произведений В. Маяковского.

Период восстановления, индустриализации и коллективизации вызвал к жизни новые произведения социалистического реализма, представляющие новый этап в развитии социалистического искусства. Таковы произведения «Цемент» Ф. Гладкова, «Доменная печь» Н. Ляшко, «Время, вперед!» В. Катаева, «Поднятая целина» Шолохова, «Бруски» Панферова и многие другие.

Задачи народа неизменно становятся и задачами социалистического искусства. И когда советский народ стал грудью на защиту социалистической Родины от немецких захватчиков, в социалистическом искусстве появилось множество новых произведений. Таковы «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Буря» И. Эренбурга, «Русский характер» А. Толстого, «Непокоренные» Б. Горбатова, «Василий Теркин» А. Твардовского, «Они сражались за Родину», «Судьба человека» М. Шолохова и многие другие.

К настоящему времени уже создана классическая советская литература. Произведения Горького, Маяковского, Алексея Толстого, Фадеева, Джамбула и многих других вошли в золотой фонд мировых социалистических шедевров. Многие произведения советского кино систематически занимают первые места на международных кинофестивалях. Советский народ гордится высокой исполнительской культурой наших драматических артистов, певцов, скрипачей, пианистов. Огромной популярностью среди нашего народа и народов всего мира пользуются ведущие советские театры.

Каковы же дальнейшие перспективы развития искусства?

Переход от социализма к коммунизму бесспорно скажется и

[21] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 420.

на развитии искусства. Переход от принципа распределения социализма к принципу распределения коммунизма окажет влияние и на развитие искусства. Искусством будут заниматься те, кто не может им не заниматься. Не ради заработной платы, а ради более полной реализации своих способностей будет заниматься искусством человек. Это в огромной степени повысит качество художественных произведений. Маркс и Энгельс писали об искусстве коммунистического общества: «Исключительная концентрация художественного таланта в отдельных индивидах и связанное с этим подавление его в широкой массе есть следствие разделения труда. Если бы даже при известных общественных отношениях каждый индивид был отличным живописцем, то это вовсе не исключало бы возможности, чтобы каждый был также и оригинальным живописцем... Во всяком случае при коммунистической организации общества отпадает подчинение художника местной и национальной ограниченности, целиком вытекающее из разделения труда, а также замыкание художника в рамках какого-нибудь определенного искусства, благодаря чему он является исключительно живописцем, скульптором и т. д., так как уже одно название его деятельности достаточно ясно выражает ограниченность его профессионального развития и его зависимость от разделения труда. В коммунистическом обществе не существует живописцев, существуют лишь люди, которые занимаются и живописью как одним из видов своей деятельности» [22].

Изменение характера труда и превращение его в первую жизненную потребность также скажется и на искусстве; оно глубоко проникнет в самый процесс труда.

---

[22] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 393.

НАУКА

Науку обычно определяют как упорядоченную совокупность знаний о закономерностях развития природных и социальных объектов. Так, М. М. Карпов дает следующее определение науки: «*Наука есть исторически развивающаяся система достоверных, логически непротиворечивых знаний* о *законах природы, общества и мышления*»[1]. Наука, несомненно, представляет собой отражение закономерностей той или иной формы движения материи, той или иной совокупности явлений или их определенной стороны, осуществляемое посредством научных формулировок, теоретических положений, формул, расчетов и т. п.

Основное содержание той или иной науки составляют правильные, проверенные на практике, знания, имеющие значение объективных истин. Это коренным образом отличает науку от религии, как фантастического, иллюзорного изображения действительности, порожденного беспомощностью людей перед силами природы и общества. Объективное, правильное отражение законов природы и общества — неотъемлемая черта всякой науки, какой бы предмет ее изучения ни был. Если наука перестает правильно отражать действительность, то она тем самым перестает быть наукой, превращается в лженауку.

Поскольку наука не представляет чего-то застывшего, неизменного, а создается, изменяется, совершенствуется в ходе длительного процесса познания, то в ней, кроме проверенных знаний, обычно имеют место научные предположения, гипотезы, являющиеся формой развития науки. Эти гипотезы в дальнейшем ходе познания могут быть подтверждены, но могут быть и отброшены.

Однако приведенное определение характеризует науку лишь как форму сознания. Между тем наука является в то же время и определенным видом деятельности. Создание и развитие науки представляет собой процесс обслуживания общества знанием законов развития окружающих природных объектов и обществен-

[1] М. М. Карпов. Основные закономерности развития естествознания. Изд-во Ростовского ун-та, 1963, стр. 15.

ной жизни. Для этой цели общество создает целый ряд научных учреждений: научно-исследовательские институты, станции, лаборатории, наблюдательные пункты, академии, учебные заведения, организует экспедиции и т. д. Наука в то же время особая отрасль умственного труда и в современных условиях порождает специалистов — ученых, научных работников, преподавателей и т. д.

Знание законов развития природы и общества необходимо прежде всего для практического использования и преобразования явлений окружающего мира. Однако наука — не просто «практическое искусство» или «способ эффективного ведения дела», а средство раскрытия закономерностей самих преобразуемых предметов. Без знания законов нельзя предвидеть будущего, а без предвидения не может быть и господства над силами природы и общества.

Научные знания в то же время необходимы для разработки и обоснования мировоззрения людей. Научные знания могут быть использованы и для борьбы с религиозным мировоззрением.

Наконец, науки в той или иной степени выполняют и воспитательную функцию, поднимая общий уровень культурного развития людей. Естествознание и в особенности общественные науки всегда служили средством не только расширения умственного кругозора, но также для воспитания патриотизма и других моральных качеств людей.

Таковы некоторые специфические функции науки как определенного общественного явления. Однако вместе с другими формами сознания наука осуществляет и общую функцию — является средством укрепления существующего строя. Эту общую функцию наука, если иметь в виду главным образом естествознание, выполняет посредством осуществления своих специфических функций. Другими словами, наука обслуживает данный общественный строй тем, что содействует развитию его производства, служит основанием для разработки научного мировоззрения и т. п.

В зависимости от своего предмета и общественного назначения науки подразделяются на две большие группы: науки естественные и науки общественные. Есть, правда, и такие науки, предметом которых могут быть одновременно естественные и общественные явления (например, медицина, антропология и т. д.).

1. НАУКА И ПРОИЗВОДСТВО

Человек в процессе производства изменяет предметы внешней природы с таким расчетом, чтобы в этом изменении осуществить свою заранее намеченную цель. А в этом изменении внешних предметов, в осуществлении в процессе труда своей цели человек опирается на определенные законы развития природы, позволяющие ему предвидеть результаты своей деятельности.

Наука необходима как средство использования сил природы и общества. Господство человека над природой есть показатель того, что наше знание этих сил есть научное, объективно верное знание.

Наука — теоретическая сторона практической производственной деятельности.

Исторически производство появилось гораздо раньше, чем наука. Для производства вообще нужна не наука, как особая общественная деятельность, а научные знания. При низком уровне производства эти знания приобретались в самом процессе труда в результате наблюдений, как производственный опыт людей.

Так как научные знания необходимы прежде всего для производства материальных благ, то материальное производство составляет основу их развития. Во-первых, материальное производство ставит задачи перед наукой, указывает на объект научного исследования, определяет то, чем должна заниматься наука, чтобы не быть бесполезной в обществе. Во-вторых, материальное производство создает условия для теоретического решения практических вопросов. Оно создает эти условия как благодаря орудиям, инструментам познания, так и благодаря эксперименту. Эксперимент и есть практическая деятельность, подчиненная интересам науки, интересам раскрытия объективных закономерностей. В-третьих, материальное производство само представляет объект изучения и обобщения и в этом смысле также лежит в основе процесса познания.

Практическая деятельность людей является не только основой научного познания, но и критерием истины. Только в практике правильные знания находят свое подтверждение, а ложные отсеиваются. Практика стимулирует процесс познания, является его движущей силой.

Таким образом, нетрудно понять, что развитие науки представляет собой не какой-то совершенно самостоятельный процесс, развитие науки ради самой науки, а такой же процесс, как и все остальное в общественной жизни: он совершается на основе развития материального производства.

Из сказанного вытекает, что основу разнообразия естественных и общественных наук составляет не только разнообразие сторон изучаемого ими объекта, но и практическая деятельность, преобразующая его. История науки показывает, что именно практическая деятельность определяла выбор предмета познания для наук, а значит и появление самих наук. Изучая природу и общество, люди всегда исходили из своих практических нужд. Разнообразие в практической деятельности определило разнообразие в познаний. Отсюда различие в науках, пестрота их современной классификации.

По мере того как усложнялась производственная практика людей, усложнялось и их научное познание. Основой естественных наук является практическая деятельность, направленная на преобразование предметов окружающей природы в целях удовлетворения потребностей людей. Объектом изучения естественных наук является окружающая природа во всем ее разнообразии. В зависимости от того, как люди использовали силы окружающей при-

роды и направляли их действие в интересах общества, развивались и естественные науки. Каждая из естественных наук изучает особую форму движения материи или особые процессы природы и раскрывает средства для их практического использования в нуждах человека. И так как практически люди прежде всего научились использовать и изменять простейшие формы движения материи, то соответственно с этим вначале возникают и науки, изучающие эти формы движения: астрономия, механика, математика, физика и другие.

Энгельс, выясняя вопрос о происхождении естественных наук и об их развитии, отмечает, что оно с самого начала обусловлено производством. Астрономия необходима уже пастушеским и земледельческим народам для определения времен года. «Необходимость вычислять периоды подъема и спада воды в Ниле,—пишет Маркс, — создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов как руководителей земледелия»[2]. С возникновением астрономии тесно связано и возникновение математики, науки о количественных и пространственных отношениях окружающего мира. Математика также обязана своим происхождением практическим нуждам людей. Измерение площадей земельных участков и вместимости сосудов, счисление времени и механика привели к формулировке основных математических законов. Механика возникла в тесной связи с созданием оросительных систем в Древнем Востоке, Египте и других странах. Особое влияние на ее формирование оказало возникновение городов, появление крупных строек, судоходства, военного дела и т. д.

Однако не только возникновение наук и их первоначальное формирование, но и их дальнейшее развитие, коренные сдвиги, новые открытия в той или иной отрасли естествознания также определяются прежде всего практической деятельностью людей.

«Когда после темной ночи средневековья вдруг вновь возрождаются с неожиданной силой науки, начинающие развиваться с чудесной быстротой, то этим чудом мы опять-таки обязаны производству. Во-первых, со времени крестовых походов промышленность колоссально развилась и вызвала к жизни массу новых механических (ткачество, часовое дело, мельницы), химических (красильное дело, металлургия, алкоголь) и физических фактов (очки), которые доставили не только огромный материал для наблюдений, но также и совершенно иные, чем раньше, средства для экспериментирования и позволили сконструировать *новые* инструменты. Можно сказать, что собственно систематическая экспериментальная наука стала возможной лишь с этого времени. Во-вторых, вся Западная и Центральная Европа, включая сюда и Польшу, развивалась теперь во взаимной связи, хотя Италия, благодаря своей от древности унаследованной цивилизации, продолжала еще стоять во главе. В-третьих, географические открытия,—

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 522. Примечание.

произведенные исключительно в погоне за наживой, т. е. в конечном счете под влиянием интересов производства, — доставили бесконечный, до того времени недоступный материал из области метеорологии, зоологии, ботаники и физиологии (человека). В-четвертых, появился *печатный станок*»[3].

Все перечисленные Энгельсом факты оказали огромное влияние на развитие науки. Связь науки и производства можно проследить на любом примере. Возьмем биологическую науку, обязанную своим развитием, прежде всего, сельскохозяйственному производству и медицине. Как, например, возник дарвинизм?

Научные исследования Дарвина относятся к середине XIX в. Его важнейший труд «Происхождение видов» вышел в свет в 1859 г. В это время Англия, явившаяся родиной дарвинизма, приобретает огромные владения в Африке, Австралии, Индии, Канаде и других странах. Развитие морской торговли и промышленности резко повысило спрос на промышленное сырье: кожу, шерсть, растительное волокно. Укрупненное капиталистическое сельское хозяйство, удовлетворяя эти запросы, быстро развивается; значительно поднимается культура земледелия, растениеводства, животноводства.

Первоначальное капиталистическое накопление и связанная с ним колонизация привели к великим географическим открытиям, которые раскрыли перед биологической наукой множество новых видов растительных и животных организмов; появилось огромное количество фактов, требующих научного объяснения. Развитие капиталистического сельского хозяйства и особенно селекции толкало биологическую науку вперед, подсказывая в то же время, в каком именно направлении должно идти это теоретическое обобщение естественнонаучных фактов. Не случайно основным фактором эволюции организмов Дарвин признал отбор. Выведение новых сортов растений и пород животных путем искусственного отбора при жизни Дарвина приняло широкий размах. Появилось много практиков и просто любителей, занимающихся селекцией. Знаменитые скотоводы Бэквелл и Коллинз создают новые породы овец и крупного рогатого скота. Англия славится йоркширскими и беркширскими породами свиней, шартгорнскими и герефордскими породами коров, множеством ценных пород овец, кур, высококачественными сортами плодовых деревьев, зерновых и технических культур. Сам Дарвин занимается разведением новых пород голубей.

Анализируя собранный им в кругосветном путешествии на корабле «Бигль» фактический материал, Дарвин приходит к мысли об эволюции органических форм. Но каким образом происходит эта эволюция, каковы ее движущие силы, для него долгое время оставалось загадкой.

«Я часто спрашивал себя, — писал Дарвин, — каким образом

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 501.

могли появиться эти многочисленные местные формы животных и растений, и самым простым ответом казалось мне, что обитатели различных островов произошли один от другого, претерпевая изменения за время существования... Но каким образом достигается необходимая степень изменения, это оставалось для меня необъяснимой задачей в течение долгого периода и оставалось бы навеки, если бы я не стал изучать одомашненные организмы и не приобрел бы таким образом должного понятия о могуществе отбора»[4].

Правда, отбор производился людьми не только во время Дарвина, но и в древнейшие времена и в средние века. Однако только крупное капиталистическое сельское хозяйство, развившееся во время Дарвина, и потребность в возможно быстрейшем улучшении сортов растений и пород животных, поставленная в порядке дня капиталистической конкуренцией, привели к тому, что отбор стал широко применяться как сознательный практический прием. При этих условиях стало вполне возможным и необходимым понять его творческий характер в процессе видообразования.

Таким образом, основой развития естественных наук является общественное материальное производство, которое не только ставит задачи перед наукой, но и создает соответствующие условия для их решения.

Энгельс в свое время указывал и на то, что потребности практической деятельности являются движущей силой в развитии науки. В письме к В. Боргиусу он отмечал: «Если, как Вы утверждаете, техника в значительной степени зависит от состояния науки, то в гораздо большей мере наука зависит от *состояния* и *потребностей* техники. Если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов. Вся гидростатика (Торричелли и т. д.) вызвана к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII веках. Об электричестве мы узнали кое-что разумное только с тех пор, как была открыта его техническая применимость»[5].

Преемственность в науке также в известной степени связана с производством. Если для производства необходимы истинные знания, то вполне естественно, что именно такие знания и должны сохраняться и накопляться в науке. Что же касается ложных, ошибочных или устаревших положений, то они постепенно устраняются как непригодные и даже вредные в практической деятельности. Конечно, этот процесс развития и утверждения истинных знаний совершается путем борьбы мнений, путем борьбы нового со старым в науке.

Уничтожая капиталистический базис и соответствующую ему надстройку, рабочий класс овладевает всеми теми знаниями, ко-

---

[4] Ч. Дарвин. Изменение животных и растений в домашнем состоянии. М.—Л., 1941, стр. 32.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 174.

торые приобрело человечество не только в капиталистическом обществе, но и в феодальном, и в рабовладельческом. И именно для того, чтобы сохранить материальные ценности и научные знания, созданные человечеством в прошлом, необходимо уничтожить капиталистический базис и соответствующую ему надстройку.

Практическая производственная деятельность людей определяет в общих чертах также основные ступени, коренные сдвиги в развитии естественных наук. До тех пор, пока люди используют готовые предметы природы и изменяют их незначительно, внешне, изменяют отдельные их свойства, знания людей также представляют собой ни больше ни меньше как знания отдельных сторон предметов, тех или иных их свойств, внешних связей и т. д. На этой ступени наука проходит свой как бы накопляющий период, поскольку в ней еще не раскрыты основные закономерности предмета, его сущность. Это, конечно, не значит, что в этот период наука состоит только из знания отдельных фактов и в ней нет еще общих теорий, объясняющих эти факты. Общие теории, гипотезы в науке всегда имеют место, и чем меньше наукой раскрыто подлинных фактов, тем больше создается разнообразных теорий. Но все эти теории еще не дают полного отражения сущности предмета. Таковы, например, теория флогистона, жизненной силы и т. д.

Только тогда кончается подготовительная ступень в развитии науки, ее накопляющая, описательная ступень и наука в полной мере становится действенной, преобразующей, когда в практической деятельности, которой служит эта отрасль знания, люди приходят к коренному преобразованию явлений, к изменению их сущности, к их практическому воспроизведению.

Если на первой ступени развития науки существует множество различных теорий, сменяющих друг друга в процессе развития, то на второй ступени развивается одна правильная, научная теория. И это относится не только к биологической науке, но и ко всем отраслям знания. Правда, в различных науках эти ступени проявляются по-разному. Вопросы, касающиеся специфики возникновения и развития общественных наук, в основном уже рассмотрены нами в связи с выяснением переворота, совершенного Марксом и Энгельсом во взглядах на общество.

2. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ В РАЗВИТИИ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Теоретическое положение о том, что наука зависит от производства, нельзя понимать упрощенно, представляя науку как что-то чисто пассивное, плетущееся в хвосте за производством. Отношение науки и производства крайне сложное и ни в какой степени не сводится к зависимости науки от производства. Устанавливая зависимость науки от производства, мы подчеркиваем в данном случае действие закона ведущей роли производства по отношению к другим явлениям общественной жизни. Производство несомнен-

но первично по отношению к науке. Но наука в свою очередь является активной и при определенных условиях может играть в развитии тех или иных явлений ведущую роль.

Каждый этап в развитии науки хотя и определяется производством, но не создается одним только производством. Огромную роль в развитии науки играют и уже накопленные ею знания. Так, хотя дарвинизм и вызван к жизни крупным капиталистическим производством, но мыслим ли он был бы без всей той описательной систематизирующей работы в биологии, которая ему предшествовала? Дарвинизм был бы невозможен без трудов Линнея и всей предшествующей биологии.

Как уже отмечалось, в науке, как специфическом общественном явлении, существует преемственность, и производство в ней ничего не создает заново, а лишь определяет характер изменения, т. е. определяет то принципиально новое, что возникает в науке.

Отвечая на запросы производства, удовлетворяя его потребности, наука имеет и свои специфические потребности, которые также играют значительную роль в развитии науки. Это прежде всего общая потребность науки, вытекающая из ее сущности — глубже и всесторонне раскрывать закономерности явлений природы и общества, даже если в данный момент нет прямой непосредственной практической необходимости в этих знаниях.

Кроме того, у науки могут быть и потребности чисто специфические, сугубо конкретные. Так, необходимость систематизации добытых наукой фактов нередко приводила к большим идеям, к открытию новых законов. Например, идея развития в науке появилась не просто как теоретическое выражение какой-либо непосредственной практической потребности, а как неизбежный результат классификации и систематизации накопленных фактов. И научно эта идея была обоснована лишь на определенном уровне знаний о явлениях живой природы.

Необходимо также учитывать внутреннюю связь различных отраслей науки. Нередко открытие в одной отрасли приводило к открытиям в других отраслях, хотя для этого и не было прямых потребностей практики. И вообще следует признать как аксиому, что в науке всякое открытие и доказанное новое положение неизбежно принуждает к пересмотру ряда установившихся уже представлений. Так, теория развития, обоснованная Дарвином, заставила пересмотреть и систематику, созданную Линнеем, вызвала попытки заменить искусственную систему естественной. Обоснование роли обмена веществ в жизни организмов привело к уточнениям в теории развития и т. д.

Наука оказывает обратное влияние на развитие производства, ускоряет это развитие. Следуя за потребностями производства, наука в известном смысле может перегонять эти потребности. Те закономерности, которые раскрыты наукой, освещают дальнейший путь производству, являясь его теоретической основой не только в настоящем, но и в будущем. Содействуя развитию производства,

практики, наука содействует тем самым развитию условий, необходимых для ее собственного процветания.

Связь науки и производства исключительно сложна и многостороння. Производство всегда ставит перед наукой больше задач, чем наука их разрешает, оно создает больше возможностей для научных обобщений, чем их реализуется в действительности. Поэтому, если в условиях слаборазвитого производства делается целый ряд научных открытий, то создается впечатление о полной самостоятельности науки по отношению к производству, а само открытие рассматривается как что-то необыкновенное. На узкой практической базе возникают широкие обобщения. Наука всегда находит в практике достаточно стимулов и возможностей для своего развития.

Есть и другая сторона этого отношения. Наука всегда предоставляет для практики многие открытия и изобретения, которые реализуются далеко не полностью.

Активность науки, ее воздействие на производство особенно ярко выражается в том, что она становится непосредственной производительной силой. О такой роли науки в будущем писали Энгельс и Маркс. «...При разумном строе, — писал Энгельс, — стоящем выше дробления интересов, как оно имеет место у экономистов, духовный элемент, конечно, будет принадлежать к числу элементов производства и найдет свое место среди издержек производства и в политической экономии. И тут, конечно, мы с чувством удовлетворения узнаём, что работа в области науки окупается также и материально, узнаём, что только один такой плод науки, как паровая машина Джемса Уатта, принес миру за первые пятьдесят лет своего существования больше, чем мир с самого начала затратил на развитие науки» [6].

Разумеется, научные знания становятся производительной силой лишь в связи с остальными их элементами; сами по себе они ничего не могут производить. Производят люди, но в процессе труда они обязательно пользуются научными знаниями, материализуя их в непосредственных продуктах труда: орудиях производства, машинах, транспорте, предметах потребления и т. д.

В своих подготовительных работах к «Капиталу» Маркс писал: «Природа не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов и т. д. Все это — продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Все это — *созданные человеческой рукой органы человеческого мозга,* овеществленная сила знания. Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание... превратилось в *непосредственную производительную силу*...» [7].

---

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 555.
[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, стр. 215.

Общественные науки также материализуются в определенных общественных отношениях. Распределение производительных сил на территории нашей страны, последовательность в их создании есть материализация, претворение в жизнь ряда положений общественных наук. В странах социализма материальное производство невозможно не только без технических и естественных наук, но и без ряда общественных наук.

Активная, действенная сила науки прямо пропорциональна тому, насколько правильно и точно она отражает законы действительности и насколько тесно связана с практической деятельностью людей. Так, чем глубже мы изучаем и чем точнее раскрываем закономерности развития живой природы и применяем эти знания на практике, тем в большей мере проявляется активная сила биологической науки. Это можно сказать и о физике, химии и обо всех остальных науках.

Таким образом, вопрос об активности науки решается несколько по-иному, чем, например, вопрос об активности надстройки. Если активность, например, буржуазных политических или моральных взглядов определяется прежде всего тем, насколько они в данных условиях могут воздействовать на сознание масс и тем самым укреплять и увековечивать базис, то этого нельзя сказать о науке. Активность науки определяется тем, насколько ее теоретические положения правильно отражают действительность и, следовательно, насколько могут быть использованы в производственной практике. Буржуазная надстройка может успешно выполнять свою роль и в том случае, когда ее положения иллюзорны, ненаучны.

Активность науки выражается в обратном воздействии ее положений на производственную деятельность людей: в раскрытии путей для практической деятельности, в мобилизации и организации людей, в облегчении труда людей. Понятно, что если наука не справляется со своими задачами и отстает от жизни, то она будет тормозить развитие производства, а не содействовать ему.

Относительная самостоятельность науки как общественного явления обнаруживается и в тех внутренних закономерностях, которые присущи ей.

3. НАУКА И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ ОБЩЕСТВА

Общество, на каком бы этапе развития мы его ни взяли, представляет собой целостную систему. Каждое общественное явление, прямо или косвенно, оказывает влияние на другие общественные явления, и вполне естественно, что развитие науки связано не только с производством, но и с базисом. Правда, эта связь носит иной характер, чем связь надстройки и базиса. В чем же особенность этой связи?

Естественные и общественные науки могут оказывать различное влияние на экономический базис уже в силу различия их пред-

метов. В отличие от надстройки естественные науки воздействуют на базис не прямо и непосредственно, а косвенно, через производство. Повышая производительность труда, естественные науки косвенным образом оказывают влияние и на изменение экономического базиса. При открытии практического применения электричества в производстве естественные науки сыграли огромную роль. Распространение же электричества в производстве, создание крупной капиталистической техники, обобществление капиталистического производства оказали влияние на капиталистический базис, на его загнивание, на подрыв его технической основы и на создание предпосылок возникновения социалистического базиса. Общественные науки, в особенности политическая экономия, связаны с базисом непосредственно и оказывают на него прямое влияние. Это особенно хорошо видно на примере возникновения социалистического базиса, который создается в полном соответствии с открытыми Марксом законами развития и смены общественно-экономических формаций.

Экономический строй общества также может оказывать косвенное влияние на развитие наук. Все экономические базисы предшествующих формаций не давали безграничного простора для развития производительных сил общества. Только на первой ступени, в период своего восходящего развития, предшествующие экономические базисы содействовали всестороннему развитию естествознания. В нисходящий же период они тормозили развитие производства и науки. Не случайно возникновение дарвинизма совпало именно с бурным развитием капитализма в Англии, когда складывающийся экономический базис в значительной степени содействовал развитию производительных сил. Содействуя развитию промышленности и сельского хозяйства, экономический базис тем самым содействовал и развитию естествознания.

Но сразу же, как только революционная миссия буржуазного экономического базиса заканчивается, как только он, разрушив остатки феодализма, укрепляется, проходит определенный цикл развития, и тем самым становится тормозом в развитии общественного производства, он тормозит и развитие науки. Борьба против прогрессивных сторон в учении Дарвина начинается с первых же дней его возникновения и чем дальше, тем больше усиливалась.

Одностороннее развитие производства определяет одностороннее развитие наук. Усиленное развитие военной промышленности вызывает соответствующее развитие наук, связанных с ней, в частности, развитие способов использования атомной энергии в целях войны.

Экономический базис может оказывать и прямое влияние на развитие наук, создавая соответствующие условия для труда ученых или преследуя их. Особенно ярко видно тормозящее влияние экономического базиса на развитие наук в средние века. Наука была превращена в служанку богословия.

Прямая и косвенная зависимость науки от экономического базиса видна и на примере развития наук в России.

Наш великий русский народ выдвинул из своих рядов Ломоносова, Лобачевского, Циолковского, Тимирязева, Павлова и других великих ученых, обогативших науку своими замечательными открытиями. Однако в условиях царской России ученые были героями, подвижниками и, как правило, работали в крайне тяжелых условиях; царизм душил все передовое, прогрессивное и не давал возможности ученым создавать крупные школы и направления и проводить в жизнь, осуществлять на практике свои открытия.

Основатель естествознания в России М. В. Ломоносов, открывший в 1748 г. закон сохранения материи и движения, давший замечательные исследования о строении вещества, о молекулах и атомах, об электричестве и теплоте, о физико-химических процессах и т. д., заложил научный фундамент развития техники. Однако отсталая Россия XVIII в. не могла подхватить и реализовать идеи Ломоносова на практике. Только много лет спустя, в первой половине XIX века исследования В. Петровым электрической дуги, а также исследования Э. Ленца и Б. Якоби в области электричества привели к построению в 1834 г. первого в мире электрического двигателя.

Преступное отношение царизма к развитию науки было причиной того, что нередко открытия русских ученых присваивались западноевропейскими дельцами. Так, идеи русского ученого, изобретателя и дипломата П. Л. Шиллинга, изобретшего в 1832 г. первый в мире телеграфный аппарат, были недобросовестно использованы англичанином Куком.

Знаменитые русские электротехники А. П. Лодыгин и П. Н. Яблочков в 1873 г. (на 6 лет раньше американца Эдисона) изобрели электрическую лампу накаливания, используемую для целей освещения. Однако свеча Яблочкова — «русский свет», как ее тогда называли — впервые освещала во второй половине XIX в. электрическим светом дворцы и улицы многих столиц Европы, а не городов России. Яблочков сконструировал также прообраз электрического трансформатора и установил принцип работы электрического генератора переменного тока.

Научные исследования московского физика А. Г. Столетова по электромагнетизму, фотоэффекту и др. во второй половине XIX в. закладывали теоретические основы электротехники. Величайшее открытие — открытие радио, сделанное 7 мая 1895 г. А. С. Поповым, увенчало многочисленные исследования русских ученых в области электромагнитных явлений.

Открытие светового давления на твердые тела (1900 г.) и газы (1910 г.) знаменитым русским физиком П. Н. Лебедевым подтвердило на опыте теоретические основы электродинамики и значительно продвинуло ее вперед.

Столетов, Умов, Лебедев заложили прочный фундамент для со-

временного развития физики. Всем этим прогрессивным ученым царизм не давал возможности работать, тормозил научное исследование.

Идеи Ломоносова по атомистике были развиты и обогащены в исследованиях великого русского ученого Д. И. Менделеева, которому удалось сделать величайшее обобщение в строении атомов; он открыл в 1868 г. периодический закон элементов и тем самым впервые в истории науки заложил подлинный фундамент современной атомистики. Однако и это великое открытие не нашло должной поддержки со стороны царского правительства.

Таким образом, мы видим, что экономический базис или непосредственно или через надстройку может ускорять, а в известных условиях может и тормозить развитие науки.

Если мы бросим общий взгляд на развитие науки в историческом аспекте, то увидим пеструю картину неустанной борьбы различных течений и направлений, в которых одни теории сменяются другими и на их место опять появляются новые. Развитие науки здесь не представляет неуклонного поступательного движения. Наоборот, очень бурное развитие сменяется застоем, а после него, опять одно за другим, почти одновременно появляются самые разнообразные открытия, которые резко поднимают общее состояние науки. Развитие последней идет не плавно, а зигзагообразно, нередко с крутыми поворотами и попятным движением. Эта неравномерность в развитии науки в классовом обществе в значительной степени объясняется тем, что базисы, предшествующие социалистическому, не дают безграничного простора для ее развития. Больше того, в период своего нисходящего развития экономические базисы тормозили развитие отдельных отраслей науки, препятствовали ему.

В социалистическом обществе постепенно создаются условия для планомерного развития науки, с неуклонным движением вперед. Правда, эти условия не всегда полностью используются.

4. СВЯЗЬ НАУКИ И ФИЛОСОФИИ

Всякая наука связана не только с производством и экономическим базисом, но и с философскими взглядами тех или иных классов, и в особенности господствующих. Наука, подобно другим формам познания, не только отражает определенный предмет, но, в известной степени, выражает и внутренний мир человека. В науке из этого внутреннего мира больше всего проявляются философские взгляды ученого или вообще его мировоззрение. В силу этого борьба материализма и идеализма, как идеологическое выражение классовой борьбы, имеет место не только в философии, но и в науке. При этом борьба материализма и идеализма в науке всегда выступает как борьба различных и даже противоположных научных теорий. И именно потому, что посредством философии идеологи господствующих классов пытаются сделать выводы естест-

вознания приемлемыми для этих классов и накладывают на нее печать буржуазного мировоззрения, необходимо не упускать из виду классовых, надстроечных элементов в науке, партийности науки.

Партийность в естественных науках проявляется по-иному, чем партийность в философии или даже в общественных науках. Если философия, те или иные философские взгляды господствующего класса, являясь надстройкой, связаны прямо и непосредственно с классовыми интересами, выражают их прямым образом, то о естествознании этого сказать нельзя. Партийность естественных наук состоит в их связи с мировоззрением, с философией. Только через философию и благодаря ей наука включает в себя классовые, надстроечные элементы.

Наука не безразлична к классам, так как далеко не всякий класс может обеспечить для нее всестороннее развитие. Классы также не безразличны к науке и используют ее не только для улучшения производства материальных благ, но и для обоснования своего мировоззрения, подчиняют науку своему мировоззрению, которое нередко, будучи идеалистическим, в корне противоречит материалистической и диалектической основе естествознания. А это вело к тому, что философия пеленала науки своими схемами, превращалась как бы в «науку наук». Идеалистическая философия тормозила развитие естествознания, проникала в науку в виде неверных, извращенных положений.

Буржуазные ученые, как правило, не видят зависимости науки от мировоззрения, а иногда просто его отрицают.

Нетрудно заметить, что философия необходима для науки в двух отношениях: а) как метод познания и способ истолкования, объяснения явлений природы и общества; б) как орудие идеологической борьбы.

Иногда утверждают, что если ученый только собирает факты, то в этом случае якобы, трудно говорить о его партийности, о его принадлежности к тому или иному общественному классу. Они не учитывают, что и в описании, и в систематизации познаваемых явлений философия необходима как метод познания. В самом деле, естествоиспытатель метафизик, убежденный в неизменности видов, не будет искать в природе явлений их изменчивости, а если и будет на них наталкиваться, то очень часто может не заметить их и не понять. Поэтому даже самые чисто описательные науки носят на себе печать мировоззрения их творцов.

Кроме того, наука только тогда и может быть названа наукой, когда она не просто описывает явления, копит факты, а объясняет их, делает из них определенные общие выводы, т. е. вскрывает закономерности. А истолкование явлений природы, их объяснение опять-таки невозможно без какой бы то ни было философии. На эту сторону естествознания неоднократно обращал внимание Энгельс, указывая, что «современные естествоиспытатели — желают ли они того или нет — вынуждены приходить к общетео-

ретическим выводам»[8]. Чтобы обобщать, вскрывать внутреннюю связь явлений, эмпирические методы оказываются недостаточными, здесь необходимо широкое теоретическое мышление. Философия же — единственное надежное средство для правильного обобщения фактических данных. В отличие от всяких других методов философия входит в само содержание науки, пронизывая ее.

Таким образом, ученый — желает он того или нет — вынужден пользоваться философией и в накоплении фактов, и в описании явлений природы, и в обобщении, истолковании их. И здесь успех ученого зависит не только от его естественнонаучной подготовки, но и от того, какой философией он пользуется. А философией он пользуется всегда.

Если ученый не усваивает лучшей, т. е. научной философии, то он неизбежно попадает в плен самой скверной, ходячей философии. В статье «Естествознание в мире духов» Энгельс очень хорошо показал, как это происходит. «Презрение к диалектике, — пишет он, — не остается безнаказанным. Сколько бы пренебрежения ни выказывать ко всякому теоретическому мышлению, все же без последнего невозможно связать между собой хотя бы два факта природы или уразуметь существующую между ними связь. Вопрос состоит только в том, мыслят ли при этом правильно или нет, — а пренебрежение к теории является, само собой разумеется, самым верным путем к тому, чтобы мыслить натуралистически и тем самым неправильно. Но неправильное мышление, если его последовательно проводить до конца, неизбежно приводит, по давно известному диалектическому закону, к таким результатам, которые прямо противоположны его исходному пункту. И, таким образом, эмпирическое презрение к диалектике наказывается тем, что некоторые из самых трезвых эмпириков становятся жертвой самого дикого из всех суеверий — современного спиритизма»[9].

Всякая ненаучная, идеалистическая, иллюзорная философия, как правило, тормозит развитие естествознания, приводит естественные науки к кризису. Только диалектический материализм — философия рабочего класса — дает безграничный простор для развития наук, содействует развитию и накоплению знаний. Только диалектический материализм является единственной философией, необходимой для естествознания и общественных наук потому, что основные положения диалектического материализма взяты из наук и революционной практики, путем их обобщения. Энгельс поэтому подчеркивал, что именно материалистическая диалектика, т. е. диалектика, созданная Марксом, «является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих свя-

---

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 366.
[9] Там же, стр. 382.

зей природы, для переходов от одной области исследования к другой»[10].

Иначе и быть не может, так как принцип марксистской философии как науки, с одной стороны, и естественных и общественных наук, с другой, одни и те же — познать природу и общество так, как они есть на самом деле, чтобы тем вернее служить практической деятельности людей. Действительная наука всегда в своей основе является материалистической и диалектической, несовместимой с идеализмом и метафизикой.

Однако в истории познания ученые далеко не всегда и не все пользовались диалектическим материализмом. Это справедливо и по отношению к ученым настоящего времени. В работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин, указывая на кризис в физике, подчеркивает, что выход из этого кризиса находится в изучении диалектического материализма. Однако в условиях империализма нет возможности свободно овладеть и пользоваться марксистской диалектикой и теорией познания, так как господствующим мировоззрением является мировоззрение буржуазии. Ученый, изучая и обобщая те или иные явления природы, как правило, пользуется мировоззрением того класса, к которому он принадлежит, выражая тем самым классовое отношение к изучаемым фактам. В разных формациях, при наличии различных господствующих философских взглядов, официальная наука вынуждена была пользоваться именно этими господствующими философскими взглядами. Благодаря этому каждый базис при посредстве философии накладывает свой отпечаток и на науку. Этот отпечаток выражается не только в том, что, например, буржуазная идеалистическая философия тормозила развитие науки, но и в том, что в науку привносился целый ряд ложных, ненаучных, а иногда и вообще антинаучных теорий. Поэтому нельзя буржуазную науку брать на веру, принимать все, что в ней есть, за чистую истину. Нужно прежде всего очистить ее от элементов привнесенных, ненаучных. «Задача марксистов и тут и там, — указывает Ленин, — суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), — и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов»[11].

Буржуазия всегда старается приспособить достижения науки к своему пониманию при помощи философии. Эта философия, как правило, если не считать философию прогрессивных периодов в развитии буржуазных отношений некоторых стран (французский материализм XVIII в. и др.), является идеалистической. Поэтому, используя буржуазную науку, необходимо прежде всего очистить ее от элементов идеализма и метафизики.

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 367.
[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 364.

Обычно наносы буржуазного мировоззрения в науке больше всего имеют место не в конкретных фактах и не в частных выводах, а в общетеоретических положениях. Чем это объяснить? Так как наука развивается в тесной связи с практикой, то все конкретные выводы и положения, имеющие практическое значение, проверяются практикой. Сама практика, производственная деятельность как критерий истины, отсеивает всякий идеалистический вздор из науки, ставит ее на материалистические и диалектические позиции.

Наоборот, общетеоретические положения в науке менее достижимы для практики и дают больше простора для идеалистических толкований. Кроме того, в науке общие выводы в большей мере затрагивают интересы буржуазии, чем отдельные конкретные положения. Вполне естественно, что диалектический материализм, вытекающий из подлинной науки, не мог не вызвать самой бешеной ненависти со стороны идеологов, выражающих интересы буржуазии. Поэтому наука в классовом обществе развивается в противоречиях, в постоянной борьбе материализма и идеализма.

Буржуазия, для которой в период империализма совершенно неприемлема идея развития, вынуждена, желает она того или нет, мириться с развитием науки, так как без использования научных открытий нельзя добиваться повышения производительности труда. И в этом противоречии между развитием науки и классовым идеалистическим мировоззрением грядущее принадлежит именно науке, так как корни ее лежат в материальном производстве. Идеализм все больше и больше уступает позиции науке и материализму. И если мы остановимся, например, на махизме и вообще на субъективном идеализме периода империализма, то он ведет борьбу не против тех или иных частных положений естествознания, а против их основы — против признания естествознанием и философией объективной реальности, существующей вне и независимо от нашего сознания.

Таким образом, используя науку практически, буржуазия вынуждена развивать ее, вносить в нее материалистические и диалектические элементы, но буржуазия не может принять те необходимые выводы, которые вытекают из научных данных, из открытых закономерностей, так как они в корне противоречат ее мировоззрению, затрагивают ее интересы. Она вынуждена извращать эти выводы. В связи с этим Ленин указывал: «*Ни единому* из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове,* раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой *ни единому* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить *ни в едином слове,* раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология.* В общем и целом профессора-экономисты не что

иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов»[12].

Это, конечно, не значит, что всегда, во все времена и при всех условиях именно общие теории носили в себе классовые надстроечные элементы в преобладающей степени. Что именно классово, надстроечно, а в отдельных случаях и ненаучно, извращенно в тот или иной период науки — решается конкретно-исторически, при учете уровня развития производства, базиса и надстройки. Таким образом, при наличии некоторых общих положений, вопрос о месте и значении той или иной науки в общественном развитии каждый раз решается конкретно-исторически. То, что в одних условиях классово, надстроечно, в других условиях может и не затрагивать классовых интересов; если в одних условиях влияние философии на науку выражается в извращении научных положений, в торможении развития науки, то в других условиях влияние философии необходимо для правильного научного познания, для быстрого развития науки.

5. НАУКА В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Коммунистическая общественно-экономическая формация уже на первой своей фазе создает новые и наиболее благоприятные условия для развития науки. Достаточно сказать, что создание подлинных общественных наук и научной идеологии было необходимой предпосылкой для построения социалистического и коммунистического общества. В социалистическом обществе с самого начала ведется упорная борьба против всякого рода антинаучных теорий, против религии и идеализма во всех его видах. Рабочий класс является руководителем в строительстве нового общества. Поэтому он кровно заинтересован в правильном познании окружающего мира, во всестороннем развитии научных знаний.

Если до создания социалистического общества наука была достоянием и привилегией господствующих нетрудящихся классов и противопоставлялась народу как средство его порабощения, то при социализме наука становится на службу классам-труженикам. «Раньше, — писал Ленин, сравнивая функции социалистической и буржуазной науки, — весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации»[13].

Из этого вытекают новые стимулы для развития науки в со-

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 363—364.
[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 289.

циалистическом обществе. Достижения науки при социализме внедряются в производство не ради одной прибыли, т. е. стимулом развития науки является не погоня за прибылью, а максимальное удовлетворение постоянно растущих потребностей самих трудящихся.

Другой характерной чертой науки в социалистическом обществе является то, что она выступает как необходимое условие развития всего общества. При социализме, как известно, действует закон планомерного пропорционального развития. А этот закон требует использования научных знаний не только для производства орудий труда и предметов потребления, но и для управления всем общественным производством и всей общественной жизнью. Это обстоятельство бесспорно является одним из важнейших условий развития самой науки. Как отмечал М. И. Калинин, «каждый шаг, каждый дальнейший этап социалистического движения должен быть научно подкреплен, научно обоснован. Без этого движения вперед невозможно» [14]. А научное подкрепление, научное обоснование практической деятельности по преобразованию природы и общества — это и есть развитие науки.

Современное развитие промышленности и сельского хозяйства, как никогда раньше, связано с развитием науки. В наше время довольно трудно установить, где кончается наука и начинается производство. Научные исследования ведутся не только в институтах, лабораториях, но и в цехах заводов, на полях колхозов. В то же время производственники все в большей и большей степени вынуждены заниматься и решением научных вопросов. Сам труд производственников все больше и больше приближается к труду исследователей. На атомных электростанциях используются и осуществляются сложнейшие и тончайшие расчеты и эксперименты физиков. Счетно-решающие машины применяются в автоматических устройствах на многих предприятиях. Все это свидетельствует о постоянном преодолении существенных различий между умственным и физическим трудом.

Каковы же перспективы развития науки как общественного явления в коммунистической формации? Первое, что, видимо, ожидает науку в будущем — ее слияние с производством. Придет время, когда наука и производство перестанут быть обособленными отраслями человеческой деятельности, когда всякая деятельность человека будет предполагать единое решение и теоретических и практических задач. В то же время и люди не будут делиться на людей умственного и физического труда. Однако для такого слияния науки и производства требуется довольно высокое развитие того и другого в отдельности.

Второе, что, видимо, можно предположить о будущем развитии науки — это устранение деления науки на бесчисленное количество отдельных самостоятельных отраслей. Закономерности

---

[14] М. И. Калинин. О вопросах социалистической культуры. М., 1938, стр. 81.

природы и общества едины и поэтому должна быть одна наука. Идея преодоления узкой специализации и объединения естественных и общественных наук в одну науку была высказана Марксом еще в его «Экономическо-философских рукописях 1844 года». «Сама история, — писал Маркс, — является *действительной* частью *истории природы,* становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна* наука» [15].

Может быть, у Маркса это просто оговорка? Следует отметить, между прочим, что это высказывание Маркса о будущем науки не находит сторонников среди естествоиспытателей. В большинстве случаев оно рассматривается как нечто нереальное. Рассуждают примерно так: если в настоящее время нет такого гениального человека, который смог бы овладеть всеми науками так же хорошо, как одной, то тем более это будет невозможно в будущем. Ведь объем приобретаемых знаний непрерывно растет.

Однако у Маркса это не оговорка, а научное предвидение. Теоретическое положение об одной науке в будущем основано на анализе закономерностей развития человеческого познания вообще и закономерностей развития естествознания и общественных наук в частности.

В настоящее время нам, конечно, очень трудно представить, как именно все науки могут слиться в одну науку, причем такую, которой сможет овладеть и пользоваться каждый нормальный член общества. В развитии наук, наоборот, налицо обнаруживается тенденция к их дальнейшей дифференциации и увеличении объема. Даже такие вновь возникшие отрасли науки, которые на первый взгляд напоминают интеграцию: биохимия, биофизика, бионика, геофизика и т. д., являются новыми отраслями, а не объединением старых. Биофизика — это не объединение физики и биологии, а новая наука, отличная и от физики и от биологии.

Каждая наука — это и процесс приобретения знаний, и сами конкретные знания о закономерностях природы и общества. Воспользуемся на время для обозначения этих двух моментов терминами, которые Маркс употреблял для характеристики материального производства: мертвый и живой труд.

Что касается живого труда, то вопрос об участии в нем человека в будущем, как впрочем и в настоящем, ясен. Всесторонне развитый человек никогда не будет одновременно заниматься всем. Он будет в одно и то же время заниматься чем-то одним. И будет им заниматься до тех пор, пока это окажется необходимым для общества или для него самого.

Вся трудность связана с накопленным трудом, т. е. с уже накопленными знаниями. Эти знания непрерывно растут за счет живого труда. И для того, чтобы ими овладеть, также требуется жи-

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 596.

вой труд. Доля живого труда, направленного на овладение уже накопленными знаниями, растет быстрее, чем доля труда, направленного на приобретение новых знаний. И если дело так пойдет дальше, то возникнет опасность, что со временем люди не смогут заниматься познанием новых явлений, так как всю жизнь будут вынуждены тратить на усвоение уже накопленных знаний. Чтобы ничего подобного не случилось, перед людьми стоит задача не только увеличивать знания, но и постоянно сокращать ту долю, которая должна идти на подготовку к общественному труду нового поколения. Молодого человека нужно так подготовить к жизни, чтобы он, встретившись с новым материальным объектом, самостоятельно мог его познать и сделать все выводы по его практическому использованию. С этой точки зрения и нужно подходить к решению вопроса о том, что именно нужно сокращать в преподавании того или иного предмета.

Накопленные людьми знания с точки зрения овладения ими можно подразделить на три группы. Во-первых, на знания, которые молодой человек должен усвоить до того, как он станет на путь самостоятельного общественного труда. Во-вторых, на знания, которые он легко приобретает уже в процессе общественно полезного труда. И, в-третьих, на знания, которые он может усвоить при решении того или иного конкретного вопроса. Ведь не только школьнику, но и студенту и даже подготовляющемуся к одной узкой специальности вовсе не обязательно усваивать все накопленные в данной отрасли знания. Со многими фактами, сведениями, теоретическими положениями он сможет познакомиться из разных справочников тогда, когда в самой жизни столкнется с необходимостью их усваивать и применять (например, многие формулы для решения конкретных задач в математике и пр.). И здесь решающую роль должны сыграть различные кибернетические устройства, счетные машины и т. п. «Счетная машина ближайшего будущего, — пишет акад. Н. Н. Семенов, — по-видимому, сможет давать информацию, систематизированную и частично уже проанализированную. Это значительно расширит возможности творческой работы человека, освободит его мозг от запоминания и первичного анализа фактического материала, который необходимо учитывать в современном научном творчестве. Именно непрерывное увеличение научного материала, неизбежное при бурном развитии науки, и превращает ученых в очень узких специалистов. Электронные машины призваны снять это противоречие и дать возможность в гораздо большей, чем сейчас, степени сосредоточить умственные силы на собственно творческом процессе» [16]. А профессор Э. Кольман в одной из популярных статей, посвященных кибернетике, приходит к выводу, что при коммунизме всякого рода машины настолько освободят человека, что ему нечего будет де-

---

[16] Н. Н. Семенов. Наука и общество в век атома. «Вопросы философии», 1960, № 7, стр. 28.

лать. «Будущее человечества, — пишет он, — будет иметь немало хлопот с проблемой нехватки работы для людей» [17].

Из отмеченных выше трех пунктов по овладению знаниями, первой нужно максимально сократить за счет второго и особенно третьего. Однако чтобы в каждой науке конкретно подойти к вопросу о сокращении процесса обучения, необходимо учитывать закономерности развития наук, а также их уровень.

Научное познание начинается с накопления фактов и создания общих теорий. Чем меньше в науке известно фактов о том или ином предмете, тем больше о нем создается общих теорий. В самом начале почти для каждого факта, открываемого наукой, требуется свое особое объяснение, или же каждый новый факт ведет к изменению общей теории. Но наступает время, когда из множества теорий остается только одна, но зато единственно правильная теория, раскрывающая закономерности предмета. Происходит известное сокращение науки.

До тех пор пока наука находится на низком уровне развития, в ней каждый факт, каждое мнение авторитетов сохраняют большое значение. И все это преподносится молодому поколению как важное и обязательное. Когда же раскрыты законы предмета, то нет необходимости вместе с изложением законов преподносить будущему специалисту и все известные науке факты, в которых законы проявляются. Можно ограничиться типичными случаями. Знание законов и условий, в которых они действуют, дает возможность предвидеть явления. Ведь предмет любой из наук характеризуется бесконечным множеством фактов, и науки не перестанут их копить. Все эти факты не может хранить ни одна человеческая память. Да в этом и нет необходимости.

Законы может усвоить и один человек, но для их раскрытия требуются усилия многих людей, усилия дифференцированные. Поэтому на определенном уровне развития наук необходима узкая специализация, и только она может обеспечить успех. Чтобы раскрыть законы механики, требовался познавательный труд многих поколений. Усвоить же их может каждый школьник. Явления, в которых эти законы проявляются, — неисчерпаемы. Чтобы раскрыть эти законы, люди должны были изучить огромное количество фактов. В настоящее время большинство наук еще находится на сравнительно низком уровне. В большинстве случаев выясняются вопросы, как построены те или иные материальные объекты, как протекают те или другие процессы, какова их структура и т. п. Вопросы же — почему объекты являются таковыми, а не иными — рассматриваются еще лишь в крайне общем виде. В биологии, например, стоят вопросы, как построена белковая молекула, в каком порядке совершается синтез аминокислот, как осуществляется передача наследственных свойств и т. п. Физика решает аналогичные

[17] Акад. Э. Кольман. Кибернетика ставит вопросы. «Наука и жизнь», 1961, № 5, стр. 45.

вопросы в отношении элементарных частиц и т. д. Важнейшие законы, изучаемые этими науками, еще недостаточно раскрыты. Все это и порождает дифференциацию усилий в процессе познания.

В период усиленной дифференциации наук право на самостоятельное существование имеет любая наука при условии, что ее предмет существует объективно, хотя и не самостоятельно. Например, об организме в настоящее время могут существовать такие науки, как физиология, морфология, гистология, эмбриология, биофизика и т. д., потому, что у него объективно существуют стороны, изучаемые этими науками. Но всякие законы есть законы относительно самостоятельно развивающихся систем. Нет законов, управляющих только структурой, но не управляющих функциями или наоборот. Поэтому, когда морфология и физиология, каждая со своей стороны, вплотную подойдут к открытию законов развития организма, они перестанут быть самостоятельными науками и сольются в одну науку. Законы есть то, что объединяет разные стороны конкретных материальных систем воедино. Законы есть соотношение между этими сторонами, соотношение устойчивое, повторяющееся, существенное для данных явлений. Право на самостоятельное существование будут иметь те науки, которые изучают саморазвивающиеся системы.

Чем ниже уровень развития той или иной науки, двигающейся от явления к сущности, тем дальше она отстоит от других наук, тем меньше в ней с ними общего. Единичные явления бесконечно разнообразны. И чем более наука углубляется в свой предмет, тем ближе он становится к другим наукам. Законы едины. Значит, на очень высоком уровне развития наук между ними будет больше общего, чем на низком уровне. А ведь узкая специализация порождается не столько объемом науки, сколько разнообразием ее отраслей, отсутствием у них общих моментов.

Из сказанного вытекает, что на определенном уровне развития наук отдельный человек не может охватить существующих знаний. И если он к этому стремится, то может быть только дилетантом. На более же высоком уровне, когда науки раскрывают законы и у них образуется больше общих моментов, а частности можно значительно сократить, то человек оказывается способным овладеть основами знаний, достаточными для его всесторонней подготовки.

Основанием для подобного предположения является еще и то, что познание конкретной материальной системы движется с разной скоростью: одна скорость познания имеет место, когда система еще не познана, а другая, когда она познана и приходится следить лишь за ее изменениями.

Наши познания относительны и ограничены, если иметь в виду безграничный, бесконечный объект. Но они абсолютны, если брать ограниченный объект или ограниченную сторону объекта. Если мы возьмем, к примеру, нашу солнечную систему, то знания о ней для ограниченных условий места и времени могут быть достаточно полными. Выход познания за эти границы осуществ-

ляется с выходом за них самого человека. Для завоевания космоса нужны всесторонне развитые люди.

Солнечная система представляет единую саморазвивающуюся систему. Но в процессе познания она оказалась расчлененной на отдельные стороны, моменты, этапы, взятые в качестве предметов познания отдельных наук. Науки о неживой природе, о живой природе, об обществе изучают лишь различные ступени в развитии одного и того же материального объекта.

Различные формы движения: механическая, квантовомеханическая, тепловая, внутриядерная, химическая и др., не представляют чего-то самостоятельного; они — различные стороны, моменты развития солнечной системы. На первом этапе, пока еще не возникла жизнь, связь форм движения имела одни черты, в живой природе — другие, в обществе — третьи. Конечно, для того чтобы познать солнечную систему в целом или хотя бы ее неорганическую часть, без дифференциации усилий и расчленения самого предмета нельзя обойтись. Но это лишь первый этап познания. Дальнейший этап может состоять лишь в том, что каждую из этих обособленных сторон поставят в связь со всеми остальными. Без этого нельзя познать полностью и саму эту сторону. Например, познание механического движения вначале заключалось в том, что его вычленили из общей связи и стали рассматривать само по себе. Однако такое вычленение механического движения, хотя в течение длительного периода и облегчает познание, все же со временем начинает ограничивать его, препятствовать ему. Ведь механическое движение, кроме общих черт, имеет и специфические: в неживой природе оно проявляется иначе, чем в живой или обществе. Значит, для полного понимания механического движения нужно проследить все эти формы его проявления. Следовательно, за процессом расчленения наук и изучения каждой из этих форм в отдельности должен наступить период их изучения в единой целостной материальной системе, в данном случае — в солнечной системе.

Этот процесс перехода на новую ступень сложный и трудный. Иногда встречаются и такие курьезы, что ученые выходят за пределы «своего» предмета, вторгаются в предмет другой, соседней науки, захватывают его и начинают объяснять со своих позиций.

Со временем науки о неживой природе: физика, химия, минералогия, астрономия, геология и т. д., должны будут воссоединиться. Без такого воссоединения невозможно будет раскрыть и сформулировать законы развития неорганической системы как целого, невозможно будет познать взаимосвязь всех ее сторон.

Науки о живой природе также со временем воссоединятся. Это произойдет, вероятно, не раньше того, как отдельные стороны живых организмов, составляющих предметы таких наук, как морфология, анатомия, физиология, гистология, эмбриология и т. д., будут изучены до такой степени, до какой только и позволяет их изолированное изучение. Когда же науки переступят границы, раз-

деляющие их предметы, они воссоединятся. В то же время и биология, идущая в своем познании в целом от организма к клетке, а от клетки к молекуле, дойдет до конца, т. е. до предмета химии и физики.

Выясняя перспективы развития наук, нужно учитывать и то, что живые организмы в конечном счете состоят из химических элементов, а те из элементарных частиц и т. д. Поэтому нет ничего удивительного в том, что наступило время, когда химики стали изучать биологические процессы и заявлять, что только они, собственно, и могут раскрыть подлинную сущность жизни, что они в большей степени биологи, чем сами биологи и т. д. Это вполне закономерный процесс. В ходе познания предметы наук могут расширяться и действительно расширяются. Изучив более или менее химические процессы сами по себе, химики в поисках новых свойств химических соединений начинают захватывать живую природу, так как именно там и обнаруживаются эти новые свойства. Но они нередко нарушают истину, так как в новой области не всегда ограничиваются объяснением одних химических свойств живых организмов, а пытаются при их помощи объяснить живую природу.

Вслед за химиками в поход двинулись физики, изучающие элементарные частицы и превращения атомов. Вначале они завоевывают ближайшую область, область химии. Показав, что различные свойства химических элементов объясняются количеством и взаимосвязью элементарных частиц, составляющих эти элементы, они идут дальше, пытаясь доказать, что вообще нельзя понять химических процессов, если не свести их к законам квантовой механики и т. д. Но на этом они не останавливаются, а идут дальше вслед за химиками в область живой природы, пытаясь и там свести биологические процессы к процессам квантовомеханическим. Пока и те и другие останавливаются перед закономерностями общественной жизни. Она очень далека от химических, а тем более квантовомеханических процессов. Но ведь общественная форма движения содержит в снятом виде все низшие формы движения материи. Поэтому вполне возможно, что со временем химики и физики вслед за биологией устремятся и к изучению общественной жизни.

В свою очередь общественные науки не могут все время ограничиваться изучением чисто общественных процессов самих по себе, но будут изучать и естественные процессы, изменяющиеся под влиянием общественной жизни. И тем больше они будут изучать эти естественные процессы, чем больше будет возрастать власть общества над силами природы, подчинение природных сил воле человека. Правда, это обратное движение от общественных наук к естественным менее заметно и вызывает большое сопротивление. Так, большинство географов упорно не желает принять теоретическое положение, что географическая среда не есть чисто природное тело, а такая часть природных процессов, которая подчиняется и общественным закономерностям. Вообще, можно констати-

ровать как факт, что естественники уже *хорошо* поняли зависимость высших форм движения от низших, но очень мало уясняют себе обратную зависимость. А ведь высшая форма движения, раз возникнув за счет низших, начинает во все возрастающих границах подчинять себе и преобразовывать эти низшие формы.

Особое место в развитии наук занимает математика, т. е. наука о количественных и пространственных отношениях материального мира. В настоящее время математика очень широко применяется в науках о неживой природе и несколько меньше в других науках. По мере развития биологии, да и самой математики, раскрываются более широкие возможности и для их объединения. То же нужно сказать и о применении математики в общественных науках. Особо широко стала внедряться математика и другие науки в связи с возникновением и развитием кибернетики. «Кибернетика, — пишет акад. С. Л. Соболев, — будет идти рядом с нами, как друг, отдавая машинам все больше и больше «черновой» работы, высвобождая колоссальные резервы умственной энергии человечества для высшей творческой деятельности. В коммунистическом обществе профессия математика станет одной из самых распространенных. Готовиться к этому нужно уже сейчас»[18].

В определении перспектив развития математики следовало бы пойти несколько дальше и сказать, что математика будет не просто самой распространенной специальностью, а средством любого научного познания. Другими словами, математика понадобится во всяком познании и, значит, перестанет быть достоянием и уделом отдельных людей — математиков, т. е. перестанет быть узкой специальностью.

Более или менее полное познание солнечной системы будет иметь огромное значение и в том отношении, что намного облегчит познание других аналогичных систем. Перебравшись на другие планеты, люди, обладающие земным опытом, намного быстрее смогут познать их и овладеть ими, чем их предки овладевали земным миром.

Итак, одна наука возможна не только на начальном, низком уровне познания, но и на высоком уровне, к которому отдельные науки придут только через усиленное развитие специализации. Несомненно, придет время, когда люди не будут делиться на биологов, физиков, математиков, экономистов, историков и т. п., а будут просто всесторонне развитыми личностями и в зависимости от собственных склонностей или потребностей общества заниматься либо физическими, либо другими проблемами.

---

[18] «Техника молодежи», 1963, № 1, стр. 2.

ЛИЧНОСТЬ — ПРОДУКТ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

1. ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ. ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ПОНЯТИЯМ ОБЩЕСТВА, НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ, НАРОДА

Общество есть определенная организация людей, а значит народонаселения страны. Народонаселение — необходимый момент всякого общества. Его важнейшими свойствами являются рост его численности, определенная плотность, характер размещения на данной территории и т. д. Понятие общества в историческом материализме является более общим, чем понятие народонаселения. Последнее представляет просто совокупность населения данной территории. Общество же, как было показано, — это определенная экономическая, политическая, родственная и т. д. организация людей.

В формациях, основанных на общественной собственности, общество есть организация народа, т. е. совокупности людей, осуществляющих материальное и духовное производство.

В условиях классового антагонистического общества народ — это трудящиеся и вообще прогрессивные, т. е. не паразитические классы общества. Так, в период буржуазной французской революции народ составляли не только рабочие и крестьяне, но и буржуазия. В настоящее время, в период империализма, крупная империалистическая буржуазия противостоит народу. Народ же составляют трудящиеся и те слои буржуазии, которые объединяются в народный фронт против империализма. Понятие «народ» иногда употребляется в смысле нации, народности (русский народ, американский народ), но при этом не упускается из виду его социальное содержание («американский народ, а не миллиардеры»). Таким образом, понятие «народ» — конкретно-историческое понятие. Его содержание в различных исторических условиях различно.

Понятие «личность» также раскрывается лишь в связи с понятием «общество». Буржуазные социологи в своих учениях исходят не из общества, а из личности. Описывая «общечеловеческие» свойства личности, они пытаются выводить из них особенности

общественного развития, объяснять ими исторические процессы, различные события общественной жизни. Это — антропологический принцип в социологии. Он присущ почти всей домарксистской, да и современной буржуазной философии. Однако в научном отношении он в какой-то мере заслуживает внимания лишь в той глубокой разработке, которую он получил у Фейербаха.

Недостаток антропологического принципа прежде всего в том, что человек, индивид, личность, принимаемые за исходный пункт исследования, рассматриваются абстрактно, как всеобщее, биологическое существо, без специфических социальных черт. «...Фейербах, — пишет Энгельс, — не нашел дороги из им самим смертельно ненавидимого царства абстракций в живой, действительный мир. Он изо всех сил хватается за природу и за человека. Но и природа и человек остаются у него только словами. Он не может сказать ничего определенного ни о действительной природе, ни о действительном человеке. Но чтобы перейти от фейербаховского абстрактного человека к действительным, живым людям, необходимо было изучать этих людей в их исторических действиях»[1]. Этим, собственно, и занялись в своих трудах Маркс и Энгельс. Критикуя взгляды Фейербаха, Маркс дает следующую характеристику действительного человека, его сущности. «Фейербах, — пишет Маркс, — сводит религиозную сущность к *человеческой* сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»[2].

Экономические отношения, составляющие экономический базис формации, в то же время формируют определенные черты людей, их общественные свойства. Благодаря этим отношениям люди становятся рабовладельцами и рабами, феодалами и крепостными крестьянами, капиталистами и пролетариями, свободными тружениками социалистического общества. Профессиональные отношения делают людей специалистами: врачами, учителями, инженерами и т. п. Брачно-семейные отношения дифференцируют людей соответственно системам родства на супругов, родителей и детей, дедов и бабок, внуков и правнуков и т. д. Политические и юридические отношения ведут к различию индивидов в политической организации общества, что особенно ярко обнаруживается в сословном делении общества при феодализме. Все эти отношения отражаются в отдельном человеке, формируют его общественные черты как личности. В нем они индивидуализируются как определенная целостность. Один и тот же человек и крестьянин, и плотник, и супруг, и отец, и русский и т. д. Богатство личности выступает как богатство ее действительных общественных отношений.

Сущность личности обнаруживается в ее общественных отношениях. Но все эти отношения есть отношения деятельности, т. е.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 299.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 3.

проявляются в деятельности. Осуществляя ту или иную деятельность, вступая в те или иные отношения, личность не только раскрывает присущие ей общественные черты, но и формируется, развивается в направлении этой деятельности.

Не только личность осуществляет труд, деятельность, но и труд формирует личность. Труд может делать личность односторонней, а может обеспечивать ей всестороннее развитие. Благодаря разнообразию деятельности личность формируется как многокачественная. Иногда эта многокачественность трактуется как многообразие социальных ролей личности[3]. На наш взгляд, понятие ролей не раскрывает сути дела. Если исходить не из многокачественности личности, то сама личность трактуется как нечто абстрактное. Существует личность вообще, с определенными общими чертами[4], а конкретными являются только ее роли; личность выступает в роли супруга, директора и т. п. Понятие ролей может иметь смысл только в том случае, когда личность, вступая в новые для нее отношения, еще не изменилась соответственно им. Можно играть роль директора, а можно действительно быть директором. Многообразие качеств личности определяет ее индивидуальность, неповторимость. В обществе личность вначале играет роли, а затем приобретает качества. Личности формируются с такими качествами, какие необходимы для общества.

Если у общества возникала необходимость во всесторонне развитых личностях, то такие личности возникали. Так было, в частности, в античном мире, так было и в эпоху Возрождения. Характеризуя Возрождение, Энгельс писал: «Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее овеяны характерным для того времени духом смелых искателей приключений. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества»[5]. И далее Энгельс приводит примеры Леонардо да Винчи, который был великим художником, математиком, механиком, инженером и т. д., Альбрехта Дюрера — живописца, гравера, скульптора, архитектора, создателя системы фортификации и т. д., Макиавелли — государственного деятеля, историка, поэта, военного писателя и т. д. «Герои того времени, — делает вывод Энгельс, — не ста-

---

[3] См. И. С. Кон. Социология личности. М., Политиздат, 1967.

[4] См. трактовку личности в работе: В. П. Тугаринов. Личность и общество. М., «Мысль», 1965. В этой работе личность рассматривается как личность вообще, обладающая такими качествами, как разумность, ответственность и т. п.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 346.

ли еще рабами разделения труда, ограничивающее, создающее однобокость, влияние которого мы так часто наблюдаем у их преемников. Но что особенно характерно для них, так это то, что они почти все живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе. Отсюда та полнота и сила характера, которые делают их цельными людьми. Кабинетные ученые являлись тогда исключением; это или люди второго и третьего ранга или благоразумные филистеры, не желающие обжечь себе пальцы»[6].

Личность является продуктом общества, сыном своего времени, своего класса. Так как со времени возникновения классов и государства общество перестало быть подлинной коллективностью, то личность уже нельзя рассматривать как представителя всего общества. Положение личности теперь определяется главным образом не ее особенностями, а положением класса, к которому она принадлежит. Вследствие этого создалось такое положение, при котором нередко нарушается соответствие между положением личности и ее качествами. Во главе исторических действий теперь нередко становились случайные, т. е. совершенно неспособные к ним личности, но принадлежащие к господствующим классам. Так, в династии Романовых было немало бездарных, совершенно неспособных к государственной деятельности личностей. С другой стороны, для личностей действительно талантливых, одаренных, но не принадлежащих к господствующему классу, как правило, не было необходимых условий для всестороннего развития их способностей.

Каждое великое событие в истории необходимо выдвигает и великих деятелей, героев. В борьбе передовых классов против классов отживающих появились герои, вожди, идеологи — выразители новых назревших задач, требующих исторического разрешения. Так было на всех ступенях общественного развития. Движение рабов в древнем Риме выдвинуло своего вождя, Спартака. Крестьянское антикрепостническое движение дало своих вождей, выражавших интересы и чаяния угнетенных крепостных крестьян: в России — Иван Болотников, Степан Разин, Емельян Пугачев; в Чехии — Ян Гус; в Германии — Томас Мюнцер.

Как ни мало героично буржуазное общество, писал Маркс, но и для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, гражданские войны и битвы народов. Оно пережило свой период бури и натиска, полосу буржуазных революций, которые выдвинули целую плеяду политических вождей, мыслителей, философов. Английская буржуазная революция XVII в. дала Оливера Кромвеля. Французская буржуазная революция выдвинула таких политических деятелей, как Мирабо, Сен-Жюст, Дантон, Марат,

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 347.

Робеспьер. Эти деятели воплощали в себе лучшие черты революционной части буржуазии.

Как только буржуазное общество сложилось и буржуазия повернула к реакции, революционных деятелей буржуазии сменяют ее реакционные вожди и деятели. Характеризуя Францию периода Реставрации, Маркс отмечал, что трезво-практическое буржуазное общество нашло себе истинных представителей и истолкователей в Сэях, Кузенах, Бенжаменах Констанах и Гизо, что его настоящие полководцы заседали в коммерческих конторах, а его политической главой был жирноголовый Людовик XVIII.

В формирующемся первобытном обществе зоологический индивидуализм находился в конфликте с интересами коллектива. Затем в период матриархата личность подчиняется коллективу. С появлением частной собственности личность вновь начинает обособляться, противопоставлять себя обществу. Особого развития эта обособленность личности достигает в буржуазном обществе, где отдельный человек, по словам Маркса, освобождается от естественных связей, делавших его в прошлом принадлежностью определенного ограниченного конгломерата. «Лишь в XVIII веке, в «гражданском обществе», — пишет Маркс, — различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности как всего лишь средство для ее частных целей, как внешняя необходимость. Однако эпоха, порождающая эту точку зрения — точку зрения обособленного одиночки, — есть как раз эпоха наиболее развитых общественных (с этой точки зрения всеобщих) отношений» [7].

В коммунистической формации складывается новое отношение между обществом и личностью.

2. ОТНОШЕНИЕ РОЛИ ЛИЧНОСТИ К РОЛИ НАРОДНЫХ МАСС В ИСТОРИИ

Отрицание роли народных масс является одним из основных недостатков домарксовских социологических теорий. Начиная с древнегреческих историков Геродота и Фукидида и кончая современными социологами всех мастей и оттенков, всемирная история рассматривается как результат деятельности великих личностей: королей, полководцев, завоевателей. Народ, трудящиеся массы изображаются как косная, инертная масса, которая якобы может приобретать известное историческое значение лишь постольку, поскольку во главе ее становятся выдающиеся личности, герои, полководцы. Всемирная история, говорил английский историк Томас Карлейль, есть в сущности биография выдающихся личностей.

Вплотную к правильному научному решению вопроса о роли народных масс и личности в истории подошли русские революционеры-демократы: Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролю-

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 18.

бов. Так, Добролюбов в статье о Станкевиче высказывает мысль, что одинаково неправильно как забвение деятельности народных масс, так и непризнание серьезной роли личности в истории. Личность может играть значительную роль в истории, если она опирается на деятельность масс, выражает их интересы. Добролюбов сравнивал роль великой личности в истории с искрой, которая взрывает порох, но не воспламеняет камни.

Однако не создав исторического материализма, русские революционные демократы не смогли и дать аргументированного решения вопроса о роли народных масс и личности в истории. Суть же дела заключается в следующем.

Так как человеческое общество не может существовать без производства материальных благ, а история общества есть прежде всего история производства, то ясно, что народные массы, производящие материальные блага, как основная производительная сила общества, представляют решающую силу исторического развития. Это не значит, конечно, что личность не играет никакой роли в общественном развитии. Ведь народные массы и есть массы личностей. Это означает только то, что деятельность масс по отношению к деятельности личности является первичной, основной, определяющей. Деятельность какой бы то ни было выдающейся личности немыслима вне и независимо от деятельности масс. Личность может сделать что-либо значительное для общества, только опираясь на деятельность масс. Деятельность масс всегда — условие, необходимая основа для деятельности личности. Все великие изобретения в производстве, открытия в науке, произведения искусства и литературы и т. д., по которым мы судим о выдающихся личностях, являются вторичными по отношению к материальному производству, в котором заняты массы. Ведь прежде чем заниматься политикой, изобретениями, наукой, литературой, философией, люди должны есть, одеваться, иметь жилье, т. е. удовлетворять свои потребности продуктами и предметами, которые производятся трудящимися.

Известно, что в материальном производстве важнейшую роль играют орудия производства; их изменение оказывает решающее влияние на всю общественную жизнь. Но кто же производит изменения в орудиях производства? На первый взгляд может показаться, что развитие производства обязано исключительно изобретателям, т. е. выдающимся личностям. В действительности же деятельность изобретателей находится в теснейшей зависимости от деятельности трудящихся, народных масс и без нее немыслима. Новые открытия и усовершенствования орудий производства возникают на основе процесса производства, а не независимо от него, в результате назревших потребностей производства, в процессе труда самих людей, трудящихся. Они, как правило, завершают, увенчивают длительный процесс мелких, незначительных усовершенствований той или иной отрасли производства. Миллионы тружеников ежедневно, ежечасно, производя изменения в оруди-

ях производства, тем самым подготовляют крупные открытия, которые осуществляют наиболее способные к этому люди. Деятельность изобретателей включается как необходимый момент в закономерный процесс производства, из него вытекает и его дополняет. Создание паровой машины, электродвигателя, электрической лампы, радио, связанные с именами определенных изобретателей, явились завершением и дополнением общего развития производства, техники, и вне его немыслимы.

Без повседневной производственной деятельности народных масс невозможна была бы и духовная деятельность великих художников, философов, писателей, ученых. Да и сам источник подлинно великого искусства заключен в народе. Богатейший трудовой и жизненный опыт народа — неиссякаемый клад для развития искусства, литературы. Народная речь, пословицы, песни, народные предания — постоянный источник художественного творчества. Произведения великих русских ученых, художников, композиторов, философов, писателей: Ломоносова и Радищева, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Лермонтова, Крамского и Репина, Мусоргского и Чайковского, Менделеева и Тимирязева и многих других являются величайшими творениями русской национальной культуры, так как они своими корнями глубоко проникают в самую гущу русского народа. Кроме того, творения искусства, литературы, науки, философии только тогда являются подлинно великими, когда они способны удовлетворять эстетические, познавательные и другие потребности не только узкого круга избранных аристократов духа, но и широких народных масс. С этой точки зрения такое произведение, как, например, «Сикстинская мадонна» Рафаэля Санти, является великим произведением. Картина высокохудожественна не только в глазах ценителей искусства, но и широких слоев трудящихся.

Производственная деятельность народных масс представляет собой основу для изменения экономических отношений, а значит для развития и смены общественно-экономических формаций. В то же время народные массы выступают как главная сила, разрушающая старые, отжившие производственные отношения.

Однако в различных исторических условиях деятельность народных масс характеризуется различными особенностями. В антагонистических формациях основная часть народных масс — трудящиеся классы подвергаются постоянной эксплуатации. Экономический гнет дополняется политическим и духовным гнетом. Чрезмерный, изнуряющий труд на эксплуататоров, наряду с политическим бесправием, устраняет массы от активной общественно-политической деятельности. Последняя пробивает себе дорогу только в периоды революций. От того, в какой мере народные массы принимали участие в революции, от сознательности и организованности масс всегда зависел размах революций и их результаты.

Периоды, когда широчайшие массы просыпаются к политической жизни, к историческому творчеству, буржуазные социологи

рассматривали как периоды исчезновения мысли и разума, противопоставляя им мирные эпохи как якобы «систематические», созидающие. Критикуя взгляды кадета Бланка, пытавшегося опорочить революцию 1905 г., Ленин писал, что именно революционные периоды отличаются большей широтой, богатством, сознательностью, планомерностью, систематичностью, смелостью и яркостью исторического творчества по сравнению с периодами мещанского, реформистского прогресса.

Великая Октябрьская социалистическая революция — самый глубокий переворот во всемирной истории, когда на историческую арену во главе с самым революционным классом — русским пролетариатом вышли многомиллионные массы людей совершать переворот во всех общественных отношениях — в экономике, в политике, в быту. В противоположность прежним революциям, в которых деятельность народных масс всячески ограничивалась, направлялась в основном на разрушение старых порядков, в социалистической революции народные массы в то же время выступают как творцы нового экономического и политического строя. В этом качественное отличие деятельности народных масс социалистического общества от деятельности народных масс в предшествующих формациях классового общества.

Раскрывая решающую роль деятельности народных масс в истории, исторический материализм не отрицает и роли личности в истории. Личность играет важную роль. О личности, как и о массах, мы судим по их делам. Выдающиеся дела свидетельствуют о выдающейся личности, обычные дела свидетельствуют об обычной личности.

Нельзя признавать решающую роль народных масс в истории и в то же время отрицать роль личности. Деятельность личности находится в тесной связи с деятельностью масс, классов, представляющих более или менее серьезную общественную силу. Отношения народных масс и личности носят характер не обратной, а прямой пропорциональности. Если возрастает роль народных масс, то это не означает, что в какой-то мере уменьшается роль личности. Наоборот, возрастание роли народных масс неизбежно ведет к увеличению веса, значения личности. Во всех великих исторических событиях, где ярко проявляется творческая деятельность народных масс, неизмеримо поднимается и роль личности, так как задачи, выполняемые ею, становятся более сложными и ответственными. «...История, — писал В. И. Ленин, — вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? в чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущем в мире актов противоположных?»[8].

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 159.

Нетрудно понять, что успех личности в конечном счете определяется тем, опирается ли эта личность на потребности материальной жизни общества или нет, исходит из объективных законов общественного развития или нет. Если личность неспособна понять условий общественного развития, то ясно, что она не может рассчитывать на успех.

Все, что делает личность, принадлежит истории. Нет дел людей, лежащих вне истории. Но значение, роль этих дел, а вместе с ними и роль личности различны. Если деятельность человека ограничивается узким кругом личных интересов, то и роль ее невелика. Но если личность посвящает всю свою жизнь осуществлению интересов класса, общества, то и роль ее значительнее.

Появление выдающихся личностей так же, как и появление выдающихся дел в истории, не есть чистая случайность. Выдающиеся личности появляются тогда, когда в них есть необходимость. Но всякая необходимость пробивает себе путь через толщу случайностей. «То обстоятельство, — писал Энгельс, — что такой и именно вот этот великий человек появляется в определенное время в данной стране, конечно, есть чистая случайность. Но если этого человека устранить, то появляется спрос на его замену, и такая замена находится — более или менее удачная, но с течением времени находится. Что Наполеон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необходим французской республике, истощенной войной, — это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это доказывается тем, что всегда, когда такой человек был нужен, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т. д. Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что дело шло к этому, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело и это открытие *должно* было быть сделано» [9].

Таким образом, великие личности: исторические деятели, политические вожди выдвигаются на историческую арену соответствующими событиями, теми или иными классами, принимающими участие в этих событиях. Они безусловно играют значительную роль в протекании этих событий. Личность играет прогрессивную роль, если силы, на которые она опирается и выражает их интересы, являются революционными. Личность играет реакционную роль в обществе, если она опирается на реакционные силы и выражает их интересы. Личность, которая не опирается ни на какие общественные силы и не выражает общественных интересов, не может играть серьезной роли в истории.

В какой же мере возникновение, развитие и исход исторических событий зависит от лиц, стоящих во главе их в условиях классового, антагонистического общества?

Если речь идет об отдельных событиях и политических перево-

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 175—176.

ротах, то после того, как все условия имеются налицо, то их исход, успех или неуспех, конечно, зависит от того, кто стоит во главе этих событий, насколько умело он может отстоять интересы класса, страны. Личность, таким образом, очень часто не только ускоряет или замедляет отдельные события и определяет их физиономию, но при известных условиях решает их исход. Например, целый ряд битв под командованием Суворова, в особенности взятие Измаила, не только ускорили течение войны с Турцией, но и решили исход ее. Гений Суворова, суворовская подготовка армии сыграли исключительно важную роль.

Если же речь идет о более крупных поворотах в историческом развитии, например, о переходе от феодализма к капитализму, то личности, стоящие во главе отдельных событий, отдельных революционных битв, могут лишь ускорить или замедлить их протекание.

Период развитого капитализма и перехода к социализму характеризуется таким ростом и размахом событий, такой деятельностью классов, что здесь недостаточно отдельных личностей, чтобы возглавлять события. Примерно в это время появляются партии, составляющие авангард классов. Вожди теперь являются лидерами, руководителями партий.

Эпоха, когда на историческую арену вышел рабочий класс, ознаменовалась появлением двух величайших мыслителей и революционеров — Маркса и Энгельса. Их величайшая заслуга состоит в том, что они научным анализом доказали неизбежность краха капитализма и перехода его к коммунизму, в котором не будет эксплуатации человека человеком. Их величайшая заслуга состоит, далее, в том, что они указали пролетариям всех стран их историческую роль, их призвание: подняться на революционную борьбу против капитала и объединить вокруг себя в этой борьбе всех трудящихся и эксплуатируемых.

Социалистическое движение эпохи империалистических войн и пролетарских революций на рубеже XIX—XX столетий ознаменовалось выступлением на историческую арену гениального мыслителя и вождя рабочего класса Ленина. Его заслуга состоит в том, что он в новых исторических условиях развил дальше марксизм и применил его на практике разрушения капиталистического общества и построения социализма.

Коренное преобразование капиталистического общества в социалистическое, происходящее под руководством Коммунистической партии и вождей пролетариата, не может идти ни в какое сравнение с тем преобразованием, которое происходило под руководством деятелей прогрессивных классов предшествующих досоциалистических формаций. Поэтому и роль вождей пролетариата совершенно другая.

Величайшая сила вождей пролетариата: Маркса, Энгельса, Ленина состоит прежде всего в том, что они были неразрывно связаны с рабочим классом, с трудящимися. Все великие дела, которые

они осуществляли, суть дела рабочего класса, дела трудящихся. Таким образом, беззаветное служение интересам рабочего класса — характерная черта вождей рабочего класса.

Сила вождей пролетариата состоит и в том, что в своей деятельности они опирались на Коммунистическую партию. Важнейшие решения партии являются не самоличными решениями вождей, а коллективными решениями. Принцип коллегиальности — важнейший принцип партийного руководства. Как бы отдельные руководители не были гениальны, коллектив в ходе обсуждения решений всегда может учесть больше сторон.

Сложность задач, стоящих перед пролетариатом, требовала вождей особого склада. Политические деятели, вожди, которые становятся во главе пролетарской революции, должны видеть дальше, стоять выше отдельных личностей, выше их частных, личных интересов, должны видеть общие интересы классов, интересы народа, должны уметь отличать существенное от несущественного, решающее в движении — от незначительного, преходящего. Они должны опираться на глубокое знание законов общественного развития. До пролетарских революций, с торжества которых начинается подлинно человеческая история, когда народ сознательно, планомерно, используя законы общественного развития, управляет своими общественными отношениями, — не обязательно было глубоко научное знание общественных явлений, и вожди руководствовались просто-напросто интересами своего класса и личным опытом. Одна из основных отличительных особенностей вождей пролетариата состоит в том, что они руководствовались созданной и развиваемой ими марксистско-ленинской теорией, правильно отражающей законы развития общества. Наличие такой теории не могло не оказать влияния на роль вождей пролетариата в истории. Эта роль неизмеримо возросла по сравнению с ролью выдающихся личностей прошлого.

Характерной чертой действительных вождей пролетариата является сочетание теоретической деятельности с практической. Успех социалистической революции, успех строительства нового социалистического общества не раз зависел от того, насколько правильно руководители партии умели оценить обстановку, насколько умело они направляли деятельность масс на разрешение назревших задач.

Трудно, например, переоценить значение выбора момента для начала вооруженного восстания. В известном письме членам ЦК партии Ленин писал следующее:

«Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно...

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все»[10].

[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 435—436.

Величайшая заслуга Ленина состоит в том, что он правильно указал время вооруженного восстания и тем в известной степени обеспечил его успех. Вообще заслуга Ленина прежде всего заключалась в том, что он намечал правильные пути для революционной деятельности масс и тем самым в значительной степени определял положительный исход событий. То же нужно сказать и о роли руководителей партии в строительстве социализма и коммунизма в нашей стране. Умение правильно выделять назревающие задачи на разных этапах коммунистического строительства сыграло исключительно важную роль в тех успехах, которых добилась наша страна.

Однако нельзя ни в какой мере забывать: что все эти заслуги руководителей партии и правительства имеют место благодаря усилиям самих трудящихся, благодаря деятельности всей Коммунистической партии. Личность, стоящая во главе правительства, — не просто индивид, а носитель определенной общественной функции, выразитель воли и интересов всего народа. Следовательно, и особая роль руководителей партии неотделима от деятельности всех членов партии, всего народа. Нельзя противопоставлять руководителей партии и народа остальным людям как просто индивидам. Каждый человек, участвуя в общественной деятельности и выполняя общественные функции, также выражает общий интерес и является общественным деятелем. Из этого следует важный принцип единства вождей и партии, руководителей и народа, а также принцип коллегиальности в руководстве.

Коммунистическая партия учит строго проводить в жизнь законы партийного строительства, нормы партийной жизни, научно обоснованные Лениным и проверенные в огне революционной классовой борьбы, в ходе строительства коммунизма, строго соблюдать высший принцип партийного руководства — коллегиальность. Только коллективный опыт Центрального Комитета Коммунистической партии, опирающегося на марксистско-ленинскую теорию и широкую инициативу руководящих кадров, обеспечивает правильность руководства страной.

Таким образом, какую бы роль личность не играла, нельзя забывать, что ведущая роль в истории все же принадлежит народным массам.

3. СООТНОШЕНИЕ ЛИЧНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИНТЕРЕСА

Категория интереса — одна из важных категорий исторического материализма. Без ее разработки нельзя правильно понять ни движущие силы общественного развития, ни специфику действия общественных законов. Без разработки этой категории нельзя понять и ту связь, которая существует между индивидами, объединяя их в общество.

Категория интереса играла важную роль в социологических исследованиях домарксовских философов, экономистов, историков. Материалисты XVII и XVIII вв. рассматривали интерес как побудительную силу деятельности людей. Например, по мнению Гельвеция, интерес — подлинный двигатель человеческой истории. Различные нравы, обычаи, идеи народов объясняются их различными интересами. Общий интерес — критерий нравственности. Но чем же определяются интересы отдельных людей? Гельвеций считал, что интересы связаны главным образом с физиологическими потребностями, такими, например, как голод. «Голод же, — писал Гельвеций, — заставляет у цивилизованных народов всех граждан работать, возделывать землю, учиться ремеслу и выполнять любые обязанности»[11]. Гельвеций не пришел и к пониманию классового характера интереса в классовом обществе.

Категорию интересов, правда, уже с идеалистических позиций, разрабатывал и Гегель. Он также отмечал роль интереса как двигателя истории. «Итак, мы утверждаем, — писал Гегель, — что вообще ничто не осуществлялось без интереса тех, которые участвовали своей деятельностью, и так как мы называем интерес страстью, поскольку индивидуальность, отодвигая на задний план все другие интересы и цели, которые также имеются и могут быть у этой индивидуальности, целиком отдается предмету, сосредоточивает на этой цели все свои силы и потребности, — то мы должны вообще сказать, что *ничто великое в мире не совершалось без страсти.* В наш предмет входят два момента: во-первых, идея; во-вторых, человеческие страсти; первый момент составляет основу, второй является утком великого ковра развернутой перед нами всемирной истории»[12].

Таким образом, основу интересов, по Гегелю, составляет идея, существующая объективно. В гражданском обществе, как пытался показать Гегель, происходит постоянное столкновение интересов. В противоречии находятся различные частные интересы, частный и общественный интересы (интересы семьи, сословия, корпорации и т. д.), различные виды общественного интереса. Государство же призвано, по мнению Гегеля, приводить к гармонии противоречивые стороны.

Блестящая критика этих взглядов была дана Марксом в ряде его работ. Маркс показал, что государство является орудием не общего интереса, как утверждал Гегель, а интереса экономически господствующего класса; оно стоит на службе частных интересов собственников. Эта мысль Маркса ярко выражена в его статье «Дебаты по поводу закона о краже леса». «Весь строй государства, роль различных административных учреждений, — писал Маркс, — все это должно выйти из своей колеи, все это должно

---

[11] К. А. Гельвеций. Об уме. М., 1938, стр. 229.
[12] Гегель. Соч., т. VIII, стр. 23.

быть низведено до роли орудий лесовладельца; интерес лесовладельца должен стать направляющей душой всего механизма. Все органы государства становятся ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес лесовладельца подслушивает, высматривает, оценивает, охраняет, хватает, бегает»[13].

Категория интереса впервые получила правильное, научное обоснование только в марксизме, в связи с выделением из всех общественных отношений экономических как главных, определяющих. «Экономические отношения каждого данного общества, — писал Энгельс, раскрывая содержание категории «интерес», — проявляются прежде всего как *интересы*»[14].

Буржуазные социологи рассматривают интерес как чисто психическое явление, как инстинкт или стремление к самосохранению (Л. Гумплевич, А. В. Смолл и др.). Такое понимание не позволяет правильно раскрыть материальную основу интереса. Конечно, интерес может включать какую-то физиологическую потребность людей. Но потребность еще не есть интерес. Потребности есть и у животных. Интересы же явление социальное. Одна и та же потребность в различных общественных условиях может обнаруживаться в разных интересах. Потребность в пище, одежде, жилище и т. д. изменяется с изменением экономических отношений, выступает в виде различных интересов. Если насущные потребности людей удовлетворяются посредством общественной собственности, то и их интересы направлены на укрепление и умножение этой собственности. Если же основу общественных отношений составляет частная собственность, то и интересы людей направляются на укрепление и умножение этой собственности.

В рабовладельческом обществе, например, как и во всяком другом, у людей существуют потребности в пище, одежде, обуви, жилище. Но не они определяют интересы людей. Не они заставляют рабов трудиться на рабовладельцев, а рабовладельцев эксплуатировать рабов. Ни у рабов, ни у рабовладельцев нет интереса к труду как средству умножения собственности. В известной мере интерес к труду имеет место у крестьян и ремесленников феодального общества. Но этот интерес опять-таки связан у них с наличием известной частной собственности. Конечно, и сам труд по своему характеру иногда может порождать к себе интерес. Однако если этот труд осуществляется на эксплуататора без вознаграждения, то интерес к нему подавляется. Главным интересом в буржуазном обществе становится интерес буржуазии в получении максимальной прибыли. Ему она подчиняет все свои другие интересы. Он же стимулирует буржуазию использовать насущные нужды рабочих, чтобы заставить их трудиться до последнего пота. Что же касается самих рабочих, то нужда, голод, которым они подвер-

---

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 142.
[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 271.

гаются постоянно, ни в какой мере не порождает у них интереса как можно лучше трудиться на капиталиста. Рабочий старается лишь так, чтобы не потерять работу. Но это уже не материальный интерес, а нужда.

Интерес всегда существует как интерес к чему-то определенному. Следовательно, в интерес в какой-то мере входит и цель, как его направляющий момент. Такой целью может быть, например, заработная плата, получение продуктов на трудодни, получение премиальных и т. п. Интерес, таким образом, выступает как материальная заинтересованность.

Интерес — это не идея, желание, намерение. Но он обычно обнаруживается в намерениях, желаниях, идеях. Интерес может и не осознаваться как интерес и все же он будет прокладывать себе путь при осуществлении желаний, намерений и т. д. Осуществляя свои желания, намерения, человек будет осуществлять свой интерес. В то же время люди вступают в связь друг с другом. «...*Интерес* — вот что сцепляет друг с другом членов гражданского общества»[15].

Таким образом, интерес — такое общественное явление, которое имеет и материальную и духовную сторону. Различные общественные отношения связаны с различными интересами. Экономические отношения обнаруживаются в материальных интересах. Существуют и духовные интересы.

Различают личные, классовые и общественные интересы. Общественные интересы представляют собой выражение потребностей общественного развития. Общественные интересы людей нельзя рассматривать только как общие интересы людей, составляющих общество. Они в то же время выражают потребности развития производства, науки и т. п.

Классовый интерес есть отношение класса к своему положению в исторически сложившейся системе производства и распределения продуктов. Классовый интерес реализуется в деятельности, направленной на укрепление и улучшение этого положения. Каково экономическое положение класса, таковы его интересы, такова и деятельность, направленная на их осуществление.

Личный интерес имеет узкий и широкий смысл. В узком смысле личный интерес — это такой интерес, который противоположен общественному. В более широком смысле личный интерес есть всякий интерес личности. Интерес личности шире личного интереса, он может и совпадать с общественным интересом. В дальнейшем личный интерес мы будем понимать в широком смысле слова, как интерес личности.

Между общественным и личным интересом существует и тождество и противоположность. Интерес общества не может быть чем-либо иным, как интересом развития самих людей, составля-

---

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 134.

ющих общество. Он может осуществиться, лишь так или иначе олицетворяясь в личных интересах. Особенно полно он удовлетворяется или осуществляется лишь тогда, когда он становится интересом личностей. Например, освоение целинных земель представляло собой общественный интерес. Его можно было осуществить, лишь превратив его в интерес многих сотен и тысяч юношей и девушек. Общественный интерес в изменении производственных отношений также может осуществляться, лишь став интересом многих тысяч трудящихся, идущих на революционное свержение старого строя.

В то же время и личный интерес удовлетворяется полнее, успешнее тогда, когда он опирается на общественный интерес или когда он является олицетворенным общественным интересом. Например, если личный интерес заключается в повышении производительности труда в той или иной отрасли производства, то он обязательно осуществится, так как это есть и общественный интерес, и общество создает все условия для его осуществления.

Между общественным и личным интересом возможны противоречия. Например, расточительство при недостатке общественных средств в первобытнообщинном строе, хищение собственности при социализме — противоречие между общественным и личным интересом.

Из двух взаимодействующих сторон — общественного и личного интереса — ведущей стороной является общественный интерес, так как общество есть условие жизни и развития личности. И если личность желает создать условия для своего развития, то она должна заботиться о процветании общества. Кроме того, общество всегда представляет собой более серьезную силу, чем личность. Поэтому личный интерес в обществе в конечном счете подчиняется общественному.

В первобытном обществе формой подчинения личного интереса общественному явилось не только родовое управление, но и мораль, обычаи, общественное сознание в целом.

В классовом обществе появляется классовый интерес и усложняет отношение личного и общественного интереса. Общественный интерес выступает теперь как интерес господствующих прогрессивных классов. Вернее, господствующие классы до тех пор осуществляют общественный интерес, пока они являются прогрессивными классами. Но как только они теряют свою прогрессивность, их интерес становится узким классовым интересом.

Отношение между классовым и общественным интересом глубоко раскрыто Марксом и Энгельсом в ряде их работ. «...Всякий новый класс, который ставит себя на место класса, господствовавшего до него, — писали Маркс и Энгельс, — уже для достижения своей цели вынужден представить свой интерес как общий интерес всех членов общества...»[16]. И далее авторы показывают, что

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 47.

первоначально для этого имеются известные основания. «Происходит это оттого, что вначале его интерес действительно еще связан более или менее с общим интересом всех остальных, негосподствующих классов, не успев еще под давлением отношений, существовавших до тех пор, развиться в особый интерес особого класса. Поэтому многим индивидам из других классов, которые не могут достигнуть господства, победа этого класса также идет на пользу, но лишь постольку, поскольку она ставит этих индивидов в положение, позволяющее им подняться в ряды господствующего класса» [17].

Таким образом, именно интересы передовых прогрессивных классов можно рассматривать как интересы общественные, так как именно они отражают потребности объективного процесса общественного развития. Совпадение интересов прогрессивного класса с потребностями объективного развития является важным условием их осуществления. «Если восстанет класс, в котором сосредоточиваются революционные интересы общества, — писал Маркс, — то он находит непосредственно в своем собственном положении содержание и материал для своей революционной деятельности: он уничтожает врагов, принимает меры, диктуемые потребностями борьбы, а последствия его собственных действий толкают его дальше» [18].

Что же касается реакционных классов, то их интересы обособляются как сугубо отличные или даже противоположные общественным интересам. И, как правило, в столкновении классового и общественного интереса побеждает общественный интерес, т. е. интерес прогрессивных, передовых классов.

Только в социалистическом обществе интересы рабочего класса и трудового крестьянства являются в то же время интересами всего общества. Более того, интересы социалистических классов совпадают с интересами трудящихся классов всего мира. Борьба социалистических правительств за всеобщее разоружение, за окончательное уничтожение колониализма и т. п. есть выражение всеобщих интересов трудящихся, противостоящих кучке империалистов.

В антагонистическом обществе подчинение личного интереса общественному обнаруживается как подчинение интереса одного класса другому классу и средства этого подчинения уже другие: государство, право, армия, тюрьмы и пр.

При социализме общественная собственность на средства производства устраняет антагонизм между трудящейся личностью и обществом, свойственный прежним общественно-экономическим формациям. Личный интерес каждого труженика неотделим от общественного интереса. Удовлетворение общественного интереса ведет к удовлетворению личных интересов.

---

[17] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 47.
[18] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 16.

Принцип социализма «От каждого — по его способностям, каждому — по его труду» показывает, что общество выражает заботу о том, чтобы личность нашла все условия для развития и применения своих способностей. Правда, трудиться по способности — не только право личности, но и ее обязанность. Чем больше развиваются полезные способности людей, тем больше материальное и духовное благосостояние общества, тем выше его мощь.

В нашей стране созданы все условия для невиданного расцвета талантов во всех областях хозяйственной, политической и культурной деятельности. Нет личностей, совершенно лишенных каких бы то ни было способностей и талантов. Каждый нормальный человек имеет, может быть иногда и неизвестные ему, способности, которые могут при соответствующих условиях проявиться и расцвести. Чем более богата и разнообразна общественная жизнь людей, тем больше условий для проявления и расцвета разнообразных талантов, тем больше должно быть и самих талантов.

Условия для полного расцвета личности создаются, как писал Маркс, только подлинной коллективностью. Эта подлинная коллективность и есть прежде всего социалистическая коллективность. «Только в коллективе, — писали Маркс и Энгельс, — индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода. В существовавших до сих пор суррогатах коллективности — в государстве и т. д. — личная свобода существовала только для индивидов, развившихся в рамках господствующего класса, и лишь постольку, поскольку они были индивидами этого класса. Мнимая коллективность, в которую объединялись до сих пор индивиды, всегда противопоставляла себя им как нечто самостоятельное; а так как она была объединением одного класса против другого, то для подчиненного класса она представляла собой не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новые оковы. В условиях действительной коллективности индивиды обретают свободу в своей ассоциации и посредством ее» [19].

Высший интерес личности в том и состоит, чтобы полностью реализовать свои способности на пользу общества, на пользу коллектива трудящихся. Работать для науки и писать для народа составляло, по словам К. А. Тимирязева, цель всей его жизни. Продвинуть человечество хоть немного вперед, помочь создать ему горы богатства — было постоянной мечтой К. Э. Циолковского.

Личное счастье, расцвет способностей личности, удовлетворение ее высших стремлений при социализме не противоречит обществу, не идет вразрез с коллективом. Принцип социализма и коммунизма как раз и подчеркивает то, что антагонизма между личностью и обществом нет и не может быть.

Однако поскольку социализм и коммунизм ставят задачу всестороннего развития личности, общественный интерес не может

---

[19] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 75.

не преобладать над личным интересом. Социализм воспитывает совершенно новую личность, которая живет общественными интересами как своими собственными, личными интересами.

4. РАСЦВЕТ ЛИЧНОСТИ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Вопрос о всестороннем развитии личности интересовал многих социологов и философов и до Маркса. Однако научный подход к его разрешению был выработан только в марксизме. Намечая важнейшие черты того нового общественного строя, за который боролся рабочий класс, Маркс и Энгельс высказывали и научные предположения о всестороннем развитии личности при этом строе. Главное, ради чего велась борьба рабочего класса нашей страны, ради чего создается новое социалистическое и коммунистическое общество — это свобода человека, возможность развития всех его талантов и способностей. Коммунизм — это строй, который создается для блага человека, для его расцвета.

Первое и самое главное, без чего не может быть всестороннего развития личности — это свобода от всякой эксплуатации и угнетения, свобода от голода и нищеты. Поэтому борьба велась прежде всего за такой строй, который бы окончательно покончил с эксплуатацией человека человеком и нищетой огромных масс трудящихся. «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями, — писали Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», — приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [20].

Так как из двух взаимно проникающих противоположностей — общества и личности — ведущей, определяющей является общество, то из этого вытекает, что свобода общества есть условие свободы личности. Нельзя достигнуть всестороннего развития личности, не изменив соответствующим образом всего строя общественной жизни. По мере строительства социалистического и коммунистического общества постепенно складываются и условия для всестороннего развития личности.

Победа социалистической революции, создание социалистической собственности и уничтожение эксплуататорских классов означало исключительно важный шаг на пути всестороннего развития личности. Во-первых, было уничтожено экономическое разделение физического и умственного труда. Умственный труд перестал быть привилегией одного класса, а физический — обязанностью другого. Все члены социалистического общества получили возможность заниматься и умственным и физическим трудом. Во-вторых, были ликвидированы эксплуататорские, паразитические классы, и все люди социалистического общества стали трудящимися. А ведь

[20] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 447.

подлинное развитие только и возможно в труде. В-третьих, была полностью ликвидирована безработица. Каждому члену общества был гарантирован труд. И теперь уже в решающей степени зависело от него самого, чтобы найти себе труд соответственно способностям.

Дальнейшие пути по созданию условий всестороннего развития личности связаны с изменением технического разделения труда. Как представляли себе этот процесс классики марксизма-ленинизма? Маркс и Энгельс искали основу всестороннего развития личности при коммунизме прежде всего в изменении самого производства. Маркс показывает, что уже крупное капиталистическое производство достигает такого уровня развития, при котором уничтожается старое разделение труда и требуется постоянная перемена деятельности. «...Природа крупной промышленности, — писал Маркс, — обусловливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего... делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих... как вопрос жизни и смерти, ставит задачу... частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности»[21]. Необходимость перемены видов деятельности Маркс рассматривал как всеобщий закон развития производства.

Но если эта тенденция проявляется уже в крупном капиталистическом производстве, то в еще большей степени она должна проявиться в общественном коммунистическом производстве. «Общественное ведение производства, — писал Энгельс о будущем коммунистическом производстве, — не может осуществляться такими людьми, какими они являются сейчас, — людьми, из которых каждый подчинен одной какой-нибудь отрасли производства, прикован к ней, эксплуатируется ею, развивает только *одну* сторону своих способностей за счет всех других и знает только *одну* отрасль или часть какой-нибудь отрасли всего производства. Уже нынешняя промышленность все меньше оказывается в состоянии применять таких людей. Промышленность же, которая ведется сообща и планомерно всем обществом, тем более предполагает людей со всесторонне развитыми способностями, людей, способных ориентироваться во всей системе производства. Следовательно, разделение труда, подорванное уже в настоящее время машиной, превращающее одного в крестьянина, другого в сапожника, третьего в фабричного рабочего, четвертого в биржевого спекулянта, исчезнет совершенно. Воспитание даст молодым людям возможность быстро осваивать на практике всю систему производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой, в зависимости от потребностей общества или от их соб-

[21] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 498—499.

ственных склонностей. Воспитание освободит их, следовательно, от той односторонности, которую современное разделение труда навязывает каждому отдельному человеку. Таким образом, общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам всесторонне применять свои всесторонне развитые способности»[22].

Ленин, развивая эти мысли, также утверждал, что будущее общество придет «к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию, обучению и подготовке *всесторонне развитых и всесторонне* подготовленных людей, людей, которые *умеют все делать*. К этому коммунизм идет, должен идти и *придет*, но только через долгий ряд лет»[23].

Таким образом, речь идет прежде всего о таком изменении разделения труда, которое позволит человеку со всесторонней подготовкой переходить от одного вида труда к другому, если это будет нужно. В настоящее время при социализме еще сохранилось порабощающее влияние разделения труда. И пока человек порабощен разделением труда, нельзя говорить о полной свободе личности.

Путь к всестороннему развитию способностей личности длительный и сложный. Он лежит через политехнизацию. Последняя означает, что личности дается такая подготовка, знание основ производства, которая позволит ей без большой затраты времени на переподготовку переходить от одного вида труда к другому.

Каким же образом можно осуществить такого рода политехнизацию? Каковы ее материальные предпосылки? Для осуществления политехнизации требуется, чтобы в самом производстве с его разнообразными видами, была единая основа. В настоящее время пока такой единой основы нет. Объясняется это не столько различием видов труда, определяемых характером предмета труда, сколько различным уровнем самого производства. Еще в очень большой степени, в особенности в сельском хозяйстве, применяется простой ручной труд. Однако уже теперь можно соединить обучение с производством. Поэтому первый этап на пути совершенствования политехнизации — это соединение обучения с производством.

Основой связи обучения с производством является все большая и большая связь науки с производством. Иначе выражаясь, все большее развитие производства требует и большего применения к нему научных знаний.

При социализме развитие специализации имеет свои особенности, вытекающие из ее подчинения основному экономическому закону развития социалистического общества. Результатом развития специализации при социализме является прежде всего постоянное превращение многих из тех операций, которые осуществля-

[22] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 335—336.
[23] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 33.

ются рабочими, в автоматические процессы, осуществляемые механизмами. Для рабочего возникает возможность и необходимость знать не только особенности той или иной операции, но и производства в целом.

Каждая отрасль труда развивается по мере того, как в нее внедряются наиболее совершенные механизмы, применяемые в других, более развитых отраслях. В результате происходит все большая и большая унификация двигателей управления и рабочих механизмов в самых различных видах труда. Именно унификация, которая может быть достигнута лишь через разумное развитие специальных отраслей производства, постепенно ведет к созданию необходимых условий для политехнизации, призванной рано или поздно заменить специализацию и устранить порабощающее влияние разделения труда.

Нетрудно предвидеть, что со временем, хотя производство станет более сложным и разнообразным, в его различных отраслях будет гораздо более общих, в известном отношении одинаковых процессов и механизмов, чем в настоящее время. И именно это тождественное, единое в производстве будет основой всестороннего развития человека, основой для получения людьми таких знаний и навыков труда, которые при незначительной потере времени позволят, если это понадобится, переходить от одного вида труда к другому.

Политехнизация в производстве — это решающий шаг к всестороннему развитию личности. В период осуществления политехнизации будет устранен тяжелый, изнурительный труд, как физический, так и умственный.

Кроме политехнизации в производстве для всестороннего развития личности при коммунизме требуется осуществления чего-то аналогичного и во всех остальных видах человеческой деятельности — в области науки, искусства, философии и т. д.

Всестороннее развитие личности означает, что учитываются не только способности, склонности, желания личности, но и требования общества. Поэтому независимо от индивидуальных склонностей ставится задача развития у каждой личности ее физических данных, научного мировоззрения, моральных качеств, эстетических чувств, потребностей, навыков и т. д. Практическая, физическая, мировоззренческая, нравственная, эстетическая подготовка определяется уровнем и требованием общественного развития.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава четырнадцатая. Искусство

Глава пятнадцатая. Наука

Глава шестнадцатая. Личность — продукт общественного развития

Опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
15	7 сверху	Броnштейн	Бернштейн
	12 сверху	Бронштейн	Бернштейн
135	2 снизу (сноска)	bor	for

Фурман Алексей Евгеньевич
ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ
(курс лекций)

Тематический план 1970 г. № 18
Редактор *Н. И. Удовенко* Технический редактор *Г. И. Георгиева*
Корректоры *Н. П. Стерина, Л. С. Клочкова, И. С. Хлыстова, Л. А. Костылева*

Сдано в набор 9/IV 1970 г. Подписано к печати 19/VI 1970 г.
Л-86125 Формат $60\times90^1/_{16}$ Бумага тип. № 3 Физ. печ. л. 23,25
Уч.-изд. л. 25,77 Изд. № 1025 Зак. 607 Тираж 72 000 экз. Цена 1 р. 05 к.

Издательство Московского университета
Москва, К-9, ул. Герцена, 5.
Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы

чева
ва

70 г.
23,25
05 к.

Цена 1 р. 10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА